♦ ♦ ♦ ♦ "H A Y K A" **♦ ♦ ♦**

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика

Агрохимия

Азия и Африка сегодня

Акустический журнал* Алгебра и анализ

Астрономический вестник*

Астрономический журнал*

Биологические мембраны Биология внутренних вол'

Биология моря

Биоорганическая химия

Биофизика*

Биохимия Ботанический журнал

Вестник РАН*

Вестник древней истории

Вестник ЮНЦ Водные ресурсы

Вопросы истории естествознания и техники

Вопросы ихтиологии* Вопросы философии

Вопросы языкознания

Вулканология и сейсмология*

Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)* Генетика*

Геология рудных месторождений* Геомагнетизм и аэрономия

Геоморфология

Геотектоника

Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология

геокриология Государство и право

Дефектоскопия*

Дискретная математика

Дифференциальные уравнения Доклады Академии наук*

Журнал аналитической химии

Журнал высшей нервной деятельности имени

И.П. Павлова

Журнал вычислительной математики и математической

Журнал неорганической химии* Журнал общей биологии Журнал общей химии*

Журнал органической химии

Журнал прикладной химии*

Журнал технической физики*

Журнал физической химии*

Журнал эволюционной биохимии и физиологии* Журнал экспериментальной и теоретической физики*

Записки Российского минералогического общества Земля и Вселенная

Зоологический журнал

Известия РАН. Механика жидкости и газа* Известия РАН. Механика твердого тела*

Известия РАН. Серия биологическая*

Известия РАН. Серия географическая Известия РАН. Серия литературы и языка

Известия РАН. Серия математическая

Известия РАН. Серия физическая* Известия РАН. Теория и системы управления*

Известия РАН. Физика атмосферы и океана*

Известия РАН. Энергетика

Известия русского географического общества

Исследование Земли из космоса

Кинетика и катализ* Коллоидный журнал'

Координационная химия Космические исследования*

Кристаллография3 Латинская Америка

Лесоведение Литология и полезные ископаемые*

Математические заметки*

Математический сборник

Математическое моделирование

Микология и фитопатология

Микроэлектроника*

Мировая экономика и международные отношения

Молекулярная биология* Наука в России

Научное приборостроение

Нейрохимия*

Неорганические материалы*

Нефтехимия* Новая и новейшая история

Общественные науки и современность Общество и экономика

Онтогенез*

Оптика и спектроскопия* Палеонтологический журнал*

Паразитология

Письма в Астрономический журнал*

Письма в Журнал технической физики*

Письма в Журнал экспериментальной и теоретической

физики3 Поверхность*

Почвоведение* Приборы и техника эксперимента*

Прикладная биохимия и микробиология* Прикладная математика и механика

Проблемы Дальнего Востока

Проблемы машиностроения и надежности машин*

Проблемы передачи информации

Программирование

Психологический журнал Радиационная биология. Радиоэкология

Радиотехника и электроника Радиохимия

Растительные ресурсы Российская археология

Российская история

Российский иммунологический журнал Российский физиологический журнал имени

И.М. Сеченова Русская литература

Русская речь Сенсорные системы

Славяноведение Социологические исследования

Стратиграфия. Геологическая корреляция* США. Канада. Экономика - политика - культура

Теоретическая и математическая физика Теоретические основы химической технологии*

Теория вероятностей и ее применени

Теплофизика высоких температур* Труды Математического института имени В.А. Стеклова*

Успехи математических наук Успехи современной биологии Успехи физиологических наук

Физика Земли* Физика и техника полупроводников'

Физика и химия стекла Физика металлов и металловедение

Физика плазмы Физика твердого тела*

Физикохимия поверхности и защита материалов*

Физиология растений*

Физиология человека* Функциональный анализ и его применение

Химическая физика* Химия высоких энергий* Химия твердого топлива*

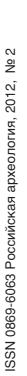
Цитология Человек

Экология Экономика и математические методы

Электрохимия*

Энергия, экономика, техника, экология Этнографическое обозрение

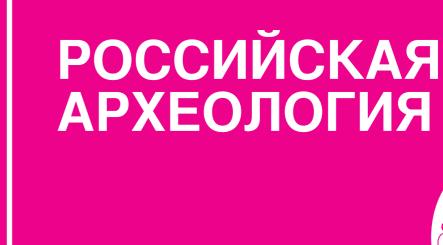
Энтомологическое обозрение* Ядерная физика

ССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ • № 2 •

ISSN 0869-6063

Апрель-Май-Июнь

http://www.naukaran.ru

Номер 2

"НАУКА"

^{*} Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ№ 2 2012

Журнал основан в январе 1957 г. Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель), акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий, д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова, чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь), чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19 Телефон 124-34-42 E-mail: rosarkh@newmail.ru

> Москва Издательство "Наука"

 Ψ

[©] Российская академия наук, 2012 г.

[©] Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2012

Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля	
Амирханов Х.А.	5
Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале	1.5
Котов В.Г. Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярымтепе I	15
Петрова Н.Ю.	26
Склеп IV в. н.э. из некрополя у с. Курское в Крыму Труфанов А.А.	34
Поясной набор с позолотой из Крюковско-Кужновского могильника средневековой мордвы	34
Зеленцова О.В., Митоян Р.А., Сапрыкина И.А.	42
Конференция молодых ученых "Новые материалы и методы археологического исследования" в Институте археологии РАН, 15–17 марта 2011 г.	
Планиграфическое исследование костяной индустрии верхнепалеолитической стоянки Сунгирь Солдатова Т.Е.	52
Планиграфический анализ кремневого инвентаря верхнего культурного слоя стоянки Каменная Балка II	02
Медведев С.П.	60
Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород Загородняя О.Н., Степанова К.Н.	67
Клинковое оружие ранних кочевников VI–I вв. до н.э. из могильников у с. Покровка (Левобережье Илека) Куринских О.И.	72
Рельефные украшения деревянных саркофагов Фанагории Ворошилова О.М.	81
Опыт консервации и реставрации подводных находок из Фанагории Акимов В.О., Ольховский С.В.	90
Историческая география древних майя: традиционный подход и ГИС-метод Сафронов А.В.	97
Письма как источник изучения истории археологии в Приуралье <i>Ванюшева К.В.</i>	108
Путотуголич	
Дискуссии Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры	
Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры $A\phi$ анасьев Γ .	113
Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника	
Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г., Белавин А.М.	127
Публикации	
Раннесредневековое погребение у с. Разиньково Курской области	
Мастыкова А.В.	134
"Шлезвигский муж" – "домовой" из Новгорода?	
Радтке Х.	142
Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском Медынцева А.А.	149

История науки

К 100-летию со дня смерти Д.Я. Самоквасова	
Γ олотвин $A.H.$	156
Заметки	
Новые находки из могильника Яйджи	
Кулиева З.К.	164
Гурддаг – новое поселение крепостного типа	
Бахшалиев В.Б., Багиров Р.Б.	165
Опорные камни престолов и запрестольных крестов в храмах Москвы XVI-XVIII вв.	
Беляев Л.А., Тихова О.А.	168
Критика и библиография	
Г.А. Хлопачев. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006	
Жилин M . Γ .	173
Скворцов К.Н. Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская обл.) по результатам исследований $2008 \mathrm{r.} \mathrm{M.}, 2010$	
Казанский М.М.	174
Ch. Herrmann. Mittelalterliche architektur im Preussenland. Untersuchungen zur frage der kunstlandschaft und -geographie. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2007	
Антипов И.В.	178
Хроника	
Круглый стол "Археология и большой нарратив русской истории: проблемы борьбы с фальсификацией прошлого"	
Беляев Л.А.	181
Межгосударственный проект "Летние молодежные школы археологов, реставраторов СНГ"	
Родинкова В.Е., Милованов С.И., Александрова О.И.	183
Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация	
Валиулина С.И., Кузина И.Н., Лихтер Ю.А., Столярова Е.К.	187
Список сокращений	191

Сдано в набор 25.12.2011 г.

Подписано в печать 20.03.2012 г.

Формат $60 \times 88^{1}/_{8}$

Цифровая печать

Усл.печ.л. 24.0

Усл.кр.-отт. 13.1 тыс.

Уч.-изд.л. 25.6

Бум.л. 12.0

Тираж 533 экз. Зак. 71

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука", 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90 Оригинал-макет подготовлен АИЦ "Наука" РАН Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number 2, 2012

Picks in Oldowan and early Acheulean tool assemblages
Amirkhanov Kh.A. 5
Paleolithic sanctuary in Zapovednaya cave in the South Urals
Kotov V.G.
A technological study of the pottery from the Hassuna settlement of Yarim Tepe I
Petrova N.Yu.
A 4 th -century AD crypt from the necropolis near Kurskoye village in the Crimea
Trufanov A.A.
Gilt belt set from Kruykovsko-Kuzhnovsky cemetery of the medieval Mordva Zelentsova O.V., Mitoyan R.A., Saprykina I.A. 42
Zelentsova O.V., Mitoyan R.A., Saprykina I.A. 42
"New Materials and Methods of Archaeological Research". Conference of young scientists. RAS Institute of Archaeology, March 15–17, 2011
A planigraphic study of the bone industry at Sungir Upper Paleolithic site
Soldatova T.E. 52
A planigraphic study of the flint inventory from the upper occupation layer at Kamennaya Balka II
Medvedev S.P. 60
The use of microtraceology in analyzing tools of granular and crystalline rock
Zagorodnyaya O.N., Stepanova K.N.
Early nomad blade weapons from the 6 th – 1 st cc. BC in the cemeteries near Pokrovka (Left Bank of the Ilek) **Kurinskikh O.I.** 72
Relief ornaments on wooden sarcophagi from Phanagoreia
Voroshilova O.M. 81
Conservation and restoration of underwater finds from Phanagoreia
Akimov V.O., Olkhovsky S.V.
Historical geography of the ancient Maya: traditional approach and GIS methods
Safronov A.V. 97
Letters as a source in researching the history of archaeology in the Urals region 108
runuysneva K.v.
Discussion
Controversial issues in the methods of interpreting the damaged skeletons from Saltovo-Mayatskoye burials
Afanasyev G.E.
Burial 7 from Plotnikovsky late medieval cemetery
Krylasova N.B., Bruykhova N.G., Belavin A.M.
Publications
Early medieval burial near Razinkovo village in Kursk Oblast
Mastykova A.V.
'The Schleswig man" – a "domovoi" from Novgorod?
Radtke C. 142
Craftsman's name on the façade of St. George cathedral in Yuryev-Polsky
Medyntseva A.A.

History of Science

Commemorating the centennial of D.Ya. Samokvasov's death	
Golotvin A.N.	156
Notes	
New finds from Yaiji cemetery	
Kulieva Z.K.	164
Gurd Dag: a new fortress-type settlement	
Bakhshaliev V.B., Bagirov R.B.	165
Stone bases of holy tables and processional crosses from 16 th – 18 th cc. Moscow churches	
Beliaev L.A., Tikhova O.A.	168
Critics and Bibliography	
G.A. Khlopachev. Upper Paleolithic tusk industries in Eastern Europe. St. Petersburg, 2006	
Zhilin M.G.	173
K.N. Skvortsov. The $5^{th}-14^{th}$ cc. Mitino cemetery in the Kaliningrad Oblast: results of the 2008 investigations. M., 2010	
Kazansky M.M.	174
Ch. Herrmann. Mittelalterliche architektur im Preussenland. Untersuchungen zur frage der kunstlandschaft und -geographie. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2007	
Antipov I.V.	178
Chronicle	
Round table "Archaeology and the greater narrative of Russian history: counteracting the falsification of the past"	
Beliaev L.A.	181
Interstate project "Summer schools for CIS archaeologists and restorers"	
Rodinkova V.E., Milovanov S.I., Aleksandrova O.I.	183
East European glass in antiquity, the middle ages and the modern era: research and restoration	
Valiulina S.I., Kuzina I.N., Likhter Yu.A., Stolyarova E.K.	187
List of abbreviations	191

КАТЕГОРИЯ ПИКА В ТЕХНОКОМПЛЕКСАХ ОЛДОВАНА И РАННЕГО АШЕЛЯ

© 2012 г. Х.А. Амирханов

Институт археологии РАН, Москва (amirkhanov@rambler.ru)

Ключевые слова: олдован, ранний ашель, индустрия, типология, технокомплекс, категория пика.

Analysis of assemblages from representative early Acheulean and Oldowan sites in Africa, the Near East and Southern Europe allows concluding that picks as a type of stone tool are common to Oldowan tool assemblages. The article considers the territorial distribution of this type of tool and its evolution from the Oldowan to the Acheulean.

С открытием на юге России – в Дагестане, Ставропольском крае, Приазовье – неизвестных здесь ранее и чрезвычайно редких для Евразии памятников древнейшей археологической эпохи – олдована, актуальными стали методические вопросы анализа поступающего материала. Главной здесь, конечно, можно назвать проблему типологии и номенклатуры. Состояние в этой сфере сейчас характеризуется неопределенностью и разноголосицей. Это относится, в частности, и к использованию самых, казалось бы, обычных понятий археологии древнекаменного века.

Если говорить о наиболее раннем отрезке археологической периодизации, то в советской и российской специальной литературе вместо понятия "олдован", нормы для исследователей этой эпохи, часто используют слово "олдувай" (вариации: "олдувей", "олдовай"). Именно в таком виде отразилось название данной эпохи в российских учебных пособиях для студентов высших учебных заведений. Между тем, это очевидная ошибка в использовании термина и касается она не только формальной, но и смысловой сторон.

Во-первых, некорректное использование данного термина нарушает правило приоритета. Понятие "олдован" возникло много десятилетий назад, и по крайней мере с выхода в свет монографии М. Лики, посвященной памятникам ущелья Олдувай (Leakey, 1971), оно стало общепринятым научным термином.

Во-вторых, использование частью археологовсоотечественников данного понятия в привычной для них искаженной форме создает путаницу. Оно не предполагает необходимости различения понятий "технокомплекс олдована", несущего нагрузку дефиниции эпохи, и "индустрия олдувая", которое имеет отношение к археологической характеристике группы памятников ущелья Олдувай.

Вольное отношение к норме в использовании даже столь общих терминов делает понятным существование несообразностей и в вопросах конкретных типологических разработок. Еще и в наши дни приходится сталкиваться с типологическими анахронизмами: признание гальки в качестве единственно возможной исходной заготовки для чоппера; разбивка большой и очень разнородной категории чопперов лишь на две группы – "чопперы" и "чоппинги". В описаниях материалов конкретных памятников осуществляются иногда сомнительные нововведения в виде представления "своими словами" морфологических особенностей тех или иных групп изделий вместо использования давно укоренившихся типологических обозначений. Не лучше и то, когда описания ограничиваются размытыми обозначениями, которые кроме всего прочего не отвечают своему главному назначению - предоставлять возможность для выявления сходств и различий между памятниками с использованием четких типологических критериев.

Данная работа посвящена определению одной из главных для инвентаря памятников олдована категории каменных изделий, вошедшей в литературу как "пик", и рассмотрению вопроса о хронологической и пространственной представленности этой категории в памятниках раннего палеолита.

Термин типологического словаря каменного инвентаря "пик" возник в начале 60-х годов XX в. в связи с разработкой классификационных схем палеолита Африки (Kleindienst, 1962). Он использовался почти всеми исследователями древнейших индустрий палеолита. В ходе изучения конкретных коллекций и создания региональных тип-листов

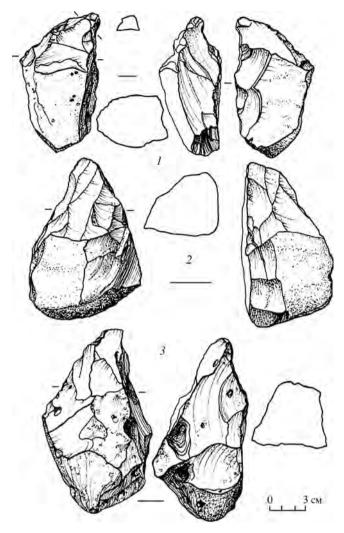

Рис. 1. Образцы пиков из раннеашельской стоянки Убейдия (по: Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993). I — пик без устоявшейся формы поперечного сечения; 2 — пик трехгранный; 3 — пик подчетырехугольного поперечного сечения.

уточнялись и дефиниции понятия (обзор см.: Любин, Беляева, 2004. С. 25–27).

В систематическом описании материалов олдована понятие "пик" использовалось М. Лики при анализе коллекций ущелья Олдувай. Здесь были выделены две разновидности пиков: picks oblongs и picks heavy-duty (Leakey, 1971).

В российской археологии специальное теоретико-типологическое и практическое изучение категории пика осуществлено В.П. Любиным вместе с его учениками и соавторами (Любин, Геде, 2000; Любин, Беляева, 2004). Особенно ценно в этой связи, что В.П. Любин имел возможность изучать непосредственно африканские коллекции, включая и добытые его собственными раскопками. В работах исследователя дан хронологический и территориальный обзоры распространения пика в раннем

палеолите мира, сделан всесторонний анализ типологического содержания понятия "пик", а также представлен авторский подход к классификации рассматриваемой группы каменного инвентаря. В последней части наиболее существенно, что на основе изучавшихся им материалов культурной общности санго и предлагаемых им подходов к классификации В.П. Любиным выделены в категории пика новые формы изделий. Для последних предложены и соответствующие наименования (грушевидные, грушевидные двоякоуплощенные, с куполообразным сечением, квадриэдры-триэдры) (Любин, Геде, 2000. С. 32–34).

Один из основных выводов, который следовал из анализа пиков, осуществленного В.П. Любиным, было признание того, что эта категория находок "может играть роль пространственно-хронологических и культурных маркеров" (Любин, Беляева, 2004. С. 27). Правда, было и одно спорное заключение о том, что пик — "безусловно ашельское" макроорудие (Любин, Беляева, 2004. С. 27). В контексте анализа материала оно было и противоречивым, поскольку, говоря о памятниках олдувайского ущелья, В.П. Любин сам указал (одним из первых) на характерность пика для хронологического горизонта собственно олдована. Распространенным же является, как известно, признание органичности пика для стадии развитого олдована.

Мы не будем в данной работе повторять изложение подробной истории возникновения и развития категории пика и типологического понятия "пик". Сосредоточимся на вопросе о том, для индустриального комплекса какой из эпох палеолита типична эта категория изделий? Другими словами, какой из эпох принадлежит пик как органичный элемент его индустрии – ашелю или олдовану? И является ли он необходимым атрибутом инвентаря только одной определенной эпохи, какой бы она ни была?

Памятник, содержащий наиболее выразительные и многочисленные серии древнеашельских пиков и с морфологической точки зрения, и с точки зрения количественной представительности, — многослойная стоянка Убейдия (рис. 1). Применительно к названному памятнику для классификации рассматриваемых изделий за основу взята схема М. Лики. Пики рассматриваются здесь в группе "нуклеусы и крупные рубящие орудия" в качестве единого типа или подтипа бифасов. Таким образом, пик выступает в том же статусе типологической иерархии, что и рубило (Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993).

Авторы исследования ввели в анализ рассматриваемой категории вещей и свои модификации. Если говорить только о пиках, то "удлиненный пик" (oblong pick по М. Лики) назван здесь про-

сто "пик", а "массивный пик" (heavy-duty pick по М. Лики) — "четырехгранным пиком" (Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993. Р. 144). Обычен для Убейдии удлиненный пик с трехгранным сечением (рис. 1, 2). Такие изделия доминируют среди бифасов (в составе которых данные орудия рассматриваются исследователями памятника) в инвентаре большинства слоев памятника. В общей группе, в которую они входят (состоящей из восьми бифасиальных форм), доля трехгранных пиков составляет от 30 (слой K-30 V.B.) до 68.75% (слой I-26 b-2) (Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993. Р. 147).

Другой регион, где с типологической точки в раннем ашеле пики предстают с максимальной выразительностью, — западная оконечность Северной Африки. Так, в слое L стоянки Карьер Тома 1 (Марокко, район Касабланки), датируемом в диапазоне 1-1.4 млн л.н., наряду с разнообразными бифасами присутствуют как типичные пики ("триэдры"), так и морфологические вариации данной категории (Raynal et al., 2009. Fig. 9, 11). Если говорить о разнообразии форм, о которых идет речь, то здесь почти полностью повторяется картина, известная по стоянке Убейдия.

Раннеашельские памятники Старого Света вне территории Ближнего Востока гораздо моложе стоянки Убейдия. Пики с более или менее устоявшимися формами, типичными для олдована, включая развитый олдован, здесь не обнаруживаются (в отличие от памятников ашеля Африки и памятников культуры санго). В богатой находками стоянке Изерниа Ла Пинета лишь эпизодически встречаются предметы (рис. 2, 2), которые можно было бы сблизить с пиками с нерегулярным поперечным сечением (Le Industrie Litiche..., 1994. Fig. 8, 64). То же самое можно сказать в отношении некоторых кавказских памятников (рис. 2, 1) (Деревянко и др., 2006. С. 49. Рис. 2, 10; Амирханов, 2007а. С. 29. Рис. 4, 3).

В количественном отношении доля пиков в памятниках раннего ашеля также более чем скромная. В Изернии, например, эти изделия единичны. Они составляют всего 1.41% от всех предметов на обработанных гальках и обломках (Le Industrie Litiche..., 1994. Р. 257).

При единичности пиков в инвентаре Изернии имеется 5.63% предметов типа ростро карене. Изделия этого рода характерны для раннего ашеля Кавказа и Южной Европы. Помимо Изернии они известны, например, в таких памятниках, как слой раннего ашеля пещеры Азых (рис. 3, 3) (Любин, Беляева, 2004. С. 258. Рис. 139, 7), пещера Треугольная на Северном Кавказе (рис. 3, 2) (Дороничев и др., 2007. С. 156, 157. Рис.75, *а*, *б*) и местонахождение

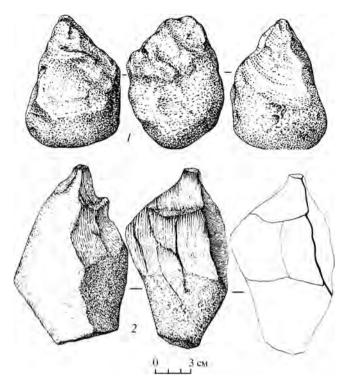

Рис. 2. Образцы пиков из коллекций раннеашельских памятников. 1 — стоянка Дарвагчай 1 (по: Деревянко и др., 2006); 2 — стоянка Изерниа Ла Пинета (по: I Primi abitanti..., 1984).

Айникаб III в Дагестане (рис. 3, 1). Эти предметы иногда трудно типологически дифференцировать от изделий, называемых "плоскими пиками". Относимые к "плоским пикам" орудия, например из Терра Аматы на юге Франции (I Primi abitanti..., 1984. Р. 62), при иных подходах к анализу, или "типологических предпочтениях", могут быть определены как ростро карене, унифас или протрубило.

Случаи указанных "номинативных расхождений" неединичны. К примеру, предмет, определяемый одними исследователями как "ростро карене" (Любин, Беляева, 2004. С. 258. Рис. 139, 7), другой автор называет "унифас удлиненно-сердцевидной формы" (Дороничев и др., 2007. С. 226. Рис. 110, 1). В пещерной стоянке Галерея в местности Сьерра Атапуерка на севере Испании в слое ТС 7, датируемом 450-250 тыс. л.н., имеется разновидность орудия, очень близкого к "плоским пикам" итальянских и южнофранцузских памятников. Здесь исследователи стоянки изделие этой формы называют "бифасиальный пик" (Carbonell et al., 2001. Р. 269. Fig. 8), хотя изделие ближе к копьевидным рубилам, так как имеет симметричную двояковыпуклую в сечении форму и края, выровненные довольно тщательной обработкой. Эти примеры иллюстрируют то, что уже в раннем ашеле Кавказа и Европы пик как категория с устойчивой формой постепенно

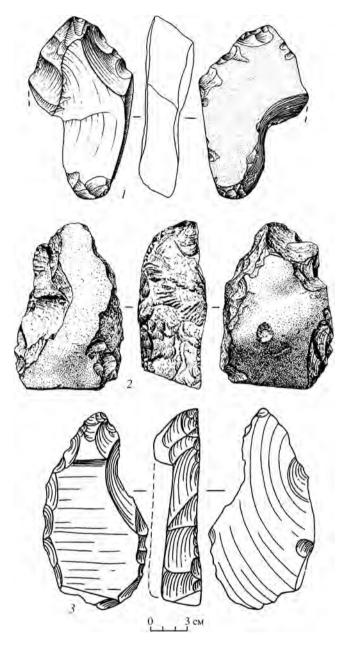

Рис. 3. Орудия типа плоских пиков из коллекций раннеашельских памятников Кавказа. I — Айникаб IV; 2 — пещера Треугольная (по: Дороничев и др., 2007); 3 — пещера Азых, сл. 6 (по: Любин, Беляева, 2006).

изживает себя. Отчасти это отражает размытость дефиниции данной разновидности инвентаря для материалов ашельских памятников.

Таким образом, категория пиков как своеобразный типологический таксон имеет пространственно-хронологическую и культурную значимость. Показатель этого — факт исчезновения пика в конце среднего ашеля (Любин, Беляева, 2004. С. 27). Если говорить о культурной "нагрузке" данной формы изделий, то яркое ее проявление можно заметить в

существовании пика на территории Африки южнее Сахары в различных модификациях до 100 тыс. л.н. и даже позже (культура санго), когда на других территориях она давно уже исчезла. Территориальные различия в продолжительности бытования пика свойственны не одной только этой категории. Подобные особенности присущи и многим другим типам изделий. Данное обстоятельство не препятствует определению основных стадиально-хронологических рамок той или иной категории находок. Не возникает этих трудностей и в случае с пиками.

Нет необходимости доказывать, что вопрос о стадиальном статусе категории пика как составляющей каменного инвентаря принципиально важен для типологии раннего палеолита. Становление и развитие типов в рамках всего палеолита в целом идет кумулятивным путем. Возникнув однажды, тот или иной тип продолжает свое существование, пусть уже на менее значимых ролях в одной или нескольких последующих стадиях каменного века. Это не мешает по крайней мере части данных типов считаться типологическими маркерами стадиального характера. Понятно, что, как и изделия множества других категорий, пик не может быть включен в репертуар индустрии только одной-единственной эпохи палеолита. Но как типологически значимая форма орудий он, тем не менее, служит диагностичным элементом для индустриального комплекса конкретной эпохи. В этом смысле пик не просто зарождается в олдоване – он характерен для него в большей степени, чем для ашеля.

То большое значение, которое занимает рассматриваемая форма изделия в древнеашельском памятнике Убейдия, никак не противоречит отмеченному выше. Во-первых, все другие известные раннеашельские памятники гораздо моложе Убейдии (за исключением африканских) и, вероятно, поэтому не идут с ним в сравнение по значимости пиков в их инвентаре. Это справедливо и со стороны морфологической выразительности предметов, и с точки зрения их количественной представительности. Во-вторых, при формальном подходе по крайней мере некоторые из слоев Убейдии можно было бы смело определить как относящиеся к развитому олдовану, тем более что датировка Убейдии это позволяет. Возникает вопрос, не является ли именно древняя датировка памятника, совпадающая со временем бытования развитого олдована, объяснением многочисленности и разнообразия пиков в данной индустрии?

Намного раньше, чем во многих других памятниках, пики были выделены в инвентаре стоянок олдувайского ущелья (рис. 4). М. Лики диагностирует наличие изделий рассматриваемых форм в

развитом олдоване. Например, в инвентаре стоянки ВК, связанном с верхами пачки 2 стратиграфии Олдувая. Здесь пики дифференцированы и представлены двумя уже названными выше разновидностями: пики удлиненные (pick oblong) и массивные пики (pick heavy-duty). Изделия первой группы определяются как "преимущественно треугольной (в плане) формы с более или менее плоской нижней поверхностью, с которой в направлении спинки осуществлена крутая обивка. Поперечное сечение в основном трехгранное, но оно может быть четырехугольным или неустойчивых очертаний. Во втором случае сколы краевой обработки не образуют грань вдоль центральной длинной оси изделия на верхней стороне" (Leakey, 1971. Р. 5).

Массивный пик (pick heavy-duty) определяется как "орудие с утолщенной, распространенной пяткой и с обработкой, нацеленной исключительно на оформление относительно узкого, заостренного конца" (Leakey, 1971. P. 5).

В развитом олдоване М. Лики выделяет обе указанные разновидности пиков, а в собственно олдоване - как будто бы только массивные пики. Однако, судя по описаниям, пики являются естественной частью индустрии, залегающей в верхах пачки 1, т.е. в хроностратиграфическом горизонте олдована. Примером этому могут служить материалы стоянки FLK North. Здесь обращают на себя внимание крупные предметы с заостренным концом и массивной необработанной пяткой, у которых одна из плоскостей целенаправленно уплощена крупными сколами (Leakey, 1971. P. 79. Fig. 49, 1, 2). Эти и другие подобные им изделия из других одновозрастных памятников Олдувайского ущелья М. Лики называет протобифасами. Как кажется, здесь есть некоторая натяжка. Не зря сама М. Лики применительно к орудиям, о которых идет речь, название "протобифасы" заключает в кавычки. Таким образом, в памятниках олдувайского ущелья пики встречаются с уровня классического олдована. Если, основываясь на материалах этого района, говорить о типологическом развитии рассматриваемой категории, то можно констатировать появление в развитом олдоване удлиненных и относительно узких форм пиков. Эта форма составляет морфологический эталон категории, который можно рассматривать в качестве типа. Возникновение же в общем виде самой формы пика-триэдра относится ко времени олдована.

В археологических материалах самых древних горизонтов пачки 1 Олдувая пики, как будто бы, не найдены. Остается открытым вопрос о том, связано ли это с недостаточностью наших знаний об индустрии данного стратиграфического уровня или это

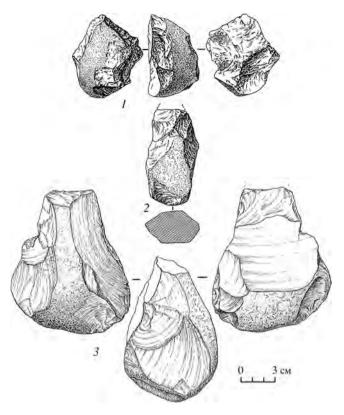

Рис. 4. Пики из коллекций памятников олдована Африки. 1, 2 — Олдувай (FLK) (по: Leakey, 1971); 3 — местонахождение Хажря (о. Сокотра). 1, 3 — пики категории трехгранного поперечного сечения; 2 — пик четырехгранного поперечного сечения.

указывает на нижние хронологические пределы бытования данной категории вещей. С точки зрения сторонников идеи выделения в эпохе олдована особой стадии "преолдована", второе предположение более вероятно. Действительно, мы не знаем выделенных четко изделий типа пика в составе инвентаря памятников, которые датируются временем ранее 1.8 млн л.н.

Следует, однако, принимать во внимание, что пики, точно так же, как и другие крупные орудия, и не могут быть обнаружены на памятниках так называемого индустриального комплекса Омо, относимого к "преолдовану", поскольку практически вся индустрия там основывается почти исключительно на мелких кварцитовых гальках (Merrick, 1976).

Имеются трудности и другого рода. Если опираться на материалы памятников с исходным сырьем, представленным обломками или гальками обычных размеров, то сложность возникает из-за существующих у исследователей различий в общей типологической номенклатуре. Так, у многих сторонников идеи "преолдована" отмечается тенденция к большей схематизации анализа и замене наименований типологического списка галечных

изделий по М. Лики на наименования вроде "оббитая галька" или "нуклеусы" в различных модификациях. Если же подходить с точки зрения традиционной и отнюдь не устаревшей типологической схемы олдована, то изделия, попадающие под определение пика, можно обнаружить и в инвентаре некоторых памятников, относимых ко времени древнее 2 млн л.н. Это относится, например, к коллекции хадарской стоянки Гона 10 на севере Эфиопии с датировкой около 2.55 млн л.н. (de Lumley et al., 2009). В целом, материалы памятников указанного времени, например в районе Гона на севере Эфиопии, по основным составляющим инвентаря вполне сопоставимы с индустрией типичного олдована Олдувайского ущелья (Semaw, 2000).

На стоянках, которые приурочены к верхам пачки 2 Олдувая, помимо удлиненных пиков (picks oblongs) достаточно часто представлена и вторая из указанных выше разновидностей изделий — пики массивные (picks heavy-duty). Археологически индустрия с изделиями описываемого рода относится к "развитому олдовану Б" и датируется временем около 1.5 млн л.н. Характерной для этого культурного горизонта считается индустрия стоянки ВК Олдувая. Помимо типичных для этой стадии культуры Восточной Африки чопперов и пиков двух разновидностей, а также сфероидов, дискоидов, скребел, скребков и т.д. здесь обычны предметы, в которых уже реализовалась идея рубила как провозвестника новой эпохи — ашеля.

Изделия, отвечающие требованиям эталона пиков трехгранного сечения, характерны для индустрии олдована о. Сокотра (Амирханов и др., 2009а). Признаки, характеризующие форму, пропорции и технику обработки описываемых предметов, имеют здесь такую степень сложности и сопряженности, которая присуща для прочно устоявшейся категории предметов. В сокотрийских материалах пики морфологически выразительны настолько (рис. 4, 3), что достигают, пожалуй, совершенства для олдованских орудий этого рода.

Заключениям о типичности пика для олдована, на первый взгляд, противоречит то, что пики не обнаруживаются не только в ряде памятников так называемого преолдована, но и в стоянках, относящихся по возрасту к олдовану. К последним можно отнести Айн Ханеш на севере Африки и многослойную пещерную стоянку Аль-Гуза на юге Аравийского п-ова (Амирханов, 2006). Впрочем, ввиду отсутствия абсолютных дат, в отношении инвентаря Аль-Гузы мы не можем говорить определенно как об олдованском, а не "преолдованском".

Если говорить об Айн Ханеш, то матералы названного памятника отличают и другие особенности —

не зря исследователи определяют эту индустриию в качестве особого североафриканского варианта олдована (Sahnouni, Heinzelin, 1998. P. 1098). Но в связи с этим актуален вопрос о том, насколько указанная особенность отражает реальную специфику индустрии, а не служит фациально-пространственным показателем, т.е. показателем своеобразия структуры инвентаря, характерного только для раскопанной части памятника. Для такой постановки вопроса существуют серьезные основания. Во-первых, обращает на себя внимание то, что в рассматриваемой коллекции доля "галечных" изделий, т.е. предметов из галек и желваков, составляет всего лишь 4.12% (общее количество находок – 2150). При этом орудия на ретушированных отщепах занимают 27% от всего состава коллекции (Sahnouni, Heinzelin, 1998. Р. 1197). А это никак не характерно для индустрии типичного олдована. Во-вторых, в коллекции полностью отсутствует целый ряд категорий, составляющий "типологическое лицо" олдована: сфероиды, дискоиды, протобифасы, массивные скребла на обломках др., поэтому отсутствие в перечисляемом ряду категории пиков не удивляет, а подводит к мысли о фациальном характере, или о типологической "усеченности" данного инвентаря.

Большинство памятников олдована, расположенных вне Восточной Африки, исследовано на относительно небольших площадях и/или располагает небольшими коллекциями. Объем их материалов не может приниматься априорно как равноценный или достаточный при общих типологических сопоставлениях и оценках. Сказанное относится как к памятникам собственно Африки (например, пещеры Сварткранс и Стеркфонтейн), так и других территорий (Барранко Леон 5 на юге Испании; ряд пунктов на Ближнем Востоке, Южном Прикаспии, Кавказе и в Приазовье). Иногда имеющиеся данные ограничиваются лишь археологическим материалом, добытым из стратиграфических расчисток естественных обнажений с переотложенными слоями.

В указанных выше условиях для определения общих типологических формул и выработки оценок той или иной конкретной индустрии большое значение приобретают эталонные коллекции базовых памятников. Критерием для выделения последних должны служить большие размеры раскопанной площади (нельзя ограничиваться зондажами и тем более стратиграфическими зачистками) и большее, чем в других памятниках, типологическое разнообразие инвентаря. Не менее важна многочисленность археологического материала, не оставляющая сомнений в его статистической значимости. При соблюдении этих условий, как представляется, будут оправданными претензии на обоснованность пред-

лагаемых заключений. Объектами, пригодными для включения в такой круг, можно назвать памятники Северного Кавказа в Центральном Дагестане.

Район Центрального Дагестана благодатен для исследований палеолита. Здесь в обилии имеются источники воды и выходы кремневого сырья. Глубокие теплые долины перемежаются с достаточно обширными плато со специфичными горно-степными ландшафтами. Исследованию помогает и то, что эти районы изучены относительно неплохо с точки зрения общей геологии и геоморфологии.

Один из наиболее удачных объектов в рассматриваемом смысле – Акушинская котловина, окаймленная горными хребтами, где плейстоценовые отложения представляют собой останец в виде узкого сегмента, сформированного долинами р. Акуша и Усиша. Они текут в направлении друг к другу под острым углом и сливаются в северной окраине той же котловины. Геоморфологически исследуемые объекты расположены на водоразделе названных рек. Высота водораздела – 1540–1620 м. Высокие речные террасы, формирующие склоны водораздела, имеют четко выраженные уступы с относительными отметками 220, 145, 100 м. Уровень поверхности плейстоценовых отложений незначительно понижается в направлении от окраинной к центральной части котловины.

Геологи определяют рассматриваемый район как место, где наиболее отчетливо представлены останцы поверхности выравнивания, относящейся ко времени, предшествующему непосредственно верхнему апшерону, т.е. ранее второй половины раннего плейстоцена (Варданянц, 1943. С. 53).

Аллювий всех указанных террас содержит археологический материал, для каждого из которых характерен свой специфический набор техникотипологических характеристик. Но наиболее интересными представляются стратифицированные археологические материалы, залегающие в отложениях самого водораздела. Они изучены в настоящее время несравненно лучше, чем памятники с материалом в аллювиальных слоях речных террас.

В 2004—2010 гг. в описываемом районе открыто и в разной степени изучено семь раннеплейстоценовых памятников. Экспедициями Института археологии РАН, Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Института истории материальной культуры РАН к настоящему времени раскопки осуществлены на четырех памятниках: Айникаб I, Мухкай I, Мухкай II, Гегалашур III. Больше других изучены многослойные стоянки Айникаб I и Мухкай II (Амирханов, 2007б).

Отложения стоянки Айникаб I вскрыты на площади 47 м^2 . Культурные остатки содержатся в 13 литологических слоях (из вскрытых к 2009 г. 18 слоев). Общая мощность геологических отложений — 11.5 м.

Археологический материал представлен каменными орудиями труда вместе с отходами их изготовления, а также костями крупных млекопитающих в нижних слоях стоянки. Коллекция кремневых артефактов, происходящих отсюда, по состоянию на 2009 г. содержит 853 предмета.

Особую значимость материалам Айникаб І придает то, что датировка их имеет твердые взаимопроверяемые обоснования, полученные данными различных естественно-научных дисциплин. Выше отмечено, что отложения водораздела р. Акуша и Усиша, в которых залегает археологический материал, геологически относится ко времени ранее верхнего апшерона (т.е. ранее поздней стадии раннего плейстоцена). Палинологические спектры разреза содержат пыльцу древесной растительности, диагностичной для плиоцена и раннего плейстоцена. Палеомагнитный анализ показывает, что рассматриваемые отложения относятся к эпохе Матуяма и большая их часть должна быть отнесена ко времени, как минимум, ранее эпизода Харамильо (Амирханов и др., 2009б). Немногочисленные пока костные остатки в виде зубов животных из слоев стоянки позволяют предполагать возможность определения части их как принадлежащих лошади Стенона. В отношении геологически одновременной с Айникаб I стоянки Мухкай II принадлежность аналогичных костей именно этой разновидности лошади установлена более определенно.

Датировки, полученные для Айникаб I, в полной мере применимы для стоянок мухкайской и гегалашурских групп, поскольку все названные памятники залегают в одной и той же геологической пачке. Более того, фаунистические материалы Мухкай II диагностированы как относящиеся к группе лошади Стенона не предположительно, а со всей определенностью. Это в еще большей мере подкрепляет датировку большей части культурных слоев данных памятников временем ранее поздней стадии раннего плейстоцена. Сочетание данных по палеомагнитному и палинологическому анализам, находкам остатков фауны и фитопланктона позволяет говорить о том, что реальный возраст, например, средней части отложений Мухкай II должен быть vстановлен ранее палеомагнитного эпизода Кобб Маунтин: примерно в пределах 1.4–1.5 млн л.н.

В настоящее время речь не может идти о подведении итогов работ на указанных памятниках.

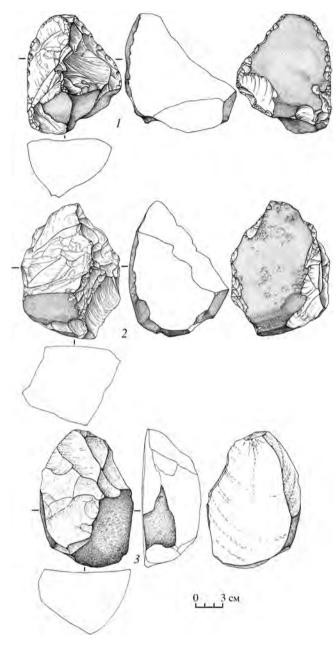

Рис. 5. Образцы пиков олдована Кавказа. 1 — стоянка Айникаб I; 2 — стоянка Мухкай I; 3 — стоянка Гегалашур I.

Изучение последних, ввиду богатства материалов и их экстраординарной значимости не только для региональной, но и для всеобщей истории, продлится еще долго. Однако имеющиеся коллекции уже предоставляют возможности для их использования в решении задач, подобных тем, которые мы ставим в настоящей работе.

Пики в их типичном варианте, а именно трехгранные, — это составная часть коллекций всех более или менее изученных стоянок олдована Центрального Дагестана. Они имеются в коллекциях Айникаб I (рис. 5, 1), Мухкай I (рис. 5, 2) и Мух-

кай II, Гегалашур I (рис.5, 3) и Гегалашур III (Кулаков, 2010. С. 63).

центральнодагестанских памятников имеют следующий стандартный набор признаков: а) массивная заготовка с максимальным утолщением в нижней – пяточной части; б) наибольшая толщина изделия составляет 2/3 и более максимальной ширины; в) трехгранное поперечное сечение близко к равнобедренному треугольнику с более широкой нижней плоскостью; г) пересечение плоскостей, образованных полной или частичной обработкой краев заготовки, образует на спинке орудия более или менее симметричную срединную продольную грань, распространяющуюся не менее чем на одну треть длины заготовки; д) нижняя плоскость орудия всегда уплощенная или естественным образом, или искусственно; е) пятка тяжелая, массивная и, как правило, необработанная; ж) конец образован равномерно сходящимися краями, обработанными оббивкой, и более или менее заострен.

Почти во всех описываемых памятниках имеются экземпляры орудий, содержащие весь перечисленный состав признаков. Некоторые предметы отклоняются от указанного стандарта, но и они хорошо узнаваемы. Такие изделия относят к описываемой категории под названием "пиковидные" (Любин и др., 2010. С. 53) или "пикообразные". Подобные изделия выделяются, например, в археологических материалах из Центральной Армении, происходящих из позднеплиоценовых—раннеплейстоценовых отложений Нурнусского палеоозера (Любин и др., 2010. С. 53).

По размерам пики весьма разнятся между собой. Морфологически наиболее выразительный экземпляр коллекции Мухкай I имеет следующее соотношение длины, ширины и толщины (см) -18:11:11. У столь же показательного предмета из стоянки Гегалашур I – 15:11:8. Если судить по этим образцам, то толщина ненамного уступает или даже равна ширине изделия, а длина превышает ширину предмета. Имеются экземпляры, у которых длина меньше 10 см, но при этом пропорции сохраняются в целом такими же, как отмечено выше. Картина с различиями в размерах пиков практически такая же, как и в категории чопперов. Наряду с многочисленными группами крупных предметов имеются серии однотипных с ними изделий с относительно мелкими размерами.

Орудия, соответствующие приведенному описанию пика, сериями представлены и в Приазовье, в материалах стоянок Богатыри и Родники (Щелинский, Кулаков, 2009. С. 196, 201). В них отмечаются основные признаки, характерные для изделий этого

рода с трехгранным или подчетырехугольным поперечным сечением.

Таким образом, все известные памятники олдована юго-восточной оконечности Европы, к которым относятся пункты в Центральном Дагестане и Приазовье, по наличию в их инвентаре пиков смыкаются с памятниками аналогичного индустриального комплекса Восточной Африки. Это дает достаточно оснований для заключения о том, что пик трехгранного сечения представляет собой тип, органичный для технокомплекса олдована независимо от территориального фактора.

О развитии категории пика во времени и проявлениях этого типа в ашельскую эпоху говорилось выше. Это рассмотрение показывает, что изменение данной формы орудия от олдована к последующей эпохе идет в двух разных направлениях. Первое можно определить как деградацию типа, потерю устойчивой формы и разрушение сопряженности в наборе признаков, определяющих пик. Сохраняются неизменными массивность орудия и наличие у него заостренного конца, противопоставленного утолщенной пятке. Устойчивость же форм в поперечном сечении теряется или приобретает большую вариативность. Менее целенаправленной становится и техника обработки изделия. Второе направление развития пиков характеризуется трансформацией их в сторону бифаса (в основном "аббевильского" рубила), иногда через промежуточные плоские унифасиальные формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. М., 2006.
- Амирханов Х.А. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: Проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб., 2007а.
- *Амирханов Х.А.* Исследование памятников олдована в Центральном Дагестане. М., 2007б.
- Амирханов Х.А., Жуков В.А., Наумкин В.В., Седов А.В. Эпоха олдована открыта на о. Сокотра // Природа. 2009а. № 7.
- Амирханов Х.А., Трубихин В.М., Чепалыга А.Л. Палеомагнитные данные к датировке многослойной стоянки раннего плейстоцена Айникаб 1 (Центральный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Матер. Междунар. симпозиума (6–12 сентября

- 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009б.
- Варданянц Л.А. Постплиоценовая история Кавказско-Черноморско-Каспийской обл. Ереван, 1943.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Раннепалеолитическая микроиндустрия стоянки Дарвагчай-1: морфология и предварительная классификация // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. Новосибирск, 2006.
- Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф. и др. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб., 2007.
- Кулаков С.А. Начало исследований раннепалеолитической стоянки Гегалашур III // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. к 60-летию Х.А. Амирханова. Махачкала, 2010.
- *Любин В.П., Беляева Е.В.* Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо 1. Центральный Кавказ. СПб., 2004.
- *Любин В.П., Беляева Е.В.* Ранняя предыстория Кавказа. СПб., 2006.
- Любин В.П., Беляева Е.В., Саблин М.В. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеоозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. к 60-летию X.A. Амирханова. Махачкала, 2010.
- *Любин В.П., Геде Ф.Й.* Палеолит Республики Котд' Ивуар. Западная Африка. СПб., 2000.
- Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском п-ове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Матер. Междунар. симпозиума (6—12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The Lithic Assemblages of Ubeidiya: A Lower Palaeolithic site In the Jordan Valley. Jerusalem, 1993.
- Carbonell E., Mosquera M., Ollé A. et al. Structure morphotechnique de l'industrie lithique du Pléistocène Inférieur et moyen d'Atapuerca (Burgos, Espagne) // L'Anthropologie. 2001. V. 105.
- de Lumley H., Barsky D., Cauche D. Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // L'Anthropologie. 2009. V. 113.
- I Primi abitanti D'Europa. 1500 000–100000 anni. Marzo-Luglio, 1984.
- Kleindienst M.R. Components of the East African Acheulian assemblages: an analytic approach // Actes du IVeme Congres Panafrican de Préhistoire et de l'etude Qauaternaire. V. 3 / Eds G. Mortelmans, J. Nenquine. Tervuren, 1962.

- Leakey M.D. Olduvai Gorge. Cambridge, 1971.
- Le Industrie Litiche del Giacimento Paleolitico di Isernia la Pineta: la Tipologia, le Tracce di Utilizzazione, la Sperimentazione. Isernia, 1994.
- Merrick H.V. Recent Archaeological Research in the Plio-Pleistocene Deposits of the Lower Omo Valley, Southwestern Ethiopia // Human Origins: Louis Leakey and the East African Evidence / Eds G.Ll. Isaac, E.R. McCown. Menlo Park, CA, 1976.
- Raynal J.P., Sbini-Alaoui F.-Z., Mohib A., Geraads D. Préhistoire ancienne au Maroc Atlantique: bilan et perspectives

- régionales // Bulletin d'Archéologie Marocaine. 2009. T. XXI.
- Sahnouni M., de Heinzelin J. The Site of Ain Hanech Revisited: New Investigations at this Lower Pleistocene Site in Northern Algeria // Jr. Archaeol. Science. 1998. V. 25.
- Semaw S. The World's Oldest Stone Artefacts from Gona, Ethiopia: Their Implications for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution between 2.6–1.5 Million Years Ago // Jr. Archaeol. Science. 2000. V. 27. Is. 12.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ В ПЕЩЕРЕ ЗАПОВЕДНАЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

© 2012 г. В.Г. Котов

Институт истории, языка и литературы Уральского научного центра PAH, Уфа (kslav1@yandex.ru)

Ключевые слова: культ пещерного медведя, пещерное святилище, верхний палеолит, Южный Урал.

The article presents the results of research at Zapovednaya cave in the Beloretsky region of Bashkortostan. The cave has numerous anthropogenic assemblages related to the worship of cave bear bones and skulls. Investigations revealed the traces of multilayer occupation sites inside the cave. Radiocarbon dating of charcoal samples revealed that the sanctuary is 11–12 thousand years old. The cave bear bones are over 28 thousand years old. Research at Zapovednaya cave throws light on the early stage of the bear cult in the Urals region during the transitional time from the Paleolithic to the Mesolithic.

Территория Южного Урала — уникальный по насыщенности различными археологическими памятниками регион. Наиболее известные среди них — пещерные святилища Шульган-Таш (Каповая) и Игнатиевская (Ямазыташ). В течение ряда лет автором исследовалась единственная в своем роде пещера Заповедная со следами культа пещерного медведя. В последние годы это пещерное святилище было почти полностью разрушено грабительскими раскопками. Результатам исследования этого уникального памятники посвящена данная статья.

Пещера была открыта в 1969 г. В.А. Марушиным и долгое время оставалась необследованной, пока в конце 70 — начале 80-х годов не была вновь обнаружена туристами-спелеологами Уфы (Марушин, 1995). Не исключено, что выбор и сакрализация пещеры были каким-то образом связаны с расположенным в непосредственной близости водопадом Атыш как наиболее яркой доминанты ландшафта этого района (Дмитриева, 1997. С. 58).

Вначале и вплоть до 1990 г. вход в пещеру представлял собой узкий и трудно проходимый лаз. Первые годы пещера имела вид полости, почти полностью закрытой многочисленными белоснежными сталактитами и сталагмитами, а на полу лежали тысячи костей пещерного медведя. По-мнению специалистов, пещера Заповедная, несмотря на небольшую площадь обладала большинством из известных кальцитовых форм, и по богатству натеков — это уникальный памятник природы.

Пещера Заповедная находится в Белорецком р-не Башкортостана, в 8 км восточнее ныне уже несуществующей д. Березники, на правом берегу р. Лемеза (приток р. Сим). Она расположена на высоте 94 м

над уровнем реки. В 100 м от пещеры находится упомянутый выше водопад Атыш с карстовой полостью Атышская 1 (рис. 1). Пещера карстового происхождения, горизонтальная, длина ходов — 180 м, средняя ширина — 2, средняя высота — 1.3, площадь пола — 687 м². Пещера имеет два входа около 1 м высотой, один вход засыпан; исследуется автором с 1993 г. (рис. 2).

В ходе визуального изучения пещеры первыми исследователями и автором статьи зафиксирован ряд объектов искусственного происхождения, характеризующих пещерный комплекс как святилище. Первым культовым объектом, обнаруженным в дальнем зале (VII) еще туристами, был крупный камень около 0.7 м высотой с водруженным на него черепом пещерного медведя (рис. 3). По свидетельству многих людей, в том числе археолога Ю.А. Морозова, посетившего пещеру в 1981 г. (1983), череп был ориентирован передней частью ко входу в зал и покрыт толстым слоем натеков. Нам удалось зафиксировать только каменную глыбу в глубине зала VII - комплекс "Ж" (рис. 2). Камень лежит острым ребром кверху, поэтому череп медведя полуметровой длины можно установить сверху, только специально подложив под него что-либо. Есть свидетельство, что под череп были подложены длинные кости конечностей пещерного медведя, а вокруг камня лежало полтора десятка черепов медведя. К началу наших работ этот и другие черепа были утрачены, за исключением одного, фрагменты которого остались в кальцитовой корке.

Второй комплекс ("В") открыт археологом В.К. Федоровым в 1990 г. (1990). Он расположен в проходном зале (V) в обширной нише правой

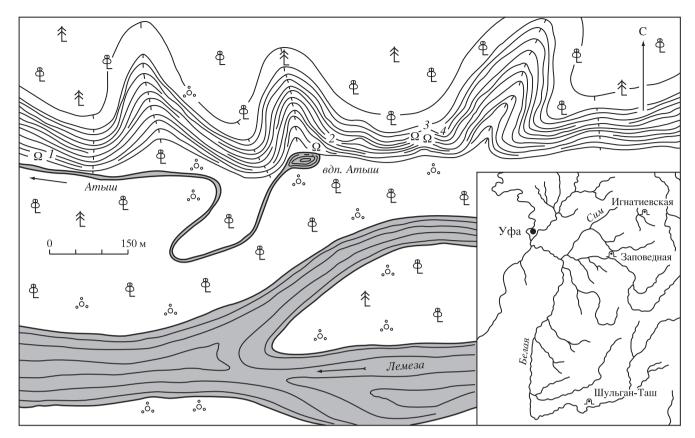

Рис. 1. Местонахождение пещеры Заповедная. I – пещера Атышская 2; 2 – пещера Атышская 1; 3 – пещера Верхняя; 4 – пещера Заповедная. Горизонтали проведены через 5 м.

стены (рис. 2). Ниша имеет полукруглую форму размерами 3.5 × 1.5 м, с плавно понижающимся вглубь кальцитовым полом. Примерно треть пространства ниши разделяется массивным гребнем, спускающимся по своду потолка до пола, выделяя небольшую нишу. К этому гребню и приурочена конструкция из камней с черепом пещерного медведя. Она представляет собой каменную кладку, подпирающую крупный медвежий череп длиной 52 см, сложенную в 3–4 ряда из небольших глыб известняка 0.4-0.5 м высотой и протяженностью 1.8, которая приблизительно посредине под тупым углом поворачивает к северной стенке и соединяется с ней, отгораживая небольшую нишу (рис. 4A). О символической значимости этого свидетельствует то, что соединение кладки с северной стеной подчеркнуто тем, что поверх камней был положен плоский камень, замыкающий кладку. Череп медведя, ориентированный вовнутрь кладки, водружен на небольшой плоский камень и буквально заклинен другим камнем из кладки (рис. 4Б, 5), который своим выступом проникает в пролом височной кости черепа. Со стороны гребня стены череп заклинен другим плоским куском известняка (рис. 4Б, 7) и со стороны темени – двумя продолговатыми камнями (рис. 4, 2, 3), а снизу приподнят с левой стороны небольшим плоским камнем таким образом, что в фас он оказался завален на левый бок, зато из глубины зала этот череп хорошо виден в профиль (рис. 2; 5). Очевидно, таким образом была достигнута определенная экспозиционность объекта и всего комплекса. Перед установкой у черепа были удалены скуловые дуги, а в носовой части и на лбу имеются три глубоких повреждения, сделанных каким-то острым орудием или орудиями с неровными поверхностями до установки черепа (рис. 5, 2). Отгороженное пространство ниши сужается к востоку, переходя в узкую расщелину. В ней был обнаружен еще один череп медведя, который стоит на затылке и у него, по определению палеонтолога П.А. Косинцева (ИЭРЖ УрО РАН), обломаны передняя часть и скуловые дуги, на нем лежит правая половина неба и выше – скуловая кость (рис. 4А, 12). Все эти кости покрыты толстым слоем кальцитового натека. Кости медведя в большом количестве зафиксированы под навесом свода и за пределами комплекса, что указывает на то, что это огороженное кладкой пространство было расчищено.

В 1996 г. череп был похищен, в 2005 г. кладка была разрушена и вблизи нее вырыта глубокая яма, заходящая под искусственную конструкцию.

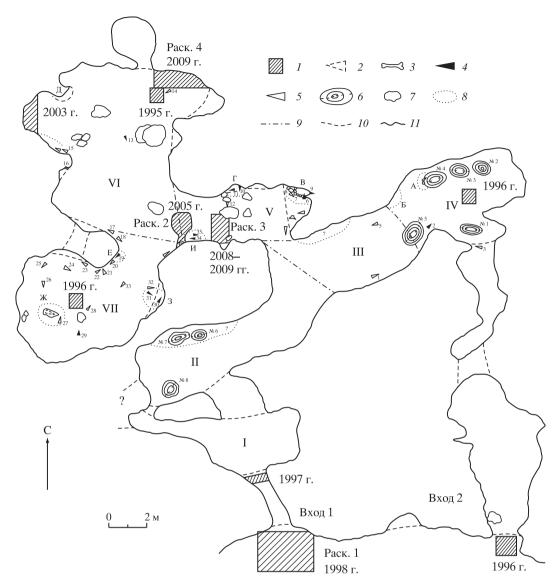

Рис. 2. План пещеры Заповедная (по: Смирнов, 1997, с дополнениями автора). Условные обозначения: 1 — шурфы и раскопы; 2 — место черепа, установленного на глыбе; 3 — крупная кость; 4 — череп, ориентированный теменем вверх; 5 — череп неориентированный; 6 — яма; 7 — крупные камни и глыбы; 8 — границы скоплений черепов; 9 — условные границы залов; 10 — граница ниш и проходов; 11 — контур пещеры.

Установлено, что отдельные камни кладки уходят под кальцитовую корку пола на 0.3 м. На нижнем уровне кладки обнаружен крупный череп пещерного медведя, включенный в данную конструкцию, который был повернут носовой частью вовнутрь кладки. Гребень черепа на несколько сантиметров возвышается над поверхностью кальцитовой корки (рис. 4*A*, 13). Основание кладки находится ниже на 1–2 см более древней второй кальцитовой корки, отмечающей начальный этап потепления и увлажнения климата. На нижней поверхности этой корки обнаружены мелкие угольки. Эта нижняя кальцитовая корка залегает глубже верхней на 10–15 см, пространство между ними заполнено камнями и светло-бурой супесью, в которой встречают-

ся единичные угольки. Нижняя кальцитовая корка и камни кладки лежат на поверхности коричневого суглинка с костями пещерного медведя (Котов, 2008. С. 14). Эта стратиграфическая ситуация соответствует той, что была выявлена в раскопе 3, и появление нижней кальцитовой корки, а значит и создание кладки соотносятся с самым ранним, 4-м культурным слоем (см. ниже).

В 2 м от описанного выше комплекса под сводом северной стены есть небольшая ниша глубиной около 1.5 м, подход к которой по обеим сторонам прикрывают небольшие глыбы (рис. 2). В ней в 1994 г. обнаружены два черепа пещерного медведя, из которых один был ориентирован в фас, а другой — в профиль к зрителям. В темени

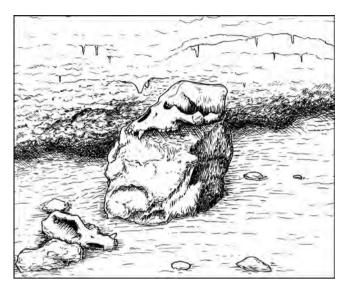

Рис. 3. Пещера Заповедная. Череп пещерного медведя на камне в зале VI. Реконструкция.

второго черепа зафиксирована глубокая дыра неправильной формы, не похожая на повреждения от клыка пещерного медведя или пещерного льва. Основания обоих черепов утоплены на 1–2 см в кальцит. Вблизи них другие кости не обнаружены. Предположительно, это искусственное скопление, названное комплексом "Г" (Котов, 2001. С. 94. Рис. 8).

Примерно в 8 м к юго-западу от комплекса с кладкой в том же зале, где был зафиксирован череп на камне, в одной из ниш находился череп медведя – комплекс "3" (рис. 2). Он лежал теменем вверх, причем передняя его часть была слегка приподнята так, что зубы и клыки возвышались над поверхностью кальцитовой корки на 3 см. Нижняя часть черепа была на несколько сантиметров утоплена в кальцит. Вблизи него также отсутствовали кости посткраниального скелета. Предположительно, учитывая его экспозиционность, и этот череп был установлен древним человеком.

Необходимо отметить, что пещера Заповедная и материал из нее в разные годы изучались археозоологами ИГ УНЦ РАН (г. Уфа) канд. биол. наук А.Г. Яковлевым, канд. биол. наук Р.М. Сатаевым, а также палеонтологами ИЭРЖ УрО РАН (Екатеринбург) канд. биол. наук П.А. Косинцевым и А.А. Воробьевым. Ими определены костные остатки и, в частности, установлено, что 99% костей принадлежит пещерному медведю (*Ursus spelaeus*) и лишь единичные кости относятся к бизону (*Bison priscus*), пещерному льву (*Panthera spelaea*), лошади (*Equus sp.*), сурку (*Marmota bobac*), зайцу (*Lepus sp.*). Пещера в эпоху плейстоцена на протяжении многих

тысяч лет была берлогой для пещерных медведей (Сатаев, 1997; Косинцев, Воробьев, 2001; Danukalova et al., 2008. P. 52).

Принимая во внимание сложный состав экспозиционных комплексов, чрезвычайно важным представляется археологическое изучение памятника и получение надежных датировок культурных отложений.

Археологические исследования

Внутри пещеры в каждом зале и на привходовых площадках были проведены археологические исследования, которые позволили получить картину геологических и культурных отложений. Показателен шурф 1995 г. в зале VI, который исследовался совместно с сотрудником ИГ УНЦ РАН археозоологом Р.М. Сатаевым. Здесь зафиксирована следующая стратиграфия. 1. Светло-бурый суглинок. В заполнении встречаются отдельные угольки и кости. Мощность — от 0.4 до 0.55 м. 2. Темно-коричневый суглинок с известняковой галькой. В большом количестве обнаружены кости пещерного медведя. Мощность — 0.2 м. 3. Темно-коричневый суглинок. В заполнении обнаружены отдельные кости пещерного медведя. Мощность — 0.4 м.

Описание отложений и анализ результатов изуспоро-пыльцы сделаны Р.М. Сатаевым чения (1997). Спорово-пыльцевой спектр 1-го слоя показал преобладание лесостепных ландшафтов, характерных для осташковского горизонта. Для 2-го и 3-го горизонтов определено присутствие смешанных хвойно-лиственных лесов с широколиственными деревьями. По кости пещерного медведя из горизонта темно-коричневого суглинка получена радиоуглеродная дата 28700 ± 1000 лет (ЛУ-3715), указывающая на финал ленинградского оптимума. В этом же зале из верхнего и придонного горизонтов траншеи палеонтологов 2003 г. были получены по костям пещерного медведя еще две "запредельные" даты: >50200 (ЛУ-5134) и >46600 (ЛУ-5135). Еще одна радиоуглеродная дата по кости пещерного медведя из стерильных отложений шурфа в зале VII дала возраст >37250 (ЛУ-3876) (Danukalova, Yakovlev, 2006. Р. 40). Они, очевидно, отражают возраст нижних горизонтов пещерных отложений, свидетельствуя о том, что в боковых залах происходило перемешивание отложений в осташковское время. В проходных же залах происходил размыв коричневого суглинка, и в русле потоков откладывался светло-бурый суглинок.

Перед входом 1 в 1998 г. был заложен раскоп 1 во всю ширину входа размерами 2×3 м (рис. 2). В этом месте площадка имеет наклон 20–30° и через

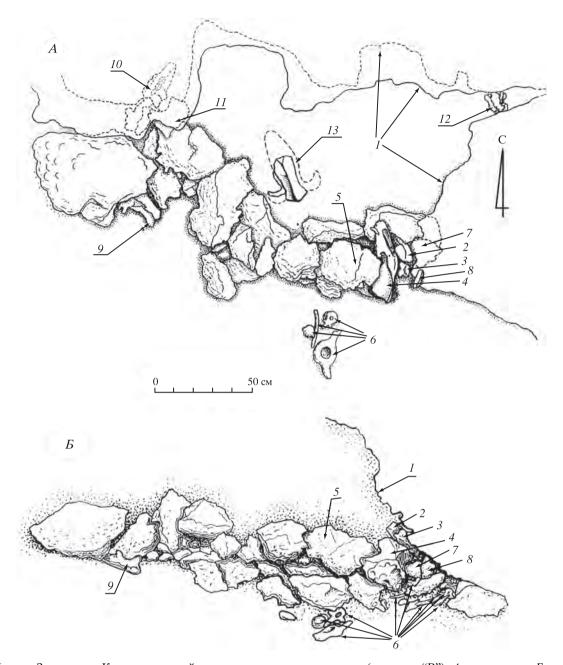

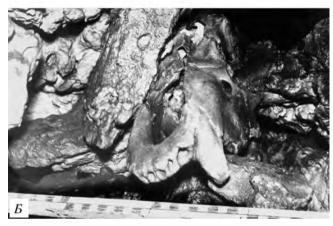
Рис. 4. Пещера Заповедная. Кладка из камней с черепами пещерного медведя (комплекс "В"). A — вид сверху, B — вид с юга: I — контур стены; 2, 3 — каменные "клинья"; 4 — череп медведя № 6; 5 — глыба, заклинивающая череп медведя № 6 со стороны кладки; 6 — кости и их фрагменты; 7 — камень, заклинивающий череп № 6 со стороны гребня стены; 8 — вертикально стоящий плоский камень; 9 — медвежий череп № 7; 10 — череп медведя № 8; 11 — плоский камень, замыкающий кладку; 12 — череп медведя № 9, установленный в расщелине; 13 — череп медведя, помещенный внутрь кладки.

2—3 м она переходит в достаточно крутой склон. Раскоп 1 был доведен до глубины 1.4 м, и во втором геологическом горизонте гумусированной супеси были зафиксированы три углисто-сажистые прослойки толщиной 5—10 см, имеющие падение к востоку. Из скопления углей получена дата 12380 ± 260 (ЛУ-3861) (Danukalova et al., 2008. P. 45). На уровне 9-го условного горизонта (глубина 0.8—0.9 м от поверхности) в основании гумусированной супе-

си на контакте со скальным основанием или светло-бурым суглинком найдены кремневая пластина правильной огранки, орудие из кремневого скола и кусочек охры, а также многочисленные кости пещерного медведя без следов искусственного воздействия (Котов, 2001. С. 101) (рис. 6, 5, 6).

В 2005 г. в ходе спасательных раскопок пещеры, которая подверглась несанкционированным масштабным раскопкам "черных палеонтологов", на

границе залов V и VI, вблизи искусственных комплексов под кальцитовой коркой нетронутого грабительскими перекопами останца в слое светло-бурой супеси было обнаружено кострище диаметром около 1.5 м. В заполнении кострища 4, которое целиком было изучено раскопом 2 (рис. 2), обнаружены три скола известняка и кость волка. По углю из кострища 4 получены радиоуглеродные даты 10970 ± 100 BP (ЛЕ-8257) и 11880 ± 100 (СОАН-7735), которые, возможно, отражают последний этап существования святилища (Котов, 2010. С. 199). Эта дата подтверждается нашими стратиграфическими наблюдениями, указывающими на появление кострищ незадолго до образования верхней кальцитовой корки, т.е. на рубеже плейстоцена и голоцена.

Существенный прорыв в изучении памятника был сделан в 2008 г. в результате проведения комплексных исследований в пещере Южноуральской палеолитической экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН (Котов, 2009). В различных залах пещеры в отвалах грабительских ям найдены единичные находки. Сре-

ди них — шесть искусственных сколов известняка, скребло прямое на углу массивного отщепа известняка (рис. 6, 9), нуклевидное изделие из известняка и фрагмент трубчатой кости пещерного медведя с продольными царапинами, предположительно возникшими в результате скобления каменным инструментом. Интересная находка в отвале ямы № 4 в зале II — отбойник из гальки кварцито-песчаника с многочисленными участками звездчатой ретуши на концах и боковых поверхностях.

При осмотре в 2008 г. перекопанных грабителями участков пещеры в восточной стенке ямы (№ 6) в зале V в 1.5 м к востоку от очага 4 (раскоп 2) зафиксированы две очажные прослойки длиной около 0.5 м в заполнении светло-бурого суглинка на глубине 8 см от поверхности. Этот новый участок культурных отложений получил условное название "кострище № 5" и был исследован раскопом 3. Причем отложения разбирались параллельно поверхности литологических слоев посредством зачистки, рыхлые отложения выносились из пещеры на промывку, а находки фиксировались по культурным слоям или же условным горизонтам мощностью 10 см. В раскопе 2008 г. выявлена следующая стратиграфия, описание которой дается по восточной стенке (рис. 7).

1. Отвал из светло-бурого и коричневого суглинка, перекрывающий кальцитовую корку и поверхность 1-го культурного слоя. Мощность – до 1 м. 2. Суглинок буровато-серый с мелкими угольками, костями и отдельными крупными и мелкими камнями известняка. 1-й культурный слой. Мощность – 0.02-0.1 м. 3. Суглинок светло-бурый с мелкими угольками, костями и отдельными мелкими камнями известняка. Внутри две прослойки буровато-серого плотного суглинка мощностью 2-3 см с включениями угольков, костей, каменных изделий, отдельных мелких камней и фрагментов кальцитовой корки – 2-й и 3-й культурные слои. Мощность – 0.3-0.6 м. 4. Суглинок буровато-серый, плотный с угольками, костями и отдельными мелкими и средними камнями известняка – 4-й культурный слой. Мощность – 0.02–0.1 м. 5. Супесь светло-коричневая с костной крошкой и ожелезненными конкрециями, с прослойками толщиной 2-3 см светло-бурого суглинка. Стерильный слой. Мощность - до 0.4 м. 6. Суглинок коричневый с известняковым щебнем и отдельными костями. Материк.

В итоге впервые были зафиксированы четыре культурных слоя в виде углей и каменных изделий, разделенные стерильными прослойками и кальцитовыми корками.

1-й культурный слой. Отложения – буровато-серый суглинок, плотный, с крупными камнями, еди-

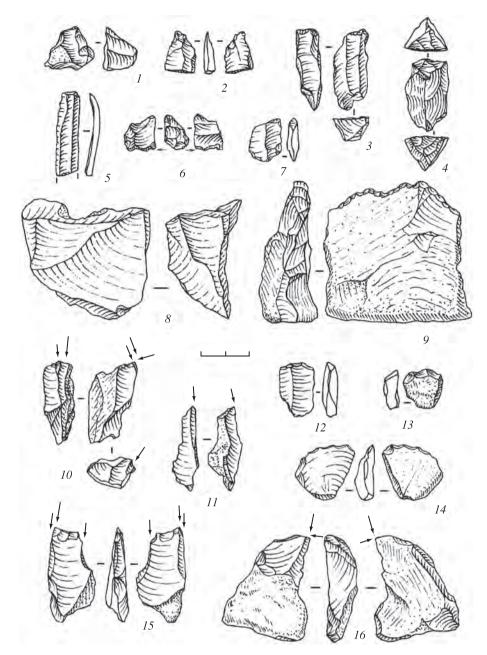

Рис. 6. Пещера Заповедная. Каменные изделия. Раскоп 1: *5*, *6* – горизонт 9. Раскоп 3: *1*, *2*, *4*, *10*, *11*, *15*, *16* – горизонт 2; *3*, *7*, *12* – горизонт 3; *8*, *13*, *14* – горизонт 4; *9* – подъемный материал (*5*, *6* – кремень; остальные – известняк).

ничными включениями мелкой щебенки, отдельными угольками и крупными и мелкими костями, встречаются фрагменты тонкой кальцитовой корки. В основании — светло-бурый суглинок с включениями известняковой щебенки. Поверхность 1-го культурного горизонта понижается к центру раскопа, образуя углубление диаметром около 1 м и глубиной 0.2. В понижении концентрация углей, костей и других находок увеличилась. В заполнении ямы фиксируется два горизонта плотной буроватосерой глины с угольками, разделенные прослойкой стерильной пестрой глины с ожелезненными кон-

крециями толщиной 1–2 см. На поверхности горизонта зафиксировано много фрагментов костей, сколы известняка, расколотые и обколотые куски известняка и кальцитовых корок, встречаются наряду с отщепами чешуйки и мелкие осколки известняка. В слое обнаружено 32 отщепа из известняка с созданной одним сколом спинкой или продольной огранкой дорсала, с гладкими ударными площадками. Осколки известняка, первичные сколы или обколотые куски известняка – 47 экз. Обнаружено 10 резчиков на осколках и сколах из известняка (рис. 6, 1, 2). Найдены изделия из известняка с резцовыми

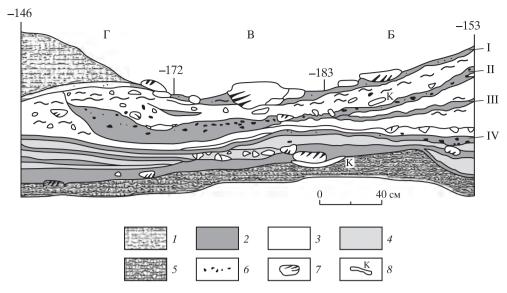

Рис. 7. Пещера Заповедная. Раскоп 3. Схематический разрез восточной стенки. Условные обозначения: 1 – отвал; 2 – буроватосерый суглинок; 3 – светло-бурый суглинок; 4 – светло-коричневая супесь; 5 – коричневый суглинок; 6 – угольки; 7 – камень; 8 – кость. Римскими цифрами обозначены культурные слои.

сколами — 8 экз. (рис. 6, 10, 11, 15, 16); три скребка: один изготовлен посредством ретуширования плоской известняковой гальки, другой — ретушированием края отщепа, третий — на треугольном в сечении сколе, у которого вертикальной ретушью усечены концы (рис. 6, 4).

Несомненно, наличие такого количества каменных изделий в 1-м культурном слое характеризует этот участок как жилую или производственную площадку вблизи кострища.

2-й культурный слой зафиксирован в 3-м горизонте. Отложения — в верхней части пестрый, буровато-коричневый суглинок мощностью 2—5 см, стерильный; в нижней части — буровато-серый плотный суглинок мощностью 2—3 см с включениями обломков костей, мелких угольков, отщепов и сколов. Под ним — стерильная прослойка светлокоричневой супеси мощностью 2—3 см с костной трухой и ожелезненными конкрециями, перекрывающая следующий слой (рис. 7).

3-й культурный слой. Отложения — буроватосерый плотный суглинок с угольками. На неровной поверхности отмечено несколько ям и понижений, много фрагментов кальцитовой корки, встречены фрагменты костей и отщепы. В раскопе и промывке найдено 11 отщепов, 1 концевой скребок на пластине (рис. 6, *12*), 4 обломка известняка с негативами сколов, 4 резца и 6 резчиков (рис. 6, *3*, *7*).

Следует обратить внимание на то, что нижний (3-й) культурный слой связан с образованием 3-й кальцитовой корки.

4-й культурный слой обнаружен в ходе разборки 4-го условного горизонта. В верхней части 4-го горизонта зафиксирована стерильная светлокоричневая супесь мощностью до 0.2 м с костной трухой, отдельными известняковыми камнями. Под ней (в северной части раскопа на глубине 0.05 м, в южной – на глубине 0.2 м от низа 3-го культурного слоя) выявлена прослойка буровато-серого плотного суглинка с угольками и каменными изделиями – 4-й культурный слой (рис. 7). Найдено шесть сколов из известняка, два скребка на первичных отщепах (рис. 6, 13, 14), шесть кусков известняка с негативами сколов, одно нуклевидное изделие из известняка с ударной площадкой, созданной одним сколом и с негативами бессистемных, аморфных сколов на обеих поверхностях (рис. 6, 8). Три изделия представляют собой оббитые по периметру куски толстой (до 1 см) кальцитовой корки, у которых крупной полукрутой ретушью оформлены острые углы и лезвия. Интересно, что у одного изделия нижняя поверхность куска кальцитовой корки содержит включения мелких угольков. Это говорит о том, что в пещере люди были еще раньше, задолго до образования 4-го культурного слоя.

По небольшому количеству углей из 4-го горизонта в $2009 \, \mathrm{r.}$ получена дата 10010 ± 180 (Ki-15567), которая явно омоложена примерно на тысячелетие.

Коллекция каменных изделий из всех культурных слоев исключительно своеобразна. Нуклевидные изделия единичны и представлены кусками известняка с бессистемным характером скалывания и гладкими ударными площадками, созданными од-

ним сколом. Основной тип заготовки - отщепы и бесформенные куски известняка или кальцитовых корок. Пластинчатые сколы единичны. Поверхность изделий сформирована продольными пластинчатыми снятиями с обработкой более мелкой ретушью или резцовыми снятиями рабочих участков. Среди орудий преобладают небольшие формы с нуклевидной обработкой с выделенными ретушной обработкой остриями и шиповидными выступами. Очевидно, данные орудия являлись резчиками. Второй по количеству тип орудий – резцы боковые, комбинированные продольно-поперечные, многофасеточные. Оба типа орудий функционально сопряжены. Скребковые орудия маловыразительны и представлены ретушированными отщепами и одним концевым скребком на фрагменте пластины. Показателен треугольный в сечении скол с усеченными вертикальной ретушью концами. Важно, что эти особенности не были напрямую связаны с характером известнякового сырья, поскольку точно так же оформлено небольшое острие из осколка кремня, найденного в раскопе 1. Вместе с тем наряду с "грубыми" формами в коллекции можно отметить правильно ограненные пластины из кремня и известняка. Подобный состав коллекций, в которых наряду с изделиями из известняка присутствуют небольшие орудия из расколотых кремневых галек, отмечен в материалах пещеры Балатукай на р. Белая в Бурзянском р-не и пещеры Мурадымовской 2 (Старомурадымовской) в Кугарчинском р-не Башкортостана, раскопки 2009 г. (Котов и др., 2010).

В дальнем конце пещеры Заповедная около шурфа 1 в зале VI в стенке ямы обнаружен новый участок культурных отложений в виде рассеянных мелких и крупных углей, а также кусочков охры. В 2009 г. этот участок был полностью раскопан на площади около 4 м² раскопом 4 (рис. 2). В ходе работ установлено, что угли и охра концентрируются на двух уровнях, разделенных промежутком длиной 3-5 см на глубину 0.3 м. По углям была получена дата -1175 ± 95 (СОАН-7939). Эти находки указывают на то, что в дальнем зале пещеры проводились какие-то обрядовые действия с применением охры. Осмотр стен с целью обнаружения наскальных рисунков пока не дал положительных результатов.

Таким образом, в результате исследований 2008 и 2009 гг. в глубине пещеры впервые зафиксировано 4 культурных горизонта, свидетельствующие о неоднократном кратковременном посещении в конце верхнего палеолита данного святилища. Установлено, что конструкция из камней и черепов (комплекс "В") появилась в самом начале накопления светлобурого суглинка и соотносится с самым ранним 4-м культурным слоем. Культурные отложения из 1-го и

2-го слоев датируются возрастом от 11 до 11.8 тыс. лет. Следовательно, появление демонстрационных комплексов из черепов пещерного медведя должно соотноситься с датой кострища из раскопа 1 на привходовой площадке – 12.4 тыс. лет. Судя по тому, что палеолитические люди изготавливали каменные инструменты из пещерного известняка и кальцита, они какое-то время жили в глубине пещеры. Раскалывание известняка и кальцита грубое, с целью получения угловатых осколков, отщепов и массивных пластин треугольного сечения, которые затем подвергались минимальной обработке. Создается впечатление, что обработка камня осуществлялась неумело и наспех. Это подтверждается нашими экспериментами по раскалыванию известняка и материалами из пещеры Балатукай (Безымянной) на р. Белая, где были обнаружены конусовидные нуклеусы и правильные пластины из известняка (Котов, 2005). Кроме того, в ряде случаев установлен избыточный характер раскалывания известняка и кальцита, что, возможно, связано с символической природой этих действий. Все это может быть объяснено тем, что пещеру Заповедная посещали и находились там какое-то время, предположительно в условиях ритуальной изоляции, молодые люди или даже мальчики.

На другом культовом памятнике Южного Урала в пещере Игнатиевской были обнаружены участки стен с негативами сколов (Петрин, 1992. С. 80-82). Точно также в пещере Шульган-Таш (Каповой) были обнаружены следы оббивки скальных выступов и глыбы вблизи рисунков на верхнем этаже и, кроме этого, сотни обколотых кусков и сколов из известняка и кальцита в культурных отложениях верхнего палеолита, в том числе и в непосредственной близости от рисунков (Котов, 2010. С. 54). Важно, что для эпохи верхнего палеолита традиция использования известняка и кальцита для изготовления орудий была зафиксирована в пещерах на р. Белая Шульган-Таш (Каповой), Кульюрт-Тамак, Балатукай, Байсланташ, гроте Максютовском, а также в пещере Мурадымовская 2 (Старомурадымовская) на р. Б. Ик (Котов, 2004; 2010. С. 54; Котов, Румянцев, 2010. С. 79, 80). Все это указывает на существование в Южно-Уральском регионе на протяжении по крайней мере нескольких тысяч лет традиции использования "пещерного" сырья для изготовления орудий.

Радиоуглеродные даты из культурных отложений в пещере Заповедная укладываются в промежуток от 10 до 12.4 тыс. лет. Более вероятна дата 11.8 тыс. лет, полученная по углю в двух раскопах из одних и тех же стратиграфических горизонтов. Очевидно, эти культурные отложения отмечают последующие

периоды существования святилища, в то время как начальный этап представлен возрастом углистого скопления при входе — 12380 лет. Предположительно, святилище функционировало по крайней мере в течение нескольких столетий. Между тем для костей пещерного медведя из пещерных отложений, а также с поверхности определен возраст древнее 28 тыс. лет. Кости из культурного слоя имеют ярко-желтый цвет, и среди них кости пещерного медведя подобной сохранности не обнаружены. Это пока подтверждает наши выводы о том, что древние люди почитали уже ископаемые кости и черепа пещерного медведя или кладбище его костей.

В еще одной южноуральской пещере на р. Ай — Сикияз-Тамак I — был обнаружен череп пещерного медведя с нарезками, предположительно окрашенный красной охрой (Житенев, 2006). Если подтвердится его связь с культурными отложениями в этом же зале, имеющими возраст 11690 ± 70 лет назад (GrA-18661), то это будет еще один памятник, где зафиксировано культовое использование черепов ископаемого пещерного медведя. Обращает на себя внимание совпадение датировок с пещерой Заповедная, что может указывать на единый культурный пласт этих памятников.

Формальная аналогия демонстрационным комплексам с черепами пещерного медведя в пещере Заповедной – ряд памятников в Центральной и Западной Европе. Истоки этой традиции выставления черепов животных уходят в мустьерскую эпоху. В гроте Регурду (Франция) два черепа бурого медведя и череп оленя были положены на каменную вымостку, перекрывающую погребения бурых медведей (Смирнов, 1997. С. 259). В пещере Клюни были выложены по кругу пять, а в пещере Фюрти восемь черепов пещерного медведя (Столяр, 1985. С. 155). В верхнем палеолите следы почитания костей пещерного медведя становятся разнообразнее. Искусственное скопление черепов *Ursus sp.* обнаружено в самом конце пещеры Ишталошко (Венгрия): в узкой скальной трещине были поставлены друг на друга лицевыми костями внутрь три черепа Ursus sp. (Столяр, 1985. С. 160). В югославской пещере Ветерница найдены демонстрационные комплексы с черепами пещерного медведя и Ното sapiens, являющиеся остатками медвежьего капища в эпоху верхнего палеолита (Столяр, 1985. С. 158, 159). В середине одного из боковых залов пещеры Шове (Франция), получившем название "зал Черепа", на блок известняка правильной кубической формы был помещен череп пещерного медведя без нижней челюсти "как на алтарь" (Chauvet et al., 1996. Р. 50). Данная композиция находит аналогию в ритуальных комплексах с черепами Ursus sp. в пещерах Базуа, Пеш-Мерль и Монтеспан (Столяр, 1985. С. 181–185, 187–198).

В эпоху палеолита традиция выставления черепов животных в Уральском регионе наряду с пешерой Заповелной и Сикияз-Тамак I выявлена и в других местах. В пещере Кумышанской, расположенной в среднем течении р. Чусовая, в заполнении узкой трещины открыты черепа лошади и северного оленя, а также нижняя челюсть мамонтенка, являющиеся, по мнению Ю.Б. Серикова, единым демонстрационным комплексом возрастом от 12430 ± 260 (СОАН-4846) до 33670 ± 300 (ОхА-10929) (2001; 2004. С. 51-57). В гроте Пещерного льва (Чаньвенская 3) на р. Чаньва (Пермская обл.) краеведом Е.П. Близнецовым обнаружен стоящий на камне череп пещерного льва (Сериков, 2001. С. 110; 2004. С. 54). По мнению Ю.Б. Серикова, это дает основание говорить о целом пласте палеолитических пещерных святилищ на Урале, центральными объектами которых являлись демонстрационные комплексы в виде черепов различных животных (2004. С. 54).

Таким образом, исследование пещеры Заповедная позволяет пролить свет на ранний этап медвежьего культа на территории Уральского региона в переходную эпоху от палеолита к мезолиту.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-84109 а/у и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Историко-культурное наследие и духовные ценности России".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дмитриева Т.Н. Пещера как целостность (К проблеме интерпретации палеолитической пещерной живописи) // Пещерный палеолит Урала. Уфа, 1997.

Житенев В.С. Череп пещерного медведя (Ursus speleus) с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // Современные проблемы археологии России. Т. I: Матер. ВАС. Новосибирск, 2006.

Косинцев П.А., Воробьев А.А. Биология Большого пещерного медведя (*Ursus spelaeus Ros. et Hein*) на Урале // Мамонт и его окружение: 200 лет открытия. М., 2001

Котов В.Г. Культ медведя на Урале по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001.

Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // Уфимский археолог. вестн. 2004. Вып. 5.

Котов В.Г. Научный отчет о разведочных исследованиях в Баймакском и Бурзянском р-нах Республики Башкортостан в 2004 г. Уфа, 2005 // Архив ИА РАН.

- Котов В.Г. Научный отчет об исследованиях пещеры Заповедная в Белорецком р-не Республики Башкортостан в 2005 г. Уфа, 2008 г. // Архив ИА РАН.
- Котов В.Г. Научный отчет об исследованиях пещеры Заповедная в Белорецком р-не Республики Башкортостан в 2008 г. Уфа, 2009 // Архив ИА РАН.
- Котов В.Г. Феномен пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Уфа, 2010.
- Котов В.Г., Резников Е.Д., Румянцев М.М., Гимранов Д.О. Комплексные исследования пещер на территории Природного парка "Мурадымовское ущелье" // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Уфа, 2010.
- Котов В.Г., Румянцев М.М. Комплексные исследования пещеры Мурадымовской 2 (Старомурадымовской) в 2009 г.: предварительное сообщение // XVIII Уральское археолог. совещание: Культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы. Уфа, 2010.
- Марушин В.А. Два путешествия к тайнам водопада Атыш: Путеводитель для семейного отдыха. Уфа, 1995.
- Морозов Ю.А. Раскопки памятников в Центральной Башкирии // АО− 1981. 1983.
- *Петрин В.Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

- Сатаев Р.М. Стратиграфия рыхлых отложений и фауна крупных млекопитающих пещеры Заповедная // Междунар. науч. конф. "Пещерный палеолит Урала". Уфа, 1997.
- Сериков Ю.Б. Палеолитическое святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001.
- Сериков Ю.Б. Культовые пещеры р. Чусовой // Культовые памятники горнолесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Смирнов Ю.А. Мустьерские погребения Евразии. М., 1997.
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Федоров В.К. Отчет об археологической разведке в среднем течении рек Инзера и Лемезы в пределах Белорецкого р-на БАССР в 1990 г. // Архив ИА РАН.
- Danukalova G., Yakovlev A. A review of biostratigraphical investigations of palaeolithic localities in the Southern Urals region // Quaternary International. 2006. V. 149.
- Danukalova G., Yakovlev A., Alimbekova L. et al. Biostratigraphy of the Upper Pleistocene (Upper Neopleistocene) Holocene deposits of the Lemeza River Valley of the Southern Urals region (Russia) // Quaternary International. 2008. V. 190.
- *Chauvet J.-M., Deschamps E.B., Hillaire Ch.* Chauvet Cave: The Discovery of the World's Oldest Paintings. L., 1996.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ХАССУНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯРЫМТЕПЕ І

© 2012 г. Н.Ю. Петрова

Государственный исторический музей, Москва (petrovanatalya7@mail.ru)

Ключевые слова: *Месопотамия, хассунская культура, древнейшая керамика, технология, орнамент,* эксперимент.

The article presents the results of comparative technological analysis of Hassuna culture pottery from Yarim Tepe I (6th millennium BC) from the lower and middle horizons. The article covers the technological stages of selecting the clay and the organic materials, composing the clay mass and treating the surface, and also considers certain issues related to the ornamentation and firing of the pottery.

Поселение хассунской культуры Ярымтепе I VI тыс. до н.э. исследовалось в период с 1969 по 1976 г. первой Советской археологической экспедицией Института археологии (ИА) на Ближнем Востоке под руководством Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта. Памятник расположен в Синджарской долине в 7 км к юго-западу от г. Телафар (Ирак). В ходе работ в его 6-м культурном слое было выделено 12 строительных горизонтов, отражающих все этапы развития хассунской культуры (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 18-155). Ее ареал охватывает область Северной Месопотамии от бассейна р. Тигр и района Хатры на востоке и юго-востоке до р. Хабур на западе. На территории Синджарской долины памятники дают всю колонку развития хассунской культуры, от раннего этапа (Телль Сотто - Умм Дабагия) до позднейшего (Элиас, 2003. С. 9).

Впервые керамика хассунской культуры была обнаружена М. Маллованом при раскопках акрополя Ниневии (Телля Куюнджик) в 1931 г. Она была зафиксирована в предматериковом слое и в соответствии с археологической периодизацией памятника получила название "ниневийская I".

В 1943 г. С. Ллойд и Ф. Сафар начали широкое исследование многослойного поселения Телль Хассуна, расположенного примерно в 30 км к югу от г. Мосул и в 12 км к западу от берега Тигра. Это поселение стало эпонимным памятником хассунской культуры и дало первую наиболее полную информацию почти обо всем периоде ее развития. Мощность собственно хассунского слоя памятника на раскопанном участке поселения составила немногим более 5 м. Авторы раскопок получили разнообразную и обширную информацию об этой

древнейшей (из известных на тот момент) культуре керамического неолита Северной Месопотамии, а также, что очень важно, выявили деление культурного слоя памятника на два этапа, названных на основании анализа морфологии и декора керамических сосудов "стандартной" и "архаической" Хассуной (Lloyd, Safar, 1945).

Важнейшим этапом исследования хассунской культуры стали раскопки Советской археологической экспедиции ИА САН на поселении Ярымтепе I. Полученные экспедицией научные результаты, с одной стороны, подтвердили разделение культурного слоя поселений хассунской культуры восточной Джезиры на стандартный и архаический этапы, а с другой, позволили существенно дополнить и углубить уже имевшиеся сведения о ее истории. Наиболее массовый и значительный материал, происходящий из раскопок Ярымтепе I, – керамика, к настоящему времени изученная лишь типологически. Она хранится в фондах ИА РАН в Москве и доступна для технико-технологического исследования, направленного на сравнительное изучение некоторых технологических особенностей керамики этапов архаической Хассуны и перехода к стандартной Хассуне на памятнике Ярымтепе I. Материалом для него послужили серии образцов керамики из самого нижнего XII строительного горизонта памятника и VII горизонта, как раз отмечающего переход к стандартной Хассуне и названного авторами раскопок "условной гранью" (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 90). В общей сложности изучению подверглись обломки 50 сосудов (по 25 из каждого горизонта), представленных чашами (22), кувшинами (5), горшками (14), тазами (8) и одним сосудом-хранилищем (рис. 1). Определение

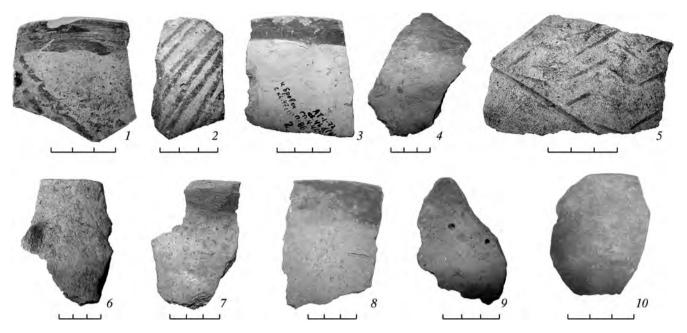

Рис. 1. Обломки некоторых изученных сосудов из нижних горизонтов поселения Ярымтепе I: I-5 – горизонт VII; 6-10 – горизонт XII.

принадлежности изученных сосудов к разным видам проведено в соответствии с классификацией форм, предложенной Р.М. Мунчаевым и Н.Я. Мерпертом (1981. С. 93–110).

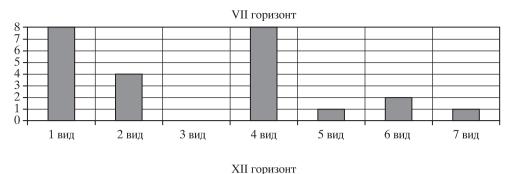
Изучение керамического материала велось в соответствии с методикой, разработанной А.А. Бобринским (1978) по следующим ступеням технико-технологического процесса: отбор исходного сырья (ступень 1); обработка исходного сырья (ступень 3); составление формовочных масс (ступень 4); обработка поверхности (ступень 8); некоторые вопросы, связанные с декорированием изделий (ступень 12) и их обжигом (ступень 9).

При изучении навыков отбора глинистого исходного сырья фиксировалась степень ожелезненности глины, степень ее пластичности и состав естественных примесей. При рассмотрении органического сырья выделялись различные его виды и способы обработки. При изучении формовочных масс определялся качественный состав искусственных примесей и их концентрация в формовочной массе. Кроме того, исследовались приемы обработки и декорирования поверхности сосудов. При изучении обжига устанавливалась примерная его температура и длительность. Непосредственный анализ керамики включал, во-первых, вторичный обжиг образцов в муфельной печи в одинаковых условиях для определения степени ожелезненности глины, во-вторых, изучение обломков сосудов с помощью микроскопа МБС-10, в-третьих, проведение специальных экспериментов с целью уточнения некоторых данных о составе органических материалов в формовочной массе сосудов.

Анализ основного исходного сырья. Основным сырьем для изготовления керамики служила глина, использовавшаяся во влажном состоянии. Всего по изученным материалам удалось зафиксировать семь видов глин, различающихся по степени пластичности, ожелезненности и концентрации естественной примеси известняка (рис. 2).

В XII горизонте (на этапе архаической Хассуны) отмечено использование гончарами трех видов глин: 1) средней ожелезненности и высокой пластичности ("жирная" глина – единичные включения кварцевого окатанного мелко- и среднезернистого песка -0.1 -0.25 и 0.25 -0.5 мм) белого и светлосерого цветов (Лопатина, Каздым, 2010. С. 52) с небольшим количеством мелких или сочетанием мелких и крупных известняковых включений (окатанных, сероватых и беловатых, рыхлых); 2) средней ожелезненности и высокой пластичности глина с большим количеством мелких известняковых включений; 3) средней ожелезненности и средней пластичности (небольшое количество кварцевого окатанного мелко- и среднезернистого песка -0.1-0.25 и 0.25-0.5 мм) белого и светло-серого цветов в концентрации не более 1:5 (Лопатина, Каздым, 2010. С. 47) с мелкими известняковыми включениями в большой концентрации.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с разработками А.А. Бобринского (1999. С. 25, 26) выявленные особенности глинистого сырья позволяют

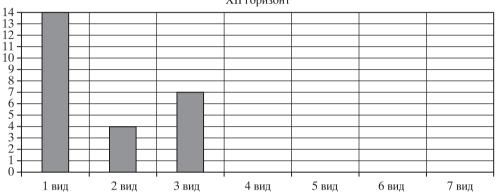

Рис. 2. Распределение сосудов по видам основного исходного сырья.

сделать вывод о том, что местные гончары добывали глины для изготовления сосудов в пределах одного условного района, но использовали при этом разные ее залежи.

Первый вид глин применялся наиболее широко для изготовления разных категорий сосудов (чаши и тазы составляют по 29, а горшки и кувшины – по 21%). Второй вид глин использовался преимущественно для изготовления чаш (75%), третий – горшков (71%).

Позднее в VII горизонте на этапе перехода к стандартной Хассуне первый вид глин продолжал активно использоваться местными гончарами, а второй (здесь он имел некоторые отличия по минералогическому составу: в отдельных фрагментах керамики зафиксированы, помимо белых и светлосерых, песчинки красного цвета) применялся только для изготовления чаш. Третий вид в это время по изученным материалам не зафиксирован.

Наряду со старыми начинают активно использоваться и новые глиняные залежи. В это время широкое распространение получают, кроме среднеожелезненных, слабоожелезненные глины: 4) слабой ожелезненности и высокой пластичности с небольшим количеством мелких или сочетанием мелких и крупных известняковых включений; 5) смесь глины высокой пластичности и слабой ожелезненности и дробленой сухой глины средней ожелезненности. Этот факт отражает начало процессов смешения

носителей разных гончарных традиций. В сырье также присутствует небольшое количество мелких или сочетание мелких и крупных известняковых включений; 6) средней ожелезненности и средней пластичности (но, в отличие от третьего вида, здесь песчаная примесь, помимо отдельных песчинок, представлена их конгломератами, состоящими из частиц разного цвета, – белого, серого, красного), содержащая большое количество мелких известняковых включений; 7) слабой ожелезненности и средней пластичности (песчаная примесь, помимо отдельных включений, представлена песчаными конгломератами, состоящими из частиц белого, серого, красного цвета), также с большим количеством мелких известняковых включений.

В этом горизонте четвертый вид глины применялся при изготовлении различных форм сосудов: чаш (63%), кувшинов (12%), горшков (25%). Он не отмечен только при изготовлении тазов, где применялась исключительно глина первого вида, как и в XII горизонте. Четвертый вид глины, скорее всего, также был местным. Использование трех последних видов сырья зафиксировано только для изготовления чаш. Глины шестого и седьмого видов, содержащие песчаные конгломераты, существенно отличаются по этому признаку от местных видов природных глин.

Таким образом, анализ навыков отбора основного исходного сырья позволяет прийти к следующим

выводам. Во-первых, на поселении в период как архаической, так и перехода к стандартной Хассуне работало несколько гончаров или групп гончаров, использовавших разные виды глин и глиняные залежи. Во-вторых, первые четыре вида глин были, скорее всего, местными. Изготовленные из них сосуды количественно преобладают (до 85%). Как будет показано ниже, при их производстве в большинстве случаев использовались традиционные приемы составления формовочных масс и декорирования изделий. В-третьих, последние три вида глин с большой вероятностью нельзя рассматривать как местные. Сосуды, изготовленные из них, находятся в меньшинстве (8% всей выборки) и отличаются по составу формовочных масс и способу декорирования. Глины шестого и седьмого видов, судя по особенностям естественной примеси песка, вероятно, происходят из какого-то предгорного района. Это позволяет сделать вывод о том, что в период перехода к стандартной Хассуне на поселении появляются носители новых гончарных традиций.

Анализ формовочных масс. Преобладающее большинство исследованных сосудов содержит органическую примесь растительного происхождения, видимую невооруженным глазом. Но задача ее идентификации оказалась не такой простой из-за недостаточной изученности следов, оставляемых ею в обожженном черепке. Выяснению характера разных органических добавок в формовочной массе керамики большое внимание было уделено А.А. Бобринским (1978; 1981а; б; 1989; 1999), выделившим целый ряд характерных признаков, на которые можно ориентироваться при определении органики. Исследования были продолжены Ю.Б. Цетлиным (1993; 1999; Tsetlin, 2003), И.Н. Васильевой совместно с А.А. Бобринским (Бобринский, Васильева, 1998) и Н.П. Салугиной (в рукописи работы Ю.Б. Цетлина 1993 г. приводятся данные неопубликованного эксперимента Н.П. Салугиной, связанного с изучением состава органических остатков навоза животных). Однако, несмотря на неоднократные обращения исследователей к данной проблеме, она еще далека от полного разрешения.

Для идентификации органики в керамике поселения Ярымтепе I автором была предпринята серия экспериментов с различными видами органических примесей, содержащих следующие растительные остатки: свежую траву, сено, солому, навоз крупного рогатого скота (коровы) и мелкого рогатого скота (овцы). В ходе этих экспериментов использовались отмученная глина, сухая, дробленая и просеянная через мелкое сито, и навоз – как в сухом измельченном, так и в увлажненном состоянии. Были изготовлены экспериментальные образцы

в виде небольших сосудов, содержащие наряду с глиной как один вид органического сырья, так и несколько, т.е. многокомпонентные составы, представляющие смеси отмеченных органических материалов в различных сочетаниях (20 вариантов). Кроме таких сосудов были изготовлены глиняные пластинки определенного размера как с растительными материалами в формовочной массе, так и с их отпечатками на поверхности. И те и другие были обожжены в окислительной среде в муфельной печи при двух температурных режимах: до 300 и до 800° С. В результате сравнительного микроскопического и трасологического анализов фрагментов археологической керамики с экспериментальными образцами удалось прийти к определенным выводам.

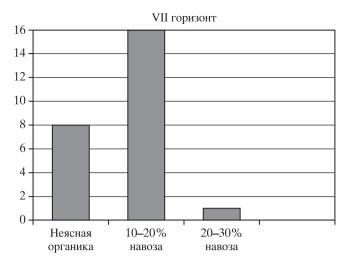
В частности, выяснилось, что изученную керамику поселения Ярымтепе I по навыкам составления формовочных масс можно разделить на две группы (рис. 3). Первая представляет собой формовочную массу из смеси глины, сухого навоза предположительно мелкого рогатого скота и достаточно грубой травянистой примеси. В связи с этим необходимо отметить, что в остеологической коллекции поселения Ярымтепе I кости мелкого рогатого скота преобладают над остальными (Мунчаев, Мерперт, 1981. С. 149). О наличии навоза в составе формовочных масс говорят следующие виды признаков: 1) присутствие очень мелких растительных остатков длиной до 0.5 и шириной 0.1-0.2 мм, имеющих округлые сглаженные очертания; 2) наличие расщепленных вдоль волокон частиц листовых пластин и стеблей длиной от 1-5 и шириной от 0.2-1.5 мм (соотносятся с группами растительных остатков № 1, 2 и 4 по: Бобринский, 1999. С. 18). Оба отмеченных вида связываются с растительными остатками, прошедшими через желудочнокишечный тракт животного. А первый вид - с навозом мелкого рогатого скота, где отмеченные растительные остатки преобладают, в то время как в навозе крупного рогатого скота они встречаются крайне редко. Кроме того, в ряде случаев удалось зафиксировать наличие светлых молочных комочков, отсутствующих в природной глине и связанных по своему происхождению со специфическими выделениями, присутствующими в отходах жизнедеятельности животных (Бобринский, 1999. С. 19). Дополнительно на использование гончарами примеси навоза в формовочной массе сосудов указывает высокая прочность получившегося черепка. По данным эксперимента все образцы, имеющие в своем составе примесь сена, соломы и травы, независимо от температуры обжига, оказались очень не прочными, покрытыми многочисленными трещинами и легко рассыпающимися. Однако при добавлении в состав формовочной массы примеси навоза как мелкого, так и крупного рогатого скота даже в небольшой концентрации ситуация изменялась: экспериментальные образцы приобретали значительную механическую прочность. А.А. Бобринский неоднократно обращал внимание на тот факт, что введения в формовочную массу органических материалов (особенно помета птиц и навоза мелкого рогатого скота) ведет к приобретению изделиями даже после высыхания на воздухе камнеподобного состояния и значительной прочности. Помимо этого, известно, что введение в формовочную массу примеси навоза животных уменьшает величину усадки изделий при сушке и обжиге (Бобринский, 1999. С. 86, 87). В формовочной массе второй группы керамики содержатся очень мелкие растительные остатки в незначительной концентрации.

В XII горизонте на этапе архаической Хассуны формовочная масса первой группы — наиболее массовая. Она зафиксирована по 23 сосудам (т.е. в 92% случаев). Концентрация навоза в формовочной массе очень значительна и составляет от 20 до 40% общего ее объема, а концентрация грубых травянистых остатков в ряде случаев — 40. Последние, ориентируясь на признаки, указывающие на степень влажности этого материала, можно квалифицировать как сено, подсушенную или свежую траву, причем преобладало именно подсушенное или сухое состояние. Вероятно, этот грубый растительный материал попал в формовочную массу случайно вместе с навозом во время его сбора.

Указанные виды искусственных примесей присутствуют в разных видах как тонкой, так и грубой керамики. При этом преимущественная связь этих органических добавок с каким-либо определенным видом посуды пока не фиксируется.

Во вторую группу с мелкими и редкими растительными остатками в формовочной массе попадают всего два сосуда из XII горизонта, в обоих случаях это тонкостенные чаши.

В VII горизонте в период перехода от архаической к стандартной Хассуне ситуация заметно меняется. К первой группе формовочных масс относятся обломки от 17 разных по форме сосудов (или 68%). Однако концентрация сухого навоза мелкого рогатого скота в них существенно ниже — только около 10%, в редких случаях — 20 и только в одном случае — 30. Концентрация сухих травянистых остатков, не связанных с навозом, здесь зависит от вида сосудов. Она составляет 10—20% в более тонких изделиях (кувшины и чаши) и 20—40 — в более грубых (горшки и тазы). Сухие растительные остатки

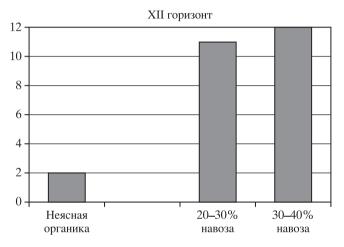

Рис. 3. Распределение сосудов по особенностям состава формовочных масс.

в составе формовочной массы существенно отличаются от зафиксированных в керамике нижнего слоя памятника. Практически во всех сосудах указанной группы такие остатки имеют окончания в виде ровного среза. В ряде случаев удалось зафиксировать их длину -10-17 мм при ширине 1-2. Были ли эти растительные остатки результатом какой-то специальной обработки и добавлены ли они сознательно в формовочную массу или же они сопутствуют навозу и связаны с его обработкой, - вопрос, на который могут дать ответ только дальнейшие исследования. Подобные ровные срезы растительных стеблей имеются в экспериментальных образцах, где в формовочную массу было добавлено резаное сено (или солома), но подобную их обработку древними гончарами сложно предполагать ввиду ее исключительной трудоемкости. Тем не менее следует подчеркнуть, что данный состав формовочной массы фиксируется во всех видах изученных керамических изделий.

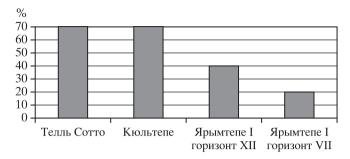

Рис. 4. Динамика изменения максимальной концентрации навоза мелкого рогатого скота в формовочной массе неолитических сосудов.

Во вторую группу, где формовочная масса содержит измельченные растительным материалы в небольшой концентрации, включены восемь сосудов (32%), также представленные тонкостенными чашами.

Таким образом, можно отметить, что переход от архаической к стандартной Хассуне характеризуется значительным изменением состава навыков составления формовочных масс местных гончаров. Хотя старые традиции продолжают использоваться, но доля их со временем становится существенно ниже. Наблюдается распространение новых традиций, связанных с использованием более тонких формовочных масс, доля которых уже весьма значительна.

Зафиксированная тенденция еще более четко проявляется при сопоставлении материалов Ярымтепе I с материалом более ранних памятников Синджарской долины, изучавшихся ранее А.А. Бобринским. Если в предшествующих по времени памятниках с протохассунской керамикой (Телль Сотто и Кюльтепе) отмечено введение в формовочную массу сосудов навоза в очень большой концентрации — до 70% общего объема (в большинстве случаев — не менее 60), то в керамике нижнего слоя Ярымтепе I концентрация навоза составляет не более 40%, а позднее — еще меньше (рис. 4).

Анализ приемов обработки поверхности сосудов. По изученной керамике Ярымтепе I зафиксировано использование гончарами следующих приемов обработки поверхности: заглаживание, лощение, обмазка дополнительным слоем глины и ангобирование. Последние три вида обработки могли использоваться также для декорирования сосудов и поэтому будут рассмотрены в следующем разделе.

Сосуды XII горизонта тщательно заглаживались, кроме тазов, для которых характерно грубое заглаживание. Причем во всех случаях отмечается разная направленность линий заглаживания, часто находящихся под наклоном к срезу венчика. Напро-

тив, сосуды из VII горизонта в большинстве случаев характеризуются практически горизонтальным направлением заглаживания. Ответ на вопрос, свидетельствует ли это о развитии техники гончарного производства или только о совершенствовании мастерства гончаров, — предмет будущих исследований.

Анализ приемов декорирования сосудов. Помимо лощения, обмазки поверхности сосудов глиной и ангобирования для декорирования применяли также окрашивание охрой, скульптурные налепы и резьбу (рис. 5).

В XII горизонте в период архаической Хассуны нанесение красной краски после обжига на чаши и горшки использовалось в 55% случаев. Реже на сосудах зафиксированы следы плохо сохранившейся грубой обмазки (предположительно более светлой глиной), также нанесенной после обжига только снаружи, только изнутри и на обеих поверхностях (23%). На некоторых чашах и горшках заглаживание дополняется лощением по подсушенной поверхности (18%). Скульптурный налеп зафиксирован только на одном сосуде.

В более позднем VII горизонте зафиксирована уже иная картина. Большинство сосудов, кроме тазов, имеют следы росписи красной (охристой) краской, нанесенной преимущественно до обжига, а также коричневой (охристой) краской, но уже после обжига. Интересно, что коричневая краска в основном отмечена на чашах, которые по составу основного пластичного сырья относятся к не местной по происхождению группе сосудов. Только в одном случае такая краска присутствует на поверхности кувшина, относящегося к местной группе. В ходе анализа было установлено, что после повторного

Рис. 5. Приемы декорирования сосудов.

обжига в муфельной печи при температуре 850° C коричневая краска на поверхности сосудов изменяла свой цвет на красный. Следовательно, цветовые различия в окраске поверхности сосудов были связаны не с использованием разных минеральных красителей, а именно с тем, что коричневая краска наносилась уже после термической обработки. На чашах и горшках местного производства в 31% случаев зафиксировано нанесение тонкого слоя светлого ангоба. Важно подчеркнуть, что ангобное покрытие отсутствует на тех чашах, для которых можно предполагать неместное производство. Вероятно, технология покрытия поверхности сосудов ангобом в данном случае – результат развития местных традиций, связанных со стремлением улучшить качество обмазки. Лощение и резной орнамент зафиксированы на чашах всего по одному разу. Причем резной орнамент присутствует на чаше неместного производства, которая по основному исходному сырью относится к слабоожелезненным глинам.

Таким образом, можно отметить, что переход от архаической к стандартной Хассуне характеризуется значительным изменением в составе традиций декорирования глиняной посуды. Появляются такие способы, как покрытие сосудов коричневой краской и резной орнамент. Подобные сосуды в большинстве случаев в качестве исходного сырья имеют глину неместного происхождения.

Изучение обжига сосудов. Анализ изломов фрагментов керамики позволил выяснить некоторые особенности условий обжига. Внешняя и внутренняя поверхности большинства черепков прокалены, а средний слой - светло-серого или слегка красноватого цвета. Граница перехода между слоями размыта. Тонкие фрагменты керамики прокалены насквозь. Зафиксированные особенности свидетельствуют о том, что керамические изделия обжигались в условиях окислительной среды и достигли температур каления, которые были не ниже 650° С. Они находились в зоне действия таких температур длительное время при медленном их падении, остывание сосудов происходило непосредственно в обжигательном устройстве (Бобринский, 1999. С. 96).

Полученная информация вполне соответствует техническим возможностям найденных на поселении обжигательных устройств. В горизонтах IX, VII и V были обнаружены остатки небольших гончарных горнов с вертикальным током горячих газов. Диаметр теплопроводно-разделительных блоков в них колеблется от 70 см до 1.25 м (Цетлин, 2004. С. 412, 413). Вероятно, именно в таких горнах обжигались сосуды небольшого размера.

Кроме того, зафиксированы два фрагмента сосудов (по одному в каждом горизонте), изготовленных из местной глины и прошедших заключительную стадию обжига в восстановительной среде. Они имеют серый цвет в изломе, причем слои, примыкающие к поверхности, более темные (толщина слоя различна -0.1 и 1-2 мм), граница между слоями резкая. Возможно, это связано с какой-то дополнительной обработкой поверхности сосудов.

Предпринятое технико-технологическое исследование выборочных материалов хассунской керамики позволяет прийти к следующим предварительным выводам. В целом подтверждается общая схема развития хассунской культуры, впервые зафиксированная на эпонимном поселении Телль Хассуна и детализированная раскопками поселения Ярымтепе І. Реконструируется процесс перехода от этапа архаической Хассуны к этапу стандартной. Кроме того, проведенное исследование позволило дополнить эти результаты новыми данными.

В частности, установлено, что в XII горизонте памятника в период архаической Хассуны существовали и функционировали две системы гончарной технологии. Носители первой (доминирующей) системы, имеющей корни на данной территории, использовали три вида местных глин, к которым добавляли навоз мелкого рогатого скота в значительной концентрации (порядка 20-40%) в сочетании с грубыми растительными материалами. Для декорирования посуды они использовали красную краску, обмазку поверхности сосудов глиной, лощение и скульптурные налепы. Гончары-носители второй системы гончарной технологии, скорее всего неместной по своему происхождению, использовали только одну местную глину (первого вида), которая была основной и для местных гончаров. Для декорирования сосудов они применяли красную краску.

В VII горизонте в период перехода к стандартной Хассуне картина существенно изменилась. К этому времени на поселении распространились сосуды, изготовленные из неместных видов глины в соответствии со второй системой гончарной технологии, отдельные экземпляры продукции которой уже использовались здесь в более ранний период. Вероятно, эти изделия, декорированные коричневой краской и резьбой, следует квалифицировать как культурный импорт.

Таким образом, можно заключить, что уже в древнейший период существования поселения его население не было однородным по своим гончарным традициям. Зафиксированы две системы гончарной технологии, проявившие себя в различных традициях составления формовочных масс. Одна из

них была доминирующей и более архаичной. Она имеет корни на данной территории, что засвидетельствовано А.А. Бобринским при изучении более ранних памятников Телль Сотто и Кюльтепе (1989. С. 327—334). Вторая была принесена на это поселение извне. По целому ряду выявленных технологических признаков между носителями первой и второй систем шел постепенный процесс смешения гончарных традиций. В частности, это проявилось в фактах использования формовочной массы из смеси двух разных глин, постепенном уменьшении концентрации примеси навоза животных в составе формовочной массы, а также в некоторых приемах декорирования посуды.

В заключение следует отметить, что полученные выводы пока имеют предварительный характер. Дальнейшее изучение обширных керамических коллекций памятника Ярымтепе I позволит уточнить и дополнить их.

Выражаю глубокую благодарность Р.М. Мунчаеву и Н.Я. Мерперту за предоставленную возможность использовать материалы Ярымтепе I для изучения и публикации и А.А. Бобринскому, Ю.Б. Цетлину и Ш.Н. Амирову – за консультации и помощь в работе с керамическим материалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- *Бобринский А.А.* Секреты древних гончаров // Наука и жизнь. 1981а. № 10.
- *Бобринский А.А.* У истоков гончарного искусства // Природа. 1981б. № 4.

- Бобринский А.А. Технологическая характеристика керамики из Телль Сотто и Кюльтепе // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
- *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- *Попатина О.А., Каздым А.А.* О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010.
- *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
- *Цетлин Ю.Б.* Органические добавки животного происхождения в глиняной посуде (К разработке методов изучения). М., 1993 (на правах рукописи).
- *Цетлин Ю.Б.* Основные направления и подходы к изучению органических примесей в древней керамике // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- *Цетлин Ю.Б.* Гончарный горн на памятнике Телль Хазна I в Сирии // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров III.Н. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV—III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. М., 2004.
- Элиас С. Хассунская культура Северной Месопотамии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna: Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1943–1944 // Jr. Near Eastern Studies. 1945. V. 4. № 4.
- *Tsetlin Y.B.* Organic Tempers in Ancient Ceramics // Ceramic in the Society. Proceedings of the 6th European Meeting on Ancient Ceramics. Fribourg, 2003.

СКЛЕП IV в. н.э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ У с. КУРСКОЕ В КРЫМУ

© 2012 г. А.А. Труфанов

Крымский филиал Института археологии НАН Украины, Симферополь (archaeo@ukrpost.net)

Ключевые слова: некрополь, грунтовый склеп, лепная и краснолаковая посуда.

The article publishes the materials from burials in crypt 4 of the cemetery near Kurskoye village in southeastern Crimea. The burial structures date to the 3^d-4th cc. AD. The artifacts found in the graves are typical of barbarian burials in the Crimea, and include hand-made and red-lacquer pottery, metal items and glass beads.

На археологической карте Крыма могильник у с. Курское — самый восточный варварский некрополь среди известных памятников III—IV вв. н.э. предгорной зоны. Такое расположение некрополя на периферии территории Крымской Скифии, поблизости от границ Боспора, привлекает к памятнику особое внимание.

Могильник расположен в 2 км к северу от с. Курское Белогорского р-на Крыма. Памятник находится на левом берегу р. Индол, к западу от обрывов горы Бор-Кая, на входе в долину, ведущую из предгорий в сторону г. Судак. Предполагается, что по этой долине в древности проходила дорога, связывающая предгорье с побережьем (Гаврилов, 2004. С. 27). Следы поселения, которое находилось бы поблизости и могло быть связано с могильником, пока не обнаружены. Высказано мнение, что таким поселением следует считать укрепление и селище III в. до н.э. – III в. н.э. на вершине горы Бор-Кая (Гаврилов, 2004. С. 27). Связь между могильником и упомянутым поселением сомнительна, причем не столько по причине хронологического несоответствия, сколько из-за большого расстояния между памятниками. Гора Бор-Кая обращена к могильнику высокими обрывами, и попасть на ее вершину возможно лишь по северным склонам, так что реальный путь между могильником и поселением составляет не менее 3-4 км, включая спуск в долину р. Индол, переход на другой берег реки, обход горы с северо-запада и подъем.

Археологические исследования памятника проводились экспедицией КФ ИА НАН Украины в 2000–2001 гг. За это время были раскопаны 22 подбойные могилы, 4 склепа и 1 конское захоронение. Выявленные погребения могильника датировались в рамках III—IV вв. н.э. Материалы исследованных подбойных могил и трех склепов публиковались

ранее (Труфанов, Колтухов, 2003. С. 278–295; Труфанов, 2004. С. 495–521). Публикации материалов раскопок четвертого склепа (N2 4) посвящена данная статья.

Склеп 4 представляет собой грунтовое погребальное сооружение продольно-осевой планировки, ориентированное по линии ССВ–ЮЮЗ, с трапециевидной входной ямой и расположенной к северу-северо-востоку от нее прямоугольной камерой (рис. 15).

Входная яма длиной 2.85 м расширяется по направлению к входу в камеру от 0.64 до 1 м. В ее северо-северо-восточной стенке вырублены две ступени высотой 0.35 и 0.6 м, шириной 0.2–0.25. Дно ямы понижается по направлению к входному отверстию с отметки 3 до 3.3 м от современной поверхности. В верхней части засыпи входной ямы над закладной плитой на уровне древней поверхности была зафиксирована небольшая яма диаметром 0.6 м, глубиной 0.2, заполненная золистым грунтом и мелкими фрагментами лепной керамики.

Входное отверстие арочной формы высотой 0.98, шириной $0.8\,$ м было закрыто известняковой закладной плитой размерами $1.05\times0.97\times0.2\,$ м.

Погребальная камера в плане имела форму, близкую к прямоугольнику со сторонами $2.15-2.25 \times 2.5-2.55$ м. Дно камеры на 0.65 м ниже уровня входного отверстия. К моменту начала исследования камера была почти полностью засыпана обвалившимся вместе со сводом грунтом. Стенки сохранились до высоты 1.3-1.5 м.

На дне камеры обнаружены захоронения четырех человек, погребенных в вытянутом положении на спине, головами на юг-юго-запад.

Погр. 1 (женское?) расположено у юго-юго-восточной стенки камеры. Есть основания предпо-

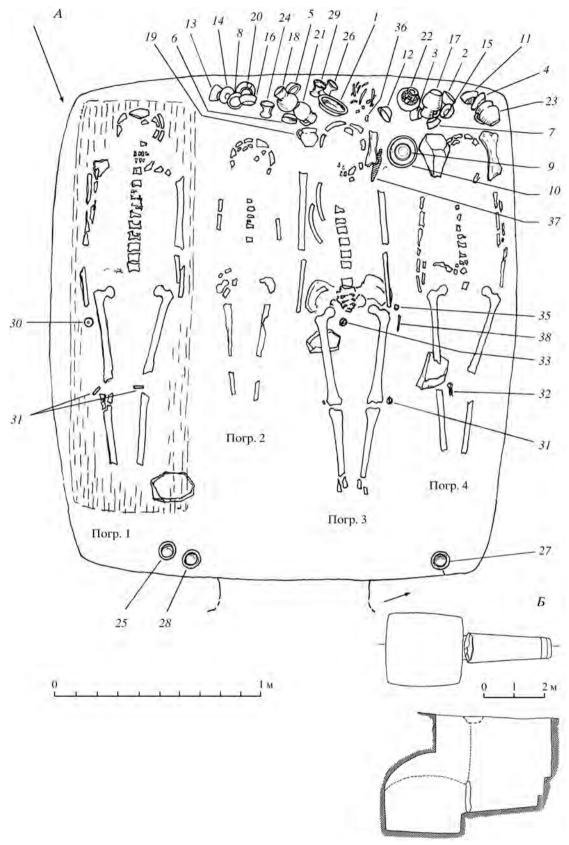
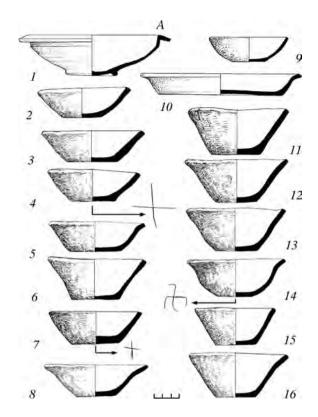
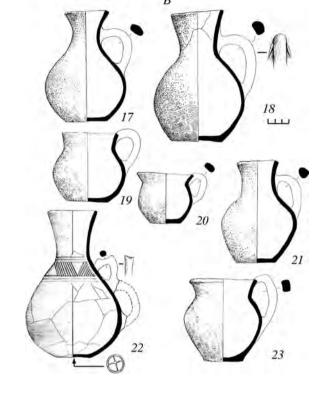

Рис. 1. Могильник у с. Курское. Склеп 4. A — план погребений: I — тарелка краснолаковая; 2—9, 11—16 — чашки лепные; 10 — тарелка гончарная; 17, 18, 21, 22 — кувшины лепные; 19, 20, 23 — кубки лепные; 24—29 — курильницы лепные; 30 — пряслице; 31 — пронизи стеклянные; 32 — пинцет бронзовый; 33, 34 — пряжки бронзовые; 35 — перстень бронзовый; 36 — серьга золотая; 37 — нож железный; 38 — шило железное; 5 — план, разрез.

36 ТРУФАНОВ

лагать, что данное погребение наиболее раннее в склепе, так как пространство за черепом, в южном углу камеры не занято керамикой. Под костяком выявлены остатки тлена от какого-то органического материала, возможно, представлявшего собой подстилку из войлока. У правого бедра найдено лепное пряслице (рис. 1A и 2B, 30), у коленей – две трубчатые пронизи из зеленого стекла (рис. 1A и 2B, 31). Под слоем тлена подстилки, у ног погребенной лежал плоский обломок известняка.

Погр. 2 находилось рядом с погр. 1. Костяк сохранился плохо, но все же можно предполагать, что останки принадлежали подростку (реконструируемый рост около 1.4 м). Вещи при погребенном не обнаружены.

Погр. 3 (мужское): под правой бедренной костью лежал небольшой плоский обломок известняка; у черепа найдена золотая проволочная серьга (рис. 1A и 2B, 36), над левым плечом лежала кость животного и железный нож с бронзовой заклепкой и остатками дерева на рукояти (рис. 1A и 2B, 37). Среди фаланг пальцев левой руки находился бронзовый пластинчатый перстень со щитком в виде четырех завитков (рис. 1A и 2B, 35), рядом лежало железное шило со следами деревянной рукояти (рис. 1A и 2B, 38). У костей таза найдена бронзовая пряжка (рис. 1A и 2B, 33), другая пряжка, тоже бронзовая, зафиксирована у левого колена (рис. 1A и 2B, 34). Возможно, к погребальному инвентарю

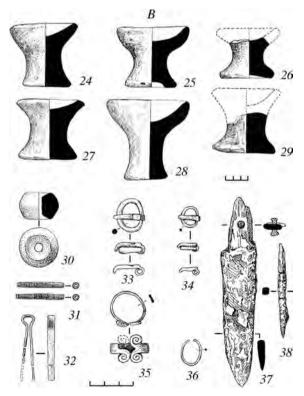

Рис. 2. Могильник у с. Курское. Склеп 4. Находки. A: 1 – краснолаковая тарелка; 2–9, 11–16 – лепные чашки; 10 – гончарная тарелка; B: 17–23 – лепные сосуды; B: 24–29 – лепные курильницы; 30 – пряслице; 31 – пронизи; 32 – пинцет; 33, 34 – пряжки; 35 – перстень; 36 – серьга; 37 – нож; 38 – шило. 31 – стекло; 32–35 – бронза; 36 – золото; 37, 38 – железо.

рассматриваемого захоронения следует относить стоявший рядом с черепом лепной кубок (рис. 1A и 2B, 19).

Погр. 4 (женское) расположено у западно-северо-западной стенки камеры. У правого плеча и под правым коленом лежали плоские обломки известняка. Рядом с левым плечом зачищена крупная кость животного, в районе коленей найден бронзовый пластинчатый пинцет (рис. 1A и 2B, 32). Между остатками черепов погр. 3 и 4 стояла гончарная лаковая тарелка (рис. 1A и 2A, 10) с поставленной внутрь нее тонкостенной лепной чашкой (рис. 1A и 2A, 9).

Под юго-юго-западной стенкой на дне погребальной камеры зачищено скопление сосудов. Среди них — краснолаковая тарелка (рис. 1A и 2A, I), лепные кувшины и кубки (рис. 1A и 2E, 17-23) и однотипные лепные толстостенные чашки усеченно-конической формы (рис. 1A и 2A, 2-8, 11-16). Среди скопления сосудов найдены кости птицы.

Помимо того на дне камеры найдены лепные курильницы из необожженной глины. Три из них находились среди рассмотренного выше скопления керамических сосудов, три других – у северо-северо-западной стенки, по обеим сторонам от входа.

Определяя место рассматриваемого склепа в погребальной традиции варваров предгорного Крыма, остановимся подробнее на некоторых моментах, касающихся признаков обряда и хронологии находок.

- 1. Конструкция склепа вполне соответствует стандартам, бытовавшим в погребальной практике варварского населения Крыма на протяжении IV-VII вв. н.э. (см., например, Айбабин, 1990. С. 65; Амброз, 1994. С. 40, 41; Юрочкин, 1997. С. 130). В это время на территории предгорного Крыма сооружаются грунтовые склепы продольно-осевой конструкции с прямоугольными или трапециевидными камерами и более или менее выраженным "коридорчиком", разделяющим входную яму и камеру. Входные ямы этих склепов, как правило, относительно длинные (для сравнения: длина входных ям четырех исследованных склепов могильника у с. Курское колеблется в пределах 2.75–2.9 м). Появление и распространение в Крыму погребальных сооружений данного типа принято связывать с переселениями сармато-аланских племен с Северного Кавказа (Айбабин, 1990. С. 66; Пиоро, 1990. С. 137–139; Пуздровский, 1994. С. 119; Храпунов, 1999. C. 268).
- 2. Большая часть найденных в склепе 4 сосудов размещалась под юго-юго-западной стенкой камеры за головами погребенных. Концентрация сосу-

дов в одном или в двух местах камеры, в углах или у стенок склепа как признак погребального обряда прослежена на многих могильниках предгорного Крыма, функционировавших в IV в.: например, Дружное (Айбабин, 1994. Рис. 2; Храпунов, 2002. Рис. 4; 49; 62), Суворово (Юрочкин, Труфанов, 2003. Рис. 1). Попытки связать сосуды из таких скоплений керамики с отдельными захоронениями (по принципу "ближе—дальше" от костяка) порой выглядят несколько натянутыми.

3. К числу датирующих находок из склепа относятся две гончарные тарелки. Одна краснолаковая, усеченно-коническая, с горизонтально отогнутым венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 2A, 1). Диаметр венчика – 19 см, диаметр поддона – 6.6, высота – 5.1. Такие сосуды продолжают традиции тарелок формы 6.3 Понтийской сигиллаты по Д.В. Журавлеву, датировавшему их "серединой II – началом (первой половиной?) III в. н.э." (2007. С. 368, 369). Полагаю, что большая часть северопричерноморских комплексов с тарелками рассматриваемой формы датируется в рамках конца II – середины III в. Такие сосуды известны в Танаисе, в том числе в комплексе, "законсервированном" в конце II – начале III в., и (с монетами Ининфимея 234–238 гг.) в помещении, разрушенном в середине III в. (Арсеньева, Науменко, 1992. Рис. 54, 1; 56, 3). Такие же тарелки найдены в ряде крымских погребений, в том числе в могиле 3 (Битак) с лучковой фибулой с фигурной обмоткой, в могилах 133-а и 552 (Усть-Альма) с лучковыми фибулами со сплошной обмоткой, в могилах 295 и 722 (Усть-Альма) с узкогорлыми грушевидными кувшинами III в., в могиле 9 (Суворово) с лучковой фибулой 5-го варианта и шарнирным браслетом полихромного стиля (Зайцев, 1997. Рис. 58, 9), в могиле 18 (19) (Бельбек IV) с монетой начала III в. (Гущина, 1974. Puc. VII, 10). Такие же тарелки, но чуть более глубокие, зачастую отличающиеся от ранних сосудов лишь особенностями формовки и лакового покрытия, продолжают производиться и позже, встречаясь в комплексах IV в. (см., например, Зайцев, 1997. Рис. 57, 1). В классификации находок из могильника у с. Дружное этим сосудам соответствуют миски типа IX, варианта 5 (Храпунов, 2002. С. 59). В типологии керамики из Совхоза 10 они же имеют аналогии среди мисок варианта 7 (Стржелецкий и др., 2005. С. 85, 88. Табл. XVI, 12).

Вторая тарелка гончарная, плоскодонная, с отогнутым венчиком (рис. 2A, 10). Диаметр венчика — 20.1 см, диаметр дна — 15.5, высота — 2.7. Поверхность покрыта лаком серого цвета, черепок в изломе тоже серый, что связано с особенностями обжига. Примечательно, что лаковое покрытие од-

нотипной тарелки из склепа 38 (Суворово)¹ также серое (Юрочкин, Труфанов, 2003. С. 202).

Тарелки описанных форм из крымских погребений могут рассматриваться как хроноиндикаторы 310/320–370/380 гг. (Юрочкин, Труфанов, 2007. Рис. 5, 10; 6, 8) или IV в. в целом.

4. Значительную часть посуды из склепа 4 составляют лепные сосуды, что также характерно для погребального обряда в крымских склепах IV в. Среди этой посуды – три кувшина (рис. 2*Б*, 17, 18, 21) и три кубка (рис. 2*Б*, 19, 20, 23), выполненных в едином стиле (1-я группа керамики по: Юрочкин, 2005. С. 388. Рис. 5, 1), присущем посуде IV в., найденной на памятниках типа Озерное-Инкерман и в синхронных им погребениях из других крымских могильников. Близкие формы кувшинов и кубков известны, например, среди керамики из погребений IV в. Юго-Западного и Восточного Крыма: на некрополях Совхоз 10 (Стржелецкий и др., 2005. Табл. XXX, 15; XXXI, 4, 5, 12), Дружное (Айбабин, 1994. Рис. 12, 4; 14, 2; 22, 5), Сююрташ (Масленников, 2000. Табл. ХХ, 4).

Кувшины из склепа 4 представляют собой плоскодонные сосуды с лощеной поверхностью, с округлыми туловами и более или менее отогнутыми прямыми венчиками со "срезанным" верхним краем. Среди них — кувшин узкогорлый (рис. 2E, 17), диаметр венчика — 6.6 см, высота — 16.4, диаметр дна — 6; кувшин (рис. 2E, 18), диаметр венчика — 7.8 см, высота — 19.1, диаметр дна — 7.5. Верхний прилеп ручки оформлен в виде рельефных "разводов", особенность некоторых форм крымской лепной керамики IV в. н.э. (см. Храпунов, 2002. Рис. 106, 3, 7; 128, 5; 153, 7; 172, 2, 5; 187, 2). Третий кувшин — с цилиндрическим горлом (рис. 2E, 21), диаметр венчика — 6.3 см, высота — 15, диаметр дна — 5.8.

Особый интерес представляет лепной, лощеный, плоскодонный, орнаментированный кувшин с ручкой в виде двойной петли (рис. 2*Б*, 22), диаметр венчика – 7.4 см, высота – 21.5, диаметр дна – 5.4. Орнаментация кувшина состоит из находящегося в верхней части тулова пояса сглаженных горизонтальных линий и вписанных между ними секций врезных наклонных линий, чередующихся с треугольниками. На внешней стороне дна по сырой глине сделан рельефный оттиск в виде креста, вписанного в круг. Абсолютные аналогии этому сосудумне не известны. Кувшины с ручками в виде двойной петли фиксируются среди материалов первых веков н.э. от Нижнего Дона и Северного Кавказа

до Южного Приуралья (Абрамова, 1989. Табл. 107, 54; Мошкова, 1989. Табл. 84, 25; Косяненко, 2008. Рис. 71, 6). Вероятно, подобная форма ручки – стилизация фигуры зверя, что заметно при сравнении с более реалистичными изображениями². Кувшин иной формы "с клеймом в виде креста в круге на дне" найден в погр. 43 из Танаиса (раскопки 1982 г.), датированном II — началом III в. (Арсеньева и др., 2001. С. 14. Табл. 11, 145).

Кубки различаются размерами, формой корпуса и степенью наклона венчика. В числе этих сосудов — кубок со сферическим туловом и слабо отогнутым венчиком (рис. 2E, 19), диаметр венчика — 8.5 см, высота — 10.1, диаметр дна — 6.1; кубок меньших размеров, со сферическим туловом и резко отогнутым венчиком (рис. 2E, 20), диаметр венчика — 8.5 см, высота — 7.3, диаметр дна — 4.5; кубок с вытянутым туловом (рис. 2E, 21), диаметр венчика — 10.2 см, высота —12.2, диаметр дна — 6.

Особенность закрытых форм лепных сосудов из могильника у с. Курское, насколько можно судить по представленным здесь (рис. 2*Б*, 17–21, 23) и опубликованным материалам из других склепов (Труфанов, Колтухов, 2003. Рис. 14, 6; 18, *I*, 10), состоит в том, что у кувшинов верхний прилеп ручки крепится в средней или нижней части горла, а у кубков – к венчику. Впрочем указанная особенность может оказаться всего лишь следствием малого объема керамической выборки из некрополя.

По качеству изготовления рассматриваемые кувшины и кубки резко отличаются от грубо сформованных сосудов населения предгорного Крыма предшествующего позднескифского времени. Они отличаются тщательностью исполнения и от синхронных им изделий открытых форм, например чашек (рис. 2A, 2-8, 11-16) и курильниц (рис. 2B, 24-29) из этого же склепа. Нельзя исключать, что кувшины и кубки из склепа 4 – так называемые кружальные, т.е. изготовленные непрофессиональными гончарами с применением гончарного круга и обожженные в домашних условиях. Тем не менее обычно исследователи относят аналогичную керамику из крымских погребений IV в. к группе лепных сосудов (Айбабин, 1994. С. 96, 97; Юрочкин, 2005. С. 388). Следуя этой традиции, в данной статье такие сосуды также характеризуются как лепные.

Лепные толстостенные чашки усеченно-конической формы из склепа представлены 13 экз. (рис. 2A, 2-8, 11-16). Различаются чашки с прямыми, вы-

¹ Тарелка находилась среди скопления керамики под стенкой, а наиболее раннее погребение сопровождалось двумя монетами Константина I 306–337 гг.

² Таковы, например, ручки в виде зверей у кувшинов из некрополя Кобякова городища (Косяненко, 2008. Фото X, I-4) и комплекса из ст. Воронежской (Пьянков, 2008. Рис. 1, 7).

гнутыми и слегка скругленными стенками, с более или менее отогнутым венчиком. Диаметр венчика этих чаш — от 10—13 см, высота — 3.7—5.7, диаметр дна — 4.2—6.4. На внешней стороне дна трех из них прочерчены кресты (в одном случае — крест с загнутыми концами, что придает ему сходство с "тамгообразными" знаками). Аналогичные чашки использовались в погребальном обряде населения, хоронившего в IV в. на могильниках Нейзац (например, 4 экз. из склепа 115) (Храпунов, 2005. Рис. 8, 2, 4, 6, 8) и Дружное (например, 5 экз. из склепа 1 и 9 экз. из склепа 66) (Айбабин, 1994. Рис. 6, 4; 8, 2; 21, 4—6; Храпунов, 2002. Рис. 159, 2—9, 11).

От перечисленных сосудов более высоким качеством формовки отличается тонкостенная чашка (рис. 2A, 9) полусферической формы, диаметр венчика -10 см, высота -3.1, диаметр дна -4.3.

- 5. Характерная черта погребального обряда населения, хоронившего на могильнике у с. Курское на протяжении III—IV вв., использование лепных курильниц на ножке. Такие курильницы найдены в восьми подбойных могилах и в двух склепах. Причем оба сосуда из склепа 1 и все шесть курильниц из склепа 4 сделаны из необожженной глины. Курильницы на ножке довольно часто встречаются в крымских погребениях I первой половины III в., но более поздние находки чрезвычайно редки. Из комплексов IV в. могу назвать только склеп 17 из могильника Тас-Тепе (Пуздровский и др., 2001. Рис. 4; 8; 9).
- 6. Крестообразные знаки, подобные прочерченным на чашках из склепа 4, встречаются на краснолаковой посуде, использовавшейся варварским населением предгорного Крыма и на Боспоре в более раннее время, от середины I до начала (или середины) III в. (Пуздровский, 1997. С. 180. Рис. 3, *1–6*; 4, *2*, *4*; 5, *2–5*; Хршановский, 1998. Табл. 3, *4*, 5; Журавлев, 2001. Рис. 4, 7–10). На некрополе у с. Курское такие же знаки есть еще на двух сосудах: на краснолаковой чашке из могилы, датированной концом (или последней третью) III – началом IV в. (№ 9), и на лепной чашке из склепа IV в. (№ 3) (Труфанов, Колтухов, 2003. Рис. 10, 6; 18, 3). Примечательно, что граффити на лепной посуде, найденной в погребениях I-III вв. из других могильников Крыма, встречаются крайне редко, а для IV в. такие находки в Крыму, кажется, вообще неизвестны.
- 7. Бронзовые пряжки с овальной рамкой с расширением в передней части и загибающимся язычком, доходящим до середины сечения рамки, с уступом в задней части (рис. 2B, 33, 34) обычны для комплексов IV в. По перечисленным признакам они соответствуют изделиям типа П10 по В.Ю. Малашеву, отличаясь только отсутствием щитков. По

мнению исследователя, пряжки данного типа характерны для погребений второго—третьего десятилетий IV — начала V в. (группы IIIб и IV) (Малашев, 2000. С. 196, 205, 206). В классификации находок из могильника Дружное пряжки со ступенчато срезанным язычком, объединенные в тип I/1, рассматриваются как характерные для крымских комплексов IV в., с учетом вероятности их появления в конце III в. и продолжения бытования в первой половине V в. (Храпунов, 2002. С. 48). Пряжки с прямоугольной площадкой в тыльной части срезанного язычка (тип I/2а в этой же классификации) встречены, например, в комплексах из некрополя Дружное, датированных И.Н. Храпуновым IV в. (2002. С. 48, 67, 69).

8. Бронзовый пластинчатый перстень со щитком из четырех спиральных завитков (рис. 2В, 35) в составе рассматриваемого комплекса находок выглядит некоторым анахронизмом. Такие изделия происходят из ряда крымских погребений II–III вв., причем большая часть из них может быть датирована в пределах конца II – первой половины III в. Данный перстень соответствует изделиям типа I в типологии перстней могильника Совхоз 10. Из трех погребений могильника с такими изделиями авторы публикации одно отнесли ко II–III вв., два других – к III в. (Стржелецкий и др., 2005. С. 163). Пластинчатые перстни с завитками помимо того найдены в могиле 32 (Битак) с лучковой фибулой с фигурной обмоткой; в могиле 353 (Усть-Альма) с лучковой фибулой 4-го варианта; в склепе 1 (Неаполь) с трубчатой подвеской второй половины II – III в. (Сымонович, 1983. С. 29. Табл. ХХХ, 47); в могиле 3-а (Совхоз 10) с монетами 130-140 и 140-280 гг. (Стржелецкий и др., 2005. Табл. 1, *52*); в могиле 3 (Неаполь) с лучковыми фибулами с фигурной и со сплошной обмоткой (Сымонович, 1983. Табл. ХХХ, 35, 42); в могиле 62 (Битак) с лучковой фибулой с фигурной обмоткой; в могиле 29 (Нейзац) с монетой 161–180 гг. (Храпунов, Мульд, 2000. Рис. 14, 22); в могиле 59 (Нейзац) с двусоставной лучковой фибулой III в. Могила 10 (Нейзац) с таким же перстнем датирована И.Н. Храпуновым II-III вв. (2006. С. 194. Рис. 33, 24). Могилу 35 из Чернореченского могильника с таким же перстнем относят ко второй половине III в. (Бабенчиков, 1963. Табл. XIII, 13; Амброз, 1994. Рис. 2). Редкие находки известны и в комплексах IV в., например в двух погребениях Чатыр-Дага: в могиле 1 с монетами от 284–305 до 308-313 гг. и в могиле 4 с монетой 308-313 гг. (Мыц и др., 2006. Табл. 4, 3; 8Б, 2), а также в могиле 14 (Tac-Tene) (Пуздровский и др., 2001. Рис. 3, 16). Такие же перстни известны и за пределами Крыма, например в погребениях II – первой половины III в.

- некрополя Кобякова городища (Косяненко, 2008. С. 134. Рис. 5, 5, 6; 30, 5; 42, 8).
- 9. Две удлиненные пронизи из свернутого стеклянного жгута зеленого цвета относятся к типу 203, датированному Е.М. Алексеевой III–IV вв. (1978. С. 74, 75).
- 10. Пинцет бронзовый (рис. 2*B*, 32). В первые века н.э. использование пинцетов в качестве погребального инвентаря практиковалось варварским населением Крыма не часто. К І–ІІ вв. относятся находки из могильника Неаполя Скифского (Сымонович, 1983. Табл. XXXVIII, 30–33) и экземпляр из могильника Золотое на Керченском полуострове (Корпусова, 1983. Табл. VII, 3). Немногочисленные находки происходят из погребений ІІІ в. н.э.: Суворово (Зайцев, 1997. Рис. 61, 23), Дружное (Храпунов, 2002. Рис. 168, 20), Усть-Альма, а также ІV в.: Тас-Тепе (Пуздровский и др., 2001. Рис. 4, 11; 5, 17).
- 11. Погребения в камере склепа 4 расположены в одном ярусе, так же как и во всех известных склепах IV в. Центрального и Юго-Западного Крыма, что отличает эти сооружения от большинства склепов позднескифского времени. Одноярусность погребений в склепах группы Озерное–Инкерман можно было бы объяснять непродолжительностью функционирования могильников, но, скорее всего, здесь проявляется специфический признак погребального обряда. Учитывая то, что количество погребенных в склепах составляет от 4 до 10 (при ширине камер от 2.25 до 4.45–5 м), неизбежно возникали бы ситуации, когда для следующих погребений на дне камеры не хватало бы места.

На основании перечисленных выше аргументов рассмотренный склеп из могильника у с. Курское может быть датирован в рамках IV в. Причем последнюю четверть этого века, по-видимому, следует исключить. Варварские могильники Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени довольно четко разделяются на две группы, с хронологической границей в 370/380 гг. н.э., обозначенной появлением гуннов. На могильнике у с. Курское открыты погребальные сооружения III и IV вв., а изученные здесь склепы хронологически сопоставимы с погребальными сооружениями памятников группы Озерное-Инкерман в Юго-Западном Крыму (Юрочкин, Труфанов, 2007. С. 371). Таким образом, совершение захоронений в склепе 4 некрополя у с. Курское можно относить к 310/320-370/380 гг. Этим же временем датируются и три другие исследованные склепа из могильника, в одном из которых была, помимо прочего, найдена монета Фофорса 300/301 гг. (Труфанов, Колтухов, 2003. С. 291).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. І.
- Айбабин А.И. Раскопки могильника близ с. Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978 (САИ; Вып. Г1-12).
- *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- *Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В.* Некрополь Танаиса (раскопки 1981–1995 гг.). М., 2001.
- *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Усадьбы Танаиса. М., 1992.
- *Бабенчиков В.П.* Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XII. Київ, 1963.
- *Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь. 2004.
- Гущина И.И. Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
- Журавлев Д.В. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 118).
- Журавлев Д.В. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Боспорские исследования. Вып. XVI. Симферополь; Керчь, 2007.
- Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском р-нах // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
- Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983.
- Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов, 2008.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000 (Матер. и исследов. по археологии Дона; Вып. I).
- Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского поб. (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. 2000. Вып. 3.
- *Мошкова М.Г.* Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).

- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
- Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
- Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок некрополя в 1993—1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сб. Вып. І. Симферополь, 1997.
- Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Пьянков А.В. Воронежский комплекс 1948 г.: вопросы хронологии и атрибуции // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Владикавказ, 2008.
- Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тыс. н.э. (по материалам некрополя "Совхоз № 10") // Между певкинами и феннами. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005 (STRATUM плюс, 2003–2004; № 4).
- *Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.
- Труфанов А.А. Подбойные могилы III в. н.э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сб. Киев; Судак, 2004.
- *Труфанов А.А., Колтухов С.Г.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // На окраинах античного мира. СПб.; Ки-

- шинев; Одесса; Бухарест, 2003 (STRATUM плюс; № 4).
- *Храпунов И.Н.* О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.
- *Храпунов И.Н.* Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin, 2002.
- *Храпунов И.Н.* Последние погребения в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
- *Храпунов И.Н.* Погребения детей в могильнике Нейзац // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 1.
- *Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Volkervanderungzeit in Mittel Osteuropa. Lodz. 2000.
- *Хршановский В.А.* Погребения I–II вв. н.э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Эллинистическая и римская керамика из Северного Причерноморья. М., 1998 (Тр. ГИМ; Вып. 102).
- Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное—Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Севастополь, 1997.
- ИОрочкин В.Ю. Крым в эпоху великих миграций: Проблемы этноса и культуры // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iasi, 2005.
- *Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А.* Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях р. Качи // Херсонесский сб. Вып. XII. Севастополь, 2003.
- *Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А.* Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н.э. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.

ПОЯСНОЙ НАБОР С ПОЗОЛОТОЙ ИЗ КРЮКОВСКО-КУЖНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОРДВЫ

© 2012 г. О.В. Зеленцова*, Р.А. Митоян**, И.А. Сапрыкина*

* Институт археологии РАН, Москва (olgazelentsova2010@yandex.ru)

Ключевые слова: средневековая мордва, Крюковско-Кужновский могильник, поясной набор, хронология, химический состав, способ изготовления, атрибуция.

The belt set from burial 505 of Kruykovsko-Kuzhnovsky cemetery (mid-Volga region) belongs to a rare type of belts which has analogies in the finds from Karancslaujto (northern Hungary) and Minino (Lake Kubenskoye, Northern Dvina basin). Analysis of the grave goods revealed that the burial dates to the 10th c. and is, like the burial at Karancslaujto, a warrior's one. Stylistically, the two belt sets are similar; however, analysis of the manufacturing technology and chemical composition revealed that the artifacts had been manufactured in different workshops, even though they could have followed a common model. Certain characteristics of the belts from Hungary and the mid-Volga region indicate that both were custom-made items. The existence of such items could indicate a certain differentiation within the warrior milieu, with the belt as a mark of distinction.

Поясной набор со специфическим орнаментом в виде стилизованного трилистника, происходящий из мордовского могильника Крюковско-Кужновский, впервые был опубликован в 1952 г. (Материалы по истории..., 1952. С. 217. Табл. ХХХІІІ) (рис.1; 2). Крюковско-Кужновский могильник расположен в среднем течении р. Цна; открыт и исследован в 1930-е годы основателем и директором Моршанского краеведческого музея П.П. Ивановым. Памятник датируется в пределах VIII—ХІ вв. и относится к раннему этапу средневековой истории мордовского населения Среднего Поволжья.

Пояс был обнаружен в составе инвентаря кремации из погр. 505. Погребение было совершено в могильной яме продолговато-овальной формы, ориентированной по линии С-Ю. Погребальный инвентарь (без следов воздействия огня) располагался в порядке, обычном для ингумации, - поверх кальцинированных костей, рассыпанных по дну сосновой гробовины. В северной части (в "изголовье") находился железный наконечник копья и остатки деревянного ковша, обложенного по краю серебряными пластинчатыми прямоугольными обоймицами. В средней части погребения был найден свернутый в кольцо пояс, украшенный металлическими накладками с орнаментом в виде стилизованного трилистника. Рядом с поясом располагались височное перстневидное кольцо, сюлгама, железная фитильная трубочка и бронзовая

обоймица от сумочки. "В ногах" (южная часть гробовины) лежали железные кольчатые удила, уздечная железная пряжка прямоугольной формы и железное ботало (Материалы по истории мордвы..., 1952. С. 160).

Наборный пояс представлял собой украшенный металлическими накладками кожаный ремень с пряжкой и наконечником. Судя по материалам Крюковско-Кужновского могильника, где наборный пояс зафиксирован в 149 погребениях из 220 мужских, эта деталь была характерным элементом мужского костюма. Пояс в составе погребального инвентаря Крюковско-Кужновского могильника встречается в ингумациях и кремациях (88 и 12% соответственно).

Особенность рассматриваемого поясного набора — его уникальная сохранность и комплектность: до настоящего времени в фондах Моршанского историко-художественного краеведческого музея сохранились все 48 накладок, наконечник и пряжка из его состава (рис. 1).

Пряжка имеет подтреугольную рамку размерами 19×33 мм, язычок — короткий, одет на стержень в основании щитка. Щиток — прямоугольной формы, оканчивается тремя полукруглыми выступами и имеет ширину 30 мм (рис. 1, 4). Наконечник пояса немного у́же — имеет ширину 28 мм, длину — 65, три округлые выемки по верхнему краю и округлый конец (рис. 1, δ). В комплект пояса входят два

^{**} Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

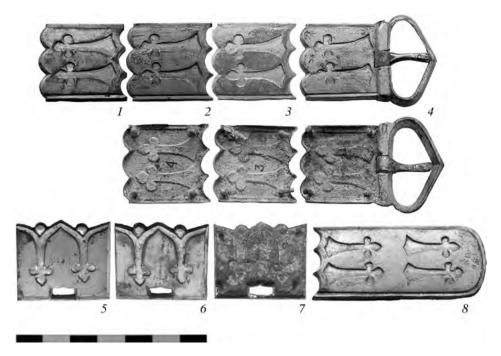

Рис. 1. Детали поясного набора из погр. 505 Крюковско-Кужновского могильника. 1-3 – накладки подквадратной формы; 4 – пряжка; 5-7 – накладки подпрямоугольной формы; 8 – наконечник.

типа накладок. Первый — накладки подпрямоугольной формы (23 экз.) размерами 38×30 мм, с двумя трехлепестковыми выступами по верхнему краю и небольшой стрельчато-прямоугольной прорезью у нижнего края (рис. 1, 5–7). Второй тип представлен накладками подквадратной формы (25 экз.) размерами 32×30 мм, они имели по три полукруглых выступа на одной вертикальной стороне и три такие же выемки — на противоположной (рис. 1, 1–3). Все детали пояса имеют окантовку и орнаментированы углубленным изображением стилизованного трилистника. Рамка пряжки, окантовка накладок и наконечника, углубленный орнамент в виде трилистника покрыты позолотой.

Накладки крепились на кожаный ремень сложной конструкции: основа — полоса из грубой кожи шириной 28 мм, толщиной 2–2.5 — была обтянута кожей более тонкой выделки, ширина которой составляет 50, толщина — менее 1 мм. Место стыка краев полосы тонкой кожи закрывалось сзади тонким ремешком шириной 10–12 мм, использовавшимся для укрепления конструкции ремня и застегивания пояса.

Все составные кожаные части пояса скреплялись накладками. В коллекции сохранился кожаный ремень длиной 115 см, на котором фиксируются отпечатки накладок и отверстия от штифтов.

Хорошая сохранность пояса позволяет предложить следующую его реконструкцию. Пояс состоял из основного и вспомогательного (внутреннего)

кожаных ремней. Накладки и пряжка закреплялись на основном ремне с помощью штифтов, которые сзади проклепывались. Прямоугольные накладки были расположены прорезью вниз, вплотную друг к другу. Подквадратные накладки с полукруглыми выступами и выемками крепились одна в другую, "змейкой" закрывая часть ремня, свисающего вниз. Конец ремня вставлялся в наконечник, оборотная сторона которого закрывалась тонкой пластиной. Реконструируемая по общему количеству деталей длина пояса составляет 170 см. В своем дневнике П.П. Иванов отмечал, что пояс имел два наконечника, второй из которых "спускался вниз в виде привески" (Материалы по истории..., 1952. С.160). Вероятно, один из наконечников располагался на вспомогательном ремешке, при помощи которого пояс застегивался. В коллекции имеется обойма шириной 12 мм, в которую продевался этот ремешок, застегивая пояс. Таким образом, пояс застегивался при помощи внутреннего ремешка, а свободный конец основного пояса, украшенного накладками, свисал вниз (рис. 2).

Описанная конструкция поясов характерна для венгров "эпохи завоевания Родины" (Dienes, 1960. S.185. Fig. 9). Такого типа поясной набор реконструируется В.В. Мурашевой для "дружинных" курганов Гнёздова. По ее мнению, характерный для венгерских поясов тип кроя служил образцом для древнерусской ременной гарнитуры (Мурашева, 1997. С. 72. Рис. 3, б). Сходную реконструкцию

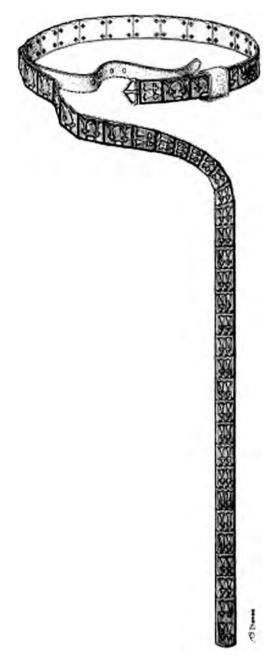

Рис. 2. Реконструкция поясного набора из погр. 505 Крюковско-Кужновского могильника (по: Dienes, 1964. S. 18–20. Fig. 2).

предлагает И. Диенеш, опубликовавший пояс из погр. 505 Крюковско-Кужновского могильника как прямую аналогию набору из могильника Каранчлапуйтё (Karancslapujtöi; север Венгрии) (Dienes, 1964. S. 30. Fig. 8).

Следует отметить, что подобный способ ношения и застегивания пояса крайне неудобен для использования его в повседневной жизни, а его массивность свидетельствует о том, что данная деталь костюма имела, скорее, иное назначение.

В то же время не исключается и иная традиция ношения пояса, зафиксированная в синхронных марийских могильниках Поветлужья: когда он два раза оборачивался вокруг талии с перехлестом сзади.

Кроме поясного набора в состав погребального инвентаря рассматриваемого комплекса входят перстневидное височное кольцо, сюлгама, наконечник копья, деревянный ковш, удила, ботало и фитильная трубочка. Подобные наборы вещей характерны для мужских захоронений средневековой мордвы.

Одна из специфических принадлежностей мужского погребального инвентаря — перстневидное височное кольцо, изготовленное из круглого дрота с обрубленными концами (рис. 3, 2). В мордовских могильниках перстневидные височные кольца встречаются исключительно в мужских погребениях X—XI вв. (Петербургский, Аксенов, 2006. С. 19; 2008. С. 52. Рис. 32, 14, 15). По мнению Е.П. Казакова, в материалах булгарских селищ их можно датировать только по комплексам вещей, но в целом они характерны для X—XI вв. (1991. С. 114).

В составе комплекса погр. 505 присутствует сюлгама с закрученными в трубочку длинными концами (рис. 3, 3). Данный тип — последний в эволюционном ряду сюлгам с "длинными усами" и датируется X—XI вв. (Зеленцова, 1996. С. 69, 70). Находки сюлгам фиксируются как в мужских, так и в женских захоронениях, в мужских они представлены одиночными экземплярами.

Из погребения происходят также железный наконечник копья (рис. 3, 1) и фрагменты деревянного ковша. Наконечник копья с пером ланцетовидной формы по А.Н. Кирпичникову относится к типу I и датируется от 900 г. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 308. Табл. 125, І, 2). Деревянный ковш был по верхнему краю обложен прямоугольными пластинчатыми накладками из белого металла, закрепленными с помощью металлических шпеньков. Рукоять украшена накладкой из этого же металла с треугольными зазубринами по краю. Деревянные ковши известны в воинских погребениях в Притешье, где они присутствуют с X по XII в. (Мартьянов, 2001. С. 37. Табл. 51, 52). Деревянная посуда с бронзовыми пластинками по краю известна в материалах салтовского Нижне-Лубянского могильника (Плетнева, 1981. С. 72. Рис. 46, 40).

Присутствовали в составе погребального инвентаря принадлежности конского снаряжения: подпружная пряжка, двусоставные удила и ботало (рис. 3, 4, 5). Подпружная пряжка прямоугольной формы распространена у мордвы и муромы на про-

тяжении VIII—IX вв. (Седышев, 2010. С. 134, 135; Гришаков, 1990. С. 144. Табл. V, 3). Двусоставные удила с подвижными кольцами круглого сечения диаметром 5.6 см относятся к наиболее массовому типу, получившему распространение с X в. (Кирпичников, Медведев, 1985. С. 317. Табл. 145, IV). Редкая находка в мордовских могильниках — железное цилиндрическое ботало усечено-конической формы. У мордвы ботала встречаются в основном в VIII—IX вв., в муромских могильниках они присутствуют также в первой половине X в. (Седышев, 2010. С. 136; Гришаков, 1990. С.141. Табл. II, 6). Удила и ботала найдены соответственно в 8.6 и 2.7% мужских захоронений Крюковско-Кужновского могильника.

Таким образом, по погребальному инвентарю погр. 505 может быть датировано X в., а наличие подпружной пряжки и ботала позволяет сузить эту дату до первой половины века. Состав погребального инвентаря позволяет отнести это захоронение к воинскому.

Сопоставляя материалы погребений с аналогичными поясами из Крюковско-Кужновского и могильника Каранчлапуйтё, можно отметить не только стилистическое сходство в оформлении поясных наборов, но и близость элементов погребального обряда. Инвентарь венгерского захоронения также включает в себя кольчатые удила и стремя, что позволяет интерпретировать его как захоронение всадника; кроме того, в нем присутствовали перстневидное височное кольцо и браслеты. Могильная яма из Каранчлапуйтё ориентирована по линии С-Ю, что, по мнению И. Диенеша, нетипично для венгерских могильников (Dienes, 1964. S. 39). Он

Рис. 3. Состав инвентаря погр. 505. I — наконечник копья; 2 — перстневидное височное кольцо; 3 — сюлгама; 4 — ботало; 5 — двусоставные удила (1, 4, 5 — железо; 2, 3 — цветной металл).

относит область Ноград, где расположен некрополь Каранчлапуйтё, к территории, заселенной народом, поставлявшим в войска вспомогательные отряды (Dienes, 1964. S. 40).

Набор из Каранчлапуйтё состоял из пряжки, восьми накладок подпрямоугольной и семи подквадратной форм, четырех небольших сердцевидных накладок и наконечника от узкого застегивающего ремешка и кольца-разделителя (Dienes, 1964. S. 18–20. Fig. 2). Детали пояса также орнаментированы изображением стилизованного трилистника, поверхность накладок слегка выпуклая и имеет окантовку бордюром в виде ложной зерни (рис. 4).

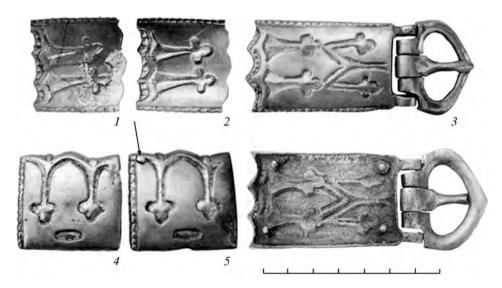

Рис. 4. Детали поясного набора из могильника Каранчлапуйтё. 1, 2 — накладки подквадратной формы; 3 — пряжка; 4, 5 — накладки подпрямоугольной формы.

Таблица 1. Результаты анализа химического состава металла деталей поясного набора из погр. 505 могильника Крюковско-Кужновский (метод РФА)

Код	Место отбора (сторона предмета)	Название	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Fe	Au	Нg
374	Оборотная	Пряжка	53.33	_	3.83	5.34	33.08	_	4.41	_	_
374a	Лицевая	-	38.61	_	_	6.07	21.32	_	0.23	29.69	4.08
375	-»-	Наконечник	54.49	_	1.68	6.77	36.01	_	0.76	0.3	_
376	-»-		24.3	_	_	3.38	15.97	_	0.25	51.81	4.3
376a	Оборотная	Накладка подквадратная	75.6	_	2.62	5.01	15.14	0.09	1.55	_	_
377	Припой	-»-	58.85	9.72	1.42	6.24	21.52	0.09	2.15	_	-
378	Оборотная	-»-	70.18	0.35	_	2.24	24	0.31	2.93	_	-
379	-»-	-»-	50.07	_	5.39	3.69	27.64	0.27	12.93	_	-
380	-»-	-»-	61.67	0.51	3.56	5.14	25.42	0.02	3.69	_	-
381	Лицевая	Накладка подпрямоугольная	60.28	0.54	1.6	4.9	31.84	0.08	0.77	_	-
382	-»-	-»-	52.92	0.57	-	3.85	24.99	-	0.74	15.24	1.69
383	-»-	-»-	62.51	0.55	1.69	6.8	26.89	0.06	1.51	_	
384	-»-	-»-	61.08	0.52	1.8	6.03	29.71	_	0.68	0.18	-
385	-»-	-»-	55.63	0.59	1.39	4.53	35.02	_	0.96	1.32	0.57
413	-»-	Накладка подквадратная	55.4	_	1.17	6.28	33.2	_	0.41	2.93	0.61
414	-»-	-»-	36.59	_	_	5.53	21.92	_	0.38	32.01	3.56
415	-»-	-»-	26.02	_	_	3.29	20.61	_	0.47	45.03	4.58
416	- » -	-»-	61.11	_	1.01	5.78	30.55	_	0.95	_	-
417	-»-	-»-	60.49	_	1.3	6.36	27.68	_	0.83	3.34	-
418	- » -	Herre was no new groups at the	65.33	_	_	9.14	25.18	_	0.36	_	-
418a	Оборотная	Накладка подпрямоугольная	63.65	_	_	11.35	23.76	_	1.24	_	-
419	Лицевая	-»-	59.08	_	1.28	5.71	29.02	_	0.77	4.14	-
420	-»-	-»-	59.09	_	1.89	6.51	31.38	_	0.83	_	-
421	-»-		57.79	_	1.69	5.61	34.14	_	0.8	_	
421a	-»-		51.48	_	_	5.35	30.18	_	0.3	10.99	1.7
4216	Штифт	<i>-»-</i>	63.91	_	_	4.03	29.51	_	2.55	_	-
421в	Оборотная		54.37	_	2.8	15.42	24.62	_	2.8	_	-
422	Лицевая	-»-	58	_	1.61	5.45	34.36	_	0.58	_	-

Другая аналогия поясу из Крюковско-Кужновского могильника происходит из северных областей Древней Руси — из могильника Минино 2 на Кубенском озере (бассейн Северной Двины). Здесь в кремациях в переотложенном состоянии были обнаружены аналогичные накладки. Поясные детали представлены двумя вертикальными и двумя горизонтальными накладками, сильно деформированными под воздействием огня. Исследователи объединяют их в единый набор и датируют второй половиной X — началом XI в. (Зайцева, 2008. С. 93—96. Рис. 82).

На первый взгляд, все рассмотренные детали поясных наборов имеют близкое сходство друг с другом. По мнению И. Диенеша, на территорию древнемордовской культуры подобный пояс мог попасть в качестве подарка или объекта торговли; он мог быть изготовлен местным мастером по образцам, произведенным на других территориях (Dienes, 1964. S. 43). Данный вывод был сделан исследователем на основе визуального анализа опубликованного пояса из Крюковско-Кужновского могильника.

Для получения более детальной характеристики поясных наборов визуальный анализ, которым оперировал венгерский исследователь, был дополнен нами химико-технологическим исследованием, проведенным с целью сравнения данных по типам сплавов и способов изготовления поясов, происходящих из Венгрии и с территории Среднего Поволжья.

Изучение следов технологических операций проводилось для всех деталей поясного набора с использованием микроскопа Motic BA-300 (4x\0.10,

Код	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Fe	Au	Hg
376	56.21	_	_	8.6	34.69	0.5	_	_
382	63.09	0.7	_	4.86	30.21	1.14	_	_
385	55.99	0.63	1.34	4.58	36.5	0.96	_	_
413	57.44	_	1.34	6.52	34.28	0.42	_	_
414	57.5	_	_	8.74	33.01	0.55	_	_
415	53.58	_	_	7.42	38.13	0.87	_	_
417	60.28	_	1.28	6.33	27.59	0.83	3.12	0.57
417	63.48	_	_	6.65	29	0.86	_	_
419	58.88	_	1.26	5.69	28.32	0.77	3.93	0.55
419	61.6	_	1.49	5.94	30.17	0.77	_	_
421a	59.27	_	_	6.15	34.24	0.34	_	_

Таблица 2. Результаты программного расчета спектров основных компонентов сплава для проб с лицевой стороны деталей поясного набора из погр. 505 без учета содержания золота и ртути

Таблица 3. Результаты программного расчета спектров по золоту и ртути для проб (амальгама) с лицевой стороны деталей поясного набора из погр. 505

Код	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Fe	Au	Hg
374	_	_	_	_	_	_	88.81	11.19
376	_	_	_	_	_	_	92.63	7.37
382	_	_	_	_	_	_	90.21	9.79
385	_	_	_	_	_	_	78.81	21.29
413	_	_	_	_	_	_	86.42	13.58
414	_	_	_	_	_	_	90.66	9.34
415	_	_	_	_	_	_	91.13	8.87
417	_	_	_	_	_	_	87.4	12.6
419	_	_	_	_	_	_	89	11
421a	_	_	_	_	_	_	87.66	12.34

 $10x\0.25$); фотофиксация — с использованием цифровой камеры-насадки Moticam 2300 (0.5x).

Химический состав цветного металла деталей поясных наборов изучен с помощью неразрушающего метода безэталонного РФА (XRF); исследование проводилось в рентгеноспектральной лаборатории геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (методику анализа см. Ениосова и др., 2008а. С. 114—120). Обработка полученных данных проведена на основе принятой классификации металлов и их сплавов (Ениосова и др., 2008б. С. 125—132).

Химический состав металла анализировался для следующих деталей поясной гарнитуры: щитка пряжки, наконечника и 20 накладок разных форм. В ходе исследования было отобрано 28 проб. Общая аналитическая выборка составила 39 определений (табл. 1). В связи с тем, что на лицевой стороне накладок на отдельных участках было зафиксировано золочение, для получения корректных данных по содержанию сплава, из которого изготовлены собственно детали поясного набора, дополнительно был проведен анализ металла их оборотной сторо-

ны. Для корректировки данных по химическому составу металла получено 9 проб по нескольким точкам на участках без золочения, расположенных на лицевой и оборотной сторонах (ан. 374-374а, 376-376а, 418-418а, 421-421в). Аналитическая выборка включает в себя 19 проб с лицевой стороны деталей поясного набора, 7 — с оборотной. Для получения данных о химическом составе металла системы крепежа был проанализирован штифт (ан. 421б) и материал припоя (ан. 377).

На лицевой стороне всех исследованных деталей поясного набора расположен орнамент, позолота на который была нанесена по методу амальгамы (Аu, Hg). При расчете спектров для 11 взятых с лицевой стороны проб использована возможность аналитической программы не учитывать данные по содержанию золота и ртути, что позволило определить содержание основных компонентов сплава, приближенное к их исходным значениям (табл. 2). На основе полученных данных был проведен отдельный расчет по содержанию золота и ртути в амальгаме (табл. 3). Полученные данные позволили провести

		Лицевая	сторона
Основные компоненты	Оборотная сторона	с учетом содержания	без учета содержания
сплава		Au, Hg	Au, Hg
Cu	50.07–75.6	24.3–65.33	53.58–63.09
Pb	1.42–5.39	1.01–1.89	1.28–1.49
Zn Ag	(в 6 пробах из 9) 2.24–15.42 15.44–33.08	(в 12 пробах из 19) 3.38-9.14 15.97-36.01	(в 6 пробах из 10) 4.58–8.74 27.59–38.13

Таблица 4. Процентное содержание минимума и максимума значений основных компонентов сплава деталей поясного набора из погр. 505

сравнение с результатами по оборотной стороне накладок, где золочение отсутствует.

Как видно из сравнительной табл. 4, после расчета спектров без учета данных по содержанию золота и ртути корректировке в основном подвергались результаты по содержанию меди. Данные по оборотной и лицевой сторонам (без учета содержания Au и Hg) оказались сопоставимы друг с другом. В дальнейшем для характеристики типов сплавов, использовавшихся при изготовлении деталей поясного набора, мы оперировали содержанием столбцов 2 и 4 из табл. 4.

Судя по полученным результатам, проанализированные детали поясного набора изготовлены из свинцовой и двухкомпонентной латуней с серебром, где содержание серебра варьируется в пределах 15.14—38.13%, содержание цинка — от 2.24 до 15.42%. Из двойной латуни с серебром был изготовлен штифт (ан. 4216), соединенный с накладкой при помощи пайки; в качестве припоя было использовано олово (ан. 377).

Доля свинцовой латуни с серебром составляет около 60% от всех проанализированных изделий; содержание свинца в сплаве варьируется от 1.28 до 5.39%. Как видно из табл. 4, свинец в большем процентном содержании зафиксирован в пробах с оборота изделий. На данный момент не вполне ясно, с чем это может быть связано: с ликвацией свинца (т.е. неравномерностью его распределения в сплаве изза низкой степени растворимости) или начавшимися коррозионными процессами в самих изделиях. В пользу последнего предположения свидетельствует в том числе наличие железа в пробах, содержание которого на поверхности оборотных сторон накладок варьируется в пределах 1.55-12.93% (среднее значение 2-4%). При этом содержание железа в пробах с лицевой стороны практически не превышает порога в 1%.

При анализе деталей поясных наборов из могильников Минино и Каранчлапуйтё зафиксированы другие типы сплавов. Поясной набор из Минино изготовлен из многокомпонентного сплава (Зайцева, 2009. С. 193. Табл. VI, обр. 162).

Из состава поясного набора из могильника Каранчлапуйтё нами был проанализирован металл двух накладок; анализ выполнялся методом безэталонного РФА. Накладки изготовлены из сплава, по принятой классификации относящегося к низкопробному многокомпонентному серебру. Содержание серебра в нем составляет 65.76 и 73.2%, меди — 19.67 и 16.7%, золота — 8.75 и 3.84%, свинца — 2.72 и 3.91%, олова — 2.51 и 1.53%.

12 накладок из поясного набора могильника Каранчлапуйтё были подвергнуты трасологическому исследованию. Основная схема их изготовления литье заготовки, которой в процессе послелитейной доработки придавалась соответствующая форма и формировались бортики (скосы) на трех сторонах пластины. Рельеф наносился на готовую пластину толщиной 0.2 мм тиснением. Значительная по площади часть орнамента затем дополнительно дорабатывалась резцом. Участки декора на лицевой стороне деталей поясного набора имеют следы позолоты. На отдельных изделиях фиксируются следы замены утерянных штифтов кусками рубленого дрота с расклепанной головкой, вставленными в пробитые для этого отверстия (рис. 4, 5 – обозначено стрелкой).

Из состава поясного набора из погр. 505 Крюковско-Кужновского могильника с помощью микроскопа было исследовано 48 накладок. Все они имеют четкий негативный рельеф на оборотной стороне. Реконструируемая схема может быть отнесена к одной из редких схем изготовления поясных наборов (Ениосова, Мурашева, 1998. С. 45): здесь использовались специально изготовленные матри-

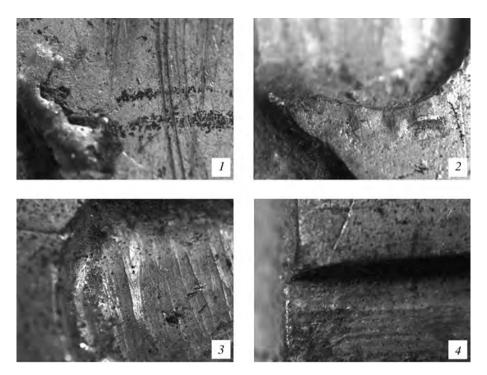

Рис. 5. Участки послелитейной доработки деталей поясного набора из погр. 505 Крюковско-Кужновского могильника. *1*, 2 – "выплески" позолоты; *3* – участок доработки рельефа перед нанесением позолоты; *4* – участок послелитейной доработки рельефа.

цы (штампы), по оттиску которых были получены модели для производства накладок.

Толщина литой пластины накладок составляет 0.7–1.09 мм. Промеры основных параметров конструктивных элементов предметов показали, что погрешность по размерам и расположению элементов орнамента не превышает 5–7%. Таким образом, можно предположить использование одной матрицы для отливки каждого вида накладок.

Об использовании одной матрицы (или изделия в качестве матрицы) для получения серии украшений свидетельствует также характерный дефект: на накладках прямоугольной формы отсутствует рельефное изображение правого цветка (абрис цветка был прорезан по лицевой стороне на стадии окончательной доработки после литья, перед нанесением позолоты). Кроме того, на некоторых готовых изделиях не были удалены облои (затеки металла), образовавшиеся в месте стыка створок литейной формы.

Оттиски матрицы не были глубокими, о чем свидетельствуют зафиксированные на готовых предметах дефекты орнамента, возникшие при изготовлении накладок: отсутствие верхних лепестков, смещение линий бордюров. После литья изделия существенно дорабатывались: опиливались бортики, формировалась прорезь, обрабатывалась поверхность (удалялись дефекты литья: газовые поры, каверны). На отдельных накладках дефекты литья, видимо, были значительными: здесь отмечается полное опиливание даже отдельных орнаментальных элементов. В этих случаях рельеф орнамента формировался с помощью резца или гравировального штихеля; значительный объем доработки проводился на участках орнамента перед золочением (рис. 5, 3). На них имеются дефекты, возникшие в результате работы резцом: разрывы металла по сгибам, визуально фиксируемые линии среза (глубина среза составляет 0.5 мм) и т.д.

С использованием сложносоставной литейной формы была отлита поясная пряжка. Для изготовления ее рамки и щитка применялись отдельные двустворчатые формы, которые стыковались друг с другом; при этом для получения щитка использовалась литейная форма, сходная с формой для отливки квадратных накладок. Литейные формы соединялись с помощью вставного стержня, который служил для формирования отверстия; в это отверстие затем вставлялся стержень, служивший для закрепления язычка пряжки.

Золочение проводилось на специально подготовленных срезкой участках по методу амальгамы — об этом свидетельствует присутствие ртути в результатах анализа позолоты. Расчет содержания золота и ртути в амальгаме показал следующий процентный состав металлов: золото в пределах 78.81–92.63%, ртуть — 7.37–21.29% (табл. 3). Исследования, про-

Рис. 6. Крепежные элементы накладок поясного набора из погр. 505. I — закрепление штифта с помощью шайбы; 2 — шарики припоя (олово).

веденные для амальгамированных изделий средневекового периода, показали, что качественная позолота должна содержать не менее 20% ртути (Ваггіо et al., 2009. Р. 409); наносилась амальгама на предварительно подогретую до определенной температуры поверхность. Основным инструментом здесь служила лопаточка или кисть, судя по наличию своеобразных выплесков на участках, контактирующих с местом нанесения позолоты (рис. 5, 1, 2).

Последний этап изготовления деталей поясного набора — пайка штифтов на оборотную сторону накладок. Штифты изготовлены из литых дротов круглого сечения, диаметр которых равен 0.2—0.3 мм, а высота — не более 10. Штифты имеют следы рубки, они припаяны к обороту накладок, щитку рамки и к зажимной пластине поясного наконечника. В качестве припоя использовалось олово в виде шариков, диаметр которых составлял не более 0.3 мм (ан. 377) (рис. 6, 2). Основным крепежным элементом, фиксировавшим штифт в кожаном поясе, служила небольшая "шайба" (диаметр около 1 мм), вырезанная из листового металла (рис. 6, 1). Окончание штифта дополнительно расклепывалось для его более прочной фиксации.

Анализ техники изготовления крюковско-кужновского поясного набора показывает тщательность его изготовления, выражающуюся, помимо прочего, в подгонке деталей друг к другу. Если после золочения поверхность рельефного орнамента не подвергалась дополнительной обработке (об этом свидетельствуют выплески позолоты за пределы участков ее нанесения), то краевые бордюры накладок имеют следы дополнительного опиливания уже на стадии сборки пояса — для более плотной подгонки накладок друг к другу. Позолота на таких бордюрах оказалась спиленной.

Вероятно, исследуемая гарнитура не находилась в регулярном употреблении. На это косвенным образом указывают такие признаки, как выплески позолоты за пределами орнамента, на бордюрах

накладок, не опиленных в процессе специальной подгонки друг к другу, а также отсутствие визуально фиксируемых следов изношенности деталей.

Скорее всего, рассматриваемый поясной набор представляет собой парадную деталь костюма человека с определенным социальным статусом, возможно, воина, о чем свидетельствует, прежде всего, состав погребального инвентаря захоронения.

В Крюковско-Кужновском могильнике выделяется круг погребений с поясными наборами, имеющими аналогии в древностях венгров "эпохи обретения Родины", которые по составу инвентаря интерпретируются как воинские. Все эти погребения имеют ряд общих признаков: наличие "венгерского" поясного набора, серег салтовского типа или перстневидных височных колец, оружия (копье, стрелы и др.). Среди находок в таких захоронениях, как правило, присутствуют редкие для рассматриваемого могильника предметы: деревянные ковши, металлические котелки, перстни-печатки, определенные типы вооружения (кистени, кинжалы).

Воинские погребения Крюковско-Кужновского могильника, сопровождаемые "венгерскими" поясными наборами, относятся к последней стадии существования памятника, датирующейся X — первой половиной XI в. Для этого периода характерно наличие таких хроноиндикаторов, как сюлгамы с длинными концами, пластинчатые браслеты с расширенными или отогнутыми концами, височные подвески с удлиненным бипирамидальным грузиком и т.д. (Вихляев и др., 2008. С.145, 146).

В этот период на территории Восточной Европы фиксируется появление и распространение поясных наборов и других предметов, имеющих аналогии в венгерских древностях (Рябцева, Рабинович, 2007. С. 205–207). Такие ременные гарнитуры встречаются в дружинных курганах Древней Руси, что говорит о возможном существовании специфической воинской культуры, одним из выражений которой были поясные наборы, сложившиеся под влиянием венгерской "моды" (Мурашева, 2000. С. 91; Рябцева, Рабинович, 2007. С. 225).

Исследуемые поясные наборы из могильников Каранчлапуйтё и Крюковско-Кужновский — вероятно, элементы этого же явления. Сравнительный анализ этих поясов показывает, что они были изготовлены по сходному образцу, но в разных мастерских, расположенных, вероятно, на разных территориях. В пользу этого предположения свидетельствуют, прежде всего, техника изготовления деталей поясных наборов и химический состав их металла.

Отдельные параметры анализируемых поясов из могильников Венгрии и Среднего Поволжья ука-

зывают на то, что эти предметы были штучными изделиями и изготовлены по специальному заказу. Вероятно, появление таких поясных наборов в воинской среде говорит об определенной дифференциации внутри этого слоя, маркером которой можно назвать пояс, служивший своего рода знаком отличия.

Авторы выражают глубокую благодарность сотрудникам Моршанского историко-художественного краеведческого музея за предоставленную возможность изучения материала Крюковско-Кужновского могильника, а также Т.Б. Никитиной за любезное предоставление информации о находках *in situ* поясных наборов в марийском Русенихинском могильнике и научному сотруднику Института археологии Венгерской академии наук А. Тюрку за предоставленную возможность исследования поясного набора из раскопок могильника Каранчлапуйтё.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 08-06-00299-а, в рамках проекта по комплексному изучению поясных наборов VIII–IX вв. из могильников Среднего Поволжья (Сапрыкина и др., 2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск, 2008.
- Гришаков В.В. Конские погребения VIII первой половины IX в. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. I тыс. н.э. Йошкар-Ола, 1990.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Методы исследования химического состава цветных металлов // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008а.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Классификация металлов и их сплавов // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008б.
- *Ениосова Н.В., Мурашева В.В.* Технология производства Гнёздовской ременной гарнитуры // Археологический сб. М., 1998 (Тр. ГИМ; Вып. 96).
- Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. М., 2008.
- Зайцева И.Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси //

- Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Т. 3. М., 2009.
- *Зеленцова О.В.* Сюлгамы из среднецнинских могильников // Финно-угроведение. № 3. Йошкар-Ола, 1996.
- Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань, 1991.
- *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
- *Мартьянов В.Н.* Арзамасская мордва в I начале II тыс. Арзамас, 2001.
- Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. Моршанск, 1952.
- Мурашева В.В. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (по материалам "дружинных" курганов) // Археологический сборник: погребальный обряд. М., 1997 (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- *Мурашева В.В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск, 2006.
- *Петербургский И.М., Аксенов В.Н.* Древние памятники на р. Ляча. Саранск, 2008.
- Плетнёва С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).
- Рябцева С., Рабинович Р. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпатско-Днестровских землях в IX–X вв. // Revista arheologica. Ser. noua. V. III. № 1, 2. Chisinau, 2007.
- Сапрыкина И.А., Митоян Р.А., Никитина Т.Б., Зеленцова О.В. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII—начала XI в. из могильников Среднего Поволжья // Тр. XI Междунар. конгресса финно-угроведов в г. Пилишчаба. Piliscsaba, 2011.
- Седышев О.В. Снаряжение коня VIII—X вв. (по материалам мордовских могильников) // Пензенский археологический сб. Пенза, 2010.
- Barrio J., Chamon J., Ferretti M. et al. Metallographic study of gold amalgams and gilding technology of Medieval Islamic gilded objects from the Iberian peninsula // Archaeometallurgy in Europe 2007. Aquileia. Italy. Selected papers. Milano, 2009.
- Dienes I. Honfoglaló magyarok sirjai Nagykörösön // Arhaiologiai érsesító. V. 91. Budapest, 1960.
- Dienes I. A Karancslapujtöi honfoglalas kori öv es mordvinföldi hasonmasa // Arhaiologiai érsesító. V. 91. Budapest, 1964.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ "НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ" В ИНСТИТУТЕ АРХЕОЛОГИИ РАН, 15–17 МАРТА 2011 г.

ПЛАНИГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОСТЯНОЙ ИНДУСТРИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СУНГИРЬ

© 2012 г. Т.Е. Солдатова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (stais@yandex.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, Сунгирь, планиграфия, костяная индустрия, жилые площадки.

The article presents the results of analyzing the spatial distribution of bone artifacts at the Upper Paleolithic site of Sungir, based on the bone, antler and tusk artifacts from the occupation layer. The distribution of the finds is in accordance with the inclination of the slope on which the site is located; most of the artifacts come from the 2nd provisional horizon. The bone items are mainly concentrated in the two dwelling areas which have been identified by O.N. Bader. The deposits between and around the dwelling areas are most probably a peripheral zone (and/or a specific area for certain activities outside the dwelling area). The bone inventory outside the dwelling areas comprises one typological assemblage (with the exception of the funeral inventory).

Предмет данного исследования — планиграфический анализ костяных, роговых и бивневых предметов (без украшений и предметов искусства малых форм) из культурного слоя верхнепалеолитической стоянки Сунгирь.

Планиграфия – анализ пространственного распределения предметов в культурном слое – "позволяет выделять на памятниках различные по своему функциональному назначению зоны и реконструировать их планировку и хозяйственное назначение" (Леонова, 1994. С. 27).

Стоянка Сунгирь расположена у восточной окраины Владимира. Памятник находится в начале пологого склона на левом берегу Клязьмы и на правом берегу впадающего в нее ручья Сунгирь, на расстоянии около 750 м к западу от первой и в 600 м к юго-западу от второго (Бадер, 1978). Основной массив радиоуглеродных дат располагается в промежутке от 25500±200 (Gro-5425) до 28800±240 (ГИН-9028) (Homo sungirensis, 2000). Большинство исследователей относят стоянку к костенковскострелецкой культуре, а ряд ученых отмечают в ее материальной культуре как ориньякоидные, так и селетоидные черты (см., например, Бадер, 1978; Гаврилов, 2004).

Общие планы пространственного распределения всех обнаруженных в 1956–1977 гг. культурных ос-

татков и различных групп сырья на территории стоянки Сунгирь опубликованы О.Н. Бадером (1978). Е.Д. Каверзнева изучала планиграфию и стратиграфию различных категорий находок (угля, охры, крупных костей, кремневых и костяных предметов) по материалам раскопов II и III в рамках изучения культурного слоя памятника (1985; 2004). Для анализа стратиграфии и планиграфии раскопа II Е.Д. Каверзневой был выбран отдельный участок в центральной части этого раскопа – кв. Г-Ш/161-153 (2004. С. 6). А.Б. Селезневым представлены результаты исследования, посвященного вопросам организации жилого пространства по планиграфическим данным на основе распределения кремневых предметов (2008). Однако специального анализа расположения в культурном слое стоянки различных категорий костяных, роговых и бивневых изделий проведено до сих пор не было. Представленное исследование - первая попытка рассмотреть планиграфию предметов из различных видов костного сырья на стоянке Сунгирь.

За период с 1957 по 2004 г. вскрыта площадь свыше 4500 м^2 . Исследованная автором коллекция костяного, рогового и бивневого инвентаря содержит 176 предметов: из кости — 99, из рога — 28, из бивня — 49. Ввиду неполноты архивных материалов в рамках исследования их планиграфии рассмотрено 111 предметов. Материалы из могил (15 экз.) не

были использованы для планиграфического анализа, поскольку находились в отдельных закрытых комплексах.

Все предметы коллекции памятника можно разделить на следующие категории и подкатегории: 1) целые кости; 2) нуклеусы; 3) заготовки ("жезловыпрямителей", орудий охоты — наконечников, украшений; бивневые сколы); 4) отходы производства; 5) неопределимые осколки и обломки; 6) орудия (ретушеры, мотыгообразные орудия, долотовидные орудия, "жезлы-выпрямители", острия и шилья, стержневидные изделия, орудия охоты); 7) предметы неутилитарного характера (элементы костюма, прорезные диски). Помимо перечисленных категорий в коллекции памятника есть ряд предметов, назначение которых неизвестно.

В целом, можно сказать, что коллекция стоянки Сунгирь достаточно однообразна и в ней отсутствуют значительные серии костяных, роговых или бивневых орудий законченной формы одного типа (Солдатова, 2011а).

Технологический анализ представленных в коллекции изделий продемонстрировал широкий спектр используемых на стоянке Сунгирь техник и приемов обработки костяного, рогового и бивневого сырья: ударная техника, продольное и поперечное скалывание, поперечный слом по предварительному пропилу, резание, пиление, строгание, нанесение насечек, шлифование (Солдатова, 2011б). Несмотря на различия в первичном раскалывании костяного, рогового и бивневого материала (раскалывание для кости, ударная техника для рога, поперечное разламывание, продольное и поперечное скалывание, а также расслоение для бивня), для дальнейшей обработки предметов на памятнике использовались схожие приемы (за исключением единичных шлифованных бивневых изделий). Следовательно, можно говорить о достаточном единообразии в технологии обработки различных видов костного сырья (Солдатова, 2011б).

При этом, несмотря на прекрасно выполненные изделия из погребений, всю остальную костяную индустрию стоянки (за исключением предметов искусства) можно охарактеризовать как достаточно архаичную и, судя по устойчивому набору технических приемов обработки, вполне однородную. Ряд категорий заготовок и орудий представлен серией экземпляров из различных типов костного сырья, для создания которых применялся единый комплекс технологических приемов обработки.

Перед тем как перейти непосредственно к анализу пространственного распределения предметов из кости, рога и бивня на стоянке Сунгирь, необхо-

димо охарактеризовать культурный слой и характер размещения в нем находок из рассматриваемых органических материалов.

"Культурные остатки концентрировались на значительной целостной площади, вытянутой поперек карьера с запада-юго-запада на восток-северо-восток. Основное пятно культурного слоя не имело четких очертаний; оно отличалось не только значительным количеством культурных остатков, но и наличием кострищ, очажных и ритуальных ям, скопления крупных костей животных (преимущественно мамонтов) и, по мнению О.Н. Бадера, жилищ (1978. С. 67).

Мощность культуросодержащих отложений памятника варьируется от 0,5 до 1 м, причем большая толщина отмечается на верхних участках склона (Позднепалеолитическое поселение..., 1998). В ходе изучения статистических данных по стоянке Е.Д. Каверзнева пришла к выводу, что "исходный" культурный слой памятника был мощностью не более 40 см (1985). По мнению исследовательницы, эта разница в мощности первоначального культурного слоя и его современного состояния связана с воздействием на него солифлюкции (Каверзнева, 1985; 2004). Однако концепция воздействия солифлюкции на культурный слой была поставлена под сомнение Ю.А. Лаврушиным и Е.А. Спиридоновой, которые представили идею о широком распространении в районе стоянки Сунгирь гравитационных склоновых процессов, а описываемые до этого деформации (изменения культурного слоя под воздействием солифлюкции) связали с нижними частями оползневых блоков, а не с солифлюкционными процессами (1998. С. 196). Следует отметить: работа с коллекцией памятника продемонстрировала, что на большинстве находок (расколотых костях, неопределимых осколках, сколах на орудиях и т.п.) края и грани, если не подработаны дополнительно, неровные и достаточно острые. Предметы не имеют никаких признаков окатанности или перемещения, что свидетельствует в пользу отсутствия сильной солифлюкционной деятельности в зоне залегания костяного, рогового и бивневого инвентаря (Солдатова, 2011а).

Зафиксировать древнюю дневную поверхность поселения в процессе раскопок не удалось (Бадер, 1978). Культуросодержащие отложения стоянки в процессе полевых исследований были подразделены на условные горизонты. Отсчет горизонтов производился от нулевой линии, определяемой уровнем появления находок в слое. Мощность условного горизонта зависела от его насыщенности культурными остатками и в среднем составляла

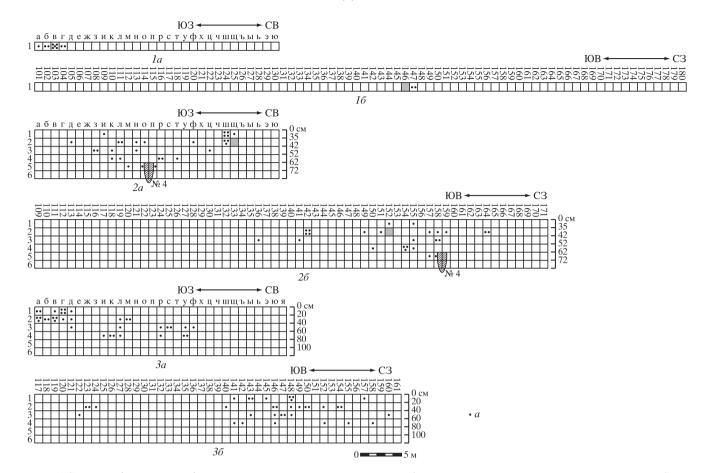

Рис. 1. Стратиграфический профиль распределения костяных, роговых и бивневых предметов в культурном слое стоянки Сунгирь. I – раскоп I; 2 – раскоп II; 3 – раскоп III. Условное обозначение: a – одна находка.

15-20 см, но иногда отдельно выделялись слои по 5-10 см (Бадер, 1978).

Хотя автор раскопок (О.Н. Бадер) и отмечает, что уровень появления первых остатков материальной культуры и фауны "находился в среднем на высоте около 20 см над визуально определяемым хорошо выраженным горизонтом ископаемой почвы", но уровень залегания самой почвы различен на всей площади раскопов (1978. С. 25, 61. Рис. 30). Таким образом, установить точную глубину залегания какой бы то ни было находки не представляется возможным. Следовательно, для проведения стратиграфического анализа возможно использовать только условные горизонты залегания тех или иных предметов. Кроме того, также исключено соотнесение условных горизонтов разных раскопов между собой из-за относительности уровня начала их отсчета. Вдобавок учесть размещение той или иной находки на конкретном участке квадрата невозможно, поскольку планы расположения находок для горизонтов всех раскопов отсутствуют в полевых отчетах О.Н. Бадера.

Несмотря на сказанное выше, О.Н. Бадер объединяет все находки с одного раскопа в единую систему условных горизонтов. Такой же метод использован и в данном исследовании. Необходимо особенно подчеркнуть, что доподлинно неизвестно, как соотносятся между собой находки в одном условном горизонте и одном квадрате. В связи с этим ряд изложенных ниже предположений – лишь возможная интерпретация имеющихся архивных данных.

Стратиграфический анализ (рис. 1) продемонстрировал, что распределение находок из исследуемых материалов в раскопах II и III соответствует покатости склона, на котором расположена стоянка Сунгирь (в северо-восточном направлении к ручью Сунгирь и отчасти на восток к долине Клязьмы). Большинство предметов в обоих раскопах расположено во 2-м условном горизонте, в остальных они распределены относительно равномерно. Аналогичное наблюдение высказывалось и Е.Д. Каверзневой на основе анализа распространения всей

Материал/раскопы	Раскоп I	Раскоп II	Раскоп IIa	Раскоп III	Всего
Кость	22 (20%)	39 (35%)	1 (1%)	13 (12%)	75 (68%)
Рог	-	4 (4%)	-	13 (12%)	17 (16%)
Бивень	3 (3%)	7 (6%)	-	9 (7%)	19 (16%)
Всего	25 (23%)	50 (45%)	1 (1%)	35 (31%)	111

Распределение предметов из различного костного сырья по раскопам I, II, IIa и III

совокупности категорий камня, костей животных, угля и охры в толще культурного слоя (1985).

Поскольку ни стратиграфический, ни техникотипологический анализ костяной индустрии не позволил выделить несколько разновременных горизонтов в культуросодержащих отложениях стоянки Сунгирь¹, в рамках планиграфического анализа рассмотрено общее распределение находок², относящихся к разным условным горизонтам (Солдатова, 2011а).

План расположения находок в культуросодержащих отложениях памятника демонстрирует различную плотность распределения костяного инвентаря на площади стоянки (рис. 2). Наибольшее количество предметов из различного костного сырья приходится на раскоп II — 45% (таблица). Второй по концентрации находок в культуросодержащих отложениях — раскоп III (31%). В меньшей степени поделками из кости и бивня насыщен раскоп I — 23% предметов. Единственным экземпляром представлена заготовка неопределимого предмета из кости в раскопе IIа.

Поскольку именно кость (а не рог или бивень) — основной поделочный органический материал на стоянке Сунгирь, то большую часть исследованных предметов составляют находки из этого вида сырья.

Особый интерес представляет собой распределение в культуросодержащих отложениях памятника изделий, выполненных из рога. Роговые предметы обнаружены только на площади несмежных раскопов II и III. Причем в раскопе II рассматриваемые изделия были найдены, за исключением могил, только в/около ритуальной ямы № 4 (кв. о-п158-159): два изделия из рога найдены в яме, а одно мо-

тыгообразное орудие – в кв. о158, в 5-м условном горизонте, т.е. в том же, откуда фиксируется начало ритуальной ямы № 4.

В раскопе III роговые находки сосредоточены на четырех участках: д-и158-160, p-y146-147, a-д141-146, л-м123-124. Один из участков (a-д141-146) расположен в приочажной зоне (рис. 3). Из стратиграфического профиля распределения роговых предметов следует, что последние встречаются по всей толще культуросодержащих отложений.

Исходя из этого можно предположить, что использование рога происходило в течение всего времени обитания человека на стоянке. На основе технико-типологического, стратиграфического и планиграфического анализа роговой индустрии памятника допустимо заключить, что люди, обитавшие на стоянке, приносили сюда непосредственно заготовки из ствола рога, а то и вовсе завершенные изделия. Полный цикл обработки рога (включающий принесение и расчленение целого рога) непосредственно на исследованной территории памятника не проводился (Солдатова, 20116).

Находки из бивня мамонта распределены на площади стоянки достаточно разрежено, не образуя явных скоплений. Наибольшее их количество сосредоточено в ритуальной яме № 4 (раскоп II, кв. о-п158-159).

Несмотря на то что с высокой долей вероятности можно говорить о проведении обработки бивня на территории памятника (находки бивневых нуклеусов, ряда различных заготовок и т.п), в пределах раскопанной площади нельзя выделить определенный участок, где осуществлялись подобные работы.

Для уточнения распределения костяных, роговых и бивневых изделий на площади стоянки на план были предварительно нанесены следующие структурные элементы культурного слоя: 1) скопления крупных костей животных (преимущественно мамонтов) (5 ед.); 2) кострища (25 ед.); 3) очажные ямы (30 ед.); 4) ритуальные ямы (3 ед.) (рис. 2). Описанные О.Н. Бадером контуры жилищ сознательно не использовались при составлении планов, поскольку правомерность их выделения вызывала большие сомнения (Бадер, 1978; Селезнев, 2008).

¹ Например, предметы, относящиеся к категории мотыгообразных орудий, которые едины в типологическом и технологическом планах, равномерно расположены как в 1–2-м, так и в 3–5-м условных горизонтах культурного слоя стоянки (Солдатова, 2011а).

² Ввиду малочисленности той или иной категории находок из кости, рога или бивня рассматривать планиграфию конкретных категорий предметов в рамках данной статьи нецелесообразно (подробнее см. Солдатова, 2011а).

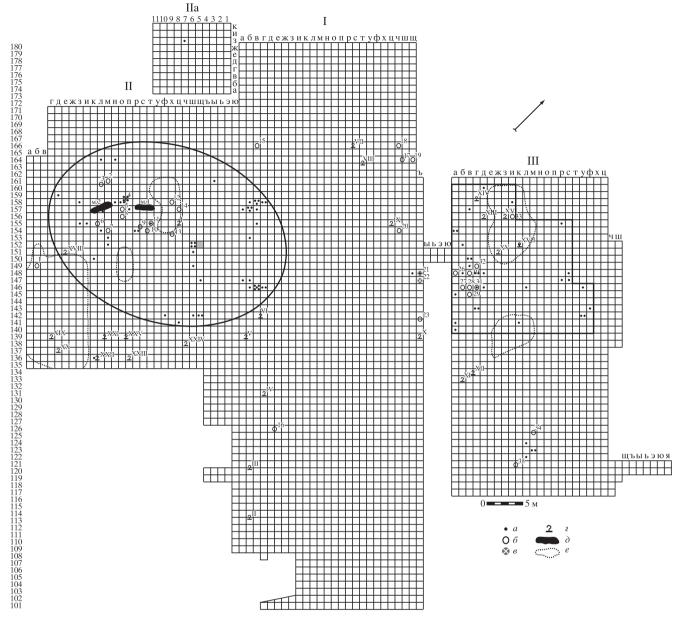

Рис. 2. Юго-западная и северо-восточная жилые площадки, выделенные на площади стоянки Сунгирь. Условные обозначения: a – одна находка; δ – очажная яма; ϵ – ритуальная яма; ϵ – кострище; δ – могила; ϵ – скопление костей.

Планиграфический анализ показал, что находки из кости, рога и бивня практически не соотносятся с перечисленными выше структурными элементами культурного слоя. Одно из немногих исключений — ритуальная яма № 4, где сконцентрировано значительное количество находок из рога и бивня, а именно: два обработанных ствола рога — заготовки, два бивневых нуклеуса, а также стержневидное изделие из бивня мамонта. Кроме того, в кв. о158 в том же горизонте, откуда прослеживается начало рассматриваемой ритуальной ямы, найдено мотыгообразное орудие из рога. Возможно, оно было

использовано при выкапывании ямы, а затем оставлено на месте.

Обращает на себя внимание тот факт, что в пределах скоплений крупных костей животных (преимущественно мамонтов), выделенных О.Н. Бадером в раскопе II (кв. о-п147-151; кв. а-к136-152), ни один костяной, роговой или бивневый предмет не зафиксирован.

Единственным исключением могло бы стать скопление крупных костей животных на кв. т-х154-161 (раскоп II), в границах которого, по наблюдени-

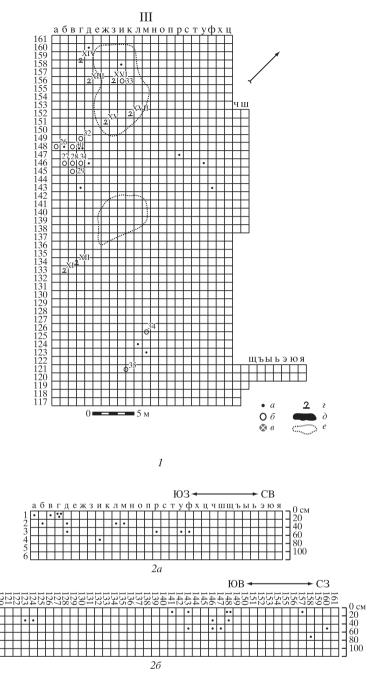

Рис. 3. План распределения (1) и стратиграфический профиль (2) находок из рога коллекции стоянки Сунгирь (раскоп III). Условные обозначения: см. рис. 2.

ям О.Н. Бадера, выделяется мастерская по обработке кости (1978. С. 70). Это предположение строится на факте обнаружения обработанных предметов из кости и бивня на площади рассматриваемого скопления костей, в частности, целого бивня мамонта с вбитыми по краям отщепами (Бадер, 1978. С. 69). Однако отсутствие описи 1958 г., когда полевые исследования проводились как раз на территории I и II раскопов (в том числе и на площади указанных

квадратов), не позволяет подтвердить или опровергнуть наблюдения О.Н. Бадера.

На площади раскопа III в подобных скоплениях крупных костей (кв. е-м149-160; кв. е-м136-142) найдены лишь единичные предметы из кости и рога (осколок кости, ретушер и роговой предмет, относящийся к категории "отходы производства").

Таким образом, участки, где были зафиксированы отходы производства и заготовки из кости, рога

или бивня, в целом, не совпадают с местами концентрации крупных костей животных, что указывает на отсутствие четкой связи указанных скоплений фаунистических материалов с обработкой какоголибо костного сырья.

На общем плане распределения предметов из кости, рога и бивня (рис. 2) видно, что находки сконцентрированы в юго-западной и северо-восточной частях памятника. В юго-восточной части поделок из рассматриваемых материалов практически нет; лишь единицы встречаются в раскопе III. В линиях д-ш раскопа I не найден ни один костяной, роговой или бивневый предмет. Таким образом, в культуросодержащих отложениях стоянки можно выделить две обособленные части или площадки. Данные наблюдения соответствуют выводу О.Н. Бадера о существовании на памятнике двух жилых площадок (1978. С. 97).

Юго-западная площадка (кв. а-г146-158 раскопа I, кв. д-ю141-164 раскопа II) представляет собой овальное скопление (в котором обнаружены и костяные, роговые, бивневые предметы) площадью около 720 м², слегка вытянутое по линии 3-B. В пределах рассматриваемой площадки располагаются следующие структурные элементы культурного слоя: 2 могилы, 3 скопления крупных костей животных (одно из них, кв. а-к136-152 раскопа II, входит в границы рассматриваемого участка лишь частично), 3 кострища, 12 очажных и 1 ритуальная яма. На территории юго-западной площадки зафиксировано 72 предмета из кости, рога и бивня. На этой площадке можно выделить две зоны концентрации находок из кости, рога и бивня. Первая из них, расположенная в западной части жилой площадки, тяготеет к месторасположению могил (кв. р-т157-158, к-м157-158) и отличается высоким содержанием заготовок и орудий из кости и бивня. На площади второй зоны, находящейся в восточной части жилой площадки, выделяется несколько небольших обособленных скоплений находок из костного сырья.

Северо-восточная площадка (кв. а-у140-160 раскопа III) несколько меньше юго-западной, ее площадь составляет около 525 м². Рассматриваемый участок не имеет хорошо видимых границ и четкой ориентации по сторонам света. Структурные элементы культурного слоя, относимые к северо-восточной площадке: два скопления крупных костей животных (скопление на кв. е-м136-142 входит в рассматриваемый участок лишь частично), пять кострищ и девять очажных ям. На территории площадки зафиксировано 33 предмета из кости, рога и бивня. Находки на северо-восточной площадке расположены весьма разреженно, а их концентрация

не превышает двух предметов на квадрат (кв. а154, в150, у142).

Относительно высокая концентрация костяных, роговых и бивневых находок на площади рассмотренных площадок контрастирует с почти полным их отсутствием на остальной исследованной площади стоянки. Культуросодержащие отложения между площадками и вокруг них, по всей видимости, представляют собой периферийную зону (и/или специфическую часть стоянки, связанную с проведением отдельных хозяйственно-бытовых операций, вынесенных за пределы жилых площадок). Необходимо отметить, что пространственное распределение украшений из разных видов сырья демонстрирует аналогичную картину (Житенев, в печати).

Костяной инвентарь юго-западной и северовосточной площадок определяется одним типологическим набором предметов (за исключением материалов погребений). Характер находок свидетельствует о проведении полного цикла (?) обработки костного и бивневого сырья на территории стоянки. Однако инвентарь отличается высоким процентом заготовок и орудий (26 и 22% от общего числа находок соответственно) и отсутствием явных запасов сырья (?). Вероятно, обработка костного сырья обеспечивала текущие потребности в костяных изделия.

Таким образом, результаты планиграфического исследования костяной индустрии стоянки Сунгирь согласуются с выводами О.Н. Бадера (основанными на общем анализе всего инвентаря и структуры поселения) о существовании на площади памятника двух обособленных жилых площадок. Между выделенными площадками прослеживается тесная связь как в орудийном наборе и сырьевой базе, так и в технологии обработки того или иного костного материала. Комплексный анализ, включающий планиграфическое исследование коллекции предметов из кости, рога и бивня, не позволяет на основе имеющихся археологических материалов говорить о разновременных горизонтах культурного слоя.

Важный элемент планиграфического анализа — ремонтаж (Леонова, 1994). Изучение коллекции костяных, роговых и бивневых находок стоянки Сунгирь продемонстрировало, что все фрагменты, относящиеся к одним предметам, были обнаружены в пределах одного квадрата и собраны еще в процессе первичной обработки материалов; подобрать части иных предметов, складывающихся между собой, автору не удалось. Таким образом, на стоянке Сунгирь отсутствуют возможности выявления связей между разными участками памятника на основе ремонтажа предметов из кости, рога и бивня.

Стоит подчеркнуть, что представленный планиграфический анализ неполон в связи с отсутствием архивных данных по находкам 1958 г., а также доступа к коллекции фауны и ее определениям. Также, к сожалению, достоверно судить об объемах обработки кости, производимых на территории стоянки, невозможно ввиду того, что негодный для палеонтологического определения фаунистический материал в процессе раскопок оставлялся на месте (Бадер, 1978). В будущем дополнительную информацию возможно будет получить после обработки коллекции фауны и списков определимых остеологических материалов.

Автор выражает признательность заместителю генерального директора по научной работе Владимиро-Суздальского музея-заповедника канд. ист. наук М.Е. Родиной и хранителю сунгирской коллекции А.Н. Пальцевой за оказанную ими неоценимую помощь в работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- *Бадер О.Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
- Гаврилов К.Н. Типология и пространственное распределение каменных орудий сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костёнки и ранняя пора

- верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Житенев В.С. Украшения из клыков песца Сунгирской верхнепалеолитической стоянки. В печати.
- Каверзнева Е.Д. Стратиграфия стоянки Сунгирь по статистическим данным // Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60.
- Каверзнева Е.Д. Характеристика культурного слоя поселения Сунгирь с учетом мерзлотных деформаций (раскоп III) // РА. 2004. № 3.
- Паврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геолого-палеоэкологические события позднего плейстоцена в районе палеолитического поселения Сунгирь // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М., 1998.
- *Леонова Н.Б.* Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. М., 1994.
- Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Под ред. О.Н. Бадера, Ю.А. Лаврушина. М., 1998.
- Селезнев А.Б. Стоянка Сунгирь: вопросы организации жилого пространства. М., 2008.
- Солдатова Т.Е. Костяная, роговая и бивневая индустрия верхнепалеолитической стоянки Сунгирь: Дипломная работа кафедры археологии ист. ф-та МГУ. М., 2011а.
- Солдатова Т.Е. Предварительные результаты исследования роговых изделий с верхнепалеолитической стоянки Сунгирь // Матер. Междунар. молодежного науч. форума "ЛОМОНОСОВ-2011". М., 2011б.

ПЛАНИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ВЕРХНЕГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II

© 2012 г. С.П. Медведев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (roijones@rambler.ru)

Ключевые слова: верхний палеолит, Каменная Балка, палеоэкология, планиграфия.

Investigations of the upper occupation layer at the Late Paleolithic site of Kamennaya Balka II included a study of its position, analysis of the spatial distribution of the flint finds and reconstruction of the natural environment at the time of deposition. The present article considers one of the aspects of the work, namely, spatial analysis. The site revealed clusters of flint artifacts which showed testimony of primary flaking of the stone material and of manufacturing tools from workpieces. The investigations have confirmed that the upper occupation layer consists of the remains of a fairly large yet short-lived settlement.

Комплекс стоянок и местонахождений эпохи позднего палеолита Каменная Балка располагается на восточной окраине хут. Недвиговка, Мясниковского р-на Ростовской обл., по бортам балки Каменной. Стоянка Каменная Балка II постоянно исследуется с 1958 г., раскопы, достигающие почти 2 тыс. м², составляют единую площадь. Исследования проводятся экспедициями МГУ им. М.В. Ломоносова. На стоянке прослежены три культурных слоя, датирующиеся от 22–20 до 12 тыс. л.н.

Верхний слой Каменной Балки II сформировался, по данным геолого-геоморфологических, палеопедологических, палеоботанических исследований и типологического анализа археологического материала, около 13.5-12 тыс. л.н. До сих пор не существует сколько-нибудь подробных публикаций по его материалам. М.Д. Гвоздовер в своих работах вскользь упоминала о нем (1964; 1967). Однако в последние годы накопился новый материал, появились исследования по палеоэкологии периода формирования первого культурного слоя. Основные сведения о верхнем горизонте приведены в монографии "Палеоэкология равнинного палеолита" (Леонова и др., 2006), но их явно недостаточно. До этого верхний культурный слой никогда не был предметом специального исследования, поэтому введение в научный оборот его материалов весьма актуально.

В рамках изучения верхнего слоя Каменной Балки II проведены исследование характера залегания верхнего культурного слоя по отношению к современной дневной поверхности и нижележащему

основному (второму) культурному слою с целью выявления сохранности верхнего слоя, а также его подробный планиграфический анализ для всей раскопанной площади памятника. Для решения поставленных задач был использован максимально полный объем источников: привлечены все доступные архивные и коллекционные материалы. Для реконструкции условий залегания находок верхнего культурного слоя использованы отчеты М.Д. Гвоздовер (1959–1971) и Н.Б. Леоновой (1978–2009), включающие полевые чертежи. Для построения плана распределения находок привлечены описи коллекций кремневых находок за все годы исследований. Площадь рассматриваемой территории составила 1597 м².

Основные методы, использованные в этой работе: микростратиграфический и планиграфический. Первый метод направлен на изучение внутреннего строения культурного слоя, выявление характера его формирования и залегания. В техническом плане это построение системы микропрофилей, максимально полно характеризующих расположение находок по их глубине (более подробно см. Леонова, Виноградова, 2004; Леонова и др., 2006). Второй метод заключается в изучении пространственного распределения находок по площади стоянки и выявлении его закономерностей (Леонова, 1977; 1994). Рассмотрению могут подвергаться как весь объем находок, так и отдельные его категории и их взаимные сочетания.

Характер залегания находок. Для реконструкции характера залегания находок верхнего культурного

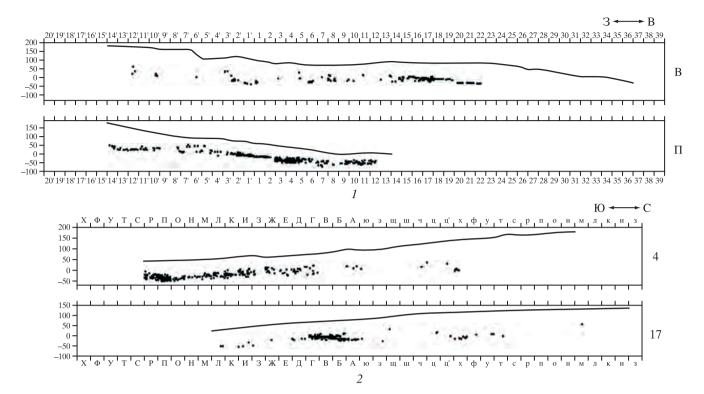

Рис. 1. Микростратиграфические профили залегания находок верхнего культурного слоя. I – направление 3–B; 2 – направление С–Ю.

слоя предпринято объемное исследование его микростратиграфии, включившее в себя построение микропрофилей по всей площади залегания находок. Микропрофили строились в направлениях с запада на восток и с севера на юг через 1 м. Для их построения использовались данные обо всех находках, относимых к верхнему культурному слою. В результате получено и проанализировано 89 микропрофилей, что позволило дать довольно полную характеристику поверхности, на которой формировался верхний культурный слой, и выявить особенности последнего (рис. 1).

Данные микростратиграфического анализа позволили построить модель поверхности обитания: поверхность мыса была достаточно ровной, имеющей небольшой наклон на юго-восток. Она была более горизонтальной, чем современная дневная поверхность. Территорию мыса пересекала по диагонали с северо-запада на юго-восток небольшая ложбина, которая могла служить причиной некоторого повреждения слоя в районе ее русловой части. Но несмотря на небольшие повреждения, в целом данные микростратиграфического анализа слоя подтверждают его самостоятельный характер в качестве отдельной стратиграфической единицы и достаточно гомогенное залегание находок. В некоторых случаях прослежено деление слоя на два микрогоризонта, трактовать которые в качестве разновременных этапов посещения места обитания у нас нет достаточных оснований. Скорее всего такая структура верхнего слоя обусловлена постгенетическими процессами и голоценовыми процессами почвообразования (Висла Балка..., 2002; Медведев, 2010).

Кремневая коллекция. По данным описей всех лет раскопок, коллекция верхнего культурного слоя состоит из 8324 каменных артефактов (табл. 1). Среди найденных предметов из расщепленного кремня мало нуклеусов – 147 (1.77% всех находок) и много орудий – 967 (11.62%). Достаточно много пластинчатых сколов – 1972 (23.69%). Преобладают отходы производства (отщепы и осколки) – 2745 (32.98%). Как правило, такой состав находок характерен для базовых стоянок.

Среди орудий больше всего резцов -230 (23.78% всех орудий). Кроме того, много скребков -179 (18.51%), пластин с участками ретуши и следами использования -147 (15.2%); микропластинок с притупленным краем (далее МППК) -104 (10.75%). Такой состав орудий, как правило, характеризует достаточно разнообразную деятельность, происходившую на стоянке.

Пространственное распределение находок. В качестве основы для проведения планиграфи-

Таблица 1. Состав находок верхнего культурного слоя

Категория находки	Количество	%
Желвак	23	0.28
Нуклеус	147	1.76
Скол оживления	319	3.83
Первичный скол	747	8.96
Орудие	968	11.61
Резцовый отщепок	166	1.99
Пластина	1972	23.65
Отщеп	2745	32.93
Осколок	1219	14.62
Камень	31	0.37
Всего	8337	100
Категория орудия		
Резец	230	23.76
Скребок	179	18.49
Пластина с участком ретуши	147	15.19
МППК	104	10.74
Зубчато-выемчатое орудие	71	7.33
Отщеп с участком ретуши	66	6.82
Транке	31	3.2
Острие, проколка	26	2.69
Стамеска	23	2.38
Комбинированное орудие	21	2.17
Чешуйчатое орудие	2	0.21
Прочие орудия	68	7.02
Всего	968	100

ческого анализа составлена база данных каменных артефактов, каждая запись которой соответствовала отдельному квадрату (1 м²) и содержала информацию о качественном и количественном составе находок. Для работы с собранными в эту базу данными и их визуализации использовано бесплатное программное обеспечение Quantum GIS, т.е. фактически была создана геоинформационная система по находкам верхнего культурного слоя.

Для каждой рассматриваемой нами категории находок создан свой план, что позволило анализировать не только распределение отдельных категорий, но и их взаимосвязь, комбинируя с помощью программы интересующие категории.

В программе Surfer 8 были построены более подробные схемы взаимного расположения находок для отдельных скоплений, лежащих на площади раскопов 1996–2006 гг. Планы получились более информативными и позволили выделить в составе скоплений индивидуальные рабочие места — "точки".

Для верхнего слоя следы жилищ, очагов не известны, хотя следы использования огня присутствуют: это обожженные кремни, угли и микроугольки из промывки вмещающей породы. Нет и

выразительных костных скоплений. Кости вообще мало, и сохранность ее очень плохая. Из структурных элементов культурного слоя можно выделить лишь скопления кремня и клад кремневых изделий.

Если клад (рис. 2) представляет собой явную структуру (находки компактно уложены в ямку чуть ниже уровня верхнего слоя и отделены от основного слоя мощной стерильной прослойкой), то скопления представлены в силу малой мощности слоя не настолько явно. Некоторые из них могут быть выделены визуально, но в большинстве случаев было необходимо применение апробированной статистической процедуры, позволяющей выделять участки слоя с повышенной концентрацией находок, указывающей на неслучайность их накопления на той или иной площади (Леонова, 1977).

В соответствии с данными многочисленных статистических экспериментов выяснено, что превышение среднего количества находок на 1 м² в 1.5 раза (что соответствует среднему квадратическому отклонению) свидетельствует о наличии здесь скопления (Леонова, 1994).

Для всей исследованной площади вычислено значимое отклонение количества находок от среднего значения на площади каждого квадратного метра ("квадрата"). Среднее количество находок на квадрат для нашего памятника — 5.22. Для стоянок с относительно бедным культурным слоем, каким является верхний слой Каменной Балки II, значимое отклонение равно 1.5 среднего, т.е. 7.82. Следовательно квадраты, на которых найдено 8 и более кремней, можно считать неслучайными скоплениями находок. Кроме того, выделены участки с количеством находок, превышающим среднее значение в 3 раза, — это 16 предметов и более.

Эти участки обозначены на общем плане находок, что позволило выделить на территории памятника 19 скоплений. Три из них — скопления 1-го вида, т.е. имеющие площадь в несколько десятков метров (Леонова, 1977): № 1–3; восемь скоплений 2-го вида, площадь которых значительно меньше: № 4–11; восемь скоплений 3-го вида площадью до 1 м^2 : № 12–19 (рис. 3).

Наиболее насыщенные находками части стоянки – юго-западная (скопления 1, 10–13); южная (скопления 2, 6); центральная (скопления 4, 5, 15, 16); восточная (скопления 3, 14, 17).

Остальные части стоянки характеризуются низким содержанием находок и их разреженным расположением. В западной части выделяются только скопления 7, 8, но они тяготеют к центральной

части; в северо-западной части стоянки находки верхнего слоя не образуют никаких статистически важных скоплений; в северной — всего три небольших скопления (9, 18, 19).

Рассмотрим более подробно скопление 4 (рис. 4; табл. 2). Оно расположено в центральной части стоянки, занимает 38 м² и содержит 949 находок. Средняя концентрация кремня составляет 25 находок на квадрат.

В состав скопления входят 86 орудий (9% от всех находок скопления), 11 нуклеусов (1.16%), продукты первичного расщепления (10.21%), пластины (14.95%) и дебитаж (64.21%). Разнообразный характер инвентаря указывает на то, что на площади скопления выполнялся весь цикл обработки кремня: первичное расщепление, изготовление и использование орудий.

Среди орудий в скоплении преобладают скребки -26, много МППК, пластин и отщепов с участками ретуши и следами использования - по 15.

В северо-восточной и центральной частях скопления содержатся 9 из 11 нуклеусов скопления. Тут же найдены достаточно большие камни, которые могли служить наковаленками. Первичные сколы располагаются только в северо-западной части скопления (в 1967 и 1968 гг. наличие у находки меловой корки не отмечалось). Это указывает на то, что на данном участке проводилось первичное расщепление.

Скребки распространены практически по всей площади скопления, кроме его окраинных областей, наибольшая их концентрация наблюдается в восточной части скопления: на участке кв. Б-17–19 и В-16, 17. Без данных трассологического анализа нельзя с уверенностью сказать, был этот участок мастерской по их изготовлению или, наоборот, местом их использования.

Рис. 2. Клад каменных изделий, кв. Е-7.

Значимое количество МППК содержится в центральной части скопления. Рядом найдены зубчатовыемчатые орудия и две стамески. Такое сочетание орудий указывает на то, что здесь, возможно, изготавливались составные вкладышевые орудия.

Резцы сосредоточены в северо-восточной части скопления. Резцовые отщепки тоже преобладают в этой части, что указывает на то, что здесь проводилась работа резцами (рис. 4).

На участке кв. Б-А-16,17 можно выделить три "точка", т.е. индивидуальных рабочих места, которые были расположены в южной половине кв. А-16 (А), северной части кв. Б-16 (Б) и северозападной четверти кв. Б-17 (В). Во всех трех наблюдается низкая доля орудий (1–4%), высокое содержание дебитажа (60–62%) и первичных сколов (14–24%). Такой состав скоплений указывает на их производственный характер, связан-

4	1
	_

Категория находки	Количество	%	Категория орудия	Количество	%
Нуклеус	11	1.16	Скребок	26	30.23
Скол оживления	25	2.63	МППК	15	17.44
Первичный скол	61	6.42	Пластина или отщеп с ретушью	15	17.44
Орудие	86	9.05	Резец	11	12.79
Резцовый отщепок	10	1.05	Зубчато-выемчатое орудие	8	9.3
Пластина	142	14.95	Транке	3	3.49
Отщеп	290	30.53	Острие, проколка	2	2.33
Осколок	320	33.68	Стамеска	2	2.33
Камень	5	0.53	Прочие орудия	4	4.65
Всего	950	100	Всего	86	100

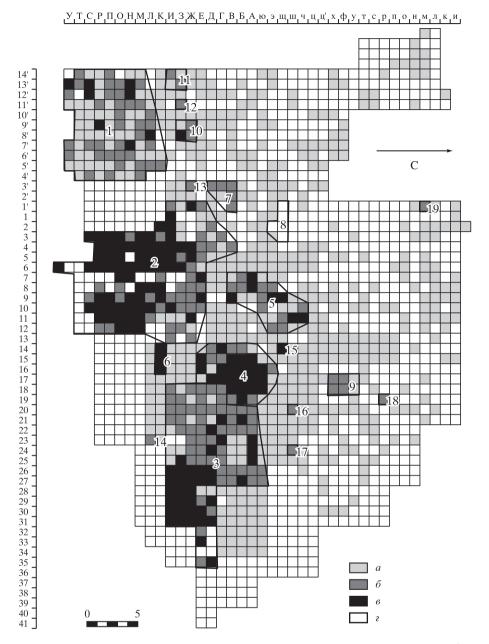

Рис. 3. План распределения находок верхнего культурного слоя с выделенными скоплениями. Условные обозначения: a–s – количество находок (a – 1–7; δ – 8–15 (более 1.5 средних); s – 16–172 (более 3 средних)); s – границы скоплений.

ный с обработкой нуклеусов и снятием заготовок (рис. 4; табл. 3, 4).

Все 19 скоплений, выделенных на памятнике, составляют в сумме 28.88% исследованной площади стоянки и содержат 83.61% всех находок. При этом надо отметить достаточно высокое содержание на периферийных участках стоянки орудий (18.82% всех орудий) и нуклеусов (21.77% всех находок), что достаточно характерно для базовых стоянок. Это обусловливается тем, что на базовых стоянках население занималось разнообразной деятельностью и достаточно интенсивно перемещалось. Часто такая

деятельность была специализированной и требовала удаления от наиболее плотно используемых и более многолюдных центральных участков памятника или жилых объектов, поэтому на относительно бедных участках высок процент орудий и нуклеусов: в нашем случае на периферии много нуклеусов и скребков. Использование скребков традиционно связывают с обработкой шкур, которая требует особого пространства в силу специфичности работы.

Подведем некоторые итоги. Судя по результатам планиграфического анализа, можно говорить, что

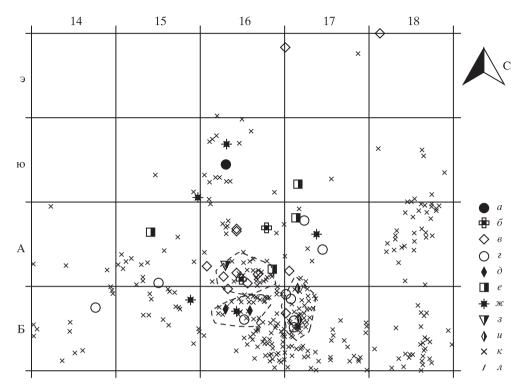

Рис. 4. План распределения находок в скоплении 4. Условные обозначения: a – камень; δ – нуклеус; s – первичный скол; ε – скол оживления; δ – резцовый отщепок; e – резец; \mathcal{K} – скребок; s – зубчато-выемчатое орудие; u – МППК; κ – дебитаж; n – граница "точков".

на площади стоянки проводилась деятельность как по первичному расщеплению, т.е. работе с нуклеусом, так и по изготовлению орудий.

Большое количество резцов (230) и сколов оживления резцовой кромки (резцовые отщепки – 166) позволяет говорить об их широком применении в обработке кости и, учитывая облесённость ландшафта, дерева. Высокая доля скребков на периферийных частях стоянки (25% от количества всех орудий на периферии) указывает на вероятное их использование для обработки как шкур, так, возможно, и растительного сырья.

Таблица 3. Количественный и процентный состав находок точков (A, Б, B)

Категория находки	A	Б	В
Нуклеус	1 (2%)	0	0
Скол оживления	0	1 (1.82%)	4 (5%)
Первичный скол	12 (24%)	8 (14.55%)	12 (15%)
Орудие	2 (4%)	1 (1.82%)	3 (3.75%)
Резцовый отщепок	1 (2%)	2 (3.64%)	0
Пластина	4 (8%)	10 (18.18%)	11 (13.75%)
Отщеп	24 (48%)	17 (30.91%)	24 (30%)
Осколок	6 (12%)	16 (29.09%)	26 (32.5%)
Всего	50 (100%)	55 (100%)	80 (100%)

Распределение каменных находок, а именно их концентрация в центральной, южной и югозападной частях стоянки, свидетельствует о более интенсивном использовании этой территории для бытовых и производственных нужд. А тот факт, что следы разнообразных этапов производственной деятельности располагаются в рамках скоплений рядом, зачастую смешиваясь (примером может служить скопление 4), указывает на интенсивную деятельность на стоянке, что служит подтверждением ее хозяйственной характеристики. Конечно, по сравнению с основным культурным слоем

Таблица 4. Количественный и процентный состав орудий точков (A, Б, B)

Категория орудия	A	Б	В
МППК	0	0	2 (66.67%)
Зубчато-выемчатое орудие	1 (50%)	0	0
Резец	1 (50%)	0	0
Скребок	0	1 (100%)	1 (33.33%)
Всего	2 (100%)	1 (100%)	3 (3.75%)

стоянки верхний слой значительно беднее, но это может свидетельствовать, во-первых, о меньших сроках пребывания человека на стоянке, во-вторых, о меньшей численности населения, в-третьих, об иных условиях погребения и трансформации культурного слоя. Все это позволяет интерпретировать рассмотренные части стоянки как жилую и периферийные зоны.

Детальный анализ кремневой коллекции верхнего слоя и его пространственного распределения убедительно показал существование довольно большого но, вероятно, не очень долговременного поселения. Судя по разнообразию кремневого инвентаря и обилию орудий, можно с уверенностью считать его базовой стоянкой, т.е. поселением, на котором проходила постоянная жизнь основной части древнего коллектива.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00479.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Висла Балка — позднепалеолитический памятник Северского Донца // Археологический альманах. № 11. Донецк, 2002.

- Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит Днепра и Приазовья. М.; Л., 1964 (САИ; Вып. AI-5).
- *Гвоздовер М.Д.* О культурной принадлежности памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 27.
- *Леонова Н.Б.* Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отображение в них специфики поселений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- *Леонова Н.Б.* Современное палеолитоведение: методология, концепции, подходы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994.
- Леонова Н.Б., Виноградова Е.А. Микростратиграфия культурного слоя. Возможности интерпретации // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А. и др. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная Балка в Северном Приазовье). М., 2006.
- Медведев С.П. Верхний культурный слой верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II: Дипломная работа кафедры археологии ист. ф-та МГУ. М., 2010.

ВОЗМОЖНОСТИ МИКРОТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОРУДИЙ ИЗ ЗЕРНИСТЫХ И КРИСТАЛЛИЧЕСКИХ ПОРОД

© 2012 г. О.Н. Загородняя*, К.Н. Степанова**

* Донбасский государственный технический университет, Алчевск (olgaza@ukr.net)

** Санкт-Петербургский государственный университет (ksstepan@gmail.com)

Ключевые слова: функциональный анализ, микротрасология, экспериментальный метод, эталонная коллекция, немодифицированные каменные орудия.

In functional attribution of ancient tools, microtraceology is usually used for flint artifacts, and macrotraceology for tools of granular rock. The present article analyzes the use of microtraceology for tools made of granular and crystalline rock. The study is based on type assemblages of tools; part of the experiments has been conducted by the authors (fig. 1). The results confirm the potential of the method, revealing changes in the surface of the tools and allowing to identify some of the materials they were applied to (figs. 2–4). The method has certain limitations which are related to the nature of the initial raw materials.

В индустриях всех археологических эпох от палеолита до Средневековья - присутствуют орудия из зернистых пород. Они используются в самом широком спектре хозяйственных операций (изготовление каменных и металлических орудий; обработка органических материалов - от шкур до продуктов питания; использование в качестве подставок, вместилищ и пр., при этом один и тот же предмет мог выполнять разные функции). Для ранних эпох (палеолит-эпоха палеометалла) в большей степени характерно использование в качестве орудия необработанной гальки, изъятой из природного окружения и подходящей по своим параметрам (размер, форма, зернистость, твердость породы) для той или иной работы. К "немодифицированному компоненту" индустрий принадлежат орудия, которые не были преднамеренно изготовлены человеком: форма их, с одной стороны, является природной формой отдельности сырья, а с другой – несет на себе следы использования и иногда незначительной подправки, аккомодации. Отбойники, абразивы, терочники, лампадки, чашечки для охры, наковальни и другие плитыосновы, очажные камни – это простые приспособления, которые более или менее однообразны на всех территориях и во все периоды. Когда они не играют культуроразличающей роли, то основной вывод, который можно сделать из их наличия на стоянке, сводится к тому, что здесь протекали хозяйственные операции по обработке камня, при-

готовлению пищи и т.п., т.е. к тому, что очевидно и без специальной аналитики. Следовательно, как археологический источник эти артефакты обладают своей спецификой: их потенциал значителен, но извлекаемая из них информация чаще всего имеет характер частных реконструкций древнего хозяйства.

Поскольку мы имеем дело не с намеренным формообразованием, а с формой как с побочным результатом процесса использования, то и характер археологического источника в данном случае имеет не сам предмет, не его форма в чистом виде, а та операция, в которой орудие было задействовано. Поэтому важно оценить процессы, приведшие к формированию облика орудия, и признаки, значимые для его реконструкции. Такой подход отличается от привычных способов обращения с изделиями, т.е. с той частью археологических источников, для которой морфологические признаки имеют значение как результат целенаправленного творчества. Для изделий возможна классификация на основании только внешних признаков, без учета пути их формирования, но для немодифицированых орудий такие признаки не имеют веса для сопоставления их по памятникам и эпохам. Неслучайно даже терминология, которой мы пользуемся для описания этого круга источников, признается некоторыми авторами неразработанной (de Beaune, 1989. Р. 27, 28; Гричан, 2006. С. 10).

67 **5***

Это касается и подходов к изучению немодифицированных орудий. Так, при морфологическом анализе отнюдь не всегда возможно указать, к какой группе относится то или иное орудие, какую функцию оно имело и в каких операциях участвовало. Определения различий между функциями орудий на микроуровне — это новый пласт информации, который позволит провести границу между морфологически близкими, но функционально различными артефактами. То есть в рамках собственно археологической проблематики необходимо определить характерные признаки разных групп немодифицированных изделий вплоть до микроизноса.

Отдельный круг проблем связан с функциональным анализом изделий, для которых возможна классификация на основании их устойчивой морфологии. В данном случае может быть получена дополнительная информация для построения палеоэкономических реконструкций в рамках отдельных культур.

Основа трасологического метода — изучение признаков сработанности на поверхностях древних орудий и объектах, подвергшихся обработке, в виде микро- и макроследов (Коробкова, 1994. С. 3). Анализ свидетельств использования орудий позволяет получить информацию о кинематике движения, характере обрабатываемого материала, длительности употребления.

Впервые метод микроанализа для функционального определения палеолитических кремневых орудий был применен С.А. Семеновым в 30-40-е годы XX в. (1957). Дальнейшее его развитие связано с исследованиями массовых археологических коллекций эпохи неолита-энеолита Средней Азии, Кавказа и Северного Причерноморья Г.Ф. Коробковой в 1960–1980-е годы (1964; 1965). Применение трасологического анализа в изучении массового материала от финального палеолита до эпохи бронзы способствовало дальнейшему совершенствованию данной методики (Коробкова, 1994. С. 3-15). Для изучения следов обработки и износа, видимых невооруженным глазом или при небольшом увеличении (в первую очередь на поверхностях орудий из зернистых пород), использование макротрасологипредлагалось ческого метода (Коробкова, Щелинский, 1996. C. 19-21).

На сегодняшний день трасологический метод анализа каменных орудий занимает уверенные позиции в археологии и продолжает развиваться. Одно из сравнительно новых его направлений — микроанализ орудий из зернистых и кристаллических пород, таких как песчаник, кварцит, гранит,

диабаз, сланец и др. (Davis, 1998; Dubreuil, 2004; Hamon, Plisson, 2008; Adams et al., 2009).

Так, для немодифицированных диабазовых орудий натуфийской культуры проведено экспериментально-трасологическое исследование с анализом микроизноса поверхности, по результатам которого можно говорить о перспективности метода в отношении зернистых пород (Dubreuil, 2004). Следует учесть, что диабаз мало подвержен выкрашиванию, следы использования на зернах породы хорошо сохраняются. Велика вероятность того, что в случае с другими видами сырья, имеющими более мелкозернистую структуру, возможности микротрасологического анализа будут ограничены, хотя Л. Дюбрейль указывает и на успешные разработки, связанные с функциональной атрибуцией песчаниковых орудий (Dubreuil, 2004. Р. 1620). Другая сложность состоит в том, что на поверхности сырья, состоящего из отдельных зерен, не образуется обширных зон следовзаполировок, как на более однородных породах, таких как кремень или обсидиан. Следы, различимые макротрасологически, могут быть признаны информативными на уровне реконструкции кинематики движения. В то же время одни и те же "категории" макроследов могут возникать в результате разных операций.

Нами было принято решение апробировать метод на материалах памятников верхнего палеолита и эпохи бронзы для решения вопросов идентификации орудий из зернистых пород для обработки мягких органических материалов, не оставляющих видимых невооруженным глазом следов использования. Для анализа микроследов помимо бинокулярного микроскопа МБС-10 с увеличением до ×100 нами используется металлографический микроскоп "Olympus" с модулем ДИК (дифференциального-интерференционного контраста) со значительными увеличениями (×100, ×200, ×500). Поскольку рабочее расстояние оптической системы не позволяет изучать довольно массивные орудия непосредственно под микроскопом, с поверхности камня снимаются слепки. Это реализуется либо с применением стоматологических слепочных масс, либо ацетат-целлюлозной пленки, растворяемой в химически чистом ацетоне (Гиря, Дэвлет, 2010. С. 109). Из-за особенностей поверхности зернистых пород предпочтительны оттиски из ацетатной пленки, точнее воспроизводящие текстуру рельефной поверхности (см. также Dubreuil, 2004. Р. 1617). Следующий этап – фиксация выразительных следов износа при помощи микрофотографирования. Глубина резкости итогового сфокусированного изображения достигается путем сведения серии частично сфокусированных снимков одного участка поверхности в программе Helicon Focus¹.

Для функциональной атрибуции орудий микротрасологическим методом необходима представительная эталонная база следов на зернистых и кристаллических породах. Для ее формирования авторами данной работы изучается эталонная коллекция Экспериментально-трасологической лаборатории Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН. В то же время создаются новые эталоны, в чем-то дублирующие, а в чем-то дополняющие существующую базу.

Коллекция орудий из зернистых пород Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, созданная в 1980-е годы, но не нашедшая освещения в публикациях, насчитывает около 150 экз. Целью экспериментов было изучение следов изготовления (оббивка, пикетаж, пришлифовка) и следов, возникающих в процессе использования. Орудия связаны с обработкой: руды и металла — плиты и песты для дробления и растирания руды, кузнечные молотки, наковальни, абразивы для заточки металла, подставки для раскатки металлической фольги; камня — отбойники, абразивы; охры — песты, терочники и плиты; зерна — песты, терочники и плиты; кости — абразивы; кожи — лощила.

Одна и та же операция проводилась серийно с использованием морфологически близких, но изготовленных из различного сырья орудий. Информативный потенциал эталонной базы позволяет использовать ее на новом методическом уровне – микротрасологических определений.

В проводимой нами серии экспериментов используется орудийный набор, включающий уплощенную овальную гранитную гальку с шероховатой поверхностью ("пест-терочник") и массивную "ступу" из мелкозернистого кварцита (рис. 1, a). Предварительно поверхность ступы затерта абразивом для ликвидации следов естественного происхождения, пест-терочник изначально использован "как есть". С исходных поверхностей были сняты отпечатки с использованием ацетатной пленки. Впоследствии после каждого этапа эксперимента снимались отпечатки следов использования, и рабочие поверхности вновь "зачищались" от образовавшихся следов с помощью абразива. После этого обрабатывался другой материал. Новые функции, исследуемые в наших экспериментах, дробление скорлупы ореха, высушенных крахма-

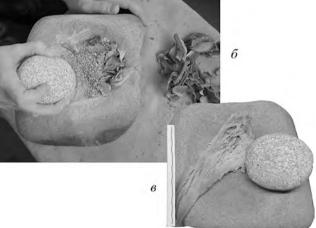
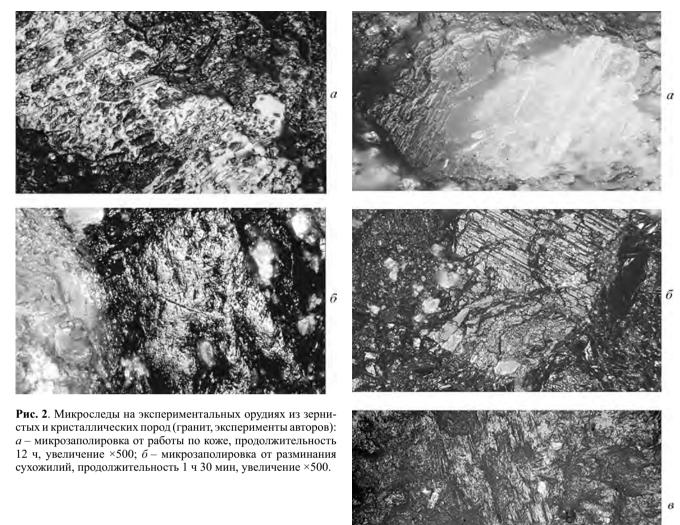

Рис. 1. Орудийный набор для экспериментов по обработке мягкой органики (a); процесс измельчения высушенных крахмалистых клубней (δ); процесс разминания сухожилий (ϵ).

листых клубней (рис. $1, \delta$); разминание сухожилий (рис. $1, \delta$).

Следует отметить, что под зернистыми породами понимаются разные виды исходного сырья (кварцит, песчаник, гранит, диабаз, переходные и более или менее окремненные разновидности), отличного как по химическому составу, так и по физическим свойствам (в том числе твердости, выкрашиваемости). Поэтому представлялось необходимым при создании базы эталонов повторять одинаковую экспериментальную работу с орудиями для каждого вида сырья. Однако уже в начале процесса экспериментов было отмечено образование микрозаполировок от тех или иных обрабатываемых материалов в соответствии с закономерностями, общими для разных пород камня. Поэтому имеющаяся экспериментальная коллекция приемлема для выводов о характере изменения зерен породы. По всей видимости, нужно формировать эталонную базу "исходных поверхностей", т.е. всего того разнообразия измененных естественными причинами поверх-

¹ Подробная аннотация к этой методике и указания по ее практическому применению см. Гиря, Дэвлет, 2010. С. 111.

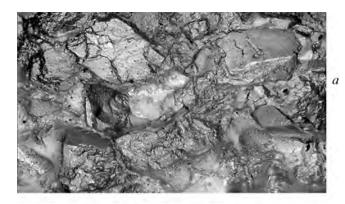
ностей галек, на которые впоследствии накладываются следы использования, и именно их необходимо вычленить из комплекса анализируемых.

На данном этапе нами уверенно опознается заполировка на зернах или кристаллах горных пород от работы по коже, в том числе от рук (рис. 2, a, б). заполировка "камень о камень" (рис. 3, a, e); деструкция зерен вследствие обработки кости (рис. 4, a, δ); а также следы от различных видов кинематики – ударов и пришлифовки поверхности (рис. 3, δ). Такие определения, не являющиеся еще в полном смысле функциональными, все же дают базовую информацию, которая может лечь в основу определения конкретной роли артефакта в индустрии. Неясна возможность идентификации обработки мягкой мелкодисперсной органики, поскольку, по имеющимся наблюдениям, пест-терочник и нижняя плита/ ступа оказывают выраженное взаимное влияние, которое перекрывает заполировку от растительности, если она образуется (рис. 3, б; сравнить с рис. 3, a, в).

Рис. 3. Заполировка от контакта "камень о камень" на орудиях из зернистых и кристаллических пород: a – абразивная обработка камня, эталон № 638 из экспериментальной коллекции ИИМК РАН, увеличение ×500; δ – измельчение злаков, кварцитовая ступа из экспериментов авторов, увеличение ×200; ϵ – шлифованная поверхность стилизованного скульптурного изображения козла из кургана у п. Красный камень (окуневская культура, Хакасия, раскопки И.П. Лазаретова), увеличение ×200.

В отношении ограничений метода, проистекающих из характера сырья, нами отмечено, что на рабочих поверхностях орудий из мелкозернистого песчаника в результате выкрашивания зерен не сохраняется линейных следов или они слабо выражены.

Приведенные результаты носят предварительный характер, будут дополнены и скорректированы по завершении серии экспериментов.

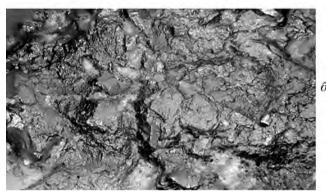

Рис. 4. Микроследы на экспериментальных орудиях из зернистых пород: a — естественно окатанная (исходная) поверхность, эталон № 23 из экспериментальной коллекции ИИМК РАН, увеличение ×200; δ — поверхность, которая использовалась для абразивной обработки кости, эталон № 23 из экспериментальной коллекции ИИМК РАН, увеличение ×200.

Выражаем искреннюю благодарность сотрудникам Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН во главе с д-р ист. наук В.Е. Щелинским за предоставленную возможность ознакомиться с эталонной коллекцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Уральский историч. вестн. 2010. № 1 (26).

Гричан Ю.В. Новые аспекты палеоэкономики в позднепалеолитических памятниках Забайкалья (по материалам поселения Варварина Гора) // Человек и пространство в культуре каменного века Евразии. Новосибирск, 2006.

Коробкова Г.Ф. Каменные и костяные орудия из энеолитических поселений южной Туркмении // Изв. АН Туркменской ССР. Вып. 3. Ашхабад, 1964 (Сер. Обществ. науки).

Коробкова Г.Ф. Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий // Археология и естественные науки. Л., 1965 (МИА; № 129).

Коробкова Г.Ф. Экспериментально-трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. Методика микромакроанализа древних орудий труда. Ч. 1. СПб., 1996.

Семенов С.А. Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957 (МИА; № 54).

Adams J., Delgado S., Dubreuil L. et al. Functional analysis of Macro-Lithic Artefacts: A Focus on Working Surfaces // Non-Flint Raw Material Use in Prehistory. Old prejudices and new directions: Procedings of XV World Congress of the Intern. Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences. V. 11. L., 2009 (BAR; Intern. Ser. 1939).

Davis K.M. A preliminary study of the Ground Stone Tools from Muweilah, Sharjah Emirate, United Arab Emirates // Arabian archaeology and epigraphy. 1998. V. 9.

de Beaune S.A. Essai d'une classification typologique des galets et plaquettes utilisés au Paléolithique // Gallia Préhistoire. Fouilles et monuments archéologiques en Françe Métropolitaine. 1989. T. 31.

Dubreuil L. Long-term trends in Natufian subsistence: a use-wear analysis of ground stone tools // JAS. 2004. V. 31.

Hamon C., Plisson H. Functional analysis of grinding stones: The blinding-test contribution // Prehistoric Technology "40 years later": Functional studies and the Russian legacy held in Verona (Italy), 20–30 April 2005. L., 2008 (BAR; Intern. Ser. 1783).

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ VI–I вв. до н.э. ИЗ МОГИЛЬНИКОВ У с. ПОКРОВКА (ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ИЛЕКА)

© 2012 г. О.И. Куринских

Государственный музей народов Востока, Москва (olgarha@yandex.ru)

Ключевые слова: ранние кочевники, погребальные комплексы, клинковое оружие, относительная хронология.

The article covers the blade weapons from the $6^{th}-1^{st}$ cc. burials at Pokrovka on the left bank of the Ilek in the Southern Urals. The author offers a typology of the artifacts based on traditional principles of classification. All the combinations of the types of weapons in the assemblages have been analyzed; the types have been grouped chronologically on the basis of analyzing quiver assemblages. The article dates the assemblages which include blade weapons and rectifies the dating for the assemblages in which arrowheads have been found along with swords and daggers. The results of the research show the trends in the development of blade weapons in early nomad populations in the region.

В 1992—2001 гг. в районе с. Покровка, расположенного на левом берегу р. Хобда, левого притока р. Илек в Соль-Илецком р-не Оренбургской обл., экспедицией Института археологии РАН было исследовано пять могильников, содержащих разновременные захоронения (Курганы..., 1993—1996; Яблонский, Малашев, 2005; Малашев, Яблонский, 2008).

Данное исследование посвящено характеристике клинкового оружия кочевников савроматского и раннесарматского времени из могильников покровского микрорайона. Из 180 погребений, относящихся к VI–I вв. до н.э., мечи и кинжалы обнаружены в 41 (23%). В 29 (71%) из них наряду с мечами и кинжалами также были наконечники стрел. В 35 из 41 (85%) погребениях захоронены мужчины, из которых 3 захоронения – коллективные. Одно захоронение имеет смешанный половозрастной состав и содержит четыре мужских, шесть женских и два детских костяка (Покровка II, курган 23, погр. 10). Три погребения содержали парные захоронения мужчины и ребенка, еще три – одиночные захоронения женщин (7.5%), а два (5%) – подростков (половозрастные определения Л.Т. Яблонского). В одном захоронении (2.5%), из-за плохой сохранности после ограбления, пол погребенного не устанавливается.

В ряде коллективных погребений, где одновременно захоронено несколько мужских костяков, мечей и кинжалов также было несколько, принадлежавших каждому погребенному (I-12-1¹),

в семи — у одного погребенного мужского пола присутствовали одновременно кинжал и меч (II-7-8; II-23-2; II-16-1; VII-10-1; VIII-6-5; X-6-1, X-6-8). В других коллективных погребениях меч или кинжал принадлежал только одному погребенному (II-23-10), что, видимо, отражало его особое социальное положение, связанное с военными функциями.

Таким образом, серия клинкового оружия, рассматриваемая в данном исследовании, составляет 51 экз., 44 (86%) из них представляют собой достаточно информативную выборку по данной категории погребального инвентаря.

Одна из задач исследования — составление типологической классификации мечей и кинжалов с целью проследить особенности распределения выделенных типов по комплексам, которые входят в хронологические группы, выделенные ранее на основе анализа наконечников стрел (Куринских, 2011).

Основные понятия, которые используются в данной типологии, традиционно применяются во многих классификациях по холодному оружию.

Составные части такого оружия — *клинки*, которые, как правило, бывают двулезвийными, а также эфес. Клинки могут иметь дополнительные элементы в виде продольных желобков (долы) или ребер жесткости полусферической и треугольной форм в сечении. Эфес — часть клинкового оружия, отличная от клинка, в которую входит как один из элементов *рукоять*. От клинка рукоять отделена

¹ Номер комплекса следует читать так: могильник-курган-погребение.

перекрестием, и, чаще всего, но не обязательно, она имеет навершие, которое ее завершает. Как правило, черен рукояти изготавливался вместе с клинком в технике ковки. Перекрестие и навершие делались отдельно от основного изделия, а затем закреплялись на нем также с помощью проковки или с использованием дополнительных заклепок. Все элементы выполнены из железа. Бронзовые и биметаллические экземпляры клинкового оружия в покровских комплексах не найдены. Органический материал, который мог использоваться для отделки рукояти и ножен (дерево, кожа), как правило, не сохраняется. В некоторых случаях зафиксированы остатки дерева на клинках за счет прикипевших к металлу участков деревянных ножен. На некоторых экземплярах наблюдаются остатки инкрустации драгоценными металлами, как правило, золотой проволокой.

Разновидности клинкового оружия ранних кочевников в археологической литературе традиционно обозначаются разными терминами, так или иначе отражающими их функциональное назначение. Термины эти следующие: мечи (имеются в виду длинные мечи), короткие мечи, кинжалы. Иногда используют параллельно термины "короткий меч" и "кинжал".

Некоторые исследователи для обоснования использования тех или иных терминов предлагают разделять эти названия исходя из определенной длины клинкового оружия на длинные, короткие мечи и кинжалы. А.И. Мелюкова определяет длину кинжалов от 17 до 40 см, большинство же мечей помещая в рамках размеров от 50 до 70 см. Все что выше 70 см определятся уже как "длинные мечи" (Мелюкова, 1964. С. 46). А.М. Хазанов для мечей и кинжалов без металлического навершия дает следующие размеры: длинные мечи – свыше 70 см, короткие - 50-70, кинжалы - менее 50 (1971. С. 16). А.С. Скрипкин для разных типов наверший предлагает на основе построения гистограммы деление экземпляров на две основные группы: кинжалы и длинные мечи. В результате автор пришел к тому, что у тех или иных типов клинков первая группа ограничивается разными показателями: для кинжалов без наверший – до 40 см, для кинжалов с серповидным навершием – до 58, и, наконец, для кинжалов с кольцевидным – до 75 (Скрипкин, 1990. С. 60, 61). И соответственно для группы "длинных мечей" размеры колеблются: в первом случае - от 80 см, во втором – от 76.5, в третьем – от 90. В более поздних работах исследователь упрощает свой подход и ограничивается схемой, предложенной А.И. Мелюковой, т.е. считает все экземпляры клинового оружия длиной до 40 см – кинжалами, все

что выше — мечами (Скрипкин, 2007. С. 42). В.М. Клепиков, также на основе графика предлагает три варианта: длинные мечи — свыше 70 см, средние — от 50 до 70 и короткие мечи (кинжалы) — менее 50 (2002. С. 21), которые, в целом, соответствуют размерным критериям А.М. Хазанова.

Принципиально важно то, что в приведенных выше работах все исследователи предлагают размерные группы клинкового оружия исходя из длины целого предмета, т.е. всего меча, включая эфес со всеми его элементами (перекрестием и навершием). Представляется, что для определения чистых дискретных групп по размерам необходимо отделить эфес от клинка и построить гистограмму только для длины клинка, которая и несет функциональную нагрузку.

Из 51 учтенного экземпляра в выборку вошли 38 (75%), длина клинков у которых определяется практически полностью. Гистограмма длины этих клинков дает следующее распределение: кинжалы — длина клинка от 16.8 до 36.6 см (24 экз., или 63%); мечи — длина клинка от 60 до 100 (14 экз., или 37%). Такой большой разрыв между полученными группами, возможно, свидетельствует о существовании некоторого размерного стандарта для клинков кинжалов и длинных мечей.

Этнографические наблюдения показывают, что оружие с длинным клинком было предназначено для нанесения рубящего или колющего удара на удобном для защиты и нападения расстоянии от противника. Минимальная длина клинка должна быть такой, чтобы всадник мог прикрыть клинком голову и туловище, держа эфес над головой, а при нападении, нагнувшись, достать клинком лежащего на земле противника. Дальнейшее увеличение длины клинка считалось нежелательным, так как утяжеляло его (Аствацатурян, 1995. С. 8). Надо отметить, что из 24 кинжалов из Покровки у 16 (68%) форма клинка треугольная, т.е. лезвия равномерно сужаются от основания к острию, что отвечает колющей функции данного вида клинкового оружия. Форма восьми (32%) кинжалов представляет собой параллельные лезвия, сужающиеся к острию в последней четверти, как это чаще наблюдается у мечей. У мечей форма клинков в основном представляет собой параллельные лезвия, сужающиеся у острия (12 случаев из 14-85%), что необходимо при рубящем характере наносимых ударов, обеспечивая большую прочность длинным клинкам. Редко у мечей наблюдается треугольная форма, это скорее исключение для данного вида клинкового оружия (два случая -15%).

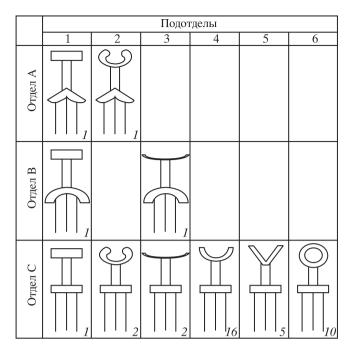

Рис. 1. Типология клинкового оружия.

В основе типологии мечей и кинжалов традиционно лежат морфологические признаки, связанные с формами элементов эфеса, т.е. перекрестия и навершия. Принципы, используемые в таких типологиях, заключаются в выделении отделов по форме навершия, а типов — по форме перекрестия (Мелюкова, 1964; Смирнов, 1961). Эти принципы используются в большинстве классификаций данной категории оружия (Мошкова, 1963; Хазанов, 1971; Васильев, 2001; Скрипкин, 1990; 2007; Ворошилов, 2007; Соколов, 2009).

Такой подход справедлив для ранних форм клинкового оружия, особенно скифской эпохи. Материал, использованный в данном исследовании, не представлен большим количеством ранних форм. В связи с этим в основу типологии клинкового оружия из могильников у с. Покровка положена схема, предложенная В.М. Клепиковым (2002), где отделы выделены по форме перекрестия, а типы — по форме навершия.

Таким образом, по форме перекрестия были выделены три отдела: А – с бабочковидным перекрестием; В – с дугообразным или сломанным под тупым углом брусковидным перекрестием; С – с прямым брусковидным перекрестием. По форме навершия внутри каждого отдела выделены подотделы. Сочетание формы перекрестия и навершия позволило выделить 10 типов клинкового оружия. Схематическое изображение типов, распределенных по отделам и подотделам, дано на рис. 1, где под изображением цифрами приведено количество

известных экземпляров каждого типа². В приведенном ниже описании основных характеристик типов им дана сквозная нумерация.

Тип $I(A1^3)$ — узкое бабочковидное перекрестие с широким брусковидным навершием.

Тип II (A2) – узкое бабочковидное перекрестие с волютообразным навершием.

Тип III (B1) – перекрестие в виде дуги с опущенными к клинку концами и широкое брусковидное навершие.

Тип IV (В3) – перекрестие в виде дуги с опущенными к клинку концами и узкое, слегка изогнутое концами вверх, брусковидное навершие.

Тип V (C3) – прямое перекрестие и узкое, слегка изогнутое концами вверх, навершие.

Тип VI (C4) — узкое прямое перекрестие и серповидное навершие.

Тип VII (C5) – прямое перекрестие и простое антенновидное навершие.

Тип VIII (C6) – узкое прямое брусковидное перекрестие с кольцевым навершием. К этому же типу был отнесен кинжал с кольцевым навершием, но без перекрестия, которое, очевидно, не сохранилось.

Тип IX (C1) – прямое перекрестие и широкое брусковидное навершие.

Тип X (C2) — прямое перекрестием и волютообразное навершие.

К отделу С также относятся еще три экз., у которых прослеживается прямое узкое брусковидное перекрестие, но отсутствует навершие. Навершия могли отсутствовать изначально или же не сохраниться, что на данный момент точно не устанавливается. В связи с этим такие предметы не представляется возможным атрибутировать и отнести к тому или иному типу, но при подсчете общей выборки клинкового оружия они учитываются.

В результате, комплексы с выделенными типами мечей и кинжалов распределяются по хронологическим группам (таблица) на основе ранее построенной таблицы взаимовстречаемости колчанных наборов (Куринских, 2011. С. 49. Рис. 5). Нумера-

² Все экземпляры клинкового оружия, рассматриваемые в данном исследовании, опубликованы в материалах раскопок могильников у с. Покровка (Курганы..., 1993–1996; Яблонский, Малашев, 2005). В связи с плохой сохранностью большинства мечей и кинжалов, которые в настоящее время хранятся в фондах Оренбургского краеведческого музея, предоставить более детальные прорисовки исследуемых экземпляров оружия не представляется возможным. В качестве иллюстраций к типологии клинков даны только схемы эфесов тех ли иных типов

³ В скобках буквой обозначен отдел, а цифрой – подотдел.

Распределение погребальных комплексов с мечами и кинжалами по группам относительной хронологии

Мотит	Курган	Погребение	E	X	1 1	Типы								Гах	Пото		
Могильник			F		N	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	Группа	Дата
Покровка Х	13	1	1													II	V в. до н.э.
Покровка Х	6	9	1														(вторая поло-
Покровка II	2	1	1														вина)
- » -	2	3				1											
-» −	23	17	1													III	Конец V –
Покровка Х	31	1					1										рубеж IV-III в.
Покровка II	23	10						1									до н.э.
-» −	23	6							1								
-»-	10	2		1													
-»-	23	2		2													
-» −	7	8								2							
Покровка VII	9	2										1					
Покровка Х	6	1									2						
Покровка VIII	1	13									1					IV	Конец IV –
-»-	1	14									1						начало II в. до
-»-	2	3									1						н.э.
-»-	5	1									1						
- » -	5	2									1						
-»-	6	4									1						
Покровка Х	6	7									1						
-»-	6	8									2						
-»-	6	4									1						
Покровка І	3	5									1						
- » -	4	2									1						
- » -	4	1									1						
Покровка VIII	5	3	1														
Покровка II	8	8	1														
Покровка І	3	1	1														
-»-	12	3											1				
-»-	3	2											1				
Покровка II	8	4											1				
Покровка І	12	1										1	1				
Покровка VIII	6	5										2					
Покровка II	17	2									1					V	II–I вв. до н.э.
Покровка VII	1	2											1				
-»-	10	1											2				
Покровка І	4	4										1	1			V	II–I вв. до н.э.
Покровка VIII	1	6												1		1	
Покровка VII	1	1													1		
Покровка I	6	3											1		1		
Покровка II	16	1			1								1			1	
	го (шт.)		7	3	1	1	1	1	1	2	16	5	10	1	2	51	
Harris area Try	` /											I		-	_	1	

Примечание. Типы, присутствующие в комплексах, отмечены залитыми ячейками. Цифрами обозначено количество мечей или кинжалов в данном погребении. F – фрагменты клинкового оружия, не поддающиеся типовому определению; X – экземпляры с несохранившемся навершием; N – импорт.

ция групп сохранена по предыдущему исследованию, поэтому в данном случае группа I опущена, поскольку в ней не было обнаружено клинковое оружие⁴. Комплексы, в которых найдено клинковое оружие, но отсутствуют наконечники стрел, распределены по данным группам на основе анализа стратиграфии захоронений и по аналогиям с клинковым оружием из датированных комплексов сарматских захоронений Южного Приуралья. В результате, в настоящем исследовании уточнены позиции некоторых комплексов в группах относительной хронологии (см. для сравнения Куринских, 2011. С. 49).

Схематичное изображение типов мечей и кинжалов, распределенных по хронологическим группам в соответствии со сквозной нумерацией, дано на рис. 2.

Группа II представлена четырьмя комплексами из могильников Покровка II и X. При этом три комплекса содержали только обломки клинков мечей или кинжалов, типы которых не определяются. Единственный тип, который характеризует эту группу, это тип I (таблица; рис. 2).

В литературе мечи и кинжалы с бабочковидным перекрестием датируются V в. до н.э., при этом узкая "бабочка" относится, скорее, к его второй половине (Мелюкова, 1964. С. 55; Смирнов, 1961. С. 15). Кроме того, исследователями отмечается, что этот тип мечей имеет западные корни, будучи характерным для скифской эпохи (Клепиков, 2002. С. 26). Соответственно и оружие Нижнего Поволжья и Приуралья развивалось в это время под сильным воздействием Скифии (Соколов, 2009. С. 121).

Наиболее близкими аналогиями данному экземпляру можно считать два коротких акинака из курганов 2 и 7 Новокумакского могильника под Орском. Аналогии данному типу К.Ф. Смирнов находит в Крыму, где подобное клинковое оружие найдено с чернофигурным лекифом второй четверти V в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 15).

Мечи и кинжалы с подобными эфесами с территории Нижнего Поволжья А.С. Скрипкин датирует второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э. (Скрипкин, 2007. С. 47. Рис. 3, 2, 3). На территории Южного Приуралья такие мечи и кинжалы также известны в погребениях V – начала IV в. до н.э. (Железчиков и др., 2006. С. 101; Яблонский, 2010. С. 78. Кат. 267. Рис. 35, 7, 8). Например, подобный

кинжал с коротким брусковидным навершием, но с перекрестием в виде широкой, а не узкой "бабочки", найден в мужском захоронении из кургана 4 могильника Бесоба, комплекс которого датируется авторами не позднее V в. до н.э. по характерному колчанному набору, содержащему архаические двухлопастные бронзовые наконечники стрел (Кадырбаев, 1984. С. 87, 90. Рис.1).

Учитывая сказанное выше, датировка комплекса, содержащего этот тип клинкового оружия, вошедшего во II группу, не противоречит ее хронологическим рамкам, т.е. V в. до н.э., и относится, скорее, к его второй половине.

Группа III представлена девятью комплексами из могильников Покровка II, VII и X. Один комплекс содержал лишь фрагменты клинкового оружия и отнесен к данной группе только по составу колчанного набора (таблица; рис. 2). В группе 8 экз., которые распределены по шести типам (типы II–VII).

Тип II (1 экз.) имеет аналогии с мечом из кургана 18 могильника Новый Кумак, который К.Ф. Смирнов датирует второй половиной IV в. до н.э. (1961. С. 22. Рис. 4, 7). Рассматривая хронологию раннепрохоровского клинкового оружия, В.Н. Васильев относит серию мечей и кинжалов с крыловидным перекрестием и когтевидным навершием ко второй половине IV в. до н.э. по трем кинжалам из коллективного погребения кургана 1 могильника Сибайский I, обнаруженным с характерным инвентарем, дата которого ограничивается рубежом IV-III в. до н.э. (Васильев, 2001. С. 171). По мнению В.М. Клепикова, подобные мечи имеют северопричерноморские корни и бытуют на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в IV в. до н.э., не выходя за рубеж IV-III вв. до н.э. (2002. С. 26). А.С. Скрипкин относит их к группе клинкового оружия второй половины V – первой половины IV в. до н.э. (2007. С. 41).

Типы III, IV (по 1 экз.). Хронологически все типы с дуговидным или сломанным под тупым углом перекрестием одновременно встречаются во многих относительно синхронных погребениях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья и датируются IV в. до н.э., не выходя за его верхнюю границу (Смирнов, 1961. С. 24; Мошкова, 1974. С. 23, 24; Гаврилюк, Таиров, 1993. С. 80, 81; Васильев, 1995. С. 9; Гуцалов, Бисембаев, 2002. С. 74). Типологически они очень похожи, но исходя из наблюдений исследователей клинкового оружия, предполагается, что широкое брусковидное навершие характерно для более ранних экземпляров, а узкое брусковидное со слегка приподнятыми вверх концами – прототип серповидного, получившего впоследствии

⁴ В связи со случайно допущенной опечаткой в предыдущем исследовании в таблице на с. 49 (Куринских, 2011), хотелось бы специально уточнить, что хронологическая группа I характеризуется комплексом из погр. 1 кургана 17 могильника Покровка II (а не Покровка I).

широкое распространение на территории Южного Приуралья. В настоящей выборке оба типа встречаются в комплексах одной хронологической группы, отражающей переходный период в материальной культуре ранних кочевников.

Типы V–VII, появляясь уже в конце IV в. до н.э., получают наибольшее распространение в III в. до н.э. (Васильев, 2001. С. 172; Клепиков, 2002. С. 28). Эти типы объединяет принадлежность к отделу С: они характеризуются прямым брусковидным перекрестием, сформировавшемся на оружии ранних кочевников во второй половине IV в. до н.э. (Клепиков, 2002. С. 28).

В группу вошли также еще два комплекса, в которых присутствуют экземпляры клинкового оружия с прямым брусковидным перекрестием, но без навершия. Как уже было сказано выше, они не были выделены в отдельный тип. Ряд исследователей полагают, что мечи и кинжалы без металлического навершия характерны для позднесарматского времени (Хазанов, 1971. С. 15). Поскольку отличительной чертой позднесарматских мечей без навершия считается к тому же длинная рукоять (Безуглов, 2000. С. 171), то предположительно, данные экземпляры, скорее всего, имели навершия, которые были утеряны или не сохранились. Комплексы с данным клинковым оружием входят в эту группу на основе анализа колчанных наборов, поэтому эти экземпляры учитываются в общей выборке.

Таким образом, на основании сказанного выше, III группа комплексов может быть датирована в рамках с конца V до рубежа IV–III в. до н.э.

Группа IV представлена наибольшим количеством комплексов (20 погребений) из могильников Покровка I, II, VIII и X (таблица; рис. 2). Экземпляры, вошедшие в группу, относятся к трем типам мечей и кинжалов (типы VI-VIII). Наиболее представителен тип VI, к которому относятся 13 экз. из 20 (65%). В связи с отсутствием в материалах приуральских погребений узко датирующего импорта многие исследователи полагают, что этот тип мечей и кинжалов появляется у ранних кочевников в конце IV в. до н.э. и остается ведущим до I в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 27; Мошкова, 1963. С. 34; 1974. С. 24; Скрипкин, 1990. С. 118; Васильев, 1995. С.10; 2001. С. 172; Клепиков, 2002. С. 29). Это мнение находит подтверждение и в рассматриваемом материале. Два меча данного типа попали в предшествующую хронологическую группу (группа III), а еще один в последующую (группа V), где он сочетается с поздним колчанным набором.

Данное утверждение касается и клинков типа VII, которые также использовались в указанные три

	Типы клинкового оружия												
Группы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X			
Группа II V в. до н.э.	\prod_{i}												
Группа III конец V – IV в. до н.э.													
Группа IV конец IV – III в. до н.э.													
Группа V рубеж III– II – I в. до н.э.													

Рис. 2. Относительная хронология типов клинкового оружия из погребений ранних кочевников.

периода. Максимальное количество экземпляров этих двух типов приходится на период бытования группы IV (рис. 2).

Таким образом, исходя из анализа взаимовстречаемости типов VI и VII в трех группах подряд, можно сделать вывод, что данные типы бытуют синхронно начиная с IV в. до н.э., а различия в форме наверший не имеют принципиального значения, будучи, скорее всего, вариацией одной формы.

Взаимовстречаемость типов клинкового оружия в комплексах единична. В основном в комплексах присутствует лишь один тип оружия, даже если экземпляров несколько.

Только в одном комплексе рассматриваемой группы (Покровка I, курган 12, погр. 1) наряду с мечом типа VII был обнаружен кинжал с кольцевым навершием типа VIII (таблица). С одной стороны, как считают исследователи, совместные находки этих двух типов оружия служат основанием для удревнения появления в среде кочевников оружия с кольцевым навершием, позволяя относить самые ранние находки к рубежу IV–III или III в. до н.э. (Клепиков, 2002. С. 30), а с другой стороны – для расширения верхней границы существования мечей с серповидным навершием (Скрипкин, 1990. С. 119).

В целом, типы мечей и кинжалов, вошедшие в данную группу, соответствуют ее хронологическим рамкам: начиная с рубежа IV–III, бытуют до начала II в. до н.э.

 $\Gamma pynna\ V$ представлена восемью комплексами из могильников Покровка I, II, VII и VIII, которые

содержали в общей сложности 11 экз. мечей и кинжалов, распределенных по пяти типам (типы VI–X) (таблица; рис. 2).

Самый многочисленный тип в группе – тип VIII с прямым перекрестием и кольцевым навершием (6 из 11 экз.). В рамках раннесарматского времени этот тип занимает хронологический период начиная с конца IV – III в. до н.э., когда появляются отдельные экземпляры, иногда в сочетании с продолжающими бытовать типами клинков с серповидным или антенновидным навершиями (Смирнов, 1959. С. 320; 1961. С. 9; Васильев, 2001. С. 172, 173; Скрипкин, 1990. С. 122–124; Клепиков, 2002. С. 30). Широкое распространение этого типа в памятниках ранних кочевников начинается во II–I вв. до н.э., становясь доминирующим в последующий среднесарматский период.

В одном погребении найдены кинжал типа X (с волютообразным навершием) и длинный меч типа VIII (с кольцевым навершием). По наблюдениям А.С. Скрипкина, мечи типа X известны в I в. до н.э. – I в. н.э., а также в комплексах позднесарматского времени на территории степей юга Восточной Европы и Средней Азии (1990. С. 126).

Один кинжал типа VI (с серповидным навершием), наиболее распространенный в предшествующий период, вошел в рассматриваемую группу на основе анализа колчанного набора из данного комплекса. От других экземпляров из предыдущих групп этот кинжал отличается тем, что серповидное навершие и рукоять, возможно, были обмотаны металлической проволокой, которая, окислившись, образовала волнистую поверхность. Кинжал, скорее всего, находился в ножнах, которые не сохранились, поскольку рядом была обнаружена обкладка из тонкой золотой фольги, а также планка в виде прямоугольной пластинки, выполненная из шести спаянных между собой расплющенных витых проволочек (Курганы..., 1994. С. 41. Рис. 84, 3). Несомненно, что данный кинжал относился к классу парадных. Сводка данных по аналогичным парадным кинжалам с серповидными навершиями была опубликована в совместной статье В.И. Мордвинцевой и О.А. Шинкарь (1999). Авторы датируют их преимущественно II-I вв. до н.э.

Единственный экземпляр, представляющий тип с прямым перекрестием и прямым навершием (тип IX), был обнаружен в комплексе данной группы. Чаще всего авторы рассматривают подобные предметы в серии классических прохоровских мечей с серповидным навершием (Смирнов, 1961. С. 27; Мошкова, 1963. С. 34; Скрипкин, 1990. С. 117). Некоторые исследователи выделяют их в отдельный тип, ограничивая время бытования

рубежом IV–III вв. до н.э. (Васильев, 1995. С. 9; Клепиков, 2002. С. 28). В Нижнем Поволжье такие мечи немногочисленны и изредка встречаются в раннесарматских комплексах III–I вв. до н.э. (Мамонтов, 2000. С. 51).

Наиболее поздним в группе представляется комплекс из погр. 1 кургана 16 могильника Покровка II (Курганы..., 1994. С. 37). У погребенного обнаружены кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестием (тип VIII) и длинный меч с железным перекрестием в виде сломанного под тупым углом бруска, концами направленного в сторону рукояти. При раскопках зафиксировано, что у меча отсутствовало металлическое навершие.

В связи с анализом изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника В.Е. Маслов подробно разбирает мечи без металлического навершия с перекрестиями особых форм, которые он делит на группы: 1 – мечи, имеющие литые бронзовые перекрестия, аналогичные нефритовым, т.е. с треугольным выступом внизу и прямоугольным вырезом у рукояти; 2 - с бронзовыми прямыми ромбовидными в сечении перекрестиями, не имеющими центрального выступа, к которым относится меч, очень похожий на наш экземпляр, только с бронзовым перекрестием, из погр. 11 кургана 3 Мечетсайского могильника; 3 – мечи с изогнутыми кованными металлическими перекрестиями, образующими треугольный выступ в нижней части (Маслов, 1999. С. 221). Мечи третьей группы и служат наиболее близкими аналогиями рассматриваемому экземпляру, среди которых автор приводит парадный меч из погр. 2 кургана Рошава Драгана в Болгарии, датированного І в. н.э., а также экземпляры из Северной Туркмении (Маслов, Яблонский, 1996. Рис. 4, 1, 2).

В свою очередь аналогию мечу из Болгарии приводит А.В. Симоненко в подборке ранней группы мечей без металлического навершия, относящихся ко II–I вв. до н.э. Это меч из погребения знатного сармата у с. Весняки в Северном Причерноморье (Симоненко, 2010. С. 43). А.С. Скрипкин, анализируя мечи без металлического навершия и ссылаясь на типологию В.Е. Маслова, полагает, что вне зависимости от материала, из которого сделаны перекрестия, все эти экземпляры типологически близки, восходя к образцам китайского клинкового оружия (Скрипкин, 2000. С. 18). В целом, автор отмечает, что подобные мечи, судя по сопутствующему материалу, появляются в позднепрохоровское время и могут быть датированы II-I вв. до н.э. (Скрипкин, 2000. С. 21). С этой датировкой соглашается и В.М. Клепиков (2002. С. 57). Рассматриваемый экземпляриз погр. 1 кургана 16 могильника Покровка II был отнесен к импорту, поэтому он не включен в типологию местного клинкового оружия кочевников Южного Приуралья.

В своем более раннем исследовании А.С. Скрипкин приводит три случая, аналогичные рассматриваемому в настоящем исследовании, где длинные мечи с прямым перекрестием и без металлического навершия найдены вместе с короткими мечами с кольцевым навершием. Один из этих памятников, курганы у с. Калмыково, датируется исследователями либо среднесарматским периодом (рубеж эр первая половина II в. н.э.), либо позднепрохоровским периодом, т.е. II—I вв. до н.э. Автор приходит к выводу, что длинные мечи без металлического навершия, найденные вместе с короткими мечами с кольцевым навершием, отличают последние от более ранних экземпляров этого типа (Скрипкин, 1990. С. 129).

Предположительная датировка рассматриваемого погребения — I в. до н.э., что делает его одним из наиболее поздних комплексов покровского микрорайона: раннесарматское время на границе культурно-хронологических периодов. Данный комплекс подтверждает датировку группы, в которую он входит, т.е. II—I вв. до н.э., полученную на основе анализа колчанных наборов (только железные черешковые наконечники стрел).

Выделенные четыре группы типов мечей и кинжалов позволяют проследить, как распределяются виды оружия по хронологическим периодам.

Группа II оказалась представлена только одним экземпляром меча. В группе III мечи и кинжалы распределены практически равномерно (7 и 5 соответственно). В группе IV кинжалы преобладают над мечами в 4 раза (16 и 4). Наконец, в группе V фиксируется преобладание кинжалов в 3 раза, мечи во всех случаях найдены совместно с кинжалами (9 и 3).

Таким образом, на ранних этапах у кочевников покровского микрорайона мечи преобладают количественно, начиная с конца IV — начала III в. до н.э. резко возрастает число кинжалов, и их преобладание сохраняется до конца раннесарматского времени. Для периода с рубежа IV—III до начала II в. до н.э. характерно также резкое увеличение количественного состава колчанных наборов, как и заметное увеличение количества клинкового оружия. Это, с одной стороны, указывает на усиление военизированности населения приуральских степей в конце IV и в III в. до н.э., а с другой — на общее увеличение количества комплексов ранних кочевников. К рубежу эр общее количество вооружения сокращается, поскольку в это время наблюдается

и общее сокращение погребальных памятников кочевников: как на территории Южного Приуралья в целом, так и левобережья Илека в частности. Предлагаемая схема хронологии комплексов в большей мере относительна, но при этом отражает тенденции в развитии клинкового оружия ранних кочевников рассматриваемого региона. Дальнейший анализ других категорий инвентаря позволит уточнить или скорректировать полученные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М., 1995.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи. Ростов н/Д., 2000 (МИАД; Вып. 1).

Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1995.

Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и "проблеме" III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.

Ворошилов А.Н. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифское время (акинаки, копья, дротики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Погребения прохоровской культуры южнее г. Орска // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.

Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993.

Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.

Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.

Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996.

Куринских О.И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. № 3.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М., 2008.

Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа Б // HAB. 2000. Вып. 3.

- *Маслов В.Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. М., 1999.
- Маслов В.Е., Яблонский Л.Т. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении. Археологические и краниологические данные // РА. 1996. № 2.
- *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М., 1964 (САИ; Вып. Д1-4).
- Мордвинцева И.В., Шинкарь О.А. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // НАВ. 1999. Вып 2.
- *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963 (САИ; Вып. Д1-10).
- *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3.

- Скрипкин А.С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII—IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI Междунар. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Челябинск, 2007.
- *Смирнов К.Ф.* Курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл. М., 1959 (МИА; Вып. 60. Т. 1).
- *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961 (МИА; Вып. 101).
- Соколов П.М. Клинковое оружие кочевников Нижнего Поволжья скифского времени // НАВ. 2009. Вып. 10.
- *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М., 2010.
- Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // НАВ. 2005. Вып. 7.

РЕЛЬЕФНЫЕ УКРАШЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ САРКОФАГОВ ФАНАГОРИИ

© 2012 г. О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва (helga-mir@yandex.ru)

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Фанагория, некрополь, погребальный обряд, деревянные саркофаги, рельефная пластика.

The article covers relief ornaments on wooden sarcophagi from burial complexes at Phanagoreia. The article is the first compilation of all currently known appliqué work in clay and plaster from the necropolis in the capital city of the Asian Bosporus. The relief artifacts from the funeral inventory were made of plaster and clay (burnt and unburnt). The most representative series of ornaments comprises relief images of the Gorgon Medusa. The relief images were popular for quite a short period of time (middle of the 1st – middle of the 2nd cc. AD) and hence can be considered as fairly precise chronological indicators. The diversity of the relief ornaments and the use of different colors, besides serving decorative purposes, had a ritual meaning and reflected specific notions of the afterlife. Since such artifacts have been found both in ground crypts and in covered pits, we may assume that both types of burial structure were used for burials of fairly wealthy residents of the capital city of the Asian Bosporus.

Рельефные украшения гробов-саркофагов составляют оригинальную группу памятников боспорского искусства. Их коллекции из античных некрополей Европейского Боспора многочисленны и к настоящему времени довольно хорошо изучены (Берзина, 1962; Жижина, 2007). Аналогичный материал, происходящий с территории азиатской части Боспора Киммерийского, напротив, до сих пор специально не рассматривался и в большинстве своем остается неизвестным широкому кругу исследователей.

Обычай украшать гробы терракотовыми и гипсовыми налепами на Боспоре берет начало в I в. н.э. и существует вплоть до второй половины II в. н.э¹. Причина того, что гипс не использовался ранее, кроется, вероятно, в необходимости сложного технологического процесса, более трудоемкого, нежели подготовка глины для оттиска терракот в формах. Интерес к гипсу проявился, возможно, и из-за цветовой нейтральности получаемых из него изделий, позволяющей наносить цветные краски на белый фон без дополнительной грунтовки поверхности. К тому же на гипсе цветовое покрытие удерживается лучше, чем на других материалах (Соколов, 1999. С. 407, 408).

Н.И. Сокольский, составляя свод античных саркофагов Северного Причерноморья, отметил немногочисленность находок деревянных саркофагов на территории Азиатского Боспора (1969. С. 72). При этом для всего Боспора Киммерийского исследователь зарегистрировал примерно 170 саркофагов, снабженных гипсовыми или терракотовыми орнаментами. В более ранней сводке С.Я. Берзиной было отмечено 162 таких саркофага, здесь же приводилась и статистика находок гипсовых и глиняных прилепов в погребальных комплексах: из 169 учтенных автором погребений 159 были открыты в некрополях Европейского Боспора и лишь 10 – в Фанагории (1962. С. 254, 255). С момента выхода в свет первого специального исследования по погребальной пластике Боспора прошло уже почти полвека. За этот немалый срок коллекция аппликаций из фанагорийского некрополя значительно выросла: открыто более десятка погребальных комплексов с рельефными украшениями гробов-саркофагов, однако большинство из них до сих пор не опубликовано. Между тем такого рода находки значительно расширяют наши представления о боспорском художественном ремесле, связанном с погребальными традициями.

Изделия рельефной погребальной пластики очень разнообразны. Н.И. Сокольский выделил среди них три основные группы: архитектурно-

¹ Н.К. Жижина привела обоснованные аргументы, позволяющие признать гипсовые украшения надежно датирующим археологическим материалом, получившим наибольшее распространение в пределах между серединой I – серединой II в. н.э. (2007. С. 15, 16).

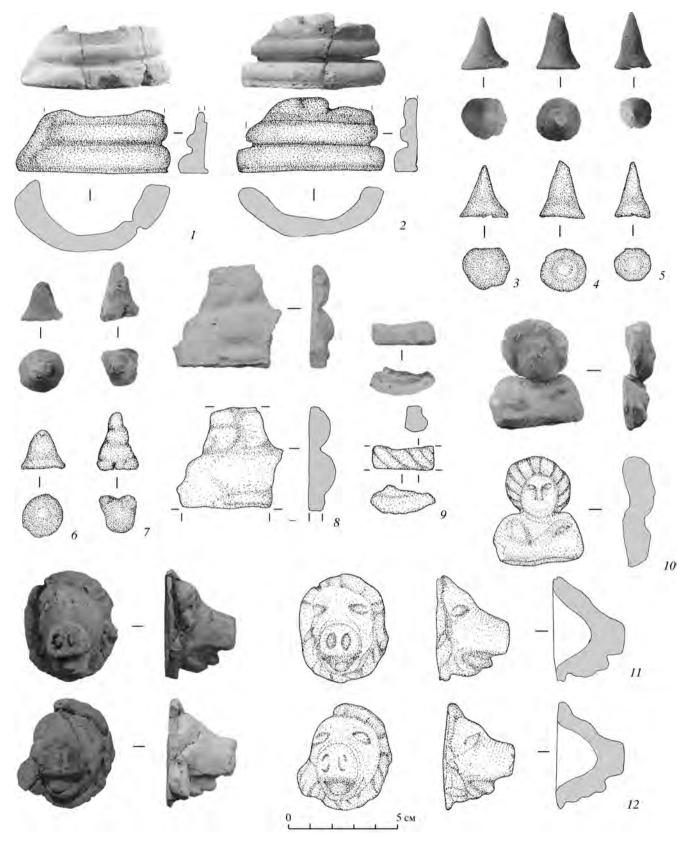

Рис. 1. Гипсовые украшения саркофагов Фанагории. 1, 2 – налепы на ножки саркофага; 3 – 7 – конусовидные прилепы; 8, 9 – растительные аппликации; 10 – налеп в виде женской полуфигуры; 11, 12 – налепы в виде головы кабана.

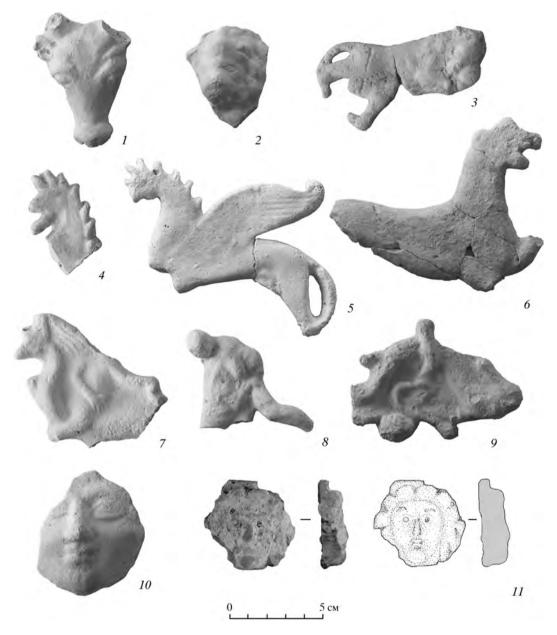

Рис. 2. Рельефные аппликации в виде животных и мифических героев. 1-10 – гипсовые аппликации по: Медведев, 2009; 11 – аппликация из сырцовой глины.

декоративную; декоративную; апотропеи или символические изображения, связанные с погребальным культом и представлениями о загробном мире (1969. С. 84). Отдельные экземпляры, относящиеся к каждой из этих групп, известны в погребениях некрополя Фанагории. Прежде чем приступить к их описанию, необходимо отметить, что большинство деревянных гробов-саркофагов с аппликациями найдено в фанагорийских земляных склепах, получивших широкое распространение в первые века н.э. В то же время деревянные гробы с налепами известны и в грунтовых ямах с уступами-заплечиками. Это обстоятельство по-

зволяет нам поставить этот вид погребальных сооружений в один ряд с семейными усыпальницами, традиционно относящимися к захоронениям населения довольно высокого социального статуса. Почти все известные погребения были ограблены в древности и потому сохранились преимущественно фрагменты налепов, но есть и целые формы прекрасной сохранности. Остановимся на краткой характеристике трех основных групп рельефных украшений саркофагов из Фанагории.

К первой относятся фрагменты налепов в виде акротериев, колонн и капителей, открытых в

Рис. 3. Изображения головы Медузы Горгоны на рельефных украшениях деревянных гробов-саркофагов.

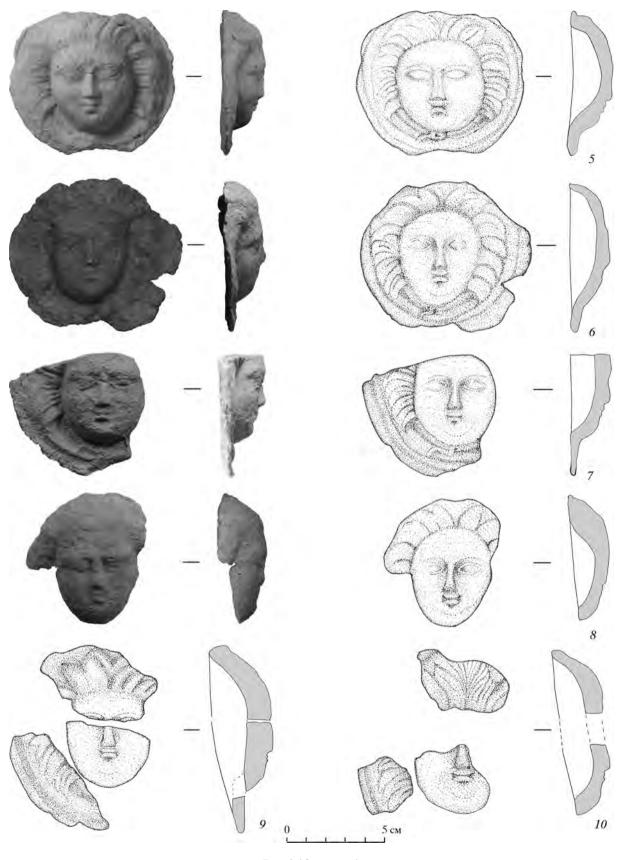

Рис. 3 (Окончание)

погребениях Восточного некрополя (Кузнецов, 2003. Рис. 234e; Сударев, 2004a. Рис. 94). В эту же группу входят аппликации на ножки саркофага, на поверхности некоторых из которых сохранились следы розовой краски (Шавырина, Ворошилова, в печати; Сударев, 2004б. Рис. 206г). Они имеют дуговидную в плане форму и, очевидно, крепились на круглые ножки (рис. 1, 1, 2). Ко второй – налепы, выполнявшие только декоративные функции. К ним относятся конусовидные прилепы (рис. 1, 3-7) из погребения 5/1988 Западного некрополя и растительные орнаменты (рис. 1, 8, 9), происходящие из погребения 4/2002 Восточного некрополя (Кузнецов, 2003. Рис. 230г). К третьей – самой многочисленной и разнообразной – рельефы с изображением божеств, героев и мифических сюжетов, а также животных, связанных с погребальным культом и представлениями о загробном мире. Например, в погребении 5/1988 Западного некрополя был найден налеп в виде женской полуфигуры (рис. 1, 10), черты лица которой проработаны нечетко, овал обозначен тонкой линией черной краски, глаза подчеркнуты той же краской, пряди волос рельефно выделены. Руки скрещены на груди. Подобные аппликации чаще всего связывают с изображением Деметры или Коры (Иллариошкина, 2001. Рис. 1; Винокуров, 2009. С. 173). В коропластике Боспора известны протомы женских богинь с одной или двумя руками у груди (Терракоты..., 1970. Табл. 21; 31, 2, 5, 6), характерные для более раннего времени. В эту же группу входят изображения животных (рис. 1, 11, 12; 2, 1-6). В погребениях некрополя Фанагории известны украшения в виде головы кабана, быка (букрания), льва. Так, на аппликациях (голова кабана), найденных в том же погребении 5/1988 Западного некрополя, присутствует черная краска, следы которой прослежены на рельефных изображениях шерсти, глаз и ноздрей животного (рис. 1, 11, 12). Сведения о вепре из греческих сказаний характеризуют его, с одной стороны, как охранителя, а с другой, как наделенное злым началом существо. В погребальном обряде образ вепря или кабана вероятнее всего связан с его охранительными функциями, к тому же, как известно, кабан, наряду с бараном и быком, приносился в жертву многим греческим богам (Сорокина, 1997. С. 24). Налепы в виде головы быка (букраний) так же известны в погребениях некрополя, часто на них видны следы розовой краски (рис. 2, 1). Нередки изображения льва (Долгоруков, 1977; Медведев, 2009. Рис. 8) как отдельно головы (рис. 2, 2), так и животного целиком (рис. 2, 3). Семантика львиных

изображений в древнем мире была обширной, но в данном случае оно, очевидно, выступает в качестве стража могил (Сорокина, 1997. С. 36). Наряду с этими образами найдены аппликации, изображающие таких мифических существ, как грифоны (рис. 2, 4, 5).

Среди изделий погребальной гипсовой пластики достаточно широко распространены мифологические сюжеты (рис. 2, 7–9), один из наиболее известных — "Эрот на дельфине" (рис. 2, 7). Еще Н.П. Кондаков связывал его с образами воскресения к новой жизни, которую оберегают апотропеи Медузы, звериные головы и т.д. (1871. С. 230). Такой рельеф происходит из погребения, обнаруженного на восточном участке древнего кладбища.

Самая представительная серия украшений саркофагов Фанагории, связанных с погребальными культами, - рельефные изображения масок Медузы Горгоны. Известно более 30 подобных экземпляров, среди которых выделяются два типа. Первый характеризуется широким и коротким овалом лица, припухлыми щеками, коротким носом и несколько заостренным подбородком (Иванова, 1955. С. 425): маска, найденная в погребении № 1/1988 Западного некрополя (рис. 3, 1), где Медуза изображена с нечетко выделенными волосами, местами окрашенными в розовый цвет, выше лба рельефно обозначена пара треугольных выступов, окрашенных в зеленый цвет. Губы выделены розовой краской, глаза и брови – черной. По краю маски проходит розовая волнистая полоса. На оборотной стороне сохранились остатки лепешек мягкого гипса, с помощью которых изделие крепилось к саркофагу; на них хорошо отпечаталась структура деревянной доски. Варианты таких налепов известны в захоронениях не только на западном, но и на восточном участках кладбища (Сударев, 2004а. Рис. 98; Медведев, 2009. Рис. 8, 10): например, гипсовый фрагмент лица Медузы из склепа № 84/2006 (рис. 2, 10). Похожие рельефы найдены в Нимфее (Грач, 1999. Рис. 78) и в погребениях некрополя Артезиан (Винокуров, 2009. Рис. 1). Второй представлен масками Медуз с удлиненным овалом и правильными чертами лица (Иванова, 1955. Рис. 23). Пряди волос, глаза, нос и губы очень четко выделены. На тыльной стороне масок нет следов крепления, вероятно, они приклеивались к саркофагам. Такой тип гипсовых украшений найден в уже не раз упоминавшемся погребении № 5/1988 Западного некрополя (рис. 3, 2-10). Шесть масок находилось у длинных стенок

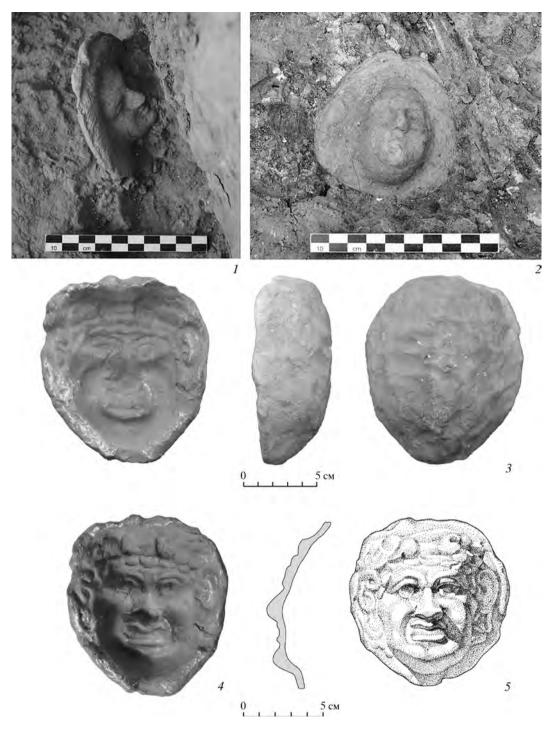

Рис. 4. Терракотовые маски Медузы Горгоны. 1, 2 – маски $in\ situ;\ 3$ – терракотовая форма маски; 4, 5 – слепок маски Медузы Горгоны.

саркофага (по три - с обеих сторон) и по две - у торцовых стенок, три маски - под саркофагом.

Рельефы с изображением Медузы рассматриваемого типа изготавливались не только из гипса: в погребениях некрополя Фанагории встречаются и маски из глины (терракотовые и сырцо-

вые). Значительное число терракотовых масок, относящихся ко второму типу, было найдено во время полевого сезона 2011 г., когда на участке Восточного некрополя было открыто погребение № 165/2011, содержавшее деревянный саркофаг с 12 терракотовыми масками Медузы Горгоны (рис. 4, I, I). На нескольких экземплярах зафик-

сированы следы розовой краски. Рельефы располагались по четыре на длинных стенках саркофага и по два — на коротких.

Уникальны находки аппликаций, выполненных из необожженной глины-сырца. Два таких налепа с изображением масок Медузы были обнаружены на дне склепа № 145/2010 Восточного некрополя: один представлен невыразительными обломками, другой сохранился неплохо (рис. 2, 11). Сырцовая основа этих рельефов с внешней стороны покрыта белой краской, глаза и рот Медузы подчеркнуты черной. Рассматриваемые украшения, вероятно, выполнены по той же технологии, что и терракотовые и гипсовые рельефы: сначала оттиск в форме, затем нанесение основного белого фона и цвета раскраски. Подобные украшения были ранее неизвестны, возможно из-за того, что изделия из необожженной глины сохраняются гораздо хуже, чем из обожженной или гипса.

Единственная на сегодняшний день — находка глиняной формы для изготовления маски Медузы (рис. 4, 3). Она была обнаружена в 1991 г. при исследовании городища Фанагории (раскоп Южный город). Следует отметить довольно крупные и рельефно выделенные черты лица Горгоны: большие глаза, припухлые губы, а также уши, изображение которых отсутствует у вышеописанных экземпляров (рис. 4, 4, 5). В данной форме могли изготовлять, очевидно, как глиняные, так и гипсовые маски.

Многочисленность рассмотренной серии рельефных украшений саркофагов неслучайна: вероятно, она обусловлена хорошо известной апотропеической семантикой маски Медузы Горгоны, призванной охранять душу умершего, а также устрашать его врагов.

В данном контексте уместно обратить внимание на своеобразие грунтовых погребений Фанагории, в которых находились саркофаги с рельефными украшениями. Это могилы № 1/1988, 5/1988 Западного некрополя и № 165/2011 Восточного. Все три захоронения совершены в так называемых ямах с заплечиками, т.е. с перекрытием, уложенным на ступени-выступы. Наряду с саркофагами, украшенными рельефными изображениями Медузы, и другим погребальным инвентарем здесь были найдены деревянные шкатулки, от которых сохранились следы дерева и металлические детали. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с единым погребальным обрядом.

Приведенный обзор захоронений с гипсовой и глиняной пластикой позволяет расширить наши представления о погребальных традициях населения Фанагории первых веков н.э. Весьма важен и тот факт, что короткий период бытования рельефов (середина I – середина II в. н.э.) позволяет относить их к достаточно точным хроноиндикаторам. Разнообразие рельефных украшений, окрашивание их в различные цвета не только преследовало декоративные цели, но и имело сакральное значение, связанное с комплексом представлений о загробном мире. Большая часть налепов размещалась на саркофагах для того, чтобы охранять покой умершего, облегчать его переход в иной мир. Находки таких изделий не только в грунтовых склепах, но и в ямах с перекрытием позволяют с достаточной долей уверенности утверждать, что этот тип погребальных сооружений наряду со склепами использовался для захоронения довольно состоятельных жителей столицы Азиатского Боспора.

Выражаю благодарность А.А. Завойкину за возможность использовать неопубликованные материалы из его раскопок Южного города Фанагории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берзина С.Я. Производство гипсовых изделий на Боспоре // Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь. 1962.

Винокуров Н.И. Художественно-декоративные элементы украшений боспорских саркофагов (по материалам некрополя городища Артезиан) // Боспорский феномен. СПб., 2009.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Долгоруков В.С. Отчет о работах Фанагорийской экспедиции в 1977 г. // Архив Фанагорийской экспедиции.

Жижина Н.К. Гипсовый рельеф в погребальных памятниках Европейского Боспора первых веков н.э. (по материалам коллекции ГЭ): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Иванова А.Н. О некоторых особенностях боспорской живописи // Античные города Северного Причерноморья. Т. І. М.; Л., 1955.

Иллариошкина Е.Н. Боги и герои греческих мифов в Боспорской гипсопластике // Боспорские исследования. Вып. І. Симферополь, 2001.

Кондаков Н.П. Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту // ЗООИД. 1871. Т. XI.

- Кузнецов В.Д. Альбом к отчету о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в 2002 г. // Архив ИА РАН. 2003. Р-1. № 27072.
- Медведев А.П. Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в 2005—2007 гг.) // Норция. 2009. Вып. 6.
- Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства. М., 1999.
- Сокольский Н.И. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969 (САИ; Вып. Г1-17).
- Сорокина Н.П. Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). М., 1997.

- *Сударев Н.И.* Отчет о раскопках Восточного некрополя Фанагории в 2003 г. Ч. I // Архив ИА РАН. 2004а. Р-1. № 26869.
- *Сударев Н.И.* Отчет о раскопках Восточного некрополя Фанагории в 2003 г. Ч. II // Архив ИА РАН. 2004б. Р-1. № 26870.
- Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970 (САИ; Вып. Г1-11).
- Шавырина Т.Г., Ворошилова О.М. Западный некрополь Фанагории (по материалам раскопок 1987—2000 гг.) // Исследования Фанагории. Т. І. В печати.

ОПЫТ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ПОДВОДНЫХ НАХОДОК ИЗ ФАНАГОРИИ

© 2012 г. В.О. Акимов, С.В. Ольховский

Институт археологии РАН, Москва, evpator@front.ru

Ключевые слова: *подводная археология, методика консервации, методика реставрации, античные монеты, Фанагория.*

The article describes the methods used for the desalination, cleaning and conservation of the underwater finds from Phanagoreia, and offers a new approach to cleaning bronze coins found in the sea. It involves cleaning and preservation of both the coin and the crust of corrosion products and silt, which bears on the inner surface a mirror imprint of the image on the coin. The method is relevant for poorly-preserved coins and especially for the coins which cannot be saved.

Подводные раскопки ныне затопленных портовых сооружений (рис. 1) в акватории Фанагории (Кузнецов и др., 2008) дали большое количество археологического материала: изделия из керамики, металлов, стекла, камня и органики (рис. 2; 3). Широко распространенные методы очистки и консервации извлеченных из земли находок оказались непригодны для артефактов, извлеченных из морской среды. Появилась потребность в поиске либо разработке иных методик, позволяющих провести эффективную полевую чистку и консервацию¹.

В настоящей статье обобщен накопленный опыт полевой консервации указанных находок², а также представлен новый подход к очистке античных бронзовых монет, найденных на морском дне.

МЕТАЛЛЫ

Медь и медные сплавы

Монеты (бронза). За 2005—2010 гг. на относительно небольшой площади обнаружены сотни бронзовых монет чеканки Пантикапея, Рима, одна монета из Херсонеса. Почти все монеты, найденные в море, сохранились плохо: большинство дошли в виде окислов или полностью минерализованными.

Чтобы лучше понять, какие факторы повлияли на сохранность монет, кратко напомним технологию их изготовления. Речь идет о нескольких операциях: отливка заготовки, повторный нагрев и оттиск штемпелем изображений на поверхности монеты (путем удара). Температура повторного нагрева была ниже температуры плавления бронзы, поэтому удар изменял структуру монетной заготовки, делая ее более слоистой³. При этом оттиск изображения на поверхности монеты отпечатывался и на подлежащих слоях. Четкость такого отпечатка от поверхности к ядру слабеет настолько, что на уровне ядра можно в лучшем случае различить малоинформативные контуры крупных деталей изображения.

Монетный двор периодически отзывал монеты из обращения и подвергал их надчеканке или перечеканке. Сильные удары нередко деформировали, а порой и раскалывали монетный кружок.

В процессе обращения монета подвергалась влиянию агрессивных сред: воздуха, воды и человеческого пота (помимо 98–99% воды он содержит молочную кислоту, мочевину, хлорид натрия, что определяет его агрессивность) и пр. Под их воздействием металл окислялся, и на поверхности образовывалась тонкая пленка из оксидов — защитный слой, замедляющий коррозию (Шемаханская, 1989. С. 3).

После попадания монеты в морскую воду – аэрированный нейтральный электролит с высокой электропроводностью, что обусловлено раствора-

¹ Расчисткой, консервацией и реставрацией артефактов должны заниматься профессиональные реставраторы. Однако вследствие предельной загруженности специализированных научных лабораторий нам пришлось самим заняться поиском ответов и решений.

² При этом учитывались наблюдения водолазов за состоянием артефактов в момент их обнаружения и изменением сохранности найденных предметов за тот период времени, пока последние не попадут в руки реставратора.

³ Литая заготовка имеет дендритную структуру, после применения штемпеля структура превращается в полиэдрическую. "Слоистость" также может быть вызвана составом металла монетного кружка, отсутствием последующего разупрочняющего отжига или коррозионными процессами.

Рис. 1. 3D-модель раскопанного участка ряжа.

ми солей (главным образом, хлоридами и сульфатами натрия, магния, кальция и калия) — происходит электрохимическая (электролитическая) реакция, при которой металл монеты выступает анодом либо катодом. Процесс разрушения при этом протекает с большей скоростью, чем при нахождении монеты в почве (Шемаханская, 1989. С. 6).

В морской воде металлические предметы подвергаются воздействию и со стороны живых существ. Вместе с кремнекислыми соединениями и углекислым кальцием они оседают на поверхности металла, образуя иловую корку, которая в теории должна предохранять металл от разрушения. Но на практике коррозионные процессы приводят к тому, что химический состав раствора вблизи поверхности металла меняется вследствие вторичных реакций, например образования гидроокисей металлов и выделения газов (Шемаханская, 1989. С. 6). При чистке монет настоятельно рекомендуется удалять все коррозионные продукты, так как в них могут находиться активные хлористые соединения. Однако сделать это в случае с сильно коррозированной монетой, не уничтожив или серьезно повредив ее верхние - наиболее информативные - слои, практически невозможно. Между тем, для археологов чрезвычайно важно максимально сохранить изображение и надписи на монете с целью их идентификации.

В итоге в момент обнаружения монета, поднятая с морского дна, внешне представляет собой комок окаменевшего ила (рис. 2, 1а). Верхние слои металла или вся его толща в большинстве случаев полностью преобразовались в окислы или минерализовались, т.е. монета превратилась в рыхлые окислы и сохранила форму только благодаря иловой корке. Из опыта предшественников известно, что механическая чистка таких находок без химических реактивов дает положительный результат только в случаях отличной сохранности монеты (в среднем в 4 из 100), в остальных случаях монета распадается. Между тем, достоверно определить степень сохранности монеты под слоем иловой корки без рентгеновского аппарата не представляется возможным. Серьезные опасения связаны и с возможным ухудшением их состояния при дальнейшем хранении.

Методика обработки указанных монет основана на методическом пособии, разработанном М.С. Шемаханской (1989), и курсе лекций и практических занятий Н.В. Ениосовой по реставрации археологических предметов. В процессе чистки мы испытали несколько вариантов обработки (см. таблицу).

Принципиальная новизна подхода к расчистке монет, базирующегося на наблюдении А.Б. Колесникова (Кузнецов и др., 2008), — нацеленность на сохранение не только самой монеты, но и ее зеркального изображения, отпечатавшегося на внутренней поверхности иловой корки (рис. 2, 16). Подобный оттиск-негатив позволяет разобрать изображение и прочитать надписи (в том числе дату) на монете, что особенно ценно в случаях плохой сохранности находок. Более того фрагменты иловой корки с изображением могут храниться неопределенно долго, не требуя особых условий.

Первичный процесс обработки монет выглядит следующим образом: находка сразу же попадает в емкость с пресной водой, оперативно передается реставратору, помещается в дистиллированную воду, снабжается этикеткой с информацией о времени и месте находки, получает индивидуальный номер, фото⁴, описание и данные метрических и весовых измерений в описи индивидуальных находок. Затем монеты консервировались с целью дальнейшей транспортировки в Москву либо реставрировались на месте.

⁴ Процедура фотографирования. Под плоское дно стеклянной ванночки помещали лист белой бумаги для фона. В ванночку наливали дистиллированную воду так, чтобы она полностью закрывала монету. В воде размещали монету и линейку для масштаба. Съемка производилась фотоаппаратом, закрепленным на планшетном штативе, при дневном освещении либо с применением светодиодных фонарей. Последние особенно удобны для создания "косого" света. Съемка в дистиллированной воде препятствует активизации коррозионного процесса от контакта монеты с воздухом.

Рис. 2. Монета (1) и находки (2—14). 1: a — монета до чистки; b — после чистки; b — отделившийся верхний слой (восстановленная медь); e — ядро этой же монеты. 2—b — рыболовные крючки и свинцовые грузила; b — глиняное грузило; b — глиняное грузило; b — каменное грузило.

В последнем случае заводился специальный дневник реставрации. В нем подробно описывались первоначальное состояние монеты и все предпринятые шаги по очистке (поэтапно). Компьютерные файлы с фотографиями систематизировались по индивидуальным номерам находок и по этапам (с указанием даты) реставрации.

Перед началом очистки монеты делились на несколько групп в зависимости от их состояния (наличия трещин и сколов) и толщины иловой корки. Для каждой из групп подбиралась оптимальная концентрация раствора: от 15 г едкого натра на литр дистиллированной воды (для монет в наихудшем состоянии) до 40 г/л (для монет с самой толстой

Методы обработки монет, обнаруженных в море

Название метода обработки	Инструменты	Недостатки метода	Примечания
Механическая чистка	Игла, скальпель, пла- стиковая, латунная и стальная щетки-насадки на бормашинку; химреак- тивы не применяются	Корка ила не поддается механической расчистке, возникает угроза разрушения монеты	Метод считается пред- почтительным с учетом дальнейшего хранения предмета в музейной кол- лекции, однако для монет, обнаруженных в море, практически неприменим
Чистка мягкими реактивами	10%-ный раствор трилона Б, 10%-ный раствор сульфаминовой кислоты	Размягчаются только верхние слои иловой корки; при многократном повторении чистки иловая корка разрушается; если монета полностью коррозирована, от нее сохраняется только малоинформативное ядро	Практически неприменим
Очистка в ультразвуковой ванне	Ультразвуковая ванна с 10%-ным раствором трилона Б	Аналогично чистке мягки- ми реактивами	- >> -
Чистка жесткими реактивами	10%-ный раствор серной кислоты	Иловая корка быстро растворяется, остается малоинформативное ядро	-»-
Электролитическая очистка	Электричество, электрод, электролит	монеты Реакция обратима; через некоторое время экспонат "зацветает"	Считается эффективным для крупных предметов с хорошо сохранившимся металлическим ядром; для монет практически неприменим
Электрохимическая чистка ⁵	1.5—4%-ный раствор едкого натра, гранулиро- ванный цинк	Требует длительных операций по вымещению продуктов реакции путем вымачивания в дистиллированной воде	меним Наиболее применим для имеющихся условий

коркой). Интенсивность и скорость реакции (при условии, что каждая монета помещена в индивидуальный сосуд, причем ее поверхность контактирует только с цинком) можно контролировать за счет изменения температуры и времени реакции, а также количества и концентрации раствора. Основная задача — добиться такого баланса, при котором иловая корка не рассыпается, но достаточно размякает, чтобы ее можно было отделить от поверхности монеты без повреждений (как самой монеты, так и оттиска изображения на внутренней поверхности корки).

Оттиски зеркальных изображений на иловой корке очищали от остатков окислов, после чего полученные фрагменты напластований отправляли на сушку. Для получения оттисков изображений

наилучшим образом зарекомендовал себя скульптурный пластилин (рис. 2, 1 ε). Гипсовые и свинцовые отливки тоже прекрасно передают все детали изображения, прочны и могут долго храниться, но их использование часто приводит к разрушению оттиска.

Если реакция не давала желаемого результата, все действия повторяли, сменив цинк⁶ и раствор (с обязательной промежуточной фиксацией).

По завершении реакции монеты промывались в проточной пресной воде и обрабатывались по

⁵ Подробное описание данного метода чистки и консервации см.: Акимов, 2010.

⁶ Цинк в процессе реакции покрывается нерастворимыми гидрооксидами, что замедляет процесс очистки. Для повторного использования его обрабатывают слабым раствором соляной кислоты и промывают в проточной воде (Шемаханская, 1989. С. 18). В случае промывания раствором серной кислоты, как показал специально проведенный эксперимент, цинк эффективнее очищается, но и быстрее "стареет".

методу механической чистки (см. таблицу). Очень важно вести подробное описание всего процесса чистки. Нередко после удачного отделения иловой корки глазам открывается слой коррозии, держащий форму изображения только благодаря иловой корке. При контакте с водой или воздухом слои мягкой коррозии немедленно разрушаются. То, что успел увидеть реставратор, следует немедленно и тщательно зафиксировать и, по возможности, сфотографировать (описанным выше способом).

По окончании электрохимической реакции в порах металла остаются остатки реактива с растворенными в нем продуктами коррозии. Для их выведения монеты подвергались длительному вымачиванию в дистиллированной воде с чередованием медленного нагрева (до 90° С) и охлаждения до температуры окружающей среды (метод Р.М. Моргана). После каждой стадии нагрева/охлаждения дистиллированную воду меняли.

По завершении промывки монеты подвергались сушке. Они выдерживались в сушильном шкафу в течение 4—8 часов при температуре 90—120° С. Чтобы избежать контакта поверхности монет с металлом поддонов, последние прокладывались нейтральными бумажными салфетками.

Затем монеты подвергались обработке ингибитором. Для этого они помещались на 24 часа в 3–4%-ный раствор⁸ бензотриазола (БТА). Далее вновь следовала стадия сушки (описанным выше способом). Излишки ингибитора с поверхности монеты удалялись при помощи хлопчатобумажной ткани или синтетической щетки-насадки на бормашинку.

Далее вновь проводились измерения, фотографирование монеты. Для более точной идентификации и описания очищенная монета сравнивалась со слепками, сделанными с ее иловой корки. Вся полученная информация вносилась в опись. В отдельные столбцы помещались паспортные, метрические данные, описание монет и слепков.

После фотографирования монеты покрывались защитным слоем (воск или лак). Для последующей транспортировки и/или хранения монета помещалась в индивидуальный зип-пакет с сопроводительной этикеткой (паспортные данные монеты). Транспортировка и хранение осуществлялись в светонепроницаемых емкостях. Чтобы снизить влажность, в каждую емкость помещали некоторое количество силикагеля.

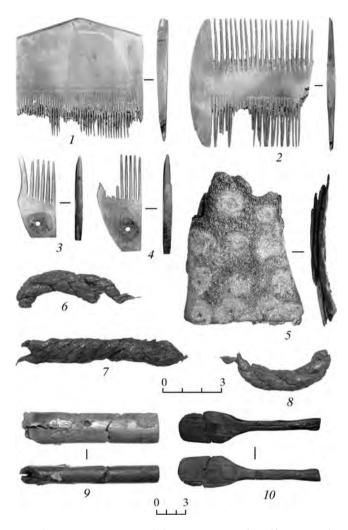

Рис. 3. Примеры находок. *1*, *3* – костяной гребень (фрагменты); *2*, *4* – деревянный гребень (фрагменты); *5* – кожаное одеяние (фрагмент); *6*–*8* – веревка (фрагменты); *9* – деревянная рукоять ножа; *10* – деревянная лопаточка (фрагмент).

Прочие артефакты (рыболовные крючки, пряжки, ключи, грузики весов, гвозди и скобы, ювелирные украшения и др.). Большинство указанных предметов покрыты окаменевшей коркой ила и продуктов коррозии. Если ядро (металлическая основа) под коркой имеет удовлетворительную сохранность, можно использовать метод электрохимической чистки, применявшийся для монет (см. таблицу). Однако более предпочтительным представляется метод чистки в ультразвуковой ванне в растворе трилона Б как менее "кислотный" в сравнении с электрохимическим, а значит более "мягкий" по отношению к предмету. Указанный подход не требует множественных и длительных операций по вымещению продуктов реакции. Достаточно промывки в дистиллированной воде, сушки и "закрепления" ингибитором. Корка и окислы при таком методе чистки распадаются.

 $^{^{7}}$ Удобно, когда ассистент, находящийся рядом с реставратором, ведет запись под его диктовку.

⁸ Использовались растворы на водной и спиртовой основе.

Предметы плохой сохранности, ядро которых сгнило внутри корки, рекомендуется подвергать механической очистке от поверхностных загрязнений. Корка, выполняющая защитную функцию и повторяющая форму предмета, при этом сохраняется⁹. Для закрепления используется раствор бензотриазола на спиртовой основе.

Железо

Изделия из железа встречаются относительно редко. В основном это фрагменты гвоздей. Очистка от иловой корки и коррозии производится так же, как для бронзовых предметов: применим метод реконструкции формы предмета в оттиске конгломерата ила и продуктов коррозии, разработанный для монет. Артефакты закрепляются раствором танина.

Свинец и свинцово-оловянистые сплавы

В большом количестве встречаются свинцовые рыболовные грузила разных размеров и форм, фрагменты пластин, пироны, реже ювелирные изделия. Чаще всего эти предметы имеют хорошую сохранность и нуждаются только в механической чистке от внешних загрязнений.

При длительном вымачивании в дистиллированной воде (с целью обессоливания) поверхность предметов покрывается белым налетом (углекислые соли) вследствие коррозии поверхности свинца (Шемаханская, 1989. С. 52). Удалить такой налет практически невозможно¹⁰ ни механическим, ни химическим способом. После любой операции по чистке "накипь" выступает вновь и вновь. Между тем, каждая новая операция по чистке изделия может негативно сказаться на его состоянии и внешнем виде. Как показала практика, предупредить появление белого налета помогает "мягкая" длительная сушка после суточного вымачивания в дистиллированной воде и промывки.

КАМЕНЬ

Особую ценность представляют элементы храмовой и городской архитектуры, фрагменты скульптуры и артефакты¹¹ с надписями. Оказавшись близко к

⁹ В данном случае используется явление псевдоморфизма (повторение макроструктуры металла в слое коррозии).

поверхности воды, они подвергаются воздействию морской флоры и фауны, страдают от волновой активности, солнечного света, перепада температур, получают механические повреждения вследствие человеческой деятельности. Консервация таких находок после извлечения их на сушу заключается в обессоливании предмета методом вымачивания в часто сменяемой пресной воде и медленной "мягкой" сушке на открытом воздухе в тени (без доступа солнечных лучей).

КЕРАМИКА

Керамика представлена многочисленными фрагментами сосудов, пряслицами и грузилами, фрагментами кровельной черепицы, печиной и пр. Находки с поверхностных напластований часто покрыты известковым налетом, ракушками и корнями растений. Эти загрязнения удаляются водой или раствором HCl. Перед мойкой фрагменты тщательно осматриваются на наличие клейм, следов краски, граффити или остатков содержимого сосудов.

Для такой керамики требуется "мягкая" длительная сушка (3-4 дня) в тени без резких перепадов температуры. Лучше всего для этой цели подходит закрытая картонная коробка.

СТЕКЛО

Стеклянные предметы – многочисленные фрагменты кубков, кувшинов, мисок и пр., а также оконного стекла. Сосуды местного производства отличаются от привозных более низким качеством и худшей сохранностью. Местные мастера при изготовлении использовали различные примеси для понижения температуры плавкости стеклянной массы. Это приводило к тому, что изделие довольно быстро начинало подвергаться процессам коррозии. При контакте с окружающей средой внутри предмета происходили химические реакции, результатом которых, например, было выщелачивание на поверхности двуокиси кремния (http://www. archekon.ru/glas.php). Слой этого вещества, обретая переливчатость, делает стекла светонепроницаемыми. Менее чем за час с момента выемки находки из-под воды на воздух поверхность стекла может стать переливчато-мутной, а через некоторое время начинает отслаиваться патина¹². Поэтому находки

Приняв изначально этот налет за остатки выводимого из предмета щелочного раствора, мы три года вымачивали в дистилляте (с регулярной его заменой). Справиться с налетом таким образом не удалось.

¹¹ Некоторые находки уже демонстрируются в экспозиции Таманского археологического музея.

¹² Явление равномерного покрытия всей поверхности стеклянного изделия слоистой пленкой в виде легко отслаивающихся разноцветных чешуек с перламутровым отливом часто наблюдается уже в момент находки под иловыми напластованиями.

нельзя доставать из воды. Их следует поместить в светонепроницаемую емкость с дистиллированной водой, затем, соблюдая максимальную осторожность, промыть один раз той же водой и подвергнуть медленной "мягкой" сушке в темном месте при температуре около 10° C.

Корродированное стекло очень чувствительно к высыханию. При этом патина отслаивается, а растрескавшаяся поверхность или само стекло начинает распадаться. Нельзя допускать полного высыхания стекла. Следует поддерживать влажность на уровне не ниже 60%.

Для закрепления стекла воду замещают спиртом (этанолом), после чего пропитывают Паралоидом Б 72. Этот длительный процесс возможен только в специально оборудованной лаборатории.

ОРГАНИКА

Предметы из органических материалов – деревянные сваи и плахи из конструкции ряжа, гребни из кости и дерева, веревки, фрагмент одежды из кожи; среди органических находок – кости рыб, млекопитающих и птиц, орехи, шишки, крабы. В дереве, находящемся во влажной безкислородной среде, происходит разрушение клеток. Как правило, бактерии поедают клеточные стенки и клеточный материал, тем самым нарушая стабильность

объекта. Пустоты заполняются водой, поэтому форма остается неизмененной. Однако при извлечении предмета из воды дерево начинает сохнуть и происходит деформация предмета, появляются трещины (http://www.archekon.ru/glas.php). Чтобы не допустить этого, воду в предмете замещают полиэтиленгликолем либо производят сушку в вакуумной морозильной камере. В полевых условиях проделать это невозможно. Для хранения и транспортировки следует поместить деревянные изделия в светонепроницаемый сосуд с дистиллированной водой, периодически заменяя воду. Так же следует поступить с изделиями из кожи и кости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимов В.О. Опыт реставрации бронзовых боспорских монет, найденных в ходе подводных раскопок в античной Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. Т. 2 (28). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010.

Кузнецов В.Д., Колесников А.Б., Ольховский С.В. Подводные исследования Фанагории в 2006-2007 гг. // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. II.

Caфронов M. Консервация вместо реставрации // http://www.archekon.ru/glas.php.

Шемаханская М.С. Реставрация металла (Методические рекомендации). М., 1989.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ДРЕВНИХ МАЙЯ: ТРАДИЦИОННЫЙ ПОДХОД И ГИС-МЕТОД

© 2012 г. А.В. Сафронов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (alexsafronov@bk.ru)

Ключевые слова: майя, историческая география, Географо-информационные системы (ГИС), археология, раннее государство, номовое государство, доколумбова Америка, Мезоамерика, Йашчилан, Усумасинта.

The article tells of the use of GIS for identifying the boundaries of the Mayan state of Pa'Chan, centered around the city of Yaxchilán on the Usumacinta. The database created for the purpose of the present study has used the large corpus of written sources, the archaeological data and the specific features of the local land-scape. Spatial GIS analysis of the region allowed identifying the hypothetical borders of the state, which had an area of about 1500 km².

В последние годы важное место в изучении истории древних майя приобретают исследования в области исторической географии, основанные на анализе письменных памятников майя. Особенно актуальными они стали после того, как появилась возможность соотнести древнюю топонимику майя с реальной географией на основании археологических и эпиграфических изысканий.

Древние майя - одни из немногих представителей доколумбовой Америки, оставившие после себя богатейшее письменное наследие, состоящее прежде всего из эпиграфических памятников. К настоящему времени по разным оценкам известно более 20 тыс. иероглифических текстов. Изучение иероглифических надписей, начавшееся с дешифровки письма советским ученым Ю.В. Кнорозовым в середине ХХ в. (1952; 1955а; б), показало, что они весьма разнообразны по содержанию, но большинство из них, особенно записанные на монументах, содержат информацию сугубо исторического характера. Это так называемые царские надписи, посвященные деяниям майяских царей и их приближенных - высшей элиты, по которым можно досконально реконструировать династическую историю майя. Подавляющее большинство иероглифических текстов было создано в классический период (III-IX вв.) – время расцвета культуры майя.

С точки зрения типологизации политической организации древних майя, мы можем опираться на модель, разработанную И.М. Дьяконовым и В.А. Якобсоном на основе данных по обществам

Древнего Востока. Эта типология предполагает следующую схему: "номовые государства" -"территориальные царства" - "империи" (или "мировые" державы) (1982). В 70-е годы XX в. ряд исследователей (Дж. Саблофф, В.И. Гуляев) определили, что Мезоамериканская цивилизация, частью которой является культура майя, типологически близка древнейшим цивилизациям Востока (Ламберг-Карловски, Саблофф, 1992). В.И. Гуляев показал, что основа социально-политической организации майя – небольшая полития, т.е. "номовое государство" ПО классификации И.М. Дьяконова и В.А. Якобсона (1982. С. 3; Гуляев, 1979. С. 11-13; 1985. С. 55-63). В западной же историографии принято использовать термины city-state ("город-государство"), primary state ("первичное государство") и др. (Grube, 2000. Р. 553). Соответственно для обозначения номового государства в Мезоамерике в отечественной историографии традиционно используется термин "царство", по аналогии с социально-политической организацией Древнего Востока.

В конце 1980-х годов в работах американских исследователей Д. Стюарта и С. Хаустона было обосновано положение о том, что в иероглифических текстах встречаются записи топонимов. Они определили существование несколько уровней топонимов, различных по своей значимости: названия царств; названия областей/городов; названия мелких географических объектов. Таким образом, стало очевидно, что царство состояло из нескольких областей, объединенных вокруг сто-

98 САФРОНОВ

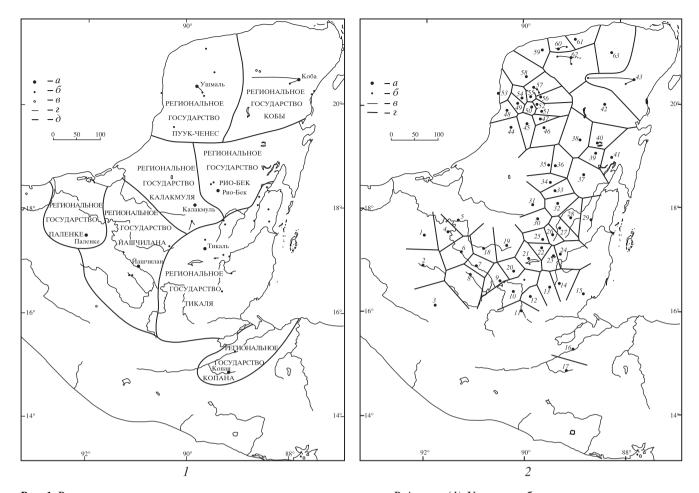

Рис. 1. Реконструкция позднеклассических региональных государств по Р. Адамсу (1). Условные обозначения: a – столица государства; δ – зависимый центр; ϵ – другие городища; ϵ – Сакбе (дороги); δ – границы государств. Предполагаемая политическая организация около 790 г. (политическая карта области майя П. Мэтьюза) (2). Условные обозначения: a – главные центры; δ – подчиненные центры; ϵ – Сакбе (дороги); ϵ – приблизительные границы между политиями. ϵ – политические центры – столицы царств иероглифами.

лицы (Stuart, Houston, 1994. P. 7-18). Современные исследования показывают, что внутренняя структура номовых государств майя представляла собой 4-уровневую систему поселенческой иерархии (Беляев, 2002. С. 139–144), но при этом уровень социально-политической организации не был одинаков: в Центральных низменностях существовали крупные по площади (до нескольких тысяч км²) государства, отличавшиеся меньшей самостоятельностью местных элит, в Западном регионе, наоборот, большое количество сравнительно небольших царств (более 30 образований на плошали в 30-35 тыс. km^2) с достаточно сложным внутренним делением и значительной вольностью удельных правителей (Беляев, 2002. C. 138–144).

Несмотря на то что изучение исторической географии майя началось относительно недавно, в историографии уже сложилась определенная

точка зрения на эту проблематику. Наибольшее количество исследований сосредоточено в сфере исторической политической географии, в современной науке представляющей отдельную ветвь исторической географии (Владимиров, 2005. С. 46). Реконструкции моделей политической географии области майя в 70–90-е годы XX в. фактически свелись к применению двух методик — теории "центральных мест" и метода "полигонов Тиссена" (Marcus, 1993. Р. 153).

В 1970-е годы американские исследователи К. Фланнери, а затем Дж. Маркус, основываясь на археологических данных, использовали метод "центральных мест" при изучении поселенческой иерархии городищ майя классического периода в области Центральных низменностей. Они определили, что на пике расцвета у классических майя существовали региональные государственные объединения, имевшие 3-уровневую иерар-

хию политических центров (Marcus, 1973. P. 911-916). Дж. Маркус определила пять региональных государств: Копан, Тикаль, Йашчилан, Паленке, Калакмуль, а также особую Петешбатунскую конфедерацию - государственное образование в бассейне р. Пасьон, в разное время управлявшееся различными центрами (Marcus, 1984. Р. 48-62). Р. Адамс и Р. Джонс развили эту идею и, используя фактор распространения архитектурных стилей, определили, что в поздний классический период на территории центральной и северной областей майя существовало восемь региональных государств: Копан, Тикаль, Йашчилан, Паленке, Калакмуль, Рио-Бек, Пуук и Коба (рис. 1, 1), площадь которых варьировалась в пределах 8–21 тыс. км² (Adams, Jones, 1981. P. 319–321).

Следует отметить, что теория центральных мест была сформулирована немецким географом В. Кристаллером и применена для изучения связей между крупнейшими центрами областей Южной Германии в 30-е годы XX в. В соответствии с ней существует оптимальная каркасно-сетевая структура населенных пунктов, обеспечивающая быстрый доступ к зоне экономического влияния и позволяющая вести эффективное управление. Система населенных пунктов выстроена по иерархическому принципу ("сетка Кристаллера"), число уровней в которой прямо пропорционально уровню социально-экономического развития территории (Marcus, 1993. Р. 153, 154; Коробов, 2011. С. 137). Реалии Германии первой половины XX в. существенно отличаются от условий развития ранних государств майя и применение метода центральных мест для этого региона не совсем оправдано. К недостаткам данной модели можно отнести ошибочное отождествление регионального государства с высшей формой политической организации майя (Беляев, 2002. С. 145). Но, главное, результаты реконструкций, основанных на теории центральных мест, во многих случаях опровергаются данными письменных источников, содержание которых в полной мере оказалось понятым исследователями только в 1990-е годы.

Метод "полигонов Тиссена" впервые был применен В. Буллардом в 60-е годы XX в. при изучении социально-политической структуры северовосточного Петена (Bullard, 1960. Р. 355–372). Полигоны Тиссена (или диаграммы Дирихле) названы по имени климатолога А. Тиссена, который пытался анализировать точечные данные с помощью площадных символов и аналитических методов (Коробов, 2011. С. 140, 141). Суть метода применительно к материалу майя состоит

в том, чтобы маркировать приблизительную территорию государства с помощью построения неправильного многоугольника вокруг центра, грани которого – прямые отрезки, проведенные на равном удалении от соседних политических центров.

После В. Булларда этим методом в начале 1970-х годов воспользовался Н. Хаммонд для определения границ политий майя на более обширной территории Центральных и Южных низменностей (Hammond, 1972. Р. 757-800; 1974. Р. 313–334). Каждое более менее крупное городище майя классического периода рассматривалось им как центр независимого политического образования, соответственно, отрицалось существование крупных региональных государств и иерархии политических центров, а общность майя понималась как совокупность небольших государств, обладавших равным статусом (Marcus, 1993. P. 154–156). Метод А. Тиссена использовался для маркировки условных границ территорий политий, и в итоге реконструкция политической карты Н. Хаммонда представила собой набор многоугольников различной конфигурации. Данный метод подвергся резкой критике сторонников теории центральных мест, поскольку зачастую реконструкция давала абсурдные результаты. Например, государство с центром в Тикале – крупнейшем городе Центральных низменностей – имело такую же по размерам территорию, как соседнее государство с центром в Эль-Энканто – маленьком городище площадью менее 1 га (Marcus, 1993. P. 155).

Но концепция Н. Хаммонда получила подтверждение в использовании майя "эмблемных иероглифов", выявленных в иероглифических текстах в 1958 г. мексиканским исследователем Г. Берлином. Первоначально ученый опознал только восемь эмблемных иероглифов: Тикаля, Наранхо, Йашчилана, Пьедрас-Неграс, Паленке, Копана, Киригуа и Сейбаля (Berlin, 1958. Р. 119). Значение эмблемного иероглифа не было определено вплоть до конца 1980-х годов, и его наличие в надписях не рассматривалось как противоречие идеи региональных государств. Дальнейший анализ иероглифических текстов показал, что существовало несколько десятков эмблемных иероглифов в различных городищах низменностей майя.

Эмблемный иероглиф впервые был прочитан Д. Стюартом в 1985 г. на примере текстов Йашхи (Stuart, 1985). В итоге было определено, что он, как правило, состоял из трех частей: титула k'uhul ("священный"), титула 'ajaw ("царь") и вписанного

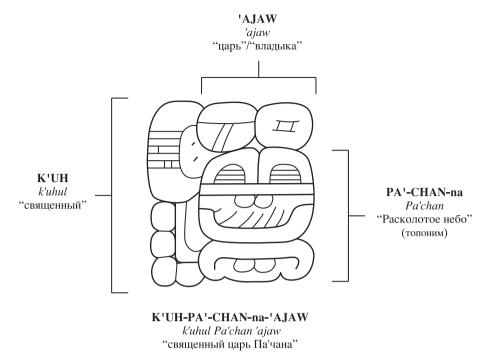

Рис. 2. Структура эмблемного иероглифа – основы изучения политической географии древних майя.

в знак 'AJAW основного знака, являющегося, как показали Д. Стюарт и С. Хаустон, топонимом — названием политического центра царства (Stuart, Houston, 1994. Р. 3–7). То есть полная форма эмблемного иероглифа выглядит следующим образом: **К'UH-PA'-CHAN-na-'AJAW**; k'uhul Pa'chan 'ajaw ("священный царь Па'чана") — царство с центром в археологическом городище Йашчилан (рис. 2). В иероглифическом майя государство обозначалось термином 'ajawlel/'ajawil ("царство") (Grube, 2000. Р. 553).

П. Мэтьюз, опираясь на идеи Н. Хаммонда, предложил свою реконструкцию политического деления низменностей майя, в которой статус независимых политий придавался центрам, имевшим свой эмблемный иероглиф. Его реконструкция насчитывает около 60-70 государств (рис. 1, 2), средняя площадь которых составляла около 2500 км² (Mathews, 1997. P. 293–295; Mathews, 1991. P. 29). Реконструкция П. Мэтьюза в ряде случаев содержала те же недостатки, что и модель Н. Хаммонда, из-за чего также критиковалась сторонниками региональных государств. В своей диссертационной работе П. Мэтьюз особое внимание уделил изучению динамики изменения политической географии на примере царств Бассейна Усумасинты (крупнейшая река области майя, образующая с притоками обширный бассейн, вокруг которого, собственно, и формируется регион западных низменностей). Он впервые представил царства майя не статичными территориями, а изменяющимися во времени в период с начала VI по конец IX в. (Mathews, 1997. Р. 332–357).

Теория центральных мест и метод полигонов Тиссена обладают рядом общих недостатков: однородность политической структуры низменностей майя (либо региональные государства, либо небольшие независимые политии); идеализация принципа формирования территории государства без учета особенностей ландшафта, направлений коммуникационных путей, локализаций источников ресурсов и др.; слабая проработка письменных источников при общей скудности регионального археологического материала. Например, последние исследования письменных источников показывают, что номовые царства майя (т.е. представляющие нижний уровень социально-политической организации) не были одинаковы по своей территории, их можно разделить на крупные $(\sim 3000-6500 \text{ км}^2)$, средние $(\sim 1500-2500 \text{ км}^2)$ и мелкие - до нескольких сот километров (Сафронов, 2007. С. 107).

Поэтому в последние годы XX в. были предприняты попытки использования новых методов исследования исторической географии майя. Мексиканский специалист А. Анайя применил так называемый метод гравитационной модели на примере политий Верхней Усумасинты, оха-

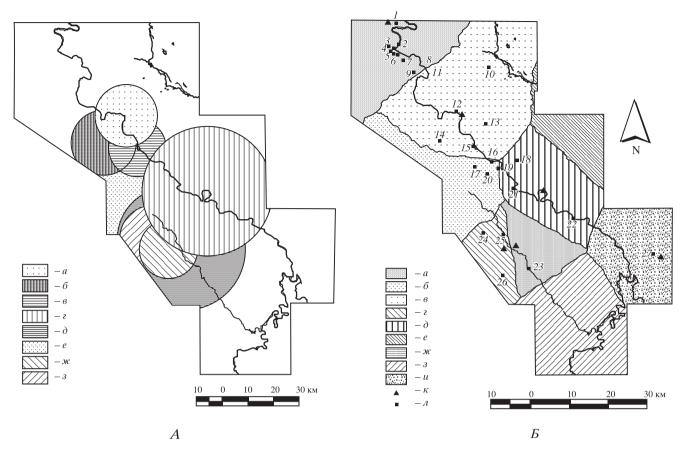

Рис. 3. Расчет радиусов гравитационного расстояния А. Анайя для политических центров Верхней Усумасинты (A). Обозначение зон гравитационного влияния политических центров: a — Пьедрас-Неграс; b — Ла-Мар; b — Эль-Кайо; b — Йашчилан; b — Бонампак; b — Лаканха; b — Нуэво-Халиско; b — Сакц'и. Реконструкция политической карты Верхней Усумасинты на основе расчета гравитационной модели (b). Обозначение территорий, подконтрольных политическим центрам: a — Помона; b — Сакц'и; b — Пьедрас-Неграс; b — Лаканха; b — Йашчилан; b — Бонампак; b — "Нот-сайт"; b — Хишвиц; b — Эль-Чорро. Условные обозначения: b — региональные столицы; b — второстепенные городища. Названия археологических городищ: b — Помона, Секция 1a; b — Панхале I и II; b — Линдависта; b — Чиникиха; b — Санта-Маргарита; b — Пасо-Эль-Наранхито; b — Лас-Делисиас; b — Сан-Хосе-де-Лос-Риелес; b — Охо-де-Агуа / Усумасинта; b — Сан-Клаудио; b — Сан-То-Томас; b — Эль-Порвенир; b — Таскоко; b — Ла-Мар; b — Эль-Кайо; b — Эль-Чиле; b — Анайте II; b — Ла-Пасадита; b — Эль-Чикосапоте; b — Санта-Клара; b — Анайте I; b — Эль-Торнильо; b — Ла-Каскада/ Лаканха; b — Нуэво-Халиско; b — Эль-Седро; b — Ландерос; b — Эль-Пато.

рактеризовав его как ГИС-подход. Этот метод базируется на предположении о том, что в модели с равновеликими узлами более крупные и важные объекты притягивают менее значимые. В свое время он был разработан для локализации неидентифицированных городищ дохеттской эпохи (1940–1740 гг. до н.э.) в Анатолии (Anaya, 2001а. Р. 42) и ныне применяется для анализа поселенческих структур. Согласно модели гравитации общий объем связей между двумя поселениями должен быть прямо пропорционален произведению численности их населения и обратно пропорционален квадрату расстояния между ними. То есть в рамках метода производится расчет "расстояния гравитации" - радиуса зоны влияния политического центра (Anaya, 2001а. Р. 42, 43; Коробов, 2011. С. 138).

В своем исследовании с применением указанного метода А. Анайя провел формализацию данных эпиграфики согласно введенной им шкале оценки исторических событий. Он учел локализацию вторичных центров, подчиненных основным (что является бесспорным показателем территории государства). Реконструкцию границ А. Анайя привязал к физико-географическим данным и расположению коммуникационных путей в области Верхней Усумасинты, и к так называемым критическим точкам - местам, где соприкосновение интересов политий наиболее вероятно (Anaya, 2001а. Р. 50-55). Однако у него территории царств представляют собой фактически радиусы "гравитационного влияния", очерченные на чистом листе (рис. 3, A), ограниченные пересечениями с соседними радиусами (рис. 3, E), поэтому совершенно неясно, каково в реальности влияние ландшафта. Вызывает нарекания шкала оценки важности политических событий: часто автор принимает второстепенные события за ключевые, давая им более высокую оценку, и наоборот. А. Анайя не полно использовал данные письменных источников, что ведет к искажению результатов исследования. Кроме того, исходной базой исследования послужила схема политического деления региона Верхней Усумасинты П. Мэтьюза 1987 г. (Mathews, 1997. Р. 348–357), которая сама по себе содержит много неточностей. Наше исследование политической географии области Левобережья Усумасинты, основанное на статистическом анализе встречаемости топонимов и контент-анализе письменных данных, показало совершенно другие взаиморасположение и конфигурации границ царств в этой области (Сафронов, 2005).

Примененный А. Анайя метод – строго говоря, математический, а не ГИС. Расчет производился на абстрактной карте и не был связан с картой физической. В то же время ГИС оперирует цифровыми представлениями пространственно-координированных данных. То есть применение комплекса методов геоинформационных систем предполагает, во-первых, использование пространственно привязанной основы - топографической карты, на которой осуществляется визуализация данных и результатов анализа; во-вторых, формализацию и оцифровку разнотипных данных, сведенных в единую электронную базу (данные эпиграфики, локализация, размер, содержание археологических памятников и др.). В рамках программного комплекса ГИС (например, ArcGIS), обладающего инструментами анализа информации, существует возможность подобного структурирования и анализа данных, которые невозможно использовать при применении традиционных методов, описанных выше.

В дальнейшем А. Анайя задействовал комплекс ГИС для исследования территорий небольших политий в области Средней Усумасинты на основе археологического материала. Так, для реконструкции территории царства с центром в Помоне было проведено обследование городищ в районе Бока-дель-Серро (узкий каньон, являющийся естественной границей между Верхним и Средним течениями Усумасинты), составлено их описание и база данных, привязанная к топографической карте (Anaya, 2001b). С помощью процедур вычисления стоимости взвешенного расстояния и вычисления кратчайшего пути (подробнее см. Коробов, 2011. С. 145, 146) им были

реконструированы коммуникационные пути, связывавшие Помону с центрами соседних политий. В свою очередь посредством процедуры трехмерного анализа оценки видимости (подробнее см. Коробов, 2011. С. 159) была смоделирована зона с радиусом 10 км, находившаяся под контролем Помоны. На основании полученной многослойной карты были построены приблизительные границы царства с центром в Помоне.

Метод ГИС был применен в исследовании политической географии долины Реденсьон-дель-Кампесино к юго-востоку от Помоны (Anaya, 2002), которая, по мнению автора, была пограничной территорий трех царств с центрами в Помоне. Пьедрас-Неграс и Ла-Флориде. В задачу исследования входило определение зоны экономического контроля нескольких локальных центров. Исследование А. Анайя базируется на математической "теории очевидности" Демпфера-Шафер и модели прогнозирования локализации городищ, основополагающий принцип которых - наличие вокруг поселений зоны экономического влияния, зависящей от величины поселений. Следовательно, их локализация математически закономерна (Anaya, 2002).

А. Анайя провел полевое обследование долины, составил базу данных археологических памятников и провел их ранжировку по размеру, количеству и характеристикам построек. Три наиболее крупных были определены как локальные административные центры, по принципу географической близости соотнесенные с известными столицами царств. Соответственно, каждому центру была подконтрольна определенная зона в рамках долины, площадь которых он определил с помощью применения процедур пространственного моделирования потенциальной экономической зоны памятников и вычисления плотности памятников (Коробов, 2011. С. 139, 146). На основании полученных данных были маркированы границы между царствами в пределах района исследования. Несмотря на то что результаты исследования А. Анайя, с нашей точки зрения, несколько спорны, нельзя не признать, что это один из первых удачных примеров применения ГИС в исследованиях исторической географии майя.

Совершенно очевидно, что исследование исторической географии майя в рамках традиционных методов к настоящему времени уже исчерпало свои возможности даже с учетом расширения объемов письменных источников и археологических исследований. Поэтому применение новых методик в данной области, ко-

Рис. 4. Реконструкция территории царства Па'чан П. Мэтьюза (1988) на основе метода полигонов Тиссена.

торые бы позволили совершенно иначе подойти к анализу материала, вполне закономерно. В качестве подобного нового подхода могут рассматриваться геоинформационные системы, которые представляют собой комплекс методов и технологических решений для работы с пространственно-координированными данными (Коробов, 2011. С. 6, 7).

В качестве опыта применения ГИС на материале майя мы попытаемся реконструировать границы территории одного из ранних государств майя — царства Па'чан — с использованием имеющихся у нас данных, которые применялись при традиционных исследованиях, и выявить принципиальные отличия в результатах исследования от традиционных методов.

Царство Па'чан (эмблемный иероглиф, был приведен выше) с центром в археологическом городище Йашчилан, расположенном в верховьях Усумасинты на границе Мексики и Гватемалы, в IV–VIII вв. играло ведущую роль в политических отношениях в Западных низменностях (Сафронов, 2002. С. 204, 205, 208).

иероглифических надписей Корпус чилана и подконтрольных ему соседних локальных центров достаточно обширен, и мы можем более менее досконально реконструировать историю царства в VI-VIII вв. Археологически к настоящему времени исследован сам Йашчилан (прежде всего, центральный акрополь) и ряд городищ вокруг него, прежде всего на гватемальской стороне поймы реки. В период 2003-2010 гг. в ходе работ регионального археологического проекта Национального парка Сьерра-дель-Лакандон в правобережье Усумасинты на участке между Пьедрас-Неграс и Йашчиланом были обнаружены целые группы новых городищ, входивших в зону влияния Йашчилана (Proyecto..., 2004; Proyecto..., 2009). Область Верхней Усумасинты вокруг Йашчилана отличается сложным ландшафтом с ярко выраженными возвышенностями и стержневой водной артерией – Усумасинтой. Таким образом, государственное образование вокруг Йашчилана выглядит достаточно привлекательно с точки зрения анализа политической географии, основанной на привязке к ландшафту.

В 1988 г. П. Мэтьюз в своем диссертационном исследовании "Скульптура Йашчилана" на основании метода полигонов Тиссена предложил собственную реконструкцию приблизительной территории царства с центром в городище Йашчилан (Маthews, 1988. Р. 431–433). В результате территория царства была представлена в виде неправильного четырехугольника, охватывавшего территорию по обе стороны от течения Усумасинты (рис. 4). Мы постараемся рассмотреть, насколько результаты ГИС-анализа будут соответствовать реконструкции, предложенной П. Мэтьюзом.

Наше исследование опирается на использование пространственно-временного ГИС регионального уровня. В качестве топографической основы исследования была выбрана цифровая модель поверхности, созданная по данным дистанционного зондирования (растровый слой с разрешающей способностью 90 m/pxl) проекта SRTM (Shuttle Radar Topographic Mission) Национального аэрокосмического агентства США по спутниковому зондированию поверхности Земли. В 2000 г. с помощью двух радиолокационных сенсоров была произведена радарная топографическая съемка большей части поверхности земного шара. Данные этой съемки с 2003 г. выложены в свободном доступе на интернет-ресурсе проекта SRTM (http://srtm.csi.cgiar.org) в предварительном и обработанном вариантах. Данные радарной съемки могут быть использованы для создания цифровой модели рельефа земной поверхности (Коробов, 2011. C. 79, 80).

Использование данных зондирования земной поверхности дает возможность оценить трехмерную пространственную привязку исследуемых объектов. Для нашего исследования была составлена база данных изучаемых объектов – археологических городищ в районе Йашчилана в радиусе 30 км от городища. Предположительно, царство Па'чан относится к разряду средних государств майя, т.е. его плошаль должна составлять порядка 1500-2500 км² (Сафронов, 2007. С. 104), а условная зона исследования с радиусом в 30 км занимает площадь в $\sim 2800 \text{ км}^2$, что теоретически не должно превышать территорию царства. В структуру базы данных были включены следующие параметры: координаты объектов (проекция UTM), типологический уровень, размер, наличие письменных памятников, датировка, упоминание топонимов и другие параметры.

На начальном этапе исследования – апробация методик ГИС на материале майя – в базу данных были включены 24 наиболее крупных археологи-

ческих памятника зоны Йашчилана, в различной степени обследованные к настоящему моменту. Общая типология городищ разрабатываемой базы с учетом особенностей ГИС-анализа предполагает семь уровней — от крупных политических центров (первый уровень) до отдельных сооружений и памятников (седьмой уровень), однако пока носит предварительный характер и нуждается в дальнейшей проработке.

После осуществления привязки объектов базы данных к данным цифровой модели SRTM с помощью процедур пространственного анализа в среде ГИС (ArcGis 9.0) была построена многоуровневая карта, отразившая следующие данные:

- Наличие естественных преград. С помощью инструментов анализа уклонов и анализа экспозиции склонов выявлены резкие перепады высот к северу и юго-юго-западу от Йашчилана, которые могут рассматриваться как естественные границы политии. Данный факт подтвердили результаты построения зоны видимости с радиусом 30 км от Йашчилана, на севере расстояние до преграды не превышает 15, на юге и западе от 15 до 20 км.
- Распределение археологических памятников выявило наличие восьми (соответствует письменным данным) локальных административных центров, равномерно расположенных в радиусе от 5 до 20 км от Йашчилана. Расчет их потенциальной экономической зоны (построение окружностей с радиусом 5 км для центров второго уровня) показал условную зону, надежно контролировавшуюся царством Па'чан в VII–VIII вв.
- Восемь памятников носят характер укрепленных пунктов (пятый ранг археологических памятников), их распределение совпадает с естественными границами на расстоянии до 20 км от Йашчилана. Данные городища могут рассматриваться как пограничные укрепления.
- С помощью процедур вычисления стоимости взвешенного расстояния и кратчайшего пути было определено потенциальное направление трех коммуникационных путей, проходивших через территорию царства: двух с юго-востока на северо-запад по правому и левому берегам Усумасинты и одного с юга на север через Йашчилан вместе с уже известным водным транспортным путем Усумасинтой. При этом пересечение коммуникационными путями критических перепадов высот совпадает с локализацией укрепленных пунктов.

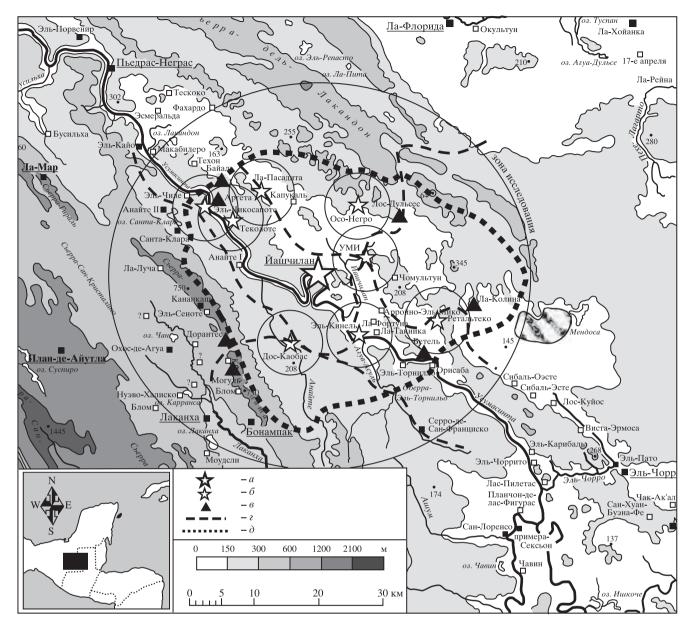

Рис. 5. Реконструкция территории царства Па'чан ГИС-методами. Условные обозначения: a – политико-экономический центр; δ – административный центр; δ – укрепленный пункт; ϵ – коммуникационный путь; δ – реконструируемые рубежи царства Па'чан.

– Из дополнительных данных были отмечены: локализация болотистой низины у оз. Мендоса в 30 км к востоку от Йашчилана как способной выполнять функцию естественной преграды; локализация "мертвой" зоны без каких-либо следов поселений к северо-западу от Йашчилана шириной 2.5 км, длиной ∼10 (Proyecto..., 2004. Р. 5, 6; Golden, et al., 2005). Вероятно она играла роль пограничной зоны между соседними царствами Па'чан и Йокиб.

Таким образом, совокупность полученных данных позволила нам очертить приблизительную

границу царства Па'чан: на севере она проходит по горной гряде Сьерра-дель-Лакандон, на востоке в районе оз. Мендоса поворачивает на югозапад до возвышенности Сьерра-Торнильо, затем тянется до гор Сьерра-Кохолита, вдоль которых проходит на северо-запад до оз. Санта-Клара, затем поворачивает на север и пролегает вдоль мертвой зоны к западу от Ла-Пасадиты, вновь упираясь в Сьерру-дель-Лакандон (рис. 5). Мы можем заключить, что в государстве Па'чан существовало по крайней мере восемь локальных центров. Расчет площади территории с помощью соответствующего инструмента в ArcGIS показал,

что площадь обозначенной территории составляет около 1500 км², что соответствует среднему царству в политической иерархии древних майя. Как мы видим, реконструированная территория царства Па'чан значительно отличается от реконструкции П. Мэтьюза. Несмотря на то что уже в его схеме фактически было обозначено ядро территории царства (это, впрочем, логично, учитывая особенности метода полигонов Тиссена), тем не менее применение ГИС-метода позволило максимально детально определить конфигурацию данного политического образования.

Разумеется, наши выводы не носят окончательный характер, поскольку в рамках опытной работы был задействован далеко не весь массив данных. Однако они показывают обоснованность применения ГИС-метода и указывают общий вектор исследований в области исторической географии майя на современном этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Д.Д. Древние майя (III–IX вв.) // Цивилизационные модели политогенеза. М., 2002.
- Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005.
- *Гуляев В.И.* Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979.
- Гуляев В.И. Типология и структура древних государств Мезоамерики // Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. М., 1985.
- Дьяконов И.М., Якобсон В.А. "Номовые государства", "территориальные царства", "полисы" и "империи". Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2.
- *Кнорозов Ю.В.* Древняя письменность центральной Америки // СЭ. 1952. № 3.
- *Кнорозов Ю.В.* Письменность древних майя (опыт расшифровки) // СЭ. 1955а. № 1.
- *Кнорозов Ю.В.* Система письма древних майя. М., 1955б.
- Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. М., 2011.
- *Ламберг-Карловски К., Саблоф Дж.* Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992.
- Сафронов А.В. Военная экспансия царства Сийахчан при Ицамнах-Баламе IV // Древний Восток и античный мир. М., 2002 (Тр. кафедры истории древнего мира ист. фак-та МГУ; Вып. 5).
- Сафронов А.В. Царство Сакц'и: опыт реконструкции исторической географии древних майя по эпиграфи-

- ческим памятникам // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVII. М., 2005.
- *Сафронов А.В.* Методика исследования политической географии древних майя классического периода // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 2007. № 4.
- Adams R., Jones R. Spatial patterns and regional growth among Maya cities // American Antiquity. 1981. V. 46. № 2.
- Anaya A. Site Interaction and Political Geography in the Upper Usumasinta Region during the Late Classic: A GIS Approach. Oxford, 2001a.
- Anaya A. The Pomoná Kingdom and its Hinterland // FAMSI Reports. 2001b. Режим доступа: www.famsi. org/reports/00082/index.html. (заглавие с экрана).
- Anaya A. The Redención del Campesino Valley Archaeological Survey // FAMSI Reports. 2002. Режим доступа: www.famsi.org/reports/01080/index.html. (заглавие с экрана).
- Berlin H. El glifo "Emblema" en las inscripciones Mayas //
 Jr. Société des Américanistes. T. 47. Paris. 1958.
- Bullard W. Maya Settlement Pattern in Northeastern Peten, Guatemala // American Antiquity. 1960. V. 25. № 3.
- Golden C., Scherer A., Muñoz R. Exploring the Piedras Negras Yaxchilan Border Zone. Archaeological Investigations in the Sierra del Lacandon, 2004 // Mexicon. 2005. V. XXVII. № 1.
- *Grube N.* The City-States of the Maya // A Comparative Study of Thirty City-State Cultures. Copenhagen, 2000.
- Hammond N. Location Models and the Site of Lubaantun: A Classic Maya Center // Models in Archaeology. L., 1972.
- Hammond N. The Distribution of Late Classic Maya Major Ceremonial Centers in the Central Area // Mesoamerican Archaeology: New Approaches. Austin, 1974.
- Marcus J. Territorial organization of the Lowland Classic Maya // Science. 1973. V. 180.
- Marcus J. Mesoamerican Territorial Boundaries: Reconstructions from Archaeology and Hieroglyphic Writing // Archaeological Review from Cambridge. № 3 (2). Cambridge, 1984.
- Marcus J. Ancient Maya political organization // Lowland Maya Civilization in the Eighth Century A.D. Washington, D.C., 1993.
- Mathews P. The sculpture of Yaxchilan. Dissertation for degree of Doctor of Philosophy in Anthropology. Yale University, 1988.
- Mathews P. Classic Maya Emblem Glyphs // Classic Maya Political History: hieroglyphic and archaeological evidence. Cambridge, 1991.
- Mathews P. La escultura de Yaxchilan. Mexico, 1997.
- Proyecto Regional Arqueológico Sierra del Lacandon. Informe № 2. Prospecciones Aqueológicas en los Si-

tios Tecolote, Esmeralda y Reconocimiento Arqueológico en la Sierra del Lacandón / Eds C. Golden et al. Conservation and Research in Sierra del Lacandon National Park publications. 2004. Интернет: http://www.sierralacandon.org/documents/ PRASLInforme 2004.pdf.

Proyecto Regional Arqueológico Sierra del Lacandon. Informe № 7 / Eds A.L. Arroyave et al. Guatemala. In Conservation and Research in Sierra del Lacandon National Park publications. 2009. Интернет: http://

- www.sierralacandon.org/documents/PRASLInforme 2009.pdf.
- SRTM Data // The CGIAR Consortium for Spatial Information (CGIAR-CSI). 2004. Интернет: http://srtm.csi.cgiar.org/SELECTION/inputCoord.asp.
- Stuart D. The Yaxha emblem glyph as Yax-ha // Research Reports on Ancient Maya Writing. 1985. № 1.
- Stuart D., Houston S. Classic Maya Place Names. Washington, D.C., 1994.

ПИСЬМА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ В ПРИУРАЛЬЕ

© 2012 г. К.В. Ванюшева

Удмуртский государственный университет, Ижевск (vanksu@inbox.ru)

Ключевые слова: письма, история отечественной археологии, провиниия.

The article studies the private correspondence which illustrates the history of archaeology in the Urals region. The author analyzes letters written by amateur archaeologists in the Vyatka and Perm provinces during the period from the end of the 19th c. to the 1920-s and identifies several groups of information concerning science in the Urals during the period in question.

Археология как наука в России развивалась с XVIII в. благодаря усилиям не только столичных, но и региональных исследователей. Инициируемая из центра императорскими указами о собирании древностей и "ученых путешествиях", деятельностью Императорской Археологической комиссии (ИАК), Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), Института истории материальной культуры (ИИМК), Института археологии (ИА) АН СССР/РАН, она успешно строилась на традиционной основе местными учеными (Оконникова, 2002).

Уникальный источник по истории науки — письма исследователей. Они, как правило, свободны от официальной цензуры и сохраняют мысли и чувства авторов, оставаясь наиболее доступными и эффективными средствами коммуникации, использующимися отечественными учеными на протяжении трех столетий. В наше время уже в виде "электронной почты" письма остаются важным источником, передавая личностно значимые сообщения, побуждающие адресата к действию или информирующие его о текущем состоянии дел.

В источниковедении переписку принято делить на деловую и частную. Первой присуща максимальная смысловая однозначность текста, когда получатель и отправитель воспринимают только необходимую для дела информацию. Вторая основывается на личных неформальных отношениях, следовательно, может содержать еще и персонально важные или нейтральные сведения, расширяющие возможности использования ее как исторического источника.

С XVIII в. письма служили не только средством частного общения, но и в определенной степени заменяли прессу: знакомили с общественной жизнью

и даже могли использоваться как отчеты и инструкции, на основе которых строилась дальнейшая археологическая деятельность (например, рекомендации, написанные Г.Ф. Миллером адъюнкту Императорской Академии наук И.Э. Фишеру, см.: Лебедев, 1992. С. 57, 58).

В XIX в. переписка была связующей нитью между научными обществами и отдельными исследователями, столичными специалистами и провинциальными коллегами. Научные достижения деятелей разных регионов России, результаты раскопок и теоретических разработок, изменения в методике, организация музеев, кружков, образовательных обществ — вот постоянный предмет письменного обсуждения. Письма давали возможность проанализировать собственную работу — процесс, результаты, перспективы, при этом содержание общения не регламентировалось.

Частная переписка в советское время, как известно, не была защищена от постороннего вмешательства. Существовали темы, о которых предпочитали не писать и не говорить, разве что намеками. Но данный информационный источник тем не менее восполнял недостатки формальных коммуникаций (к примеру, отсутствие справочных и библиографических изданий), а также компенсировал проблему распространения печатной продукции в провинции. При необходимости поиска какой-либо информации обращались непосредственно к автору за ссылкой, просили переслать книги, описать ту или иную находку или дать ей объяснение, привести аналогию. Кроме того, письма ценились с точки зрения незамедлительной передачи новостей (об обстановке в исследовательских центрах, о работе учеников и коллег) и психологической поддержки.

Тема писем как источника изучения истории провинциальной археологии в России – весьма обширна, поэтому в данной работе она ограничена рамками периода профессионализации науки, т.е. концом XIX – 20-ми годами XX в. Целенаправленное исследование коммуникаций уральских археологов Вятской и Пермской губерний этого времени позволило собрать и проанализировать большой объем материалов. В частности, многоплановому анализу были подвергнуты письма географа, археолога-любителя Соликамского уезда Пермской губернии, члена Пермской губернской ученой архивной комиссии (ПУАК) И.Я. Кривощекова археологу во втором поколении, почетному члену Московского Археологического общества (МАО), ПУАК Ф.А. Теплоухову за 1886–1888 гг. (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 7-49), члену ПУАК В.С. Малченко за 1903-1904 гг. (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 112. Л. 1, 6); Ф.А. Теплоухова – В.С. Малченко за 1902-1903 гг. (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 86. Л. 17, 18); археолога, уроженца Вятской губернии, сотрудника ИАК А.А. Спицына историку, члену ПУАК И.Г. Остроумову за 1903-1930 гг. (ГАПК. Ф. р. 72. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–5); археолога, музейного работника Вятской и Пермской губерний А.С. Лебедева финскому археологу А.М. Тальгрену за 1911–1928 гг. (Надо торопиться..., 2008. С. 171-200), земскому деятелю Вятской губернии М.С. Тюнину за 1909 г. (ЦГА УР. Ф. 347. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 23, 24, 118), археологу, этнографу Вятской, Нижегородской, Казанской губерний И.К. Зеленову за 1910 г. (ЦАНО. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 1-3); выпускника Петербургского археологического института Л.А. Беркутова М.С. Тюнину за 1910-1911 гг. (ЦГА УР. Ф. 347. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 222; Ед. хр. 13. Л. 50; Ед. хр. 16. Л. 105) и др.

При работе с письмами использовались текстологический метод и метод деконструкции текстов, а также контент-анализ (Мазур, 2010. С. 165–184), позволившие систематизировать огромный массив информации, получить сведения статистического характера о научных и организационных проблемах провинциальной археологии данного периода. В результате было выделено несколько информационных групп.

Во-первых, письма могут содержать интересные сведения личного характера, дополняющие сведения об уже известных или открывать для науки имена новых исследователей. Так, в письмах вятского краеведа А.С. Лебедева финскому археологу А.М. Тальгрену неоднократно упоминается Н.Я. Сафронов — автор "Очерков родиноведения в Польше". Кроме того, приводится информация о

том, что он опубликовал отзыв на книгу А.М. Тальгрена "Родиноведение в Финляндии", организовал Образовательное общество в г. Елабуга Вятской губернии и в целом был охарактеризован провинциальным научным сообществом начала XX в. как "лучший теоретик нового родиноведения" (Надо торопиться..., 2008. С. 190). В то же время в местных справочных и историографических изданиях о нем нет информации.

Раскрывается с новой стороны личность И.К. Зеленова, известного в качестве регионального корреспондента Русского музея, собиравшего этнографические коллекции в Вятской, Казанской, Пермской, Вологодской, Нижегородской, Уфимской, Тобольской губерниях. Он изучал и археологические материалы, однако в биографии ученого эта деятельность не нашла отражения. О его раскопках Пьяноборского могильника (Релка) сообщает лишь краткая заметка 1910 г. в газете "Вятская Речь": "Хранителем пермского музея Ив.К. Зеленовым доставлены предметы погребения бронзового века из местности Пьяный Бор на р. Кама, Елабужского уезда, Вятской губернии. Для археологов это погребение имеет глубокий интерес, так как находка костяка с предметами из одной бронзы является в высшей степени большой неожиданностью. Допустить, что находка г. Зеленова всецело принадлежит бронзовому веку в Прикамье, как на это указывает сохранившийся частью костяк, едва ли можно, так как этому противоречит оружие, найденное около костяка, – два бронзовых копья, нагрудная бляха, имеющая более древнее происхождение" (1910. С. 3). Дополнить картину может сохранившееся письмо А.С. Лебедева И.К. Зеленову, в котором автор расспрашивает о том, "сколько могил раскопано и каким образом производились раскопки", а также просит "познакомить с планом расположения костяка" (ЦАНО. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 2). Далее А.С. Лебедев указывает ценные библиографические сведения: "Что же касается Вашего Пьяноборского могильника, то об этом мне помнится есть и литература ... сведения есть в материалах по Арх.[еологии] Востока России выпуск 1. изд.[ания] Моск.[овского] Археол.[огического] Общ.[ества] (см. Спицын, 1893). Затем чуть ли нет и у П.А. Пономарева данных об этом месте (известно, что П.А. Пономарев в 1881 г. производил раскопки Пьяноборского могильника. – K.B.). Помнится, прошлый год А.М. Тальгрен говорил много о Пьяноборск.[их] Могильниках (в 1909 г. во время второй поездки по России. -K.B.), хочется от Вас такого же исследования" (ЦАНО. Ф. 993. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 2). Но, похоже, что исследовательская работа либо не была написана, либо не сохранилась. К сожалению, ответ на это письмо также пока не найлен.

Во-вторых, к познавательной информации, которую могут содержать письма, были отнесены методологические приемы и установки провинциальных археологов, а также теоретические положения, на основе которых развивались исследования. Конечно, обычно подобные сведения вычленяются из отчетов о раскопках и научных статей. Но не всегда результаты исследований бывают сведены в единый текст и опубликованы. Кроме того, по переписке интересно проследить, насколько сознательно выбирались различные группы методов (сбора, извлечения исторической информации, ее понимания), а также выявить внутренние причины изменения методологических и теоретических установок отдельных исследователей. Так, практика покупки древних вещей пермским лесничим И.Я. Кривощековым для коллекции Ф.А. Теплоухова позволила ему "без всякой теории, чутьем" отличать древнерусские вещи от чудских (из письма Ф.А. Теплоухову: ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 9). Количество сведений из инструкций по покупке, рассказов местных жителей и непосредственного наблюдения артефактов переросло в качественную форму, выразившуюся в выработке определенных критериев для классификации предметов. Постепенно он "втягивается в археологический вкус", углубляет свои познания в данной области. В итоге сначала принимает вывод о генетической связи древних и современных народов: "есть много оснований думать, что современные пермяки и зыряне есть потомки Чуди", – пишет он Федору Александровичу (ГАПК. Ф. 613. Оп. 2. Д. 114. Л. 9). А затем в заметке "К вопросу об исчезновении Камской чуди" (Кривощеков, 1904. С. 49-56) заявляет о собственной исследовательской позиции по данному вопросу.

Из письма екатеринбургского археолога-любителя, помощника хранителя музея Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) Н.А. Рыжникова в МАО (27.07.1907) можно узнать о приемах работы местных жителей, производящих раскопки на заказ. Автор сам принадлежал к числу так называемых бедняков-любителей археологии, глубоких знатоков своего дела, поэтому изнутри знал то, о чем говорил. Он подробно разъяснял, что в своей работе эти люди основываются на теоретических сведениях, почерпнутых из специальной литературы, поэтому используют современную методику ведения исследований: "соблюдают послойность" "где нужно просеивают и даже промывают землю", "ведут дневник своих наблюдений, составляют план местности и раскопок". Более того, "дают отчет о своих работах", причем "не могут утерпеть, чтоб ...

не поделиться выводами своих общих наблюдений. иногда очень ценных, но легко ускользающих от специалиста-археолога, опытно ведущего работы". Также они "по возможности классифицируют находки", что было бы невозможно без особых знаний, вычитанных или накопленных эмпирическим путем. Тем не менее, будучи, вероятно, знатоками специфики местных археологических исследований, эти любители, по сути, не многим отличались от кладоискателей. Точно неизвестно, имели ли официальное разрешение те лица, "русские и иностранные археологи, которые, не имея возможности лично вести раскопки" (РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 16, 17), перепоручали это дело тем самым местным беднякам. А также непонятно, насколько впоследствии была доступна научному сообществу новая информация об утраченном в ходе исследования памятнике. Если ею владело только несколько человек, то перечисленные достоинства ведения изысканий утрачивали свою ценность.

Упоминания об использовании подобных же методических приемов ведения полевых исследований в Вятском крае, но на более профессиональном уровне, находим в переписке Л.А. Беркутова с председателем Музея Сарапульского земства М.С. Тюниным. Львом Африкановичем велись "точные записи и о нивелировке грунта, и о поверхности площади раскопа" (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 222), правда, они не вошли в первоначальный официальный письменный отчет. Также возможно вычленить сведения об использовании метода аналогий, систематизации, этнической интерпретации материалов. Высокая археологическая грамотность провинциального исследователя объясняется его специальной полготовкой и постоянным общением с А.А. Спицыным.

В-третьих, письма содержат информацию об элементах профессионализации науки: нормах, ценностях, этике научного творчества. В той же переписке Л.А. Беркутова и М.С. Тюнина прослеживается четкая мировоззренческая позиция первого, нацеленная на серьезный подход к изучению древностей, которые должны служить дальнейшему умножению знаний о прошлом и развитию археологической науки. Это выражалось в осознании необходимости получения специального образования, тщательной подготовки к проведению раскопок (изучению географических карт, сведений о местных памятниках и культурах, постановке научной цели, составлении плана исследования), поддержке постоянных связей с ИАК (по поводу выдачи Открытых листов, составления отчетов, изыскания средств на раскопки), обязательной публикации результатов изучения памятника.

Для становления профессиональной культуры важной проблемой являлось формирование социальной потребности в данном виде деятельности. Она занимала мысли Ф.А. Теплоухова, который в письме председателю ПУАК В.С. Малченко затрагивал тему отношений ученых и читателейнеспециалистов. Рассуждая о посмертной статье Н.Н. Новокрещенных о Гляденовском городище (1914. С. 19-97), он отмечал "недостатки в группировке материала", без устранения которых ее не имеет смысла печатать. Среди них он выделил отсутствие определенного плана в изложении статьи, что "в любых работах особенно важно, так как только в таком случае возникает у читателя более или менее ясное понятие о предмете". А также неравномерность в полноте материалов: "на некоторые предметы ... приходится 10.5 листов, меж тем как на изображение птиц и насекомых - предмет совершенно новый - только 3 листа", вследствие чего "читатель, не интересующийся предметом, будет неминуемо чувствовать некоторую неудовлетворенность и недосказанность" (ГАПК. Ф. 297. Оп. 4. Д. 86. Л. 17, 18). Постановка подобной темы для обсуждения свидетельствует о сформировавшемся в научной среде правильном представлении о целях своей деятельности.

В-четвертых, в письмах повествуется об актуальных проблемах археологической науки в провинции. В письме в МАО Н.А. Рыжников затрагивает те из них, с которыми ему лично пришлось столкнуться. Одной из первых названа массовая продажа археологических ценностей за границу, "куда уходит 9/10 собираемых на Урале древностей" (РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 16). В 1909 г. А.С. Лебедев сообщал М.С. Тюнину, что видел интересные вещи из Ананьинского могильника у финского ученого А.М. Тальгрена, "который в июне приобрел их у крестьян" (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 23, 24). С конца XIX по 20-е годы XX в. более половины находок с этого памятника было увезено в Финляндию и Францию (Карпелан, Уйно, 2009. С. 13-23). "Мне страшно жалко было этих вещей и жаль, что они не попали к вам в музей, - писал А.С. Лебедев М.С. Тюнину, - необходимо сейчас же Вам позаботиться о том, чтобы в следующий раз уже не упускать такую драгоценность" (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 23, 24). Поднятая проблема была широко известна, не раз обсуждалась на Всероссийских Археологических съездах, но как отмечал А.А. Спицын, власти были почти совершенно бессильны в деле охраны памятников старины (1910. С. 6). Однако уральский археолог Н.А. Рыжников высказывался более остро. На его взгляд, причина крылась не в невозможности контролировать и изменять ситуацию, а в "индеферентности" археологических обществ и комиссий к "расхищению" стоянок, городищ и могильников доисторического человека, к сохранению на родине всех предметов древности (РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 16, 17). Все это свидетельствовало не только о массовом коллекционировании, но и о неизжитом отношении к древностям как к бесконечному потоку ценностей, извлекаемых из земли, на продаже которых можно заработать.

Отмечалось также "обесценивание предметов" древности и труда непрофессиональных, но опытных археологов-любителей. Описана плачевная ситуация, когда "истинные любители лишены возможности широко поведать Миру о своих трудах", были вынуждены за гроши наниматься к любому состоятельному желающему обзавестись коллекциями. А костяные, каменные, гончарные предметы первобытной культуры оценивались "за пуд", т.е. учитывалась не столько их научная ценность, сколько материально-художественная. «Крупные могильные камни, по мнению некоторых ... археологов "жернова", которых в коллекцию берется 2-3, ценятся от 3 до 5 рублей за штуку», – пишет Н.А. Рыжников. В итоге, за 200-500 руб. возможно было приобрести "одну или несколько полуобработанных коллекций и проч.[их] орудий и предм. [етов] быта, массы обломков таких же орудий, и до 1000, а иногда и более разновидностей остатков сосудов (от 10 до 30 пудов остат. [ков] глин. [яных] сосудов)" (РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 16, 17).

Таким образом, из изложенного выше можно сделать вывод о том, что переписка - богатый источник для изучения истории провинциальной археологии. Межличностные коммуникации служили средством передачи новостей о ходе развития науки в регионе, знакомили с ее проблемами и достижениями. Кроме того, в письмах раньше, чем в публикациях, проводился анализ собственной работы исследователей. Делались выводы, корректировавшие рекомендуемые изначально общие приемы и методы поиска, раскопок, фиксации, демонстрации материала, а также вырабатывались правила, учитывавшие региональные особенности археологических памятников. И эта информация позволяет теперь судить о внутренних механизмах научной деятельности.

Конечно, существует масса нюансов в использовании писем как источников, а также проблем, связанных с поиском необходимых материалов. Для историков науки наиболее интересны личные, а не формальные письма. Но их гораздо труднее выявить. Хорошо, если существуют личные фонды интересующих персоналий. Так, повезло с храня-

щимся в ГАПК фондом Теплоуховых, где собраны многие письма И.Я. Кривощекова, или с фондом А.М. Тальгрена в Финляндии, где С.В. Кузьминых обнаружил 28 писем А.С. Лебедева (Надо торопиться..., 2008. С. 173). Но чаще всего приходится просматривать сотни листов формальной однотипной переписки учреждений.

Еще одна проблема для исследователя переписки — малочисленность комплексов писем, т.е. наличие ответов с обеих сторон. Даже те, кто сохранял входящую корреспонденцию, не хранили копии собственных посланий. К сожалению, это было традицией, поэтому полная картина коммуникаций воссоздается с большим трудом. Эти трудности сглаживаются, если в руках исследователя находится не единичное письмо, а серия посланий. Несмотря на это, не стоит недооценивать возможности использования данного вида источников, как минимум, в качестве дополнительных к основному материалу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вятская Речь. 1910. № 152. 18 июля. С.3. Хроника.

Карпелан К., Уйно П. Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Нацио-

- нальном Музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009 (Сер. Археология евразийских степей; Вып. 8).
- *Кривощеков И.Я.* К вопросу об исчезновении Камской чуди // ТПУАК. 1904. Вып. 7.
- *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700—1971. СПб., 1992.
- *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования. 2-е изд. Екатеринбург, 2010.
- Надо торопиться жить, торопиться работать: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрену / Публ. С.В. Кузьминых, О.М. Мельниковой, К.В. Ванюшевой // Вестн. Удмуртского государственного университета. Сер. История и филология. Вып. 2. Ижевск, 2008.
- *Новокрещенных Н.Н.* Гляденовское костище Пермской губ., на р. Каме // ТВУАК. 1914. Вып. 11.
- Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е годы XIX в. конец 40-х годов XX в.). Ижевск, 2002.
- Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. 1893. Вып.1.
- Спицын А.А. Археологические раскопки // Археологическая Комиссия. СПб., 1910.

ДИСКУССИИ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В МЕТОДИКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗРУШЕННЫХ СКЕЛЕТОВ В ПАМЯТНИКАХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2012 г. Г.Е. Афанасьев

Институт археологии РАН, Москва (gafanasev@mail.ru)

Ключевые слова: Маяцкий могильник, обезвреживание трупов, нарты, аланы, асы, хазары, кости скелета, Средний Дон, катакомбный могильник.

The article gives a critical analysis of the method which is used for proving the hypothesis that in the 8th – 10th cc. the Alanic-Asi population in the Middle Don basin practiced the rite of rendering the dead harmless. The author is of the opinion that the occurrence of two "masses" of ground in the filling of the dromoi does not prove the existence of such a rite. The signs of "systemic" fracturing of the skeletons (separation of the skull, damage to phalanges and breastbone), instead of proving the existence of the rite, are part of the overall taphological picture of the stages of a corpse's disintegration. The catacombs of Mayatskoye cemetery are shallow, and hence accessible. Metal inventory is to a large extent absent, which indicates robberies. The archaic features of the funeral rite of Ossetians, descendants of the Alans, indicate that the ritual of rendering the dead harmless could not have been applied within the community. The Alanic worldview as reconstructed on the basis of the Nart epos does not indicate the existence of a ritual for rendering the dead harmless.

Интерпретация разрушенных человеческих скелетов как результат особого погребального обряда, призванного обезопасить живущих от злых сил умерших, стала популярной с середины 70-х годов XX в. Ранее такие погребения считались или ограбленными или разрушенными. Полевые исследования Маяцкого катакомбного могильника в 1975, 1977-1982 гг. легли в основу появления гипотезы о существовании у алано-асского населения Донецко-Донского междуречья обряда обезвреживания покойников. По мнению В.С. Флёрова, главное доказательство того, что погребенные подвергались именно ритуальному разрушению, - особенности стратиграфии дромосов – следы "двух массивов заполнения" (1984. C. 142–199; 1990. C. 140–191; 1993. C. 4–142). Если первый массив грунта заполнения, по его мнению, соответствовал первичному погребению, то второй образовался уже после последнего проникновения в камеру. В.С. Флёров убежден в том, что целью последнего проникновения были действия, связанные с ритуальным разрушением скелета. Второй аргумент в пользу версии ритуального разрушения останков умершего связан с физическим состоянием скелета после последнего проникновения в погребальную камеру. Явно выраженной системы в разрушении

останков зафиксировано не было, но исследователь считает, что для практики обезвреживания покойника характерно "отделение черепа, разрушение грудной клетки и рук, а во вторую очередь и ног" (Флёров, 1993. С. 46). На основании этих посылок им был сделан вывод о том, что "обряд обезвреживания умерших путем разрушения их скелетов охватил практически всех погребенных" Маяцкого могильника (Флёров, 1990. С. 142). В представлениях В.С. Флёрова, этот ритуал был погребальной традицией маяцкой общины и уходил корнями в аланские древности Северного Кавказа, где прослеживался и в Клинярском могильнике (2007. С. 5–283).

Такая интерпретация скелетов с нарушенным порядком костей нашла поддержку у одних исследователей (Плетнева, 1989. С. 244, 245; Аксенов, 2002. С. 98–114; Колода, 2004. С. 213–241) и вызвала критику других. Оппонентом ее выступила О.В. Зайцева, заметившая, что случаи ритуального разрушения могил – явления экстраординарные и, если оказались разрушенными все или большинство погребений в могильнике, то этому факту нужно искать какие-то другие объяснения (2004. С. 170). Были высказаны сомнения в методической правомерности экстраполяции на алано-асское общество этнографических па-

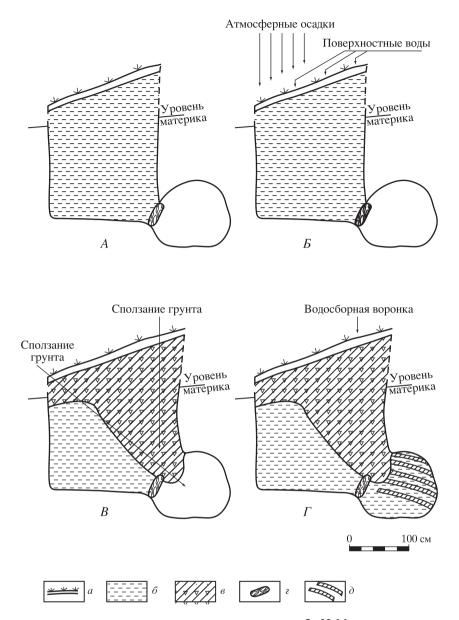

Рис. 1. Моделирование результатов гидродинамических процессов в катакомбе 32 Маяцкого могильника: $A-\Gamma$ – обозначение основных этапов заполнения камеры. Условные обозначения: a – дерновый слой; δ – суглинок; ϵ – гумусированный суглинок; ϵ – дерево; δ – осадочные отложения.

раллелей, имеющих очень широкий временной и территориальный охват (Жиронкина, Цитковская, 2005. С. 533). Были высказаны сомнения и по поводу аргументов для определения мотивации, которой руководствовались те, кто разрушал погребения (Сидоренко, 2009. С. 106—114). Трактовка вторичного заполнения дромоса как следствие повторного проникновения к трупу спорна. Существует представительная выборка наблюдений, когда вторичный "раскоп" не доходит до места расположения скелета и, несмотря на это, анатомический порядок скелета все же нарушен. Мотивация такого проникновения также может быть самой разной. Это и подзахороне-

ние, и ограбление, и осквернение, и "ритуальное вскрытие", и вторичный обряд погребения, и т.д. Вопрос о том, кто, когда и почему разрушил погребения в катакомбах Маяцкого могильника, остается дискуссионным.

Если рассмотреть аргумент о существовании двух различных по своему составу массивов грунта в заполнении дромоса, то этот факт сам по себе не свидетельствует именно об обряде обезвреживания покойников. Наблюдается обычная стратиграфическая картина процесса раскопок в случаях, когда происходило вторичное проникновение в ранее засыпанный дромос погребального соору-

Рис. 2. Вид провала над катакомбой 1 Афоньевского могильника (I); вид расчищенного провала и заполнения дромоса катакомбы 1 Афоньевского могильника (I).

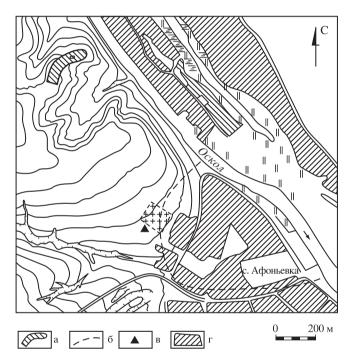

Рис. 3. План расположения памятников салтово-маяцкой культуры близ с. Афоньевка. Условные обозначения: a – городище; b – границы селища; b – место расположения катакомбы; b – границы с. Афоньевка.

жения или провал заклада в камеру, образовавшаяся открытая полость которой постепенно заполнялась грунтом и водой. Этот процесс осуществлялся следующим образом. Традиционно катакомбы устраивались в глинах или плотных суглинках, относящихся к категории слабоводопроницаемых. Дно котлованов, вырытых в таких грунтах, представляет собой водоупорное ложе. После того как покойник был помещен в погребальную

камеру, вход в которую закрывался дубовыми плахами или каменной плитой, дромос засыпался тем же грунтом (рис. 1, A). Но он уже был более рыхлым, частично смешанным с верхним гумусным слоем и, следовательно, значительно более водопроницаемым. Атмосферные осадки скапливались в рыхлом заполнении дромоса в силу слабой водопроницаемости окружающего его материкового суглинка (рис. 1, E). По этой причине на заклад входного отверстия в свободную от грунта погребальную камеру оказывалось сильное гидродинамическое давление. Сопротивление заклада ему ослабевало по мере разрушения деревянных плах, а насыщенная гумусом, суглинком и песком вода проникала в камеру (рис. 1, B). В итоге заклад не выдерживал давления и проваливался внутрь, сопровождаясь сползанием части смешанного с водой и гумусом грунта из дромоса в камеру. Оставшееся в верхней части камеры пустое пространство заполняли атмосферные и поверхностные воды, отложения которых в виде чередования гумусных и песчаных линз накапливались в камере (рис. 1, Γ). Очевидно, что в результате этой динамики грунтов в дромосе и погребальной камере человеческий скелет просто не мог сохраниться в анатомическом порядке. Практика систематического осмотра территории аланских катакомбных могильников показывает, что очень часто провал катакомбы сопровождается обнажением верхней части входного отверстия в камеру, бывшим хорошим ориентиром для "черных археологов" начиная со средневековья и до наших дней.

В 1985 г. от жителей с. Афоньевка поступила информация о том, что после обильно прошед-

Рис. 4. Вид дромоса катакомбы 1 Афоньевского могильника и расчищенного провала над входным отверстием в камеру.

ших дождей на окраине села образовался провал (рис. 2, 1). Открытый таким образом катакомбный могильник расположен на склоне правого берега р. Оскол у южной окраины кладбища в с. Афоньевка (рис. 3). После снятия дерна и слоя чернозема толщиной 0.6 м обнажился желтый суглинистый материк. На его уровне воронка провала имела овальную форму размерами 1.9 × 1.64 м. В процессе зачистки стенки воронки с юго-восточной стороны открылась вертикальная полоса шириной 0.42 м из гумусированного суглинка, представлявшая собой верхнюю часть перерезанного раскопом дромоса катакомбы (рис. 2, 2). В ходе раскопок было установлено, что провал над катакомбой образовался в результате разрушения преграды, отделяющей пустую полость камеры от заполненного грунтом дромоса. Вследствие этого грунт из дромоса сполз в камеру, образовав на поверхности водосборную воронку. Дромос катакомбы был ориентирован вверх по склону возвышенности (рис. 4). Его длина составляла 6.06, ширина -0.4-0.51 м. Анализ стратиграфии дромоса и перекрывающей его толщи грунта приводит к выводу о том, что средневековая дневная поверхность начиналась на глубине 0.4-0.28 м от современной (рис. 5). Дно дромоса находилось на глубине 3 м от современной поверхности и 2.7 от средневековой. Зачистка торцовой стенки перед камерой позволила установить, что после провала грунта входное отверстие потеряло свою первона-

чальную форму. Камера катакомбы имела овальную форму размерами 1.8 × 1.4 м, ориентированную длинной осью по линии северо-восток юго-запад. Дно усыпальницы находилось на 0.36 м ниже уровня дна дромоса. Большая часть склепа была вырублена в плотном материковом суглинке, а ее нижняя часть - в зоне контакта суглинка с подстилающим его меловым массивом. На стенках камеры и ее дне сохранились следы мотыжки-тесла шириной 5-8 см. Геологический контекст этого погребального сооружения способствовал тому, что атмосферные и поверхностные воды, проникая в грунт, скапливались на уровне мелового дна камеры и приводили к усиленному разрушению двух трупов. Если судить по тому, что мягкие ткани трупа раннего захороненного еще не окончательно разложились ко времени последующего погребения, умершие были погребены с промежутком не более 5 лет (Рубежанский, 1978. C. 3-120).

Погр. 2 (раннее) располагалось у противоположной от входа стены. Взаимное расположение костей скелета свидетельствовало о том, что их анатомический порядок был нарушен. Первоначально труп лежал в центре погребальной камеры вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, но через какое-то время его сдвинули к задней стене, освободив место для погр. 1. В про-

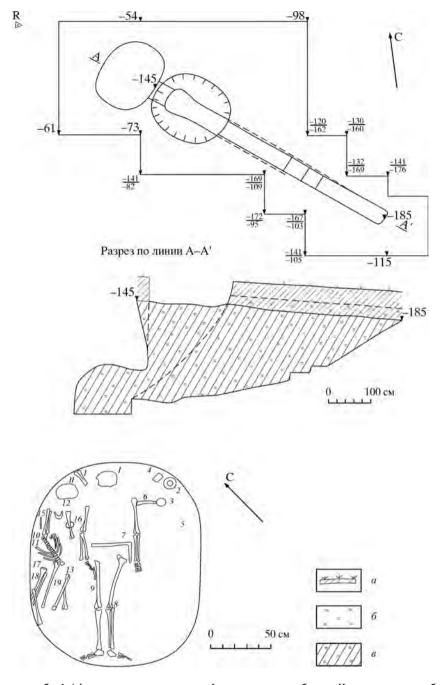

Рис. 5. План и разрез катакомбы 1 Афоньевского могильника. I — мужское погребение; II — женское погребение; I — кость животного; 2 — кружка; 3 — зеркало; 4 — мотыжка; 5 — пряжка; 6 — топорик; 7 — поясной набор; 8 — ножны ножа; 9 — кинжал; 10 — подвеска с колокольчиком; 11 — бубенцы (2 шт.); 12 — коромысло; 13 — перстни (2 шт.); 14 — бубенчик; 15 — нож; 16 — браслет; 17 — бусина; 18 — амулет, 19 — перстень. Условные обозначения: 2 — дерновый слой; 2 — суглинок; 2 — гумусированный суглинок.

цессе передвижения труп распался на три части. Связанный с останками инвентарь представлен предметами, указанными на рис. 6. В области черепа лежала бронзовая пуговица — "коромысло", на локтевой кости левой руки — бронзовый браслет, у локтевой кости правой руки — железный нож. В области грудной клетки найдены четыре

бронзовых бубенчика и шумящая подвеска-амулет. Рядом с большой берцовой костью левой ноги лежали три бронзовых перстня, а около берцовой кости правой — стеклянная бусина и бронзовый солярный амулет с фрагментами височной подвески. Судя по инвентарю, захоронение было женским.

Пары могильников	Различия	Лимит
ДМ – ЮМ	-0.58283	0.44911
$\mathcal{I}M - MM$	1.04170	0.38871
ДМ – НЛМ	0.24126	0.40253
ДМ – ВСМ	-1.12365	0.38054
ЮМ – НЛМ	0.82409	0.43086
IOM - BCM	-0.54081	0.31459
$\mathbf{M}\mathbf{M} - \mathbf{H}\mathbf{J}\mathbf{M}$	-0.80044	0.25609
MM - BCM	-2.16535	0.21992
НЛМ – ВСМ	-1.36491	0.24351
MM - HOM	-1.62145	0.32443

Таблица 1. Ранговое тестирование салтово-маяцких катакомбных могильников по глубине залегания дромоса

Примечание: ДМ – Дмитриевский могильник, ЮМ – Ютановский могильник, НЛМ – Нижнелубянский могильник, ВСМ – Верхнесалтовский могильник, ММ – Маяцкий могильник.

Погр. 1 (позднее) располагалось в центральной части камеры. У северо-восточной стены была обнаружена верхняя часть черепной крышки. Сохранившиеся следы остальных костей скелета и их взаимное расположение свидетельствуют о том, что погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. С этим захоронением связан ряд находок (рис. 6). С правой стороны у черепа находилась кость крупного рогатого скота, с левой стояла глиняная кружка, рядом с которой лежало железное тесло-мотыжка, железный топорик и бронзовое зеркало. Бронзовая поясная пряжка была найдена в области локтевого сустава левой руки, а остальные детали поясного набора – в области пояса. У правого бедра обнаружены фрагменты длинного железного ножа. Бронзовые крепления ножен этого ножа находились в области коленного сустава левой ноги. Судя по инвентарю, захоронение было мужским.

Описанный случай – пример ситуации, когда в плане и в стратиграфии дромоса фиксируется водосборная воронка, которая позже могла бы трактоваться исследователями как след проникновения в камеру с целью ритуального разрушения трупа, если бы провал над катакомбой успел затянуться землей. Здесь же зафиксировано и нарушение анатомического порядка костей скелета одного из погребенных, которое так же могло бы трактоваться как специальный обряд, если бы исследователи опирались на предыдущий вывод о преднамеренном вторичном проникновении в камеру через воронку над входным отверстием. Однако в данном случае налицо результаты гидродинамического процесса, проходившего в наши дни независимо от организации носителями салтово-маяцкой культуры вторичного захоронения в погребальной камере.

Причины нарушения анатомического порядка костей скелетов – это сложная и многоплановая проблема (Васильев, 2005. С. 31-42). Намечены три основных фактора, влияющих на сохранность анатомического порядка костей скелета. Во-первых, природный, воздействующий на останки погребенного после захоронения. Во-вторых, антропогенный, воздействующий на останки умершего после его захоронения. Наконец, третий, сводящийся к возможным посмертным манипуляциям с телом умершего до того, как его окончательно захоронили. Все эти факторы были детально исследованы О.В. Зайцевой, пришедшей к выводу о том, что в реальности они могут сочетаться (2004. С. 35-75). (Этот вывод осложняет и без того непростую задачу реконструкции погребального обряда и его исторической интерпретации.) Установлено, что наибольшая степень смещения костяка наблюдается тогда, когда труп разлагается в пустом, незаполненном землей пространстве. Это наблюдение следует принимать во внимание при анализе материалов Маяцкого могильника. Одними из первых от трупа отделяются череп и нижняя челюсть. Далее разлагаются наиболее мелкие кости - фаланги пальцев, кости запястья, кости стопы. Затем грудина, лопатки, ребра. Наиболее устойчивыми к разрушению считаются длинные трубчатые кости, кости таза и некоторые кости черепа (Зайцева, 2004. С. 49, 50). Данные выводы показывают, что признаки, по мнению В.С. Флёрова, свидетельствующие о "системности разрушения" трупа в процессе обряда обезвреживания покойника, в действительности полностью соответствуют картине, отражающей стадии естест-

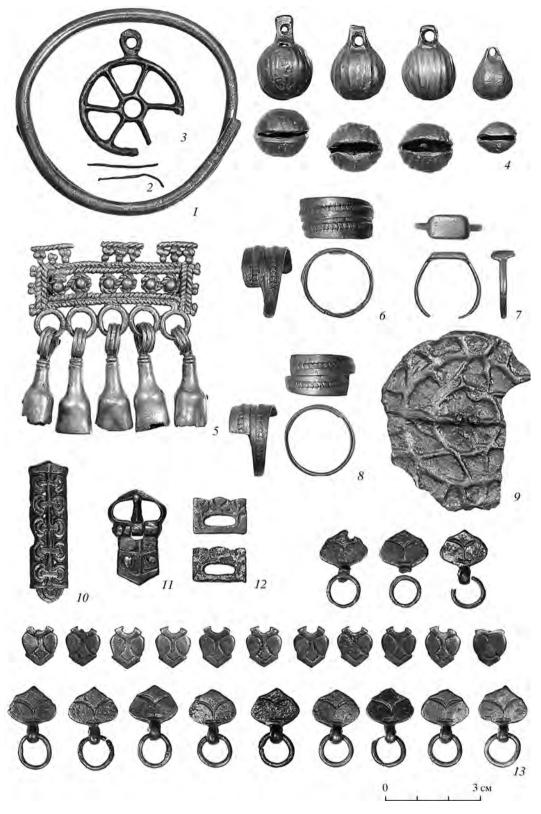

Рис. 6. Комплекс вещей из катакомбы 1 Афоньевского могильника.

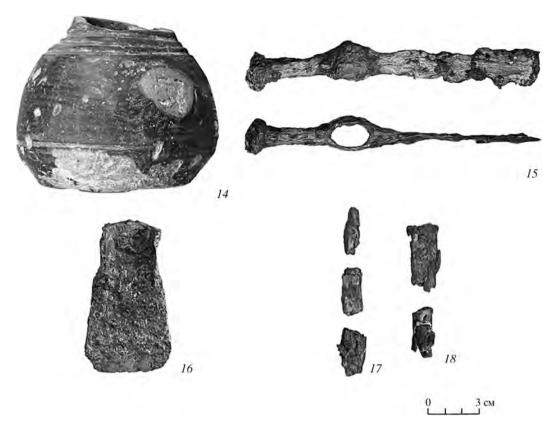

Рис. 6 (Окончание).

венного процесса разрушения трупа в заданных условиях (Рубежанский, 1978. С. 3–120). Что же касается просто разбросанных в камере костей, то эта ситуация обусловлена действиями иного характера.

Может быть причина, по которым скелеты в катакомбах Маяцкого могильника оказались разрушенными в большей степени, чем в других подобных памятниках, заключается в до-

ступности погребальных камер, обусловленной небольшой глубиной их залегания? Для исследования этого вопроса рассмотрим данные об углубленности в материк дромосов катакомб у алано-асского населения территории лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья (рис. 7, 1). Среднее значение глубины дромоса в материке для Нижнелубянского могильника составляет 1.74, для Дмитриевского – 1.98, для

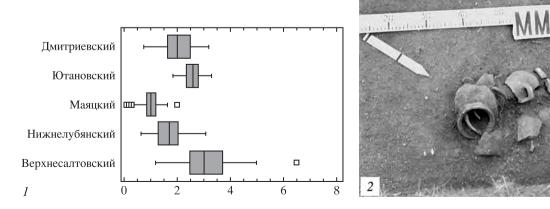

Рис. 7. Графический анализ глубины дромосов салтово-маяцких катакомбных могильников (I); тризна XXI Маяцкого могильника (2).

Предметы	Катакомбы Маяцкого могильника	Катакомбы Ма- яцкого селища	Остальные катакомб- ные могильники	Предметы, отсутствующие в Маяцком могильнике (%)
Зеркало	0.044	0.400	0.295	85
Серьги	0.022	0.257	0.450	95
Браслет	0.026	0.343	0.363	93
Перстень	0.079	0.343	0.356	78
Копоушка	0.053	0.143	0.087	39
Фибула	0.017	0.143	0.051	67
Кисточка	0.035	0	0.053	34
Кольцо с лучами	0	0.028	0.036	100
Кольцо с птичками	0	0	0.034	100
Топорик	0.017	0.286	0.215	92
Мотыжка	0.026	0.200	0.228	88
Поясной набор	0.289	0.286	0.399	2.7

Таблица 2. Сравнение частот находок предметов в катакомбах Маяцкого могильника, Маяцкого селища и в объединенной выборке катакомбных могильников Донецко-Донской лесостепи

Ютановского - 2.56, для Верхнесалтовского -3.11 (Афанасьев, 1993. С. 81), для Маяцкого – 0.94 м. Статистические исследования показывают, что единую гомогенную группу составляют выборки Нижнелубянских и Дмитриевских катакомб. С порогом в 95% статистически значимые различия наблюдаются между глубиной дромосов Маяцкого и других алано-асских катакомбных могильников этого региона (табл. 1). Можно утверждать, что маленькая глубина дромосов делала катакомбы Маяцкого могильника более доступными для проникновения в погребальную камеру по сравнению с другими алано-асскими катакомбными могильниками лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья. Следовательно, не исключено, что именно она и оказала решающее воздействие на то, что погребения Маяцкого могильника были в большей степени разрушены по сравнению с другими погребениями региона. Для сравнения можно привести следующие данные: на различных участках Верхнесалтовского могильника количество катакомб с зафиксированным вторичным проникновением колеблется между 50 и 80%; в Старосалтовском равно 55.5, в Рубежанском – 33.3% (Аксенов, 2002. С. 110).

В дискуссии, посвященной интерпретации разрушенных скелетов в захоронениях салтовомаяцкой культуры, в качестве важного аргумента, нацеленного на подтверждение ритуальности действий по преднамеренному разрушению скелетов, используется фактор присутствия погребального инвентаря в разрушенных погребениях. Факта находок отдельных предметов в могилах

О.Ю. Жиронкина и Ю.И. Цитковская считают достаточным для того, чтобы отвергнуть возможность интерпретации разрушенных могил как результата ограбления (2005. С. 535, 536). Подобный подход к исторической оценке фактора "присутствия - отсутствия" погребального инвентаря нельзя признать удачным. Он базируется исключительно на информации о том, что было найдено в погребении, однако за рамками обсуждения остаются сведения о первоначальном составе погребального инвентаря. Прояснить этот вопрос можно только учитывая статистическую информацию об общих тенденциях и закономерностях формирования вещевых погребальных комплексов у средневекового населения лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья.

В процессе исследования фактора присутствия-отсутствия погребального инвентаря в катакомбах Маяцкого могильника было проведено статистическое сравнение частот 12 наиболее распространенных предметов в 3 выборках. Изучалась частота находок в катакомбах зеркал, серег, браслетов, перстней, копоушек, фибул, кисточек, амулетов в виде кольца с лучами, амулетов в виде кольца с птичьими головками, топориков, мотыжек и поясных наборов. Первая выборка включала инвентарь 114 катакомб Маяцкого могильника из раскопок С.А. Плетневой 1975, 1977-1982 гг. Вторая - инвентарь 35 катакомб Маяцкого селища, раскопанных А.И. Милютиным в 1906 г. (7 комплексов), С.А. Плетневой – в 1975, 1979 гг. (6 комплексов), А.З. Винниковым – в 1977, 1978, 1980–1982 гг. (22 комплекса). Третья состояла из инвентаря 496 катакомб. Она была представлена катакомбой Афоньевского могильника, исследованной Г.Е. Афанасьевым в 1985 г. (1 комплекс); катакомбами Нижнелубянского могильника, раскопанными А.Г. Николаенко в 1973-1978 гг. (52 комплекса), Г.Е. Афанасьевым – в 1984 г. (1 комплекс), С.А. Плетневой – в 1973 г. (2 комплекса); катакомбами Ютановского могильника, раскопанными С.А. Плетневой в 1973 г. (3 комплекса), Г.Е. Афанасьевым – в 1978–1980 гг. (23 комплекса), А.Г. Николаенко – в 1973-1974 гг. (2 комплекса); катакомбами Полгоровского могильника, раскопанными С.Н. Замятниным в 1926 г. (7 комплексов); катакомбами Верхнесалтовского могильника, раскопанными А. Покровским в 1901, 1920 гг. (30 комплексов), П.С. Уваровой – в 1901 г. (2 комплекса), В.А. Бабенко – в 1902–1912 гг. (197 комплексов), А. Федоровским – в 1911 г. (11 комплексов); катакомбами Дмитровского могильника, раскопанными С.А. Плетневой в 1957, 1958, 1960, 1962, 1964, 1966, 1967, 1970, 1972, 1973 гг. (162 комплекса); катакомбами Дмитриевского селища, раскопанными С.А. Плетневой в 1972, 1973 гг. (2 комплекса).

Таблица 2 показывает, что частота присутствия 12 анализируемых предметов в катакомбах Маяцкого могильника значительно отличается от частоты присутствия этих же предметов в объединенной выборке всех остальных катакомбных могильников Донецко-Донского междуречья. В Маяцком могильнике процент недостающих предметов очень велик. Возникает вопрос: а может быть это связано с тем, что члены маяцкой общины значительно скромнее комплектовали погребальный инвентарь? Однако этот тезис принять нельзя. Сопоставление частот рассматриваемых предметов в катакомбах Маяцкого могильника и Маяцкого селища (Винников, Афанасьев, 1991. С. 3-191) у членов одной и той же поселенческой общины также указывает на очень высокий процент отсутствия ряда предметов в Маяцком могильнике. В тоже время при сравнении катакомб Маяцкого селища и катакомб объединенной выборки Донецко-Донского междуречья сопоставляемые частоты предметов практически одинаковы. Исследование степени близости этих групп памятников по наличию 12 перечисленных предметов, проведенное кластерным анализом, показывает, что Маяцкий могильник резко отличается и от катакомб Маяцкого селища, и от катакомб объединенной выборки Донецко-Донского междуречья. В противоположность этой картине объединенная выборка катакомб Донецко-Донского междуречья и Маяцкого селища фактически формирует одну группу.

Если мы рассмотрим те редкие комплексы катакомб Маяцкого могильника, которые содержат анатомически не потревоженные скелеты, то увидим, что там, в отличие от склепов с разрушенными скелетами, присутствует полноценный погребальный инвентарь. К примеру, в катакомбе 37 мы встречаемся с характерным для обобщенной выборки катакомб салтово-маяцкой культуры набором погребального инвентаря, который ставит это одиночное женское погребение в один таксономический ряд с подобными ему одиночными женскими погребениями Дмитриевского, Верхнесалтовского, Нижнелубянского, Ютановского и других катакомбных могильников Донецко-Донского междуречья. Можно сделать вывод о том, что в случаях отсутствия следов вторичного проникновения в погребальную камеру мы находим полноценный по комплектности погребальный инвентарь, соответствующий расчетным частотам для катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры. И здесь важно обратить внимание на тот факт, что наибольший процент отсутствующих в катакомбах Маяцкого могильника предметов погребального инвентаря связан с металлоемкими изделиями. Это говорит о том, что разрушение скелетов в нем сопряжено с действиями по изъятию металлоемких предметов из погребальных камер, т.е. с ограблением умерших. Разрушения останков умерших, сопровождавшиеся добычей металлоемких предметов, имеют хорошо документированные аналогии. Случаи ограбления могил в древности с целью добычи цветного металла были зафиксированы С.А. Федосеевой в памятниках ымыяхтахской культуры (1999. С. 86, 110-118). Такую же картину реконструировал Г.А. Максименков, установив, что тагарцы раскапывали карасукские могильники с целью добычи бронзовых изделий (1975. C. 164–166).

В дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов в алано-асских катакомбах салтово-маяцкой культуры остались незамеченными этнографические наблюдения над похоронным обрядом у осетин (Калоев, 1984. С. 72–105), генетически связанных с северокавказскими аланами-ассами и их донскими сородичами. Смоделированные В.С. Флёровым действия с умершими членами маяцкой общины противоречат погребальным обрядам и мировоззрению осетин, хорошо исследованному этнографами. Еще в конце XIX в. М.М. Ковалевский отмечал, что "В представлениях народа могилы предков

считаются священными местами. И после смерти родственник желает пребывать поближе к своему потомству, чтобы ежечасно заботиться о его нуждах ... Уверенность в том, что блага мира даются покойниками, заставляет его (осетина. – Γ .A.) обращаться к последним (покойникам. – $\Gamma.A.$) с постоянными жалобами на удручающие его несчастья" (1886. С. 92). В традиционных представлениях осетин "покойники в загробной жизни продолжают печься о нуждах и всячески заботятся о благосостоянии своей семьи" (Ковалевский, 1886. С. 86). Следовательно, их нужно беречь, кормить и обогревать, защищать от осквернения их могилу, чтобы и они могли быть полезными живым родственникам (Магометов, 1974. С. 310-318). Почтительное, уважительное и заботливое отношение к умершим нашло отражение и в традиционных осетинских праздниках. Так, в праздниках весеннего цикла зафиксировано два торжественных мероприятия, связанных с покойниками: Фыццаг Лауызгæнæ, когда по поверьям осетин в этот день (суббота второй недели Комбæттæн) умершие навещают дома своих живых родственников, и Дыккаг/Фестаг Лауызгенен, когда происходит возвращение покойников в Страну мертвых после посещения дома живых родственников (Тменов и др., 2000. С. 80).

Обратимся к вопросу о социальной сущности так называемых тризн, обнаруженных близ катакомбных усыпальниц Маяцкого могильника (рис. 7, 2). Для их исторической интерпретации иногда используются очень далекие этнографические параллели с тюркскими и монгольскими народами Сибири и Средней Азии (Флёров, 1993. С. 69). Следует учесть более близкие в этногенетическом и оправданные в хронологическом аспектах осетинские параллели. Следы ритуальной трапезы хорошо вписываются в осетинскую поминальную традицию, раскрывающую отношение живущих членов общины к своим покойникам. Для похоронных обрядов осетин характерны многочисленные хисты (поминки). В день годовщины смерти устраивались самые большие поминки (стыр хист), рассматриваемые как развлечение. Другая разновидность поминок – сабитызар – практиковалась с участием замужних женщин поселка и вдов (Цаллаев, 1993). Тризны Маяцкого могильника как материальные следы алано-асских хистов можно сопоставить с осетинским поминальным обрядом зардаваран ("зæрдæ æвæрын" – давать обещание). Суть обрядовых действий состоит в заклании барана или ягненка, после чего его нога и сердце закапываются близ могилы умершего родственника, туда же иногда кладут и рыбу. Пожертвование ноги

барана означает, "чтобы те, кто остались после тебя, были резвыми, чтобы на могилу к тебе приходили благополучными, здоровыми"; пожертвование сердца означает, "чтобы сердце твое не тревожилось, семья твоя обещает тебе, что не забудет тебя". Что же касается предназначения рыбы, то она носит покойнику воду, чтобы он не мучился от жажды (Дарчиева, 2009. С. 189–193).

Означает ли это, что в осетинской погребальной традиции отношение ко всем умершим членам общины было одинаково почтительным? Нет. Б.А. Калоев и Л.А. Чибиров приводят информацию о том, что умершие делились на "чистых" и "нечистых". К первым относились лица, умершие от болезней, старости, на войне и т.д.; тогда покойник находил свое место в родовой усыпальнице на общинном кладбище. Ко вторым – колдуны, умершие от удара молнии, самоубийцы и те, кто обесчестил свой род или семью. Их захоронение на родовом кладбище не допускалось, их трупов боялись. Но даже в этих случаях этнографами не зафиксировано следов практики намеренного разрушения трупов нечистых (Чибиров, 2008. C. 249).

В процессе формирования гипотезы о существовании у алано-асского населения обряда обезвреживания покойников незамеченным осталось и отношение членов общества нартов к умершим. Проблема исторического содержания нартского эпоса обсуждается исследователями со времен В.Б. Пфаффа, и общая тенденция состоит в признании этого фольклора историческим источником (Пфафф, 1871. С. 171; Абаев, 1949. С. 45; Гаглойти, 1977. С. 3-94; Кузнецов, 1980. С. 8-27). Осетинский вариант нартского эпоса (Абаев, 1945. С. 7–118) сформировался на Северном Кавказе в своих основных чертах во второй половине І тыс. н.э. (Кузнецов, 1980. С. 30). Его истоки восходят к легендам северо-иранских племен, скифов, сармат, алан (Крупнов, 1969. С. 15-29; Абаев, 1982. С. 3-105). Ко времени миграции алано-асских племен из региона Центрального Кавказа в Донецко-Донское междуречье он уже широко бытовал в их среде как отражение традиций арийской идеологии (Чочиев, 1996. С. 3-252). Видимо поэтому в осетинском варианте нартского эпоса великан обращается к одному из героев, употребляя этноним allon – "аланы" (Дзиццойты, 1992. C. 30). Моделируемый В.С. Флёровым "обряд обезвреживания покойников" в корне противоречит мировоззрению алано-асского общества, каким оно предстает в нартском эпосе, где четко прослеживается бережное отношение к целостности тела своих покойников. Так, в одном из рассказов Тотрадз приходит к матери, получает у нее оружие, убивает Сослана и отрубает ему правую руку. Мать просит сына возвратить руку к трупу, аргументируя просьбу тем, что у нартов не принято хоронить мертвых, если не достает части тела умершего. Смысл этих повествований состоит в том, что отделение частей тела от трупа — дополнительное оскорблением убитого, надругательство над ним (Дюмезиль, 1990. С. 190—192). В представлениях нартов оскорбление трупа было большим преступлением и каралось смертью (Дюмезиль, 1976. С. 93). Эти взгляды были традиционными в аланском мире, их корни — в скифских временах (Геродот, IV. 127).

Конечно, надругательство над трупами было не чуждо нартам. Трупы врагов можно и даже нужно было унижать. Такая сцена присутствует в рассказе о том, как Батраз отомстил за смерть отца: он отрезал голову врага и повесил ее на шесте у отцовской могилы (Миллер, 1881. С. 27). Оскорбление трупа врага хорошо вписывается в этический комплекс нартов, но своего покойника нужно защищать, ведь в представлениях нартов он не только нуждается в пище, тепле и доброй памяти. Считалось, что покойник способен вести сексуальную жизнь и даже выполнять репродуктивные функции. И, конечно, для нартов было совершенно невозможно брать вещи в Стране мертвых: умершая жена Сослана Ведуха особо предупреждает своего мужа, чтобы он не брал никаких вещей в Стране мертвых (Сказания..., 2000. С. 105). Обращает на себя внимание сопряженность предполагаемого исходного региона аланской миграции на Дон с нартской топонимикой. Исследование хронологии северокавказских катакомбных могильников и их ареала позволило выдвинуть гипотезу о том, что в середине VIII в. большая часть алано-асского населения Кисловодской котловины мигрировала в лесостепную зону Донецко-Донского междуречья (Афанасьев, 2001. С. 5-239). Там они приняли участие в создании цепи фортов и поселений на славянском пограничье (Афанасьев, 1987. С. 88-142). Показательно, что намеченная исходная территория алано-асской миграции на Средний Дон – часть именно того региона Северного Кавказа, к которому относится важнейшая топонимия, зафиксированная в нартском эпосе (Дзиццойты, 1992. С. 88). Следовательно, есть веские основания экстраполировать отраженный в нартском эпосе комплекс воззрений северокавказского аланоасского населения I тыс. на их современников донских алан.

Все изложенное выше приводит к следуюшим выводам. Наличие двух массивов грунта в заполнении дромосов не является доказательством существования обряда обезвреживания покойников у членов маяцкой поселенческой общины. Признаки системности в разрушениях скелетов (отделение черепа, разрушение фаланг рук и ног, грудины) не являются доказательством существования обряда обезвреживания покойников, а укладываются в тафологическую картину, отражающую последовательность разложения трупа. Небольшая глубина залегания катакомб Маяцкого могильника делает их более доступными для вторичного проникновения по сравнению с другими катакомбными могильниками салтово-маяцкой культуры. Высокий процент отсутствующего металлоемкого погребального инвентаря в катакомбах Маяцкого могильника по сравнению с другими могильниками этой культуры с большой степенью вероятности говорит о его изъятии из погребальных камер во время вторичного проникновения, что указывает на ограбление и унижение трупов. Архаические черты погребального обряда, зафиксированные этнографами у потомков алан - осетин, не допускают возможности существования обряда обезвреживания покойника или его отдельных проявлений в отношении членов своей общины. Аланское мировоззрение, реконструируемое на базе нартского эпоса, не допускает возможности существования обряда обезвреживания покойника или его отдельных проявлений в их среде.

Так почему же захоронения Маяцкого могильника оказались разрушенными? Вероятно, причин было несколько. Некоторые из захоронений были разрушены в результате гидродинамических процессов в грунте. Образовавшиеся провалы способствовали проникновению, туда черных археологов средневекового, нового и новейшего времен. Так, по имеющейся информации, в конце XIX в. местные жители активно раскапывали могилы на этом памятнике (Марков, 1891. С. 128–182). Если принять тезис о том, что вторичное проникновение в катакомбы проходило в то время, когда наземные признаки подземных усыпальниц еще сохранялись, то возможны и другие варианты. Один из них отражает элементарное ограбление могил соплеменниками умерших, нарушивших обычай уважать могилы своего субэтноса, в поисках материальных ценностей. Второй вариант - это разрушение могил с целью уничтожения памяти о былых насельниках территории. Могилы мог разрушать тот, кто хотел унизить похороненных в могильнике, унизив в их лице проживавших ранее на этой территории и их еще живых, но вынужденных покинуть свою землю сородичей. Это предположение перекликается с выволами о том, что в раннем Средневековье уничтожение родовых кладбищ служило знаком падения рода или племени, освоения реальных географических и политических пространств новыми силами (Дмитриев, 2001. С. 185-188). Близкая историческая ситуация раскрыта З.Х.-М. Албеговой и Л.И. Верещинским-Бабайловым в процессе раскопок могильника Мамисондон, где она связана с приходом нового мужского населения (2010. С. 114, 115). Таким образом, разрушение погребений Маяцкого некрополя людьми следует рассматривать как экстраординарную акцию, но не как существование у алано-асского населения специального обряда по обезвреживанию покой-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. Нартовский эпос // Изв. СОНИИ. Т. Х. Вып. І. Дзауджикау, 1945.
- Абаев В.И. Историческое в нартском эпосе // Нартский эпос. Дзауджикау, 1949.
- Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982.
- Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3.
- Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. М., 2010.
- Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.
- Aфанасьев Г.Е. Мокрая Балка (дневник раскопок). М., 2001.
- *Васильев Ю.М.* Деструкция органических веществ при двухактных погребениях // Вестн. ДВО РАН. 2005. № 2.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991 (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции).
- *Гаглойти Ю.С.* Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977.
- Γεροδοm. http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews 516htm.
- Дарчиева М.В. О поминальном ритуале и тексте обряда осетин зæрдæвæрæн // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 110.
- Дзициойты Ю.А. Нарты и их соседи. Владикавказ, 1992.

- Дмитриев С.В. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Антропология насилия. СПб., 2001.
- Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты. М., 1990.
- Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Погребальные обряды в Хазарии (несколько интерпретационных стереотипов в свете стратиграфических и иных наблюдений на Нетайловском могильнике) // Хазары. М.; Иерусалим, 2005.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004.
- Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII начале XIX в. // Кавказский этнографический сб. Вып. VIII. М., 1984.
- Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. М., 1886.
- Колода В.В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // Хазарский альманах. Т. 3. Харьков, 2004.
- *Крупнов Е.И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о Нартах эпос народов Кавказа. М., 1969.
- *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980.
- Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1974.
- Максименков Г.А. О значении некоторых тагарских погребений // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- *Марков Е.Л.* Поездка в Дивногорье // Русский вестник. 1891. № 5, 6.
- *Миллер В*. Осетинские этюды // Уч. зап. Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. Вып. 1. М., 1881.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- $\Pi \phi a \phi \phi$ В. Путешествие по ущельям Северной Осетии // Сб. сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1871.
- *Рубежанский А.Ф.* Определение по костным остаткам давности захоронения трупа. М., 1978.
- Сидоренко Т.Е. Погребения с нарушением анатомического порядка у населения салтово-маяцкой культуры (историография проблемы) // Дивногорский сб. Вып. 1. Воронеж, 2009.
- Сказания о нартах / Пер. Ю. Либединского. Ком. Б.А. Калоева. Владикавказ, 2000.
- *Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н.* Религиозные воззрения осетин (история религии в истории народа). Владикавказ, 2000.
- *Цаллаев Х.К.* Традиции и обычаи осетин. Владикавказ, 1993.

Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008.

126

- *Чочиев А.Р.* Нарты-Арии и арийская идеология. М., 1996.
- Федосеева С.А. Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества. Якутск, 1999.
- Флёров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., 1984 (Тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции).
- Флёров В.С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс. М., 1990 (Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции).
- Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.
- Флёров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в І в. до н.э. IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. XIV в. н.э. М., 2007.

ПОГРЕБЕНИЕ 7 ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2012 г. Н.Б. Крыласова*, Н.Г. Брюхова*, А.М. Белавин**

*Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН **Пермский государственный педагогический университет (belavin@pspu.ru)

Ключевые слова: Пермский край, позднее средневековье, погребение, огнестрельные повреждения, ушкуйничество.

The article presents a burial assemblage from Plotnikovsky cemetery in the Perm region. The inhumation burial of a noble child contained a hand-made clay vessel, a bird medallion of tin-lead alloy, and amulets of beaver bone. On the basis of the medallion, which is of local manufacture yet the jewellery technique is typically Novgorodian, and of radiocarbon analysis of the bones, the burial has been dated to the period from the middle of the 14th c. to the middle of the 15th c. The skull shows perforation damage which appears to be gunshot wounds. The article interprets the burial as that of a noble Permyak child who died of gunshot wounds at the time when the *ushkuiniks* were at the peak of their activity on the Kama river.

В период полевого сезона 2007 г. отрядом Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного педагогического университета под руководством д-ра ист. наук Н.Б. Крыласовой проводились раскопки позднесредневекового Плотниковского могильника.

Плотниковский могильник расположен на левом берегу р. Серва, левого притока р. Иньва, в 2 км к западу от г. Кудымкар у северо-восточной окраины д. Плотниково. Могильник находится на склоне крутого частично залесенного, частично распахиваемого холма. Местность, где расположен могильник, местные жители именуют "Вишене", что объясняется произрастанием в прошлом на данном холме дикой вишни, отсюда второе название памятника, упоминающееся в литературе: "могильник Вишене".

Могильник известен с XIX в., впервые упомянут И.Я. Кривощековым (1897), в 1938 г. на нем побывал М.В. Талицкий, который датировал памятник X–XIII вв. (1951), в 1968 г. одно погребение на могильнике вскрыл В.Ю. Лещенко, датировавший могильник IX–XIII вв. После этих раскопок местные жители начали регулярно раскапывать могилы, очертания которых прослеживаются в виде отчетливых западин. В 1982 г. при обследовании памятника В.П. Мокрушиным на его поверхности насчитывалось более 100 грабительских ям. В 1989 г. могильник исследовался Н.Б. Крыласовой, было заложено два раскопа общей площадью 96 м², вскрыто шесть погребений с относительно хорошей сохранностью

скелетов, с вещевым инвентарем (украшения, детали поясной гарнитуры, бытовые предметы, орудия труда, керамика).

Поскольку разрушение памятника продолжается, он был включен в программу по изучению разрушающихся объектов культурного наследия Пермского края. В 2007 г. на Плотниковском могильнике был заложен один раскоп площадью 64 м², на котором исследованы останки девяти индивидов, происходящие из семи могильных ям. Общая исследованная площадь памятника составила 160 м², количество изученных погребений — 13.

Подавляющее большинство изученных погребений нарушено грабителями. Исключение составляет погр. 7, которое вызывает особый интерес благодаря выразительному комплексу погребального инвентаря и наличию на черепе следов ранения, нанесенного, по-видимому, огнестрельным оружием.

Погребение (рис. 1) зафиксировано на глубине 0.57 м от поверхности. Могильная яма имела овальную форму размерами 1.11×0.68 м, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Заполнение однородное – светлый серо-коричневый суглинок с вкраплениями мелких угольков. Глубина дна – 0.72 м от поверхности, дно ровное, стенки вертикальные. Дно погребения было врезано в предматериковый слой с большим содержанием розоватого известняка и песчаника.

В могильной яме обнаружены кости ребенка в анатомическом порядке, кроме костей черепа

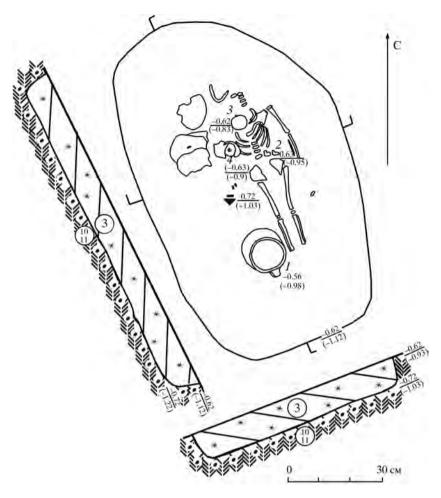

Рис. 1. План погр. 7 Плотниковского могильника.

и правой руки. Кости черепа и нижняя челюсть смещены к западу-юго-западу вправо от верхней части скелета. Череп, очевидно, откатился вниз по склону, кости его распались по швам и лежали компактным скоплением, вытянутым с севера на юг. Лицевой отдел и лобная кость располагались в южной части скопления, лобная кость лежала на наружной поверхности, орбитами обращена на юг. Обе теменные кости располагались рядом с лобной (чуть севернее), наружными поверхностями вверх, правая кость лежала на левой. Далее по оси находилась затылочная кость наружной поверхностью вверх. Замыкала скопление нижняя челюсть, перевернутая основанием вверх. Шейный отдел позвоночника загибался к западу в сторону черепа. Кости правой руки располагались выше костяка по уровню (на 0.05 м) вне анатомического порядка и обнаружены еще на уровне фиксации могильной ямы. Одна фаланга пальца правой руки найдена в заполнении сосуда, помещенного к западу от скелета. Кости левой руки слегка отведены в локте. Таз распался, подвздошные кости лежали на наружных поверхностях. Отсутствуют кости стоп и левой

кисти. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 18 ± 6 мес.

Погребенный был уложен на спину, головой на север-северо-запад. Судя по положению костей таза и левой руки, вокруг него оставалось свободное пространство (оборачивание плотным материалом, перекрытие). Неанатомическое положение черепа и правой руки, возможно, связано с ростом корней деревьев и наличием свободного пространства.

Справа от костей нижних конечностей на глубине $0.56\,\mathrm{M}$ от поверхности обнаружен лепной керамический сосуд с петельчатой ручкой (рис. $1,\,I$), который был установлен вертикально, ручкой на юг. На шее погребенного на глубине $0.62\,\mathrm{M}$ находился медальон из свинцово-оловянистого сплава (рис. $1,\,3$), уложенный лицевой стороной вниз. В области пояса слева на глубине $0.63\,\mathrm{M}$ обнаружены два амулета в виде просверленных таранных костей бобра (рис. $1,\,2$), а среди костей черепа (на глубине $0.63\,\mathrm{M}$) – раковина речной улитки (рис. $1,\,4$).

Сосуд, обнаруженный в погр. 7 (рис. 2, 1), сохранился целиком, он представлял собой приземистую

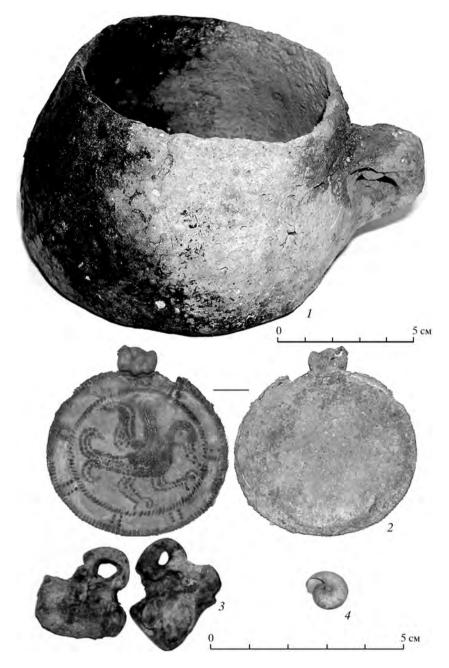

Рис. 2. Инвентарь погр. 7 Плотниковского могильника. 1 – керамический сосуд, 2 – медальон из свинцово-оловянистого сплава, 3 – амулеты из просверленных таранных костей бобра, 4 – раковина улитки.

неорнаментированную кружку ручной лепки с уплощенным дном, без выраженной шейки, с наи-большим расширением в нижней части. Диаметр по срезу венчика — 9.5 см, максимальный диаметр — 12.5, высота — 7.5, толщина стенок — 0.3—0.5. Кружка снабжена петельчатой ручкой с площадкой в верхней части. Цвет коричневый, снаружи и изнутри имеются следы нагара, в тесте — примесь толченой раковины. Поверхность сосуда небрежно заглажена рукой или куском кожи. Сосуды с ручками и уплощенным дном получили широкое распространение

с конца XI — XII в. Они типичны для родановской археологической культуры, выделенной на территории Пермского края, но хорошо известны также по материалам чепецкой культуры на территории Удмуртии (Иванов, 1998. Рис. 70; Иванова, 1998. Рис. 93, 10, 11) и вымской культуры на территории республики Коми (Археология республики Коми, 1997. Рис. 28, 9). Можно считать, что подобная посуда характерна для материальной культуры пермских финнов (предков удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков) XII — XV вв.

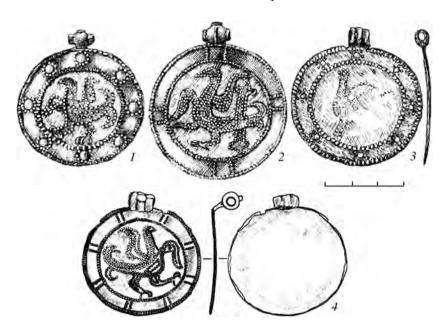

Рис. 3. Медальоны с изображением птиц с раздвоенным хвостом. I, 2 — Новгород (по: Седова, 1981), 3 — Пермский край, коллекция М.Н. Зеликмана, 4 — погр. 7 Плотниковского могильника.

Наиболее яркая находка из погребения — это медальон (рис. 2, 2; 3, 4). Он изготовлен, как уже говорилось, из свинцово-оловянистого сплава, диаметр — 4.7 см. На лицевой стороне изображена птица, повернутая вправо. У птицы длинный клюв, поднятые вверх крылья, раздвоенный хвост, мощные когтистые лапы. Изображение выполнено выпуклыми точками в подражание зерни. По контуру медальона — кайма, образованная двумя линиями из продолговатых выпуклин, между которыми помещены расходящиеся радиально семь парных лучей из выпуклин, имитирующих зернь. С оборотной стороны к медальону припаяна круглая пластина из аналогичного сплава. Изделие снабжено литой петлей, имитирующей бусину.

Подобные медальоны относятся к категории довольно редких предметов. Два из них (рис. 3, 1, 2), выполненные из низкокачественного серебра, обнаружены в Новгороде в слое XIV в. (Седова, 1981. С. 45). Еще один предмет (рис. 3, 3), найденный на территории Пермской губернии, содержится в дореволюционной коллекции М.Н. Зеликмана. Все медальоны индивидуальны, но их объединяет ряд общих черт: единая техника исполнения способом литья с имитацией орнамента из зерни; изображение птицы с поднятыми вверх крыльями, раздвоенным хвостом, когтистыми лапами; наличие бордюра из двух линий, между которыми помещаются выпуклые полушария (медальоны из Новгорода и коллекции М.Н. Зеликмана) или парные радиально расходящиеся лучи (медальоны из Новгорода и Плотниковского могильника); наличие петли в виде

литой бусины. Поскольку на территории Древней Руси и Прикамья теперь представлено одинаковое количество таких находок, вопрос о месте их производства остается открытым. С одной стороны, изделия из свинцово-оловянистого сплава, встречающиеся в Пермском Предуралье, традиционно интерпретируются исследователями как новгородский импорт. Но с другой стороны, здесь хорошо известны литейные формы для отливки распространенных в Прикамье изделий из свинцово-оловянистого сплава: накладок, привесок, монетовидных подвесок (Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 141, 3, 4, 6-9). Вполне можно предположить, что и рассматриваемый медальон местного производства, хотя мы все же склоняемся в пользу его новгородского происхождения.

В комплекс погребального инвентаря входили также амулеты. Как уже отмечалось, в области пояса найдены две просверленные кости бобра (рис. 2, 3). Подобные амулеты достаточно широко представлены в материалах родановской культуры. Любопытно присутствие в области черепа раковины местной улитки (рис. 2, 4). Такая же раковина была найдена у черепа и в детском погр. 10 Плотниковского могильника. Эти факты дают основание предполагать, что при захоронении детей выполнялся какой-то особый местный ритуал. Аналогичные раковины присутствовали и в составе ожерелья из женского погр. 8а, наряду с раковинами каури. В отличие от детских погребений, где найдены неповрежденные раковины, здесь в раковинах были просверлены отверстия для продевания нити. В данном случае

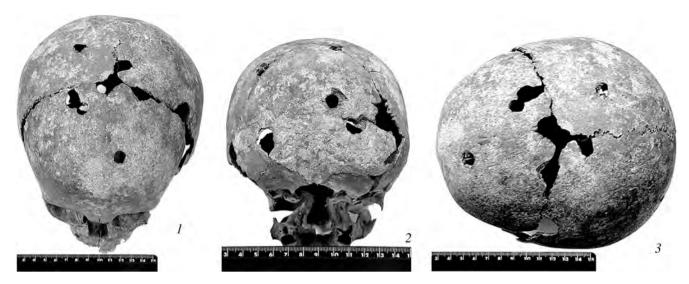

Рис. 4. Череп из погр. 7 Плотниковского могильника. I – лобная и теменные кости; 2 – затылочная кость; 3 – свод черепа, вертикальная норма.

можно предполагать, что при недостатке дорогих привозных раковин каури, которые широко использовались в костюме финно-угорских народов вплоть до этнографического времени, их заменяли местными раковинами, которые могли наделяться аналогичной символикой или иметь самостоятельное значение. К примеру, по мнению Н.Д. Конакова, реконструировавшего распространенный у народов коми культ богини Войпель ("всеслышащей", "всевездесущей"), раковины со всех рек и речушек можно рассматривать как символы ее ушей, находящихся повсюду, что и позволяло Войпель быть всеведающей (Конаков, 1999. С. 112).

Особый интерес представляют следы механических повреждений на черепе ребенка: три – на лобной кости, одно - на правой теменной, четыре - на затылочной и множественные смежные отверстия и разломы вокруг венечного шва (слева). На лобной чешуе имеются три отверстия округлой формы диаметром 0.65 см. На наружной поверхности кости по краям повреждений наблюдаются ограниченные участки вдавления краевой компакты внутрь (рис. 4, 1). В области венечного шва и венечной части стреловидного шва имеются костные дефекты сложных геометрических форм, в конфигурации которых прослеживаются полукруглые повреждения диаметром 0.65-0.8 см. Края повреждений, открывающихся в черепные швы, неровные, зубчатые. Полукруглые края дефектов довольно ровные, у концов – вдавления компакты. На правой теменной кости – вдавленный ограниченный перелом неправильной овальной формы размерами 0.8×0.55 см. На внутренней поверхности черепа перелом представлен смещенными внутрь костными фрагментами (рис. 4, 3). На затылочной кости находятся четыре отверстия неровной формы диаметром около 0.8 см, компакта по краям выбита наружу, наблюдаются радиально расходящиеся трещины (рис. 4, 2).

Исследование и изучение переломов базировалось на основных положениях механики разрушения. Установление особенностей действующих предметов/орудий проводилось по характеру повреждений с определением топографического соотношения следовых элементов, а также с учетом взаимообусловленных признаков механо- и морфогенеза разрушения.

Переломы, установленные на своде черепа, имеют следующие дифференциально-диагностические признаки: ограниченный характер (дырчатые и вдавленные переломы); "скученность" части повреждений на ограниченной площади травматизации; ровные края, одинаковый диаметр, наличие циркулярного вдавления по краям, конусовидное расширение краев в сторону мозговой поверхности черепа — у повреждений передней части черепного свода; больший диаметр, конусовидное расширение краев в сторону наружной поверхности черепа, наличие радиальных трещин от краев повреждений — у дефектов на затылочной кости.

Проведя консультации со специалистами-антропологами, криминалистами и судмедэкспертами и обсудив вопрос на ряде конференций и на специализированном консилиуме антропологов (2007 г., Екатеринбург), мы считаем возможным утверждать на основании анализа описанных повреждений, что ребенок получил огнестрельное ранение. Правда, в дискуссиях высказывались разнообразные точки зрения на причины появления повреждений: ранение нанесено каким-то холодным оружием;

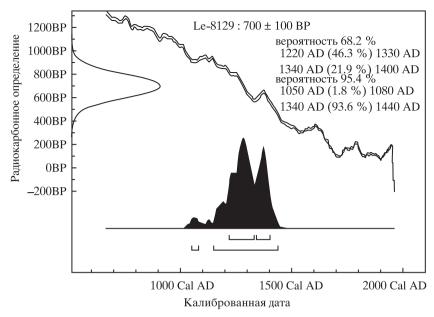

Рис. 5. Результат радиоуглеродного анализа костей из погр. 7 Плотниковского могильника.

повреждения черепа возникли в результате прорастания через кость корней; повреждение получено в результате зондирования могильника металлическим щупом и т.п.

Повреждения, установленные на своде черепа, имеют несомненное сходство со сквозными огнестрельными повреждениями, причиненными дробовым (картечным) снарядом. Дефекты, расположенные на передней части черепа: лобной, теменной костях и венечном шве, соответствуют входным отверстиям огнестрельного ранения. Ранения затылочной кости — это выходные отверстия. Направление выстрела можно проследить по предположительным осям "входа-выхода" снаряда. Угол осей к франкфуртской горизонтали составляет около 30°. Диаметр картечи соответствует диаметру входных отверстий — 0.65 см (Попов и др., 2002. С. 212, 213).

Анализ, проведенный в Пермской краевой лаборатории судебно-медицинской экспертизы, показал, что на черепе у отверстий имеются следы меди. Поскольку среди погребального инвентаря медьсодержащих предметов нет, логично предположить, что следы меди на черепе оставлены картечью. Судя по имеющимся фактам, смерть погребенного наступила в результате попадания в голову с небольшого расстояния медьсодержащей картечи.

Хотя погребение можно датировать по находке медальона, имеющего аналоги в слоях Новгорода XIV в., причем один из них имеет точную дату отложения в слой, 1299–1313 гг. (Седова, 1981. С. 45), мы сочли необходимым получить независимую дату. Достаточного количества угля для радиоугле-

родного анализа в могильной яме не содержалось, но в лаборатории радиокарбонного датирования ИИМК РАН (Санкт-Петербург) удалось провести анализ по костям. Калиброванная дата погр. 7, проба Ле-8129 (рис. 5), с высокой долей вероятности относится к периоду 1340—1440 гг.

Факт фиксации огнестрельного ранения для этого времени в Пермском крае достаточно уникален. Время появления огнестрельного оружия на Руси точно не известно. Употребление его в русских землях Северо-Запада и Верхневолжья началось, предположительно, не позднее середины XIV в. и к концу столетия стало достаточно привычным для ратных людей. Наиболее близкий по времени и пространству факт использования такого оружия отмечен летописью. Это нападение войск московского великого князя Дмитрия Ивановича 16 марта 1376 г. на Болгар: когда русские "приидоша к Болгаром", "погании ... изыдоша противу их сташа на бой, и начаща стреляти, а инии з города гром пущаху" (Полное собрание..., 1859. С. 24; 1885. С. 25; 1949. С. 192). Первый раз о применении русскими пушек летописи упоминают под 1382 г. в рассказе об обороне Москвы от орд хана Тохтамыша, когда осажденные москвичи стреляли из самострелов, порохов, тюфяков и пушек (Полное собрание..., 1897. С. 74, 75). Вторая половина XIV в. стала периодом "триумфального распространения нового оружия" по всей европейской территории, причем распространялось оно не с востока, а с запада (Вилинбахов, Кирпичников, 1958. С. 243–250). Наиболее вероятной исходной точкой были Новгород и Псков, куда это оружие ввозили, невзирая на запреты Тевтонского ордена и Ганзы, западноевропейские купцы. Запрет Ганзы на торговлю оружием касался только Новгорода, но не Пскова, Смоленска, Витебска, Полоцка, Нарвы и Москвы (Косточкин, 1962. С. 126).

Стрельба из огнестрельных приспособлений XIV—XVI вв., да и более позднего времени, велась разными снарядами, употребление которых зависело от калибра и типа оружия, в том числе свинцовыми пулями и картечью-"дробом". Последний чаще употреблялся в небольших пищалях и самопалах, для его приготовления использовался мелко нарубленный железный и бронзовый лом, и заготовлялся он, видимо, самими стрелками из доступных материалов.

С какими событиями можно связывать фиксируемое нами применение огнестрельного оружия? В 1401 г. Анфал Никитин, новгородский боярин, изменил Великому Новгороду и, поселившись с братьями в Двинской земле, стал приверженцем московского великого князя Василия Дмитриевича. Разбитый позже новгородцами, он спасся бегством и построил на Каме первый русский укрепленный пункт в Прикамье, названный позже "городок Анфаловский" (упоминается до XVI в.). Затем Анфал разбойничал по Каме и Волге. В 1409 г. он пошел с вятчанами на город Болгары (по другой версии на Джукетау – Жукотин русских летописей), но был разбит татарами и отведен в Орду. Избавившись от плена, он в 1418 г. с отрядом явился опять в Вятку, но был здесь убит Розсохиным, таким же, как и он, новгородским беглецом, ушкуйцем-повольником (Соловьев, 1989). Источниками пополнения камских "ушкуйников" были, возможно, жители Двинской волости, Вятской земли и местное прикамское население.

Итак, дата погр. 7 Плотниковского могильника в Пермском крае соотносится с периодом расцвета ушкуйничества Анфала Никитина на Каме; в погребении имеется сравнительно редкий медальон, выполненный в типично новгородской ювелирной технике; инвентарь указывает на высокое положение семьи ребенка. Все это, видимо, не случайно

и позволяет интерпретировать погребение как захоронение ребенка-пермяка, павшего жертвой нападения ушкуйников либо случайного выстрела при испытании непривычного оружия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология республики Коми. М., 1997.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008 (Археология Пермского края).

Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь, 2000.

Вилинбахов В.Б., Кирпичников А.Н. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси // Сб. ИМАИМ. Вып. III. Л., 1958.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998.

Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск, 1998.

Конаков Н.Д. Войпель // Мифология коми. Т. І. М.; Сыктывкар, 1999.

Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. М., 1962.

Кривощеков И.Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1897.

Полное собрание русских летописей. Т.VIII. СПб., 1859.

Полное собрание русских летописей. Т. Х. СПб., 1885.

Полное собрание русских летописей. Т. XI. СПб., 1897.

Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.; Л., 1949.

Попов В.Л., Шигеев В.Б., Кузнецов Л.Е. Судебно-медицинская баллистика. СПб., 2002.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 4. Гл. 1. М., 1989.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. М., 1951 (МИА; № 22).

ПУБЛИКАЦИИ

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У с. РАЗИНЬКОВО КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2012 г. А.В. Мастыкова

Институт археологии РАН, Москва (amastykova@mail.ru)

Ключевые слова: Среднее Поднепровье, "древности антов", пеньковская и колочинская культуры, степные кочевники, дунайские традиции.

The article covers the double inhumation burial that was discovered in 1962 near Razinkovo village in the Kursk Oblast. The adornments from the grave show a connection with the crafts of the Middle Danube region, whereas the iron torque may indicate the second half or last third of the 7th c. The article gives attention to the place of the find from Razinkovo in the overall historical and cultural context of the Middle Dnieper region. The second half of the 7th c. saw the emergence of Pastyrskoye Gorodische, where the culture had no prominent Slavic features. It is likely that the new place of power on the Dnieper attracted sedentary non-Slavic populations from the south, – the Danube region, North Caucasus and the North Pontic. The context helps explain the combination of Alanic burial rite features and Danube adornments in the burial.

Цель данной публикации — введение в научный оборот случайно обнаруженного у с. Разиньково в Курской обл. раннесредневекового парного погребения, совершенного по обряду ингумации. Сведения об этом захоронении сохранились в полевом отчете Ю.А. Липкинга (1962. С. 14–20)¹.

В 1962 г. Курский краеведческий музей получил сообщение, что в с. Разиньково (Пронский сельсовет, Курский р-н) жители нашли два скелета с бронзовымии украшениями. Выехавший на место находки Ю.А. Липкинг выяснил, что погребение было обнаружено при рытье котлована у восточной окраины села на высоком левом склоне долины р. Малая Курица, в 300-350 м от современного русла реки (рис. 1). Здесь на глубине 50-65 см находились два скелета хорошей сохранности, лежавшие рядом. Один из скелетов по размерам превосходил другой и, вероятно, был мужским. Погребенный лежал на спине головой на запад, положение рук установить не удалось. Второй скелет поменьше, возможно женский, располагался справа от первого. Череп "женского" скелета был прислонен к плечевой кости "мужского" скелета и лежал лицевой частью вниз. Ноги покойной были несколько согнуты в коленях.

При скелетах были обнаружены бронзовые украшения, в том числе гривна ("ошейник", по опреде-

лению местных жителей), браслет (или браслеты) и кольца, количество которых установить не удалось (Липкинг, 1962. С. 14). Бронзовые украшения, найденные механизаторами Котиным и Бережневым (инициалы механизаторов Ю.А. Липкинг не указывает), были ими приняты за золото и сплавлены автогеном в один комок весом 85 г, который был изъят Ю.А. Липкингом. Сплавлены были, по рассказам находчиков, гривна, браслет, три или четыре кольца и, судя по их невнятным описаниям, не исключено, что кольца были височными. Один из механизаторов по памяти сделал эскиз уничтоженного браслета (рис. 2, 2), однако он сам сомневался в точности его изображения (Липкинг, 1962. С. 16).

Все-таки Ю.А. Липкингу удалось спасти два фрагмента бронзовой гривны весом 42 г, длиной 7 и 5 см (рис. 2, 3, 4). Оба фрагмента представляют собой концы гривны, сделанной из трех перевитых бронзовых проволок, каждая диаметром 3 мм. На концах находились шарики с уплощенным основанием, служившие частью замка. Фрагменты местами имели интенсивную зеленую окись, кроме того, местами на них зафиксирован, как пишет Ю.А. Липкинг, "слой синего цвета". Было ли это также окисью или остатками эмали, Ю.А. Липкинг определить затруднился (1962. С. 16). По характеру замка исследователь сопоставил витую гривну с балтскими украшениями VI–VIII вв. (Липкинг, 1962. С. 17).

К моменту прибытия Ю.А. Липкинга обнаруженная могила была вновь засыпана. Исследователь провел расчистку захоронения, в результате

¹ Впервые данное погребение еще в 1970-е годы Е.А. Горюнов определил как принадлежащее VII в., он же познакомил М.М. Казанского со своими выписками и рисунками из отчета Ю.А. Липкинга. В свою очередь М.М. Казанский обратил мое внимание на этот интереснейший, но практически неизвестный памятник, за что я ему искренне признательна.

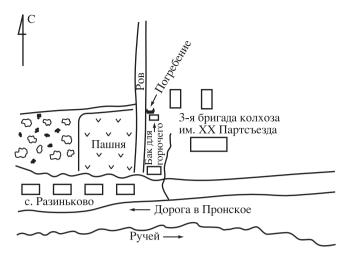

Рис. 1. Схема местонахождения парного погребения с бронзовыми украшениями у с. Разиньково под Курском (по: Липкинг, 1962).

которой были найдены остатки двух скелетов, в том числе фрагменты черепов. При этом на ключицах и шейных позвонках сохранились отчетливые следы зеленой окиси. При дальнейшем доследовании захоронения удалось выявить юго-восточный край погребальной ямы, который не был нарушен механизаторами. В ней на глубине 75-80 см были обнаружены большие берцовые кости, пяточные, кости предплюсны и фаланги пальцев стоп "мужского" скелета (рис. 3). Поперек берцовых костей лежал фрагментированный, сильно корродированный железный предмет, длина которого, в целом, очевидно, достигала 35-40 см. Он представлял собой заостренную к концу железную лопасть с перехватом в средней части, прямоугольной в сечении и утолщенной к срединной части до 5 мм. Один из концов лопасти обмотан железной проволокой, диаметр обмотки – около 3 см (рис. 2, 1). Ю.А. Липкинг предположил, что речь идет о железной гривне. Как видно далее, его интерпретация оказалась правильной. Также в яме находился фрагмент лепной керамики эпохи бронзы, вне всякого сомнения, попавший сюда случайно из слоя поселения марьяновской археологической культуры, на окраине которого и было обнаружено это погребение (Липкинг, 1962. С. 14, 15)².

С целью поиска других погребений Ю.А. Липкинг заложил траншею длиной $6\ \mathrm{m}$ от северной

стенки обнаруженной могилы в сторону юга. Проведенные работы не дали никаких результатов. По словам стариков-колхозников на месте этого погребения никаких "специальных" следов никогда не было, более того, через то место, где было найдено захоронение, в дореволюционные годы проходила дорога.

Сохранившиеся предметы позволяют сделать некоторые выводы. Попытаемся определить круг параллелей и дату этих предметов.

Железная гривна (рис. 2, 1) с заостренной на краях лопастью с перехватом в средней части (один из концов лопасти обмотан железной проволокой) имеет наиболее надежные аналогии в раннесредневековом материале. Она принадлежит к большой группе раннесредневековых гривн с лопастями, более всего распространенных в Среднем Подунавье и Среднем Поднепровье, в частности, в составе так называемых антских кладов (см. библиографию Vida, Völling, 2000. S. 61–76) (рис. 4). Наиболее близкие параллели – серебряные гривны с перехватом на лопасти, происходящие из кладов Залесье в Верхнем Поднестровье (Fettich, 1951. Taf. VIII, 1-5; Ugrin, 1987. P. 27–37. Fig. 14; 17; 18; Vida, Völling, 2000. S. 73. Abb. 29) (рис. 5) и Чадьявице в Подунавье (Fettich, 1951. Taf. XII, *1–1b*; Ugrin, 1987. P. 101; Vida, Völling, 2000. S. 71. Abb. 28, A) (рис. 6, 1). Гривны из Чадьявице и Залесья были датированы последней третью VII в. (Vida, Völling, 2000. S. 70, 75). Некоторые гривны из Залесья, как и в Разиньково, имеют проволочную обмотку у основания лопасти (рис. 5, 1, 4). Железные гривны с заостренной лопастью также известны на славянском могильнике в Олимпии, в Греции (Vida, Völling, 2000. Taf. 13, 4; 17, 1).

Бронзовая витая гривна (рис. 2, *3, 4*). Гривны из витой металлической проволоки в Среднем Поднепровье, если судить по "антским" кладам,

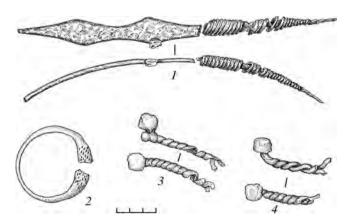

Рис. 2. Предметы из парного погребения у с. Разиньково (по: Липкинг, 1962).

² В районе обнаруженного погребения Ю.А. Липкинг, как уже говорилось, зафиксировал остатки поселения эпохи бронзы (1962. С. 16, 17). Остатки еще одного поселения с лепной керамикой, по мнению Ю.А. Липкинга, видимо, также эпохи бронзы, были локализованы им на склоне того же правого берега долины, в 1 км к востоку от рассматриваемого погребения (1962. С. 16).

встречаются редко (например, Корзухина, 1996. С. 604. Табл. 14, 4). Они есть в погребениях населения Аварского каганата (Garam, 1995. Таб. 247, 4), а также в раннесредневековых могилах Северного Кавказа, Абхазии и Прикамья (см. библиографию Мастыкова, 2009. С. 76). Однако все они имеют замок в виде крючка, также как и предшествующие им по времени витые гривны V в. из погребения у с. Концешты и Киевского клада (Засецкая, 1994. Табл. 20, 3; Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169. Рис. 1, 3; Мастыкова, 2009. С. 298. Рис. 81, 1).

Напомню, что, по мнению Ю.А. Липкинга, замок витой разиньковской гривны похож на балтские VI – VIII вв. (1962. С. 17). Однако мне не удалось найти прямых параллелей этой гривне в Прибалтике. В этом регионе в раннем средневековье доминируют гривны не из витой проволоки, а из металлического стержня с замками в виде крючка или с грибовидными/конусовидными окончаниями, возможно последние и напомнили Ю.А. Липкингу замок разиньковской гривны. При этом в Прибалтике в начале средневековья имеются и гривны из витой проволоки, но с замком в виде крючка (Кулаков, 2007. С. 355. Рис. 21, 2, 3) и/или петли (Nakaitė, 1972. Pav. 9, 3; Bitner-Wróblewska, 2001. Pl. XXIX, 7).

Бронзовый браслет (рис. 2, 2). По имеющемуся рисунку можно лишь утверждать, что в разиньковском погребении был найден браслет с расширенными декорированными концами. Такие браслеты существуют на огромной территории и имеют ши-

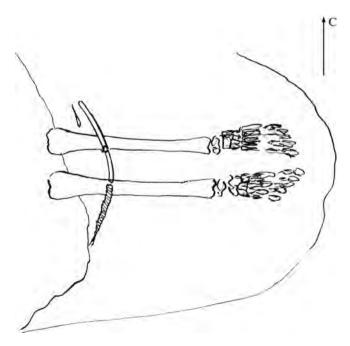

Рис. 3. Зарисовка расчищенной части погребения у с. Разиньково (по: Липкинг, 1962).

Рис. 4. Распространение раннесредневековых гривен с лопастями (по: Vida, Völling, 2000, с дополнениями). I – Разиньково; 2 – Залесье; 3 – Харьевка; 4 – Великие Будки; 5 – Козьевка; 6 – Колосково; 7 – Канев (район находки); 8 – Мартыновка; 9 – Земьянский Врбовок; 10 – Чадьявице; 11 – Виллань; 12 – Терехедь; 13 – Олимпия; 14 – Таурапилис; 15 – Кошовени де Жос.

рокую дату, охватывающую позднюю античность и раннее средневековье. Если же предположить, что рисунок все-таки достаточно достоверно передает характер декора в виде мелких густых ячеек, то круг аналогий можно несколько сузить. Такой декор известен, в частности, на браслетах аварского времени в Среднем Подунавье. При этом он представлен как на цельнолитых браслетах (L'or des Avars..., 1986. Fig. 11. Cat. III, 3b), так и на изделиях с полыми трубчатыми концами (Svoboda, 1953. Obr. 2; Garam, 1992. Taf. 13, 4, 5; Nagy, 1998. Taf. 168, 9, 12). Последние имеют достаточно надежную хронологическую привязку. Они найдены в погр. 2 аварского могильника Сентэндре с серьгами, типичными для горизонта Перещепина, 620/640-660/680 гг. (о его дате см.: Гавритухин, 2005. С. 406-409), а также в кладе из Земьянского Врбовка с 18 серебряными византийскими монетами 659-669 гг. (Radoměrský, 1953. Р. 109-125) (рис. 6, 2). Это позволяет в целом датировать полые браслеты второй третью VII в. Кстати, такой декор в виде мелких густых ячеек имеется и на гривнах того же времени из Залесья, Чадьявице,

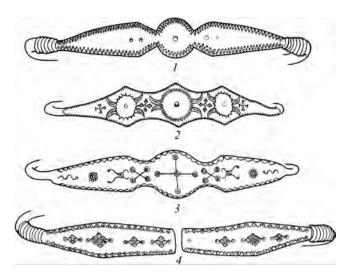

Рис. 5. Гривны из клада в Залесье (по: Vida, Völling, 2000).

Канева (Fettich, 1951. Taf. VII, *1b-d*; XII, *1*; Ugrin, 1987. P. 30. Fig. 15; Vida, Völling, 2000. Abb. 25, *1*).

Что же касается цельнолитых браслетов с декором в виде ячеек, то в раннем средневековье они известны не только на Дунае, но и в Прибалтике (Касzyński, 1963. Ryc. 18, е; Buténienė, 1968. Pav. 7, 2; Петренко, Вирсе, 1993. С. 101. Рис. 4; в том числе с глубокими выемками: Балас (Вāļas) в Земгалии (Latvijas PSR Arheologia, 1974. Lpp. 41. Att. 36). Но, к сожалению, хронология раннесредневековых древностей Прибалтики остается недостаточно разработанной.

Итак, можно констатировать, что часть вещей утрачена, полного представления о составе погребального инвентаря нет. Тем не менее не исключено, что украшения из парного захоронения у с. Разиньково имеют связи с художественным ремеслом Среднего Подунавья. Учитывая наличие железной гривны, погребение может датироваться второй половиной—последней третью VII в.

Погребальный обряд. Общеизвестно, что у славян в VII в. доминировал обряд трупосожжения. Отдельные ингумации этого времени все же встречаются в славянском ареале и даже на славянских могильниках, в частности, в зоне пеньковской культуры. Но появление ингумаций, скорее всего, связано с инфильтрацией каких-то групп инородного населения в славянскую среду (Обломский, 2007. С. 6). Обряд трупоположения преобладает в это время у соседей славян – степных кочевников (Рашев, 2000; Комар, 2004; 2008; Комар и др., 2006). Иногда погребения степных кочевников встречаются довольно далеко на севере – в лесостепи Днепровского Левобережья (Обломский, Терпиловский, 2001).

Однако было бы неосторожно относить найденное у с. Разиньково парное погребение к древностям степных кочевников. Практически все известные степные погребения - индивидуальные. Парные погребения встречаются у оседлого и оседающего на землю населения аварской эпохи Карпато-Дунайского региона (Grefen-Peters, 1992. S. 1193-1228; Kiss, 2001. S. 144, 145. Abb. 43, *В 449*), где, как можно было убедиться, частично находят параллели вещи из разиньковского захоронения. Хорошо известны парные погребения и у раннесредневековых алан Северного Кавказа, например, на таких могильниках, как Мокрая Балка или Клин-Яр III (Афанасьев, Рунич, 2001; Флёров, 2000). Аланские аналогии представляются особенно интересными, поскольку именно у алан хорошо засвидетельствовано подобное положение погребенных, как в Разиньково: мужчины располагались вытянуто на спине, а женщины помещались в могилы с подогнутыми ногами. Количество документированных случаев таково, что их цитирование теряет смысл.

Вернемся к погребальному инвентарю. В могилах кочевого населения понто-кавказских степей в это время гривны практически неизвестны, да и браслеты с расширенными концами единичны. Можно назвать в качестве примера гривну, найденную в закавказском погребении Уч-Тепе (Bálint, 1992. S. 453. Taf. 17, 1). Она принадлежала, скорее всего, степному воинскому предводителю VII в., похороненному на чужбине. Золотые браслеты с расширенными концами известны в "княжеском" постгуннском погребении Морской Чулек (Засецкая и др., 2007. С. 170. Табл. III, 4, 5). Но это исключительные случаи. В то же время браслеты с расширенными декорированными концами часто встречаются, как можно было убедиться, в захоронениях на Среднем Дунае (см. выше). Они хорошо представлены и в раннесредневековых могилах на Северном Кавказе (Мастыкова, 2009. С. 67. Рис. 57, 5, 6). То же самое можно сказать и о гривнах: их различные типы распространены у населения Аварского каганата (Garam, 1992. Taf. 72, 1; 1995. Taf. 232, 4; 241, 2, 3; 245, 3; 247, 4), известны они и в раннесредневековых северокавказских некрополях (Мастыкова, 2009. С. 74–76. Рис. 73–81).

На возможную аланскую принадлежность парного захоронения у с. Разиньково указывает и странная позиция железной гривны — на голенях погребенного (рис. 3). Возможно, она была призвана ритуально "обезвредить" покойного, "связать" ему ноги. Точно такое же явление отмечено в погребениях салтово-маяцкой культуры на Маяцком селище. Так, в катакомбе III ноги захороненного ребенка были стянуты в голенях тонким металли-

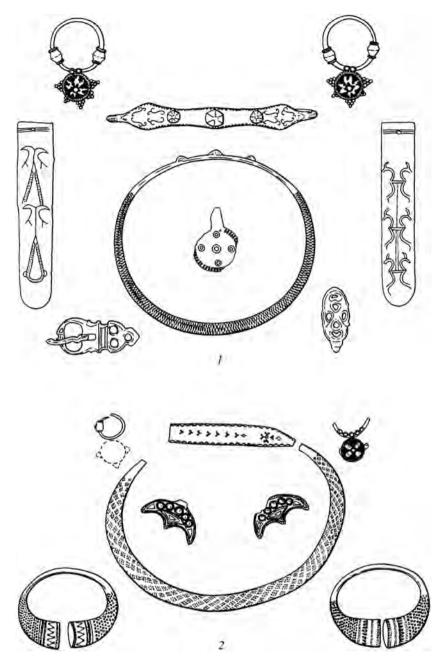

Рис. 6. Чадьявице (1), клад из Земьянского Врбовка (2) (по: Vida, Völling, 2000).

ческим браслетом с несомкнутыми концами (Винников, Афанасьев, 1991. С. 22–24. Рис. 9, *I*).

При этом кажущаяся отдаленность аланского Северного Кавказа от Поднепровья не должна смущать. В то же самое время, в середине VII в., на Среднем Днепре появляются поселки гончаров, производившие типичную северокавказскую посуду. Такие поселки-мастерские известны в районе Днепровских порогов в балке Канцерка (Сміленко, 1975. С. 118–160) и на Днепровском Левобережье в с. Мачехи в урочище Таранов Яр (Макаренко, 1911. С. 116–118). О присутствии аланских тра-

диций в Среднем Поднепровье свидетельствует и обнаруженное женское погребение у с. Мохнач в Змиевском р-не Харьковской обл. Эта ингумация содержала характерные для днепровских славян украшения круга "древностей антов" позднего VI – первой половины VII в., но при этом погребение было совершено в типично аланской могиле с подбоем (Аксенов, Бабенко, 1998. Рис. 1).

Попытаемся определить место разиньковской находки в культурно-историческом контексте Среднего Поднепровья середины—второй половины VII в. В этом регионе, в восточной половине ареала

пеньковской культуры и в южном пограничье зоны колочинской культуры, происходили какие-то события военного характера (Обломский, 2007. С. 5), имевшие место в 630-660 гг., которые и вызвали массовое захоронение так называемых антских кладов (Корзухина, 1996; Щеглова, 1990 – первая группа кладов³; о дате зарытия кладов см.: Гавритухин, Обломский, 1996. С. 93-954). Эти клады отражают материальную культуру славянского населения последней трети VI – первой половины VII в. Военный стресс привел к резкому изменению ситуации в Среднем Поднепровье (Kazanski, 1987. Р. 84-90; Казанский, Середа, 2001. С. 24). Население, оставившее пеньковскую культуру, – анты, известные по письменным источникам, - больше не доминирует в лесостепи. На Правобережье Днепра постепенно появляются славянские памятники иного облика, типа Сахновка (Приходнюк, 1980. С. 12–18), восходящие не к пеньковской, а уже к пражской культуре Днепровского Правобережья. В восточной половине пеньковского ареала, на Левобережье, формируются славянские памятники, типа Волынцево, отражающие не столько пеньковские, сколько пражские культурные традиции (Обломский, Щеглова, 1996. С. 131-133).

В то же время на Среднем Днепре появляется и неславянское население, пришедшее откуда-то с юга. Здесь известны памятники с серой гончарной керамикой явно неславянского происхождения; стационарные поселения с постройками, такие как Вовки на р. Грунь в бассейне Псла (Горюнов, 1987. С. 5, 6); стойбища, характеризующиеся находками отдельных фрагментов керамики на дневной поверхности и полным отсутствием культурного слоя (Горюнов, 1987; Kazanski, 1987. Р. 84–86; Горюнов, Казанський, 1998; Казанский, Середа, 2001. С. 24), как это было установлено, например, на памятнике Полузорье 2⁵. Точно такие же стойбища известны у раннесредневековых кочевников южнорусских

степей (Плетнева, 1981. С. 66). Появляются упоминавшиеся выше поселки аланских гончаров в балке Канцерка и с. Мачехи-Таранов Яр (Сміленко, 1975. С. 118–160; Макаренко, 1911. С. 116–118).

Наконец, во второй половине VII в. появляется поселение на Пастырском городище (Приходнюк, 2005), безусловно, представляющее собой один из наиболее важных центров Днепровского региона в это время. Культура Пастырского городища не имеет выраженных славянских черт, но очень напоминает древности неславянского "юга" – Подунавья, Причерноморья, Северного Кавказа. Интересно отметить, что керамика пастырского и канцерского типов крайне редко встречается на пеньковских поселениях, что свидетельствует о появлении "южных" памятников лишь на заключительном этапе сущестования пеньковской культуры (Горюнов, Казанский, 1981. С. 14; Казанский, Середа, 2001. С. 24; Обломский, 2007. С. 8). Но при этом "пастырская и канцерская" керамика представлена на славянских памятниках сахновского типа, таких как поздние горизонты поселения Стецовка (Петров, 1963; Рутковская, 1974).

Несомненно, все эти изменения связаны с прорывом какой-то группы степных кочевников в Среднее Поднепровье во второй трети VII в. и их последующим закреплением на этой территории. Вероятно, в это время и появляются в лесостепи явно кочевнические погребения на могильнике Рябовка 3, перекрывшие оставленное пеньковское поселение, и впоследствии сами перекрытые славянскими сооружениями этапа Сахновка-Волынцево. По крайней мере датировка найденных в этих погребениях предметов не противоречит такой гипотезе (Обломский, Терпиловский, 2001).

Таким образом, в Поднепровье возникает некий центр власти, о чем свидетельствует появление здесь в 620/640-660/680 гг. (о дате см.: Гавритухин, 2005. С. 406-409) "княжеских" находок типа Перещепина, принадлежавших знати степных народов (Werner, 1984; Залесская и др., 1997). Вероятнее всего, сложение днепровского центра власти во второй трети VII в. и стимулировало приток в Среднее Поднепровье оседлого неславянского населения, пришедшего с юга - Северного Причерноморья, Подунавья и Северного Кавказа. Именно в этом контексте и становится понятным обнаруженное парное погребение у с. Разиньково, относящееся, по всей видимости, ко второй половине или последней трети VII в. и сочетающее, с одной стороны, аланские черты погребального обряда а, с другой стороны, украшения дунайской традиции.

³ Уже в этой работе О.А. Щеглова писала, что наличие в кладах первой группы вещей дунайского и византийского происхождений объясняется, скорее всего, результатом установившихся в конце VI в. непосредственных связей между этими регионами (славянские походы на Дунай и Византию). Иными словами, О.А. Щеглова относит время формирования кладов первой группы ко времени не позднее конца VI в. Время же сокрытия кладов этой группы происходило, по ее мнению, не позднее второй половины VII в. (Щеглова, 1990. С. 179–181).

⁴ Авторы определяют дату зарытия кладов в рамках третьей четверти VII в., т.е. 650–670 гг., хотя все рассмотренные ими вещи в качестве хронологических индикаторов, по их же наблюдениям, появляются ранее 650 г.

⁵ По сообщению М.М. Казанского, на этом памятнике в 1979 г. было вскрыто 100 м², что и показало полное отсутствие культурного слоя. К сожалению, в отчете этот факт не был указан (Казанский, 1979).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII вв. н.э. у с. Мохнач // РА. 1998. № 3.
- Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.
- Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (Элементы ременной гарнитуры) // Хазары. Иерусалим; М., 2005 (Евреи и славяне; Т. 16).
- Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 3).
- Горюнов E.A. Пеньковская и салтовская культуры в Среднем Поднепровье // КСИА. 1987. Вып. 190.
- *Горюнов Е.А., Казанский М.М.* Спорные вопросы изучения пеньковской культуры // КСИА. 1981. Вып. 164.
- Горюнов Є.О., Казанський М.М. До археологічної карти сточища р. Полузір'я // Археологічний літопис Лівобережної України. 1998. № 1, 2.
- Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И. и др. Сокровища хана Куврата. СПб., 1997.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.
- Казанский М.М. Отчет о работах Полтавского отряда Днепровской Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА НАНУ. Ф.э. № 9366.
- Казанский М.М., Середа Д.В. Поселение пеньковской культуры Полузорье-1 на Полтавщине // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1.
- Комар А.В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сб. Вып. І. Киев; Судак, 2004.
- Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре булгар Северного Причерноморья второй половины VI начала VII в. // Сугдейский сб. Вып. III. Киев; Судак, 2008.
- Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006.
- Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга "древностей антов" в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. 1996. Вып. V.

- Кулаков В.И. Самбия и Натангия // Восточная Европа в середине I тыс. н.э. М., 2007 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 9).
- *Липкинг Ю.А.* Отчет о разведках в районе "Суджанских кладов" и о разведывательных раскопках у с. Разиньково Курской обл. 1962 г. // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2580.
- *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907—1909 гг. // Изв. ИАК. 1911. Вып. 43.
- Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV середине VI в. н.э. М., 2009.
- Обломский А.М. Структура населения Лесостепного Поднепровья в VII в. н.э. // Археологічний літопис Лівобережної України. 2007. № 1, 2.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. № 1.
- Обломский А.М., Щеглова О.А. Некоторые особенности культуры памятников волынцевского типа и спорные вопросы их происхождения // Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 3).
- Петренко В.П., Вирсе И.А. Исследование могильников Гробиняс Приедиенс в Западной Латвии // КСИА. 1993. Вып. 208.
- Петров В.П. Стецовка, поселение третьей четверти І тыс. н.э. (По материалам раскопок 1956–1958 гг. в Потясминье) // МИА. 1963. № 108.
- *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).
- *Приходнюк О.М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.є. Київ, 1980.
- *Приходнюк О.М.* Пастирське городище. Київ; Чернівці, 2005.
- Рашев Р. Прабългарите през V–VII в. В. Търново, 2000.
- Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.
- *Сміленко А.Т.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Поднипров'ї (II— XIII ст.). Київ, 1975.
- Флёров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V– VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- *Щеглова О.А.* О двух группах "древностей антов" в Среднем Поднепровье // Матер. и исследов. по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Bálint C. Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe. Das Grab von Üč Tepe (Sowj. Azerbajdžan) und der beschlagverzierte Gürtel im 6. und 7. Jahrhundert // Awaren Forschungen. Archaeologia Austriaca. Bd. I. Wien, 1992.

- Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Buténienė E. Lazdininkų kapinynas // Lietuvos pajūrio I–VIIa. kapinynai. Vilnius, 1968.
- Fettich N. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst // Archaeologia Hungarica. V. XXXI. Budapest, 1951.
- Garam É. Die münzdatierten Gräber der Awarenzeit // Awaren Forschungen. Archaeologia Austriaca. Bd. I. Wien, 1992.
- Garam É. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Tiszafüred.V. 3. Budapest, 1995.
- Grefen-Peters S. Doppelbestattungen in awarischen Gräberfeldern Wege und Grenzen der anthropologischen Forschung // Awaren Forschungen. Archaeologia Austriaca. Bd. II. Wien, 1992.
- Kaczyński M. Materiały z badań 1934 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Sudata, pow. Święciany, na Wileńszczyźnie // Wiadomości Archeologiczne. 1963. T. XXIX/2.
- Kazanski M. Note sur le peuplement de la région du Dniepr moyen pendant la seconde moitié du VIIe siècle et au VIIIe siècle // Revue Archéologique. 1987. № 1.

- Kiss A. Das awarenzeitliche Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B. T. I // Monumenta Avarorum Archaeologica. V. 6. Budapest, 2001.
- Latvijas PSR Arheologia. IV. Riga, 1974.
- L'or des Avars dans le bassin des Carpates VIe –VIIIe siècle. Paris, 1986.
- Nagy M. Awarenzeitliche Gräberfelder im Stadtgebiet von Budapest. T. II // Monumenta Avarorum Archaeologica. V. 2. Budapest, 1998.
- Nakaitė L. Jurgaičiu kapinyno VII–VIIIa. kapai // Lietuvos TSR Mosklų Akademijos darbai. 1972. A serija. 41-4.
- Radoměrský P. Byzantské mince z pokladu v Zemianském Vrbovku // Památky Archeologické. 1953. Ročník XLIV.
- Svoboda B. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku // Památky Archeologické. 1953. Ročník XLIV.
- Ugrin E. Le trésor de Zalésie. Louvain-la-Neuve, 1987.
- *Vida T., Völling T.* Das slawische Brandgräberfeld von Olympia. Rahden/Westf., 2000 (Archäologie in Eurasien; Bd. 9).
- *Werner J.* Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.

"ШЛЕЗВИГСКИЙ МУЖ" – "ДОМОВОЙ" ИЗ НОВГОРОДА?

© 2012 г. Христиан Радтке

Бусдорф, Германия

Ключевые слова: деревянная антропоморфная фигурка, Шлезвиг, XI–XII вв., Новгород, торговые связи, верования.

The subject of the article is the unique find from the 11th–12th cc. layer at the medieval port in Schleswig (Germany): an anthropomorphic wooden figurine and its analogies from Western and Eastern Europe. Similar figurines from the same age have been found in Novgorod, and depict the so-called *domovye* (house spirits). The article considers the trade routes through which the Novgorod figurine could have found its way to Schleswig, and the pagan rituals in Novgorod which could have involved such "idols".

При проведении археологических раскопок в средневековом порту г. Шлезвиг (федеральная земля Шлезвиг-Гольштейн, Германия) 16 февраля 2007 г. в слоях XI—XII вв. наряду с большим количеством других разнообразных и имеющих большую ценность находок была также обнаружена и деревянная антропоморфная фигурка, сразу же привлекшая к себе пристальное внимание. В прессе эта находка была награждена восторженными эпитетами "археологическая сенсация", "уникальная и имеющая огромную ценность", "крайне редкая находка международного уровня" и даже "находка государственного значения".

Цитируя последнее описание находки (von Carnap-Bornheim, Lüth, 2008. S. 74), обнаруженную фигурку можно охарактеризовать следующим образом (рис. 1): "Высота фигурки составляет примерно 18 см. Она представляет собой изображение мужчины с закрученными вверх кончиками усов. Его волосы средней длины расчесаны на прямой пробор, глаза миндалевидной формы, нос прямой, уши и рот переданы правдоподобно. Подбородок имеет слегка заостренную форму, что, вероятно, должно указывать на наличие окладистой бороды. Фигурка сохранилась только по пояс, от изображения рук скульптор воздержался. В месте перехода туловища в шею виден V-образный надрез, который в сочетании с двумя полукруглыми надрезами на высоте груди, по-видимому, символизирует наличие шубы или рубахи. Нижний край фигуры расположен приблизительно на 5 см ниже груди. Обугленность нижнего края свидетельствует о том, что фигурка изначально имела больший размер". К этому описанию можно добавить два следующих наблюдения: глаза изображения не имеют зрачков и, по-видимому, закрыты; бока фигуры имеют по

всей площади гладкую поверхность, в то время как отверстия для крепления рук, необходимых, например, при изображении фигуры распятия, отсутствуют.

Исходя из предполагаемой датировки сооружения причала в гавани, из культурных слоев которой происходит находка ("примерно 1090 г."), и иконографических аналогий мужских изображений на сотканном в 1070–1080 гг. ковре из Байё с такими же закрученными вверх усами, как и у "шлезвигского мужа", фигурка была предварительно отнесена к "поздней фазе эпохи викингов". Необходимо, однако, отметить, что в настоящий момент точные даты постройки причала в гавани не опубликованы, а возведенная на нем постройка достоверно датируется временем не ранее начала XII в., так что и фигурка, вероятно, должна датироваться концом XI – началом XII в.

Несмотря на то что на первый беглый взгляд фигура кажется на основании индивидуально выполненных черт скорее изображением головы реального человека, чем божества, авторы упомянутой выше публикации не исключают возможности того, "что данная в крайне необычной манере выполненная скульптура может представлять собой раннее изображение Христа" (von Carnap-Bornheim, Lüth, 2008. S. 74).

В данном контексте вспоминаются две знаменитые аналогии находке (Nyborg, 1999. Fig. 3; Fenger, 1989. Fig. 34). Фигура с распятия из Оби в окрестностях Орхуса (Åby bei Århus), Дания, датируемая временем около 1100 г., конструктивно представляет собой обтянутую позолоченной медью деревянную основу. Вторая фигурка, изначально имевшая руки и лишившаяся их позднее, — Христос на кре-

Рис. 1. Шлезвиг, Хафенштрассе 11. Деревянная фигура XI–XII вв., получившая название "шлезвигского мужа" (фото: Археологическое ведомство земли Шлезвиг-Гольштейн, Шлезвиг).

сте из Золотого алтаря Лисбьерьга, также в окрестностях Орхуса, происходит из неизвестного более раннего контекста. Впоследствии она была встроена в сооруженный в 1135 г. алтарь. Обе скульптуры выполнены в традициях теологии периода миссионерства, согласно которой христианский бог противопоставлялся языческому пантеону как высшая сакральная инстанция. Головы этих фигур увенчаны коронами, они выступают в царственных позах, их глаза широко открыты, характерное для поздних изображений мученическое выражение лица отсутствует. Принцип монетеистического положения "царя царей" во главе небесной иерархии

использовался и светской властью, королевским домом, для построения также и в земном обществе иерархически организованной системы власти.

Хотя скрытое под металлической обтяжкой выражение лица деревянной скульптуры из Оби неизвестно, упомянутое царственное выражение в случае "шлезвигского мужа" угадывается с трудом. Также и в изображении глаз и бород фигур не наблюдается сходства, что, вероятно, позволяет исключить интерпретацию находки как фигуры Христа.

На возможный дальнейший контекст мог бы указывать фигурный ансамбль так называемых 3о-

лотых Алтарей, которые были также сооружены в шлезвигской мастерской в XII в. для возводившейся церкви епископства. Объемные группы фигур этих алтарей не имеют, однако, деревянной основы под их золоченой поверхностью, а состоят из тисненых медных пластин, так что использование этой группы изображений в рамках данного исследования полностью исключается.

Очевидно, что для интерпретации шлезвигской деревянной фигурки горизонт поисков необходимо расширить. При этом в случае Шлезвига, торгового города, посещавшегося иноземцами, рассматриваться должны не только изделия местного производства, но и объекты, привезенные издалека. В поиске соответствующих находок взгляд должен быть направлен, по аналогии с доказанным присутствием в городе заморских торговых гостей, во все стороны света. Как выяснилось в ходе одной из таких пока еще предварительных попыток поиска, наиболее близкий аналог "шлезвигскому мужу", вероятно, - находка, сделанная на территории современной России. Новгород был с IX в. одним из двух главных городов Руси (Mühle, 1991; Müller-Wille et al., 2001) и имел в XI-XII вв. тесные торговые связи со Шлезвигом. Город, расположенный на р. Волхов и оз. Ильмень, между Балтийским и Черным морями, с 37 церквями на территории, достигавшей в конце XII в. 120 га, и населением более 15 тыс. жителей относился к наиболее крупным европейским метрополиям своего времени. Новгород, как известно, вплоть до развитого средневековья имел тесные торговые связи с Ганзой.

Благодаря уникальным условиям сохранности органического материала во влажных слоях Древнего Новгорода в ходе проведенных там широкомасштабных раскопок был обнаружен целый ряд антропоморфных деревянных фигурок. В состав особой группы находок "культовые объекты" вошли также и изображения так называемых домовых. К ним относится и скульптура (Pokrovskaja, 2007. Fig. 24, 7/4; Pukhnachova, 2007. Fig. 25, 4/3), как две капли воды похожая со шлезвигской находкой (рис. 2): сходство наблюдается как в прическе, манере изображения глаз, носа, рта и подбородка, так и в "особой примете" шлезвигской фигурки – закрученных усах, кажущейся нетипичной для иконографии Севера.

В случае изображений славянских божеств усам, очевидно, придавалось особое значение. При этом остается открытым вопрос, имели ли золотые усы на посеребренной голове восточнославянского верховного бога Перуна ту же особую форму с торчащими вертикально вверх кончиками. Подобный идол божества был воздвигнут в Киеве в 980 г. кня-

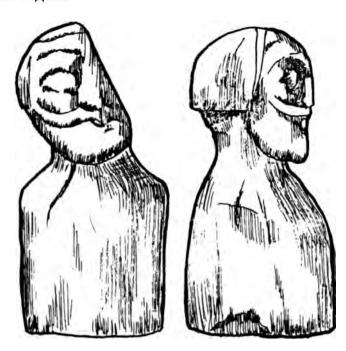

Рис. 2. Новгород, Троицкий раскоп. Деревянная фигура, интерпретируемая как изображение "домового" (по: Pukhnachova, 2007. Fig. 23, 4/4).

зем Владимиром в ходе чествования пантеона языческих богов, чтобы восемью годами позже, после принятия им христианства, быть также подчеркнуто ритуально низвергнутым.

Между тем, усы представляются важной деталью в изображении головы, одновременно придававшей божественный ореол идолу (см. Кулаков, 2003).

Так как и у шлезвигской, и у новгородской находок руки отсутствуют, можно с осторожностью предположить, что обе фигуры создавались в рамках общих представлений об их внешнем виде и, таким образом, вероятно выполняли одну и ту же функцию.

Навершие деревянного посоха в виде лица-маски с закрученными вверх усами представляет собой, по-видимому, сравнимое с нашим "домовым" изображение, интерпретируемое как "фрагмент фигуры (домашнего) божества XII в." (рис. 3), и может, таким образом, представлять еще одну аналогичную находку. Голова фигурки покрыта, однако, как и в случае "карманного божка", найденного в Шведте на Одере в зоне расселения западных славян, так называемой княжеской шапкой (Gabriel, 1993), напоминающей навершие остроконечного шлема, — символом власти, пришедшим из Киева и отождествляемым с убором византийских кесарей, а также известным по находкам из богатых погребений в Бирке.

Рис. 3. Новгород. Деревянная фигура, интерпретируемая как изображение домашнего божества (по: Vikingernes Rusland..., 1993. S. 68).

Случайная находка "идола", сравнимого с данным изображением, была сделана недавно в Гнёздове (Мурашева, 2005).

Кроме этого в состав обширной группы новгородских находок "культовые объекты" входят изображения лиц и фигурки, отличающиеся по ряду параметров от описанных, в том числе и с вислыми усами. Возможно, в ходе дальнейшего поиска обнаружились бы и другие аналогичные находки (см. Kolçin, 1989. Pl. 205, 206). Это утверждение справедливо и для западной зоны поиска. Так, целый ряд антропоморфных деревянных фигурок, зачастую поразительно схожих по внешнему виду, манере изображения и размерам с находками из Новгорода (рис. 4), которые автор сравнивает с найденными там же "куклами" и "домашними божествами", происходят из Хедебю - предшественника Шлезвига (Westphal, 2006. S. 84f. Taf. 63, 1-4). Среди них присутствует и изображение с характерной описанной выше стрижкой и вырезанными в корпусе очертаниями рук, а также другой экземпляр, очевидно закреплявшийся на какой-то основе. Создается впечатление, что комплекс, из которого происходят две находки в порту, должен рассматриваться как материальное свидетельство интенсивных личных контактов между Шлеей и Древней Русью уже в X (?)—XI вв. Это справедливо и в отношении находки так называемого киевского яйца — яйцевидной ангобированной керамической трещотки, использовавшейся в греческой православной традиции в Пасхальной церемонии, которая, возможно, попала на Запад в качестве "религиозной реликвии" (Müller-Wille, 2003. S. 386).

В научной среде в отношении ритуального назначения и культового контекста фигурки из Новгорода сложилось единодушное мнение: она представляет собой изображение "домового". У восточных славян, так же как это было при обращении в христианство населения Севера или Запада, с официальным переходом в христианство в 988-989 гг. языческие обряды и традиции не исчезли полностью, а практиковались втайне и в дальнейшем. В 1071 г. в Новгороде произошел даже открытый возврат к язычеству, который пришлось подавлять силой. Христианство и далее продолжало считаться религией для решения важных вопросов, например потусторонней жизни, в то время как для преодоления будничных забот продолжали обращаться к многочисленным обрядам, возникшим еще в дохристианские времена.

Одним из таких обрядов было почитание "домовых" (Reiter, 1973; Рыбаков, 1987; Petzold, 1999; Dejevsky, 2007). При проведении языческих обрядов к ним обращались как к живым существам. Антропоморфные идолы олицетворяли души ушедших предков, что следует из одного из старых имен для такого духа — Чур, т.е. "предок", "дед". Соответственно их представляли обычно в виде бородатых стариков, зачастую с лицом, выражение которого дано только в общих чертах (см. Westphal, 2006. Taf. 63; Pokrovskaja, 2007. Fig. 24, 1; 24, 7; Pukhnachova, 2007. Fig. 23, 4).

Для отвода несчастья в просторечии, вплоть до последнего времени, использовалось выражение "Чур меня!" (Рыбаков, 1987). Наиболее важной функцией домовых была защита жилища и семьи, они заботились о домашней скотине и помогали домочадцам в работе. У "домового" было свое место вблизи печи, возможно, в качестве реминисценции о старом месте домашнего божества у очага, как в случае древнеримских лар. Как хранителя дома его также особым образом звали с собой при переезде в новое жилье. При освящении жилища его вносили

перед молодой четой в дом, а молодая супруга приветствовала его, стуча с завязанными глазами во все двери. И это только неполный перечень его примет и обязанностей. Домовые были, таким образом, тесно связаны с жившей в доме семьей и помогали в поддержании порядка как в нем, так и на скотном дворе. Но они могли стать опасными и злокозненными, если их обидеть или разозлить. Если абстрагироваться от этнографического материала, то домовые выполняли три функции: "охранное присутствие, активная помощь и контроль над соблюдением норм общественного поведения" (Petzold, 1999. S. 66).

Языческие культовые практики и ритуалы процветали в Новгороде, несмотря на запрет, еще до середины XII в. (Dejevsky, 2007. Р. 171-213). Это четко прослеживается по "Вопрошанию Кирикову" - источнику, написанному епископом Нифонтом в 1150 г., в котором он выражает свою позицию в отношении множества вопросов, касающихся общественных и культовых обычаев и обрядов, например ростовщичества, содержания любовниц и иноверия. Один из таких вопросов - вера в "домовых". Рассматривается, как следует поступать с людьми, жертвующими в ходе культовых ритуалов хлеб, сыр и медовуху так называемым рожаницам – вырезанным из дерева изображениям, почитавшимся как персонифицированные предки. Тем самым, предположительно, приведено использовавшееся в то время обозначение почитаемых в качестве "домовых" деревянных фигур, одной из которых, вероятно, может быть "шлезвигский муж". Епископ выражает крайнюю озабоченность и в особенности осуждает ритуальные возлияния в честь духов предков.

По данным запретам возможна реконструкция многочисленных тайных языческих обрядов, практиковавшихся еще в середине XII в., т.е. спустя ровно 150 лет после официального принятия Русью христианства, что позволяет сегодня получить многостороннее представление о народных религиозных обрядах. Наряду с жертвоприношением пищи и питья домовым к числу таких обрядов относилось, например, и культовое церемониальное возлияние хмельных напитков на встречах членов торговых цехов, описанных уже около 1000 г. в центральном фризском порту Тиле ан Ваале на другом конце Европы (Oexle, 1989). Целью церкви была подмена языческо-культовой составляющей этих пиршеств, носивших название "братчина", и превращение их в освященные христианством ритуалы. В Дании, например, такая "переориентация" удалась королю и служителям его придворной часовни только после 1170 г., когда цеха торговцев присягнули возведенному в сан святого королевскому сыну и правителю

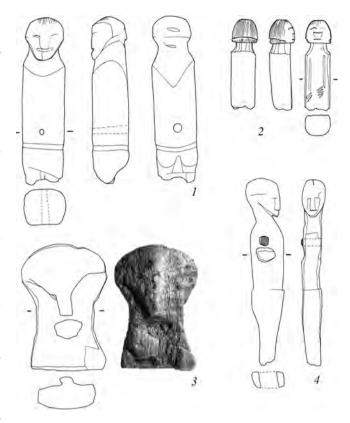

Рис. 4. Хаитхабу. Антропоморфные деревянные скульптуры (по: Westphal, 2006. Taf. 63).

Шлезвига Кнуту Лаварду и перенесли проводившиеся ежегодно пиры к месту его погребения (Hoffmann, 1989). Эта неожиданно проявившаяся здесь параллель в образовании социальных групп оставалась до настоящего времени, судя по всему, незамеченной исследователями образования цехов.

Ответ на вопрос о существовавших связях между Шлезвигом и Новгородом, имеющий к тому же решающее значение при рассмотрении происхождения "шлезвигского мужа" из русской метрополии, может быть, напротив, легко получен (Radtke, 2002). Шлезвиг был в XI и XII вв. наиболее важным перевалочным пунктом на торговом пути между производителями готовых товаров в Западной Европе и поставщиками сырья с Севера и из Восточной Европы. К наиболее востребованному на Западе сырью относились меха и воск, основным поставщиком которых уже начиная с рубежа тысячелетий был Новгород.

Приведем свидетельства только двух из многочисленных источников. Согласно Адаму Бременскому, уже с середины XI в. установилось устойчивое сообщение по водным путям между Шлезвигом через Ольденбург и Волин usque in Greciam, т.е. с последователями греческо-православной церкви, столицей которых был Новгород. 100 лет спустя

в 1156-1157 гг. корабли с merces Rutenorum (товарами из Руси) зимовали в шлезвигском порту. При этом "товары русов" необязательно перевозились самими русами на принадлежавших им кораблях. Транспорт товаров, в основном, осуществлялся торговцами с о. Готланд, которые, вероятно, уже начиная с середины XI в. содержали в Новгороде собственный торговый двор и собственную же церковь Св. Олафа. С другой стороны, одновременно с этим русы, очевидно, поддерживали активный контакт с о. Готланд: именно возросшей интенсивности их торговых отношений с островом приписывается расцвет города Висби около 1050 г., в то время как две из расположенных на острове многочисленных церквей (Св. Ларса и Св. Николая) принадлежали торговой колонии русов (Blomkvist, 2005).

Подобные "товары из Руси" хорошо представлены в шлезвигских письменных и археологических источниках (Vogel, 2002): в городском праве и других исторических источниках торговля и выделка мехов играют важную роль. Археологической сенсацией также можно назвать обнаружение в ходе археологических раскопок в шлезвигской гавани маленького воскового шарика, сохранившегося от общего оборота пчелиного воска во много сотен килограмм. Другие уникальные находки из "дальних восточных земель" - искусно вытканные серебром ботинки, дорогостоящие пряслица красного шифера из Овручских каменоломен на Украине, амулет в виде топорика и упоминавшееся "киевское Воскресенское яйцо", обнаруженное в Хаитхабу, а также деревянный каркас седла. Весьма вероятным представляется происхождение из Новгорода или же попадание сюда через его порт по торговому пути целой коллекции колец из свинцового стекла, дорогостоящих бус из карнеола, а также некоторых предметов, изготовленных в Византии, например кубков с золотой эмалью и остродонных амфор.

Недавно обнаружено еще одно свидетельство оживленного сообщения по водным путям между обоими городами: так называемые синтели – применявшиеся на кораблях типа когг узкие железные скобы, крепившие планку, закрывавшую конопатку межпанельных швов (Siegloff, 2006). Принцип конструкции когга возник в западнофризских прибрежных водах. Такие синтели (и опосредованно корабли типа когг) были обнаружены в Шлезвиге в слое, датируемом началом XII в. Удивителен тот факт, что находки ранних форм синтелей XII в. происходят также и из Новгорода, а именно обнаружены на фрагменте корабля, датированном дендрохронологически 1177-1197 гг. К этому моменту характерное для конструкции когга конопачение с применением синтелей, с технической точки зрения кораблестроения должно было быть уже перенесено с морских на речные суда, ходившие по Ильмень-озеру и Волхову. Инженерная идея постройки этого типа плоскодонного судна, использование которого подтверждает находка остова судна (Хаитхабу 4) в Шлее, была принесена в восточную часть Балтийского моря, скорее всего, фризскими торговцами, селившимися, согласно источникам, в Шлезвиге.

Установившиеся благодаря участию в обмене товарами и идеями между Новгородом и Западной Европой тесные связи Шлезвига были в 1120 г. еще более закреплены посредством династического альянса обоих правящих княжеских домов - двойной свадьбы сына короля и правителя Шлезвига герцога Кнута Лаварда и его брата Эриха с дочерьми Ингеборгой и Мальмфриедой новгородского князя Мстислава I Владимировича: заключаемая торговая сделка имела вид бракосочетания. Данный союз с "русскими сестрами" рассматривается как важнейшая идеологическая предпосылка для создания "Золотой диагонали" между континентом и Новгородом через Шлезвиг, способствовавшей обращению в католичество Балтийского региона (Blomkvist, 2005). Реакция на эту тенденцию хорошо отслеживается в упомянутом выше "Вопрошании Кирикове" новгородского епископа Нифонта, который осуждает приверженцев "латинской" веры, вероятно, крещенных священнослужителями "готландской" церкви Св. Олафа (Dejevsky, 2007).

В целом, трудно себе представить почву, более благодатную для логического объяснения появления русского "домового" на Шлезвигской земле, независимо от того, был ли он завезен мореплавателями как сувенир или же служил культовым изображением – предметом тайного поклонения, хранившимся в судовом сундуке торговца мехами из восточноевропейских земель. В остальном кажется, что оккультные знания присутствовали в коллективной памяти XI–XII вв. и в Шлезвиге. В одной из шлезвигских рунических надписей "асы древних дней", т.е. нордические боги, продолжают существовать как "Huller und Buller" (Stoklund, Düwel, 2001), которые, если понимать их в качестве "гномов" или "кобольдов", с точки зрения религиозной типологии совсем не так уж и далеки от новгородских "рожаниц".

Благодарю д-ра Ярослава Прасолова за перевод статьи на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Перуна/ Перкуна // РА. 2003. № 1.

Mурашева В.В. "Идол" из Гнёздова // РА. 2005. № 1.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

- Blomkvist N. The Discovery of the Baltic. The Reception of a Catholic World-System in the European North (AD 1075–1225). Leiden; L., 2005 (The Northern World; Bd. 15).
- *Dejevsky N.J.* Novgorod in the Early Middle Ages. The Rise and Growth of an Urban Community. Oxford, 2007 (BAR; Intern. Ser.; T. 1642).
- Fenger O. "Kirker rejses alle vegne" 1050–1250. Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie. Bd. 4. København, 1989.
- Gabriel I. Taschengott von Schwedt // Hrsg. M. Brandt, A. Eggebrecht. Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung Hildesheim 1993. Hildesheim; Mainz, 1993.
- Hoffmann E. Skandinavische Kaufmannsgilden des hohen Mittelalters unter besonderer Berücksichtigung der dänischen Knutsgilden // Hrsg. H. Jankuhn, E. Ebel. Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Bd. 6. Göttingen, 1989.
- Kolčin B.A. Wooden artefacts from Medieval Novgorod. Oxford, 1989 (BAR; Intern. Ser. T. 495).
- Mühle E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Ruś. Quellen und Studien zur Geschichte des nordwestlichen Europa. Bd. 32. Stuttgart, 1991.
- Müller-Wille M. Schleswig-Holstein. Drehscheibe zwischen den Völkern // Hrsg. U. von Freeden, S. von Schnurbein. Spuren der Jahrtausende. Archäologie und Geschichte in Deutschland. Stuttgart, 2003.
- Müller-Wille M., Janin V.I., Nosov E.N., Rybina E.A. Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete 2001. Bd. 1. Neumünster, 2001.
- *Nyborg E.* Dansk træskulptur 1100–1400 egenproduktion, import og eksport // Hikuin. 1999. Bd. 26.
- Oexle O.G. Die Kaufmannsgilde von Tiel //Hrsg. H. Jankuhn, E. Ebel. Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor-

- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Bd. 6. Göttingen, 1989.
- Petzold L. Hausgeister // Reallexikon für Germanische Altertumskunde. Bd. 14. Berlin; N.Y., 1999.
- Pokrovskaja L.V. Ritual Objects from Novgorod: The Finds from Troitsky Excavations 1973–1999 // Eds M. Brisbane, J. Hather. Wood Use in Medieval Novgorod (The Archaeology of Medieval Novgorod). Oxford, 2007.
- Pukhnachova E.Y. Decoratively carved Wood: Structural Elements of Buildings, Household and ritual Objects // Eds M. Brisbane, J. Hather. Wood Use in Medieval Novgorod (The Archaeology of Medieval Novgorod). Oxford, 2007.
- Radtke Chr. Schleswig im vorhansischen Geld- und Güterverkehr zwischen westlichem Kontinent und Ostseeraum // Hrsg. K. Brandt et al. Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im Ostseeraum. Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Bd. 8. Neumünster, 2002.
- Reiter N. Mythologie der alten Slawen // Hrsg. H.W. Haussig. Wörterbuch der Mythologie. Bd. II. Stuttgart, 1973.
- Siegloff E. Die Bedeutung der Schleswiger Landenge für den vorhansischen Schiffbau // Beiträge zur Schleswiger Stadtgeschichte. 2006. Bd. 51.
- Stoklund M., Düwel K. Die Runenfunde aus Schleswiger Grabungen // Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien. Bd. 15. Neumünster, 2001.
- Vikingernes Rusland. Staraja Ladoga og Novgorod / Red. M. Andersen, F. Birkebæk, Roskilde, 1993.
- Vogel V. Archäologische Belege für Fernkontakte der Stadt Schleswig im 11.–13. Jahrhundert // Hrsg. K. Brandt et al. Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im Ostseeraum. Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Bd. 8. Neumünster, 2002.
- von Carnap-Bornheim C., Lüth Ph. Neues aus dem Schleswiger Hafen // Archäologische Nachrichten aus Schleswig-Holstein. 2008. Bd. 14.
- Westphal F. Holzfunde von Haithabu. Die Ausgrabungen in Haithabu. Bd. 11. Neumünster, 2006.

ИМЯ МАСТЕРА НА ФАСАДЕ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА В ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ

© 2012 г. А.А. Мелынцева

Институт археологии РАН, Москва (medyntc@gmail.com)

Ключевые слова: Георгиевский собор, фронтон северного портала, Юрьев-Польский, мастер-камнерез, резная надпись.

The article publishes, and gives a new reading of, the carved inscription over the fronton of the north portal in St. George cathedral in Yuryev-Polsky. The rectified reading, the analysis of the inscription's structure and the paleographic and technological characteristics confirm G.K. Vagner's hypothesis that the inscription is the signature of a carver, possibly that of the general foreman.

Русское средневековье X–XIII вв. почти не знает имен зодчих, строителей, художников. Этому есть множество объяснений, связанных с традициями средневекового общества, в котором личность воспринимала себя лишь как часть коллектива; ограниченным количеством источников; социальным положением ремесленников в древнерусской иерархии, где они занимали отнюдь не главенствующее место; наконец кажущейся бесперспективностью поисков имен настоящих творцов дошедших до нас произведений древнерусского ремесла.

До недавнего времени единственными источниками по данной теме были летописи и агиографическая литература, довольно быстро оказавшиеся исчерпанными. Вкладные книги, описи и акты церковных и монастырских хранилищ в основном относятся к более позднему времени. Хотя в летописях довольно часто встречаются упоминания о закладке и строительстве храмов и работах по их украшению, в них, в основном, сообщаются лишь имена жертвователей, на средства которых возводились здания. Даже в тех случаях, когда упоминаются имена зодчих-архитекторов, как правило, не указываются ни их работы, ни биографические сведения. Однако потомкам были интересны имена творцов безымянных архитектурных шедевров. Вероятно, именно этот интерес объясняет возникновение многочисленных легенд, сопровождающих возведение тех или иных построек. Не исключение и знаменитый Георгиевский храм в Юрьеве-Польском.

Белокаменный, сплошь украшенный резьбой собор в Юрьеве-Польском среди других великолепных княжеских построек был возведен перед монголо-татарским нашествием. Многочисленные

наследники Всеволода Большое Гнездо, то ссорясь друг с другом, то заключая временные союзы, успешно воевали против Волжской Болгарии, расширяя территории княжеств. Свои победы и союзы они отмечали строительством, перестройкой и украшением храмов: в 1220—1225 гг. был перестроен Рождественский собор в Суздале, сооружен собор в Нижнем Новгороде, а в 1230—1234 гг. заново построен основанный Юрием Долгоруким Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

Белокаменная резьба узорным ковром покрывала почти все стены Георгиевского собора: резные орнаменты, изображения животных, птиц, реальных и фантастических, человеческие изображения и библейские сюжеты восхищают не только нас, ими восхищались наши предки. Поэтому, когда в XV в. собор неожиданно обрушился, сам великий князь московский Иван III приказал своему мастеру Василию Дмитриевичу Ермолину восстановить собор из старого камня. И мастер, осознавая значение старой постройки, не заменил обрушившиеся части здания кирпичной кладкой, а собрал все белокаменные блоки и украшавшие их рельефы, но, не имея точного плана и зарисовок белокаменной резьбы, перепутал сюжеты и резные камни, в результате чего образовался своеобразный "ребус" из белокаменных рельефов (Воронин, 1962. С. 73).

Восстановить первоначальный замысел резьбы, прочитать ее как каменную книгу пытались многие исследователи начиная с конца XIX в., но только после реставрационных работ П.Д. Барановского и Ф.Н. Полуянова и полевой, трудоемкой и тщательной работы Г.К. Вагнера, завершившейся публикацией монографии, стало возможно судить о первоначальном облике собора и белокаменной

резьбы и пытаться понять ее замысел и семантику (Вагнер, 1964). Разумеется, многие вопросы общего облика по-прежнему оставались дискуссионными, но впервые за несколько столетий общая идея постройки предстала во всем своем неповторимом великолепии.

Наряду с восстановлением первоначального замысла резьбы собора Г.К. Вагнеру принадлежит попытка определить не только количество и происхождение мастеров, но и установить имя главного мастера. Поражающий воображение облик собора заставлял задуматься о фигуре архитектора и скульптора не только наших современников, но и людей Средневековья. Как следует из ремесленной терминологии, в средние века не делали различий между зодчим и скульптором, что свидетельствует о довольно широкой специализации строительного ремесла (Воронин, 1961. С. 324, 325). В Тверской летописи, восходящей к источникам XVI в., в связи с окончанием строительства и украшения собора сообщалось: "а сам князь бе мастер" (1863. С. 355). Вероятно, это известие отражает роль князя Святослава Всеволодовича и как ктитора, и как разработчика общего облика и украшения храма. Позднее В.Н. Татищев, без ссылки на источник, писал о болгарском происхождении мастера, что было признано абсолютно необоснованным (Воронин, 1962. С. 120). В.В. Суслов также без достаточных оснований высказывал предположение о том, что автором скульптурного украшения собора мог быть известный по летописи галицко-волынский мастер-"хитрец" Авдий (1889. Прил. 1. C. 80). С.Г. Щербов в диссертации, посвященной белокаменным рельефам Георгиевского собора, считал изображением мастера клиновидный рельеф, на котором изображена голова бородатого и усатого человека (1953. С. 73. Цит. по: Вагнер, 1964. С. 12). Г.К. Вагнер же в нем видел изображение не мастера, а самого князя-ктитора Святослава; сюжету о главном мастере исследователь отвел специальную главу в монографии (1964. С. 164, 176).

Позже ему была посвящена статья, содержащая более подробную аргументацию, обосновывающую гипотезу о том, что главным был мастер, исполнивший два рельефа Спаса Нерукотворного на стене северного притвора над входом (Вагнер, 1966. С. 99–108). Возле правого рельефа была прочитана надпись Кику, которую исследователь посчитал именем мастера. Надпись была известна и ранее: считалось, что она представляет собой недописанное или искаженное имя от канонического "Аввакум" (древнерусский вариант – Абакум).

По мнению Б.А. Рыбакова, имя, не будучи княжеским или именем святого, могло быть боярским,

а сам рельеф – его изображением (1951. С. 451). С.Г. Щербов считал подпись поздней, а "портретом" бо́лгарского зодчего – "треугольный" рельеф мужской головы.

Определение самого рельефа как образа Спаса Нерукотворного, высказанное в свое время еще Н.П. Кондаковым, утвердилось, а определение подписи как автографа мастера не нашло широкого признания, так как никаких аналогий известно не было. Между тем такие аргументы Г.К. Вагнера, как отсутствие обозначения фупос возле рельефа, несовпадение имени, указанного в надписи, с иконографией рельефа, одновременность их исполнения заслуживали внимания. Поэтому надпись Каку была упомянута как автограф мастера среди резных надписей собора в Юрьеве-Польском (Медынцева, 2000. С. 219, 220). Все исследователи, независимо от атрибуции надписи, считали ее или недописанной, или поврежденной, производной от имени Аввакум. Рельеф с надписью находится над северным порталом на довольно значительной высоте (около 5 м) и труднодоступен для непосредственного изучения. Г.К. Вагнер указал на то, что фотографирование фасадной скульптуры Ю.В. Нескверновым производилось без специальных лесов. Однако без непосредственного обследования надписи трудно говорить о ее состоянии и прочтении (рис. 1).

Обследование надписи *in situ*, сделанные прорисовки и новые фотографии позволяют уточнить существующие прочтения (рис. 2). Рельеф и надпись хорошей сохранности, расположены на соседних блоках, но растительный орнамент и нимб святого составляют на них единое целое, следовательно, они вырезались одновременно. Надпись расположена на специально оставленном для нее месте. На парном рельефе Спаса Нерукотворного, находящемся слева от входа, все пространство между нимбом и соседним блоком занимает растительный орнамент. Следовательно, надпись, вырезанная крупными буквами специальным инструментом, не может быть случайной и входит в первоначально задуманную композицию. Она колончатая, как обычно в домонгольское время подписывались имена святых на иконах и фресках, но обозначение αγηος отсутствует, для него нет места ни на этом блоке, ни на верхнем. Не подтвердилось предположение, что она была повреждена или незакончена. Первые три буквы читаются так же, как и предполагалось ранее, но последний знак, в котором видели букву ч, читается иначе: это две расположенные рядом буквы ає, несколько меньшего размера, чем предыдущие; справа, несколько выше их отчетливо видны две глубоко врезанные точки – разделительный знак, который иногда использовался для обозначе-

Рис. 1. Резные изображения над северным порталом собора.

ния конца строки или фразы. Нужно отметить, что две буквы написаны рядом не из-за отсутствия места, — они образуют подобие крина, таким образом, надпись приобретает орнаментально завершенный характер. В целом колончатая надпись читается: Бакає: она заканчивается орнаментальным "крином". Логично предположить, что орнаментальная колончатая надпись рядом с изображением в нимбе должна называть имя святого, но, как мы видим, она не имеет отношения ни к изображению Спаса, ни к патрональным святым княжеской династии.

В то же время среди личных собственных имен, зафиксированных источниками, имеются новгородец Бакай Игнатьев (1498 г.), имя которого С.Б. Веселовский был склонен связывать с именем Бакей (Бокей) и фамилией Бакеевы, известной по источникам приблизительно с того же времени (1974.

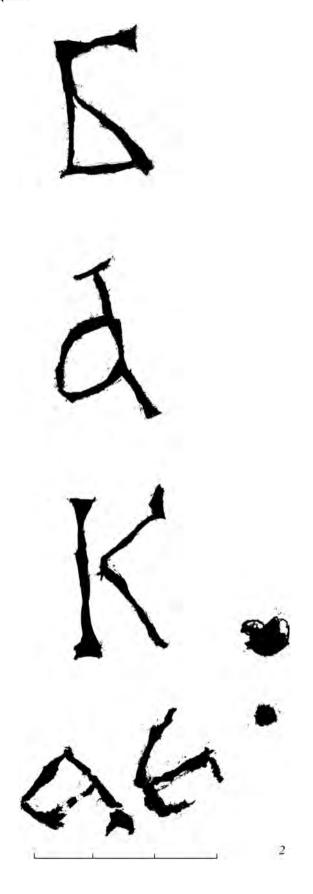
С. 21). В словаре Н.М. Тупикова (1903. С. 93) отмечен крестьянин Осипко Бакай (1634 г.) и там же имя Бака (1570 г.).

Надпись **Какає** можно объяснить как имя собственное в звательной форме в значении именительной. Ее употребление вместо номинатива А.А. Зализняк считает особенностью новгородского диалекта (1995. С. 86, 87), но в данном случае нет уверенности в том, что представлена звательная форма, так как на письме буква ϵ могла обозначать букву j, т.е. надпись могла передавать имя, звучавшее как Бакай — русский (см. оригинал), т.е. номинатив. Происхождение и семантика его неясны. Несмотря на тюркоязычное звучание, оно, возможно, родственно слову "бакуня", которое М. Фасмер, вслед за В. Далем, объяснял как производное от глагола "бакать", сохранившегося в

Рис. 2. Правый рельеф Спаса с подписью Бакая (I); графическая прорисовка надписи (2).

ряде славянских языков в значении "болтать, много говорить", или от уменьшительной формы имени Аввакум, Амбакум (1986. С. 109). Таким образом, не исключено, что несколько иначе читаемая надпись возвращает нас к имени "Бакун" (Аввакум), как и предлагал Г.К. Вагнер. Очень важна датировка надписи, хотя само исполнение связывает ее со временем построения собора. К сожалению, для палеографической датировки данных мало. Сравнение ее с надписями при других рельефах и надписью на Святославовом кресте (1234 г.) из этого же храма показывает, что она выполнена иным почерком. Это вполне объяснимо, так как Г.К. Вагнером было определено не менее 11 мастеров, работавших над резьбой. В качестве палеографических признаков с широкой датой можно отметить несокращенный верх букв Г и К, присущий уставу XI – первой половины XIII в., но встречается он и позднее. Датирующим признаком может быть лишь начертание буквы 1: в обоих случаях с наклонной правой чертой и небольшой "оплывшей" петлей, что в рукописях обычно для XIII в. (Щепкин, 1967. С. 114-116) и характерно для надписей начиная с XIII в., но похожие начертания встречаются и в XII, и в середине XIV в. (Рыбаков, 1964. № 17, 21 – XII в.; № 44 – XIII в.; № 46 – 1329 г.). В целом палеография надписи не противоречит датировке ее XIII в.; она отнесена ко времени строительства храма – 1224–1234 гг., хотя и не находит аналогий в каллиграфических вытянутых пропорциях других надписей, сопровождавших изображения святых, и летописной записи на Святославовом кресте. Можно предположить, что надпись появилась во

время восстановления храма в конце XV в., но палеографических особенностей именно этого времени нет, а наличие специально оставленного места в системе общей композиции рельефа и орнамента говорит о синхронности надписи и резьбы собора, т.е. относит ее к 20–30 гг. XIII в. (до 1234 г.).

Как уже упоминалось, было высказано немало соображений относительно определения главного мастера храма и того, был ли он автором общего замысла и декора или архитектором и автором каменной резьбы были разные лица. Вероятно, можно согласиться с Г.К. Вагнером в том, что главный мастер-архитектор был не только каменщиком, резчиком, но и организатором работ: без него невозможно представить строительство храма со сложным декоративным убором, отражающим определенную философско-религиозную концепцию. Эта роль по летописной легенде отводилась князю Святославу Всеволодовичу, что, принимая во внимание поздний характер возникновения легенды, скорее всего, восходило к тексту на "кресте Святослава Всеволодовича", отмечавшему участие князя в его создании: "поставлен крест сей князем Святославом Всеволодовичем". Также выше упоминались легендарные сведения о строительстве храма мастером из болгар. Расчеты Г.К. Вагнера по техническим возможностям мастеров белокаменной кладки и стилистическим особенностям резьбы показывают, что в строительстве участвовали от 8-9 до 11 мастеров. Главным мастером он склонен считать "седьмого", предполагаемого автора рельефа "князя Святослава" (треугольная маска), отдельных рельефов усатых воинов кочевнического типа на капителях и некоторых других (Вагнер, 1964. С. 170, 171). Ему же Г.К. Вагнер приписывал авторство изображений Спаса Нерукотворного на северном портале - правый из них с надписью, которую он считал автографом самого мастера (1966). Исследователь также предположил, что среди мастеров-камнерезов были выходцы из разных земель. Декоративная надпись, вырезанная крупными буквами на специально оставленном фоне рядом с изображением Спаса Нерукотворного, неслучайна. Вероятно, стоит вернуться к предположению Г.К. Вагнера о том, что она – имя мастера, вырезанное рядом с наиболее замечательным в художественном отношении рельефом. Отметим еще одно обстоятельство, на которое обратил внимание Г.К. Вагнер: рельеф с колончатой надписью находился справа над входом, выходящим на главную площадь. Он считал треугольную маску изображением ктитора-князя Святослава. Таким образом, в расположении на небольшом участке северной стены изображений Спаса (слева и справа от входа), ктитора и подписи мастера исследователь видел отображение традиции выходных ктиторских изображений, встречающейся в миниатюрах византийских и древнерусских рукописей (Вагнер, 1964. С. 164; 1966. С. 106). Даже если усомниться в том, что треугольная маска – изображение самого князя, не следует забывать, что патрональное изображение Суздальской династии (св. Георгий) расположено как раз над северным порталом, по обеим сторонам которого, несколько ниже, слева и справа, находятся парные рельефы Спаса Нерукотворного, составляя симметричную композицию, связь которой с ктиторской традицией, отраженной в миниатюрах, достаточно выразительна.

Неканоническое мирское имя – лаконичная форма подписи, использованная вместо более развернутых (господи помози ... имярек). Мастер, оставивший свое имя на видном месте, над центральным входом, рядом с изображением Спаса Нерукотворного, должен был иметь на это право. Поэтому у Г.К. Вагнера были основания считать его главным мастером, зодчим, архитектором, автором общего замысла и отдельных, наиболее важных резных сюжетов.

Семантика имени, как и его происхождение, неясна: возможно славянское (от "бакати" – много, красноречиво говорить, болтать) или древнерусское производное (от канонического Аввакум); возможно тюркоязычное. Несомненно то, что сама надпись – древнерусская (не греческая), об этом говорит и форма имени, и употребление буквы **Г**. Использование звательной формы указывает на новгородский диалект, хотя в данном случае уверенности в этом нет.

Отмечая уникальности "подписи" мастера на фасаде храма, следует вспомнить, что даже древнерусские летописи этого времени иногда упоминают имена зодчих: это уже известные хитрец Авдий из Галичского Холма, которому пытались приписать воздвижение и резьбу Георгиевского собора, и Петр-Милонег, предполагаемый зодчий Черниговской ц. Св. Параскевы-Пятницы (Барановский, 1948. С. 32, 33), и упомянутый в летописи мастер Петр — строитель Георгиевского собора в Юрьевском монастыре близ Новгорода (Новгородская летопись, 1841. С. 214).

В Западной Европе известных современников Бакая (?) гораздо больше: это скульптор и зодчий Никколо Пизано и архитектор Эд де Монтерель, участвовавший в крестовых походах Людовика IX, и автор знаменитого альбома — практического руководства для средневековых зодчих — Виллар де Оннекур и др. (см., например: Лясковская, 1973. С. 80. Табл. 125; Даркевич, 1976). Они известны по жизнеописаниям, хроникам, надгробным надписям, восхваляющим их деяния, надписям

у порталов храмов и мозаичным узорам полов, включающих их имена. Участие иноземных мастеров в становлении Владимиро-Суздальской архитектуры засвидетельствовано как письменными источниками, так и наличием романских деталей. Ими могли быть переданы не только приемы строительного мастерства, но и традиция оставлять свое имя на портале собора, соединившаяся с укоренившимся на Руси обычаем писать на стенах храмов молитвенные надписи и включать в них свои имена. К настоящему времени среди них обнаружены и автографы строителей и фресчистов – это имена строителей из Новгородской Софии (одно из них прочерчено по сырой штукатурке в процессе строительства), и молитвенные надписи Стефана с помощниками, и надписи фресчистов, оставленные красками в парусах барабана одного из куполов того же храма, и подписи мастеровювелиров, "плинфоделателей", оружейников (Рыбаков, 1948. С. 30; Медынцева, 1978. С. 32-61; 1999. C. 149, 159; 2000. C. 72, 73, 76, 77, 86, 87, 90-94).

Утверждения об анонимности средневекового искусства совершенно справедливы, особенно по отношению к религиозному искусству. "Церковное зодчество священно, отсюда, за единичным исключением, - антиперсонализм, анонимность памятников, созданных для возвеличивания божьей славы. Ведущие мастера не стремились закрепить свои имена даже за самыми значительными творениями, которые массы воспринимали как творчество безымянного коллектива верующих, общающихся с Богом" (Даркевич, 1998. С. 121, 122). Верно, что абсолютное большинство подписей-граффити имели заклинательное, молитвенное назначение, фиксировали интимные, личностные аспекты общения с Божеством. Но, пожалуй, явным преувеличением будет утверждение, что "средневековое искусство не предназначено ни для рынка, ни для прибыли, ни для известности" (Сорокин, 1992. С. 441): одно полностью не отрицало другого. Проблема соотношения личности и общества в Средневековье достаточно противоречива. Город и ремесло, от уровня развития которого зависело благосостояние ремесленника, были питательной средой для раскрытия творческих возможностей человека, постепенно осознававшего свое личностное начало (Стам, 1993. С. 34–38). Неслучайно и то, что подписывались, пусть и традиционно канонической молитвенной формулой, самые значительные, самые удачные произведения. Особенно это касается Древней Руси. От более позднего времени нам известны подробные ктиторские подписи с упоминанием имени художника или зодчего: это, например, подписи иконописца Олексы Петрова (конец XIII в.), Дионисия с сыновьями, расписавших храм Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (1502—1503 гг.), архитекторов Бармы и Постника Якова (Барма, Постник Яковлев?), построивших знаменитый собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, или собор Василия Блаженного на Красной площади. Все они были оставлены на стенах храмов и иконах.

В свое время М.К. Каргер высказал гипотезу о том, что источниками сведений для III Новгородской летописи о мастере Петре, построившем Георгиевский собор в Новгородском Юрьевском монастыре, и о Феофане Греке, расписавшем ц. Спаса на Ильине в Новгороде, послужили именно такие надписи на стенах храмов (1958. С. 565–568). Эта гипотеза подтверждается недавними находками автографов художников и зодчих.

Вполне закономерно желание связать имя зодчих-мастеров, известных по летописям или житийной литературе, с дошедшими до нас архитектурными шедеврами. Но гораздо больше оснований для атрибуции дают надписи-автографы зодчих, строителей, художников, оставленные ими на стенах построенных и расписанных храмов. Настало время превратить эти надписи в полноценные исторические факты.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ N_{2} 08-01-00-469а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барановский П.Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л., 1948.

Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси (г. Юрьев-Польской). М., 1964.

Вагнер Г.К. О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском // СА. 1966. № 3.

Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII— XV вв. Т. І. М., 1961.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII— XV вв. Т. II. М., 1962.

Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. М., 1976.

Даркевич В.П. Градские люди Древней Руси // Культура славян и Русь. М., 1998.

Зализняк А.А. Новгородский диалект. М., 1995.

Каргер М.К. О деятельности зодчего Петра и Феофана Грека // ТОДРЛ. 1958. Вып. IXV.

Лясковская О.И. Французская готика. М., 1973.

- *Медынцева А.А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.
- Медынцева А.А. Мастерская Тудора // РА. 1999. № 3.
- *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси. М., 2000.
- Новгородская летопись // ПСРЛ. 1841. T. III.
- Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.; Л., 1948.
- Рыбаков Б.А. Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. Т. 2. М.; Л., 1951.
- *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964 (САИ; E1-44).
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

- *Стам С.М.* Диалектика общности и личности в средние века // ВИ. 1993. № 3.
- *Суслов В.В.* Очерки истории древнерусского искусства. СПб., 1889.
- Тверская летопись // ПСРЛ. 1863. T. XV.
- *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен // 3OPCA. 1903. Т. IV.
- Φ асмер M. Этимологический словарь русского языка. Т. І. М., 1986.
- Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967.
- *Щербов С.Г.* Белокаменные рельефы Георгиевского собора в Юрьве-Польском (XIII в.): Дис. ... канд. искусствоведческих наук. М., 1953.

ИСТОРИЯ НАУКИ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Д.Я. САМОКВАСОВА

© 2012 г. А.Н. Голотвин

ГУК "Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области", Липецк

В августе 2011 г. исполнилось 100 лет со дня смерти одного из ведущих отечественных археологов дореволюционного времени Д.Я. Самоквасова (1843–1911) – выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, профессора права Варшавского, затем Московского университета, директора Московского архива министерства юстиции (МАМЮ), участника большинства Археологических съездов (АС), члена Московского Археологического общества (МАО), Императорской Археологической комиссии (ИАК) и пр. Д.Я. Самоквасовым было раскопано значительное количество памятников, материалы которых до сих пор составляют солидный корпус источников по отечественной истории и археологии. С его именем также связано развитие методической базы, разработка проблем охраны археологического наследия, хранения и экспонирования музейных коллекций, внедрение археологического материала в педагогический процесс.

Долгое время вклад Д.Я. Самоквасова в отечественную археологию не получал должной оценки. После публикации достаточно обстоятельного некролога "Самоквасов как археолог" (Анучин, 1914. С. 403–410) вплоть до начала 90-х годов ХХ в. работ, посвященных археологической деятельности Д.Я. Самоквасова, не выходило, хотя отдельные аспекты получали освещение в обобщающих исследованиях историографического характера (Худяков, 1933. С. 73; Очерки..., 1960. С. 621, 622; Монгайт, 1955. С. 41; Формозов, 1961. С. 117; Лебедев, 1992. С. 168–170).

Изменения, происшедшие в отношении наследия ученого, наглядно иллюстрирует приуроченный к 150 годовщине со дня его рождения историко-археологический семинар "Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова", на котором прозвучала целая серия докладов о вкладе Дмитрия Яковлевича в отечественную науку (Слов'яни..., 1993). Однако наиболее полно научная биография Д.Я. Самоквасова воссоздана в работах С.П. Щавелева, обобщенных в книге "Историк Русской земли: жизнь и труды Д.Я. Самоквасова" (1998). Иссле-

дования этого автора, среди которых и обширные публикации архивных источников (Археология, история и архивное дело..., 2007), создают хорошую базу для более углубленного исследования творчества ученого, важнейшая часть которого посвящена археологии.

Как археолог молодой историк права проявил себя уже во время учебы в магистратуре. Причины, подвигнувшие не только включить данные археологии в число источников исследования, но и начать самостоятельные полевые работы, лежат в теоретико-методологических установках Д.Я. Самоквасова. К "вещественным памятникам" он обратился не без влияния модного тогда позитивизма, считая именно комплексное источниковедение средством приближения истории к нормам естественных наук (1878а. С. 248, 249). Тем не менее будучи человеком с консервативными общественно-политическими взглядами с годами он все больше тяготел к иной традиции. Его попытки отыскать генетическое родство "русских славян" со скифами, сарматами и гетодакийцами и, как следствие, доказать их цивилизованность уже в древнейшие времена роднят его с немецкими романтиками, возвеличившими германцев (Клейн, 2011. С. 342). Важнейшая роль при этом отводилась изучению вещественных памятников, в которых виделось "... начало, воскресенье и богатство нашей истории" (Самоквасов, 1884. С. VIII). Однако количество и качество доступных археологических источников явно не соответствовало предъявляемым к ним требованиям. Выходом из этой ситуации стали самостоятельные полевые исследования.

Приступив к практической деятельности, ученый столкнулся со спецификой археологического источника, методов его изучения, оказавшей решающее воздействие на восприятие им археологической науки, предопределившей постепенный отход от ее расширительной трактовки. Учитывая, что Д.Я. Самоквасов не давал прямых определений археологии, его взгляды логично рассматривать через подходы к археологическому источнику.

В 70-х годах XIX в. для обозначения археологического материала употреблялись термины "памятники древности, скрытые под землей", "древние земляные насыпи", "памятники жизни", "вещественные памятники" и т.п. В этом списке нет ни одного обозначения с термином "археологический". Видимо, разделяя точку зрения А.С. Уварова на предмет и объем археологии, Д.Я. Самоквасов все же оперировал не его "археологическими памятниками", включающими "вещественные", "письменные" и "устные" свидетельства (Уваров, 1878. С. 21, 22), а лишь одной из их составляющих. Первоначально им анализировались только городища и курганы. В отличие от предшественников Д.Я. Самоквасов основным объектом фиксации при раскопках, например, курганов видел не только вещи, чаще всего воспринимаемые как произведения искусства, но и внешнее и внутреннее устройство погребений в целом.

В работах 80-х годов к памятникам вещественным уже относились "... имущественные клады, городища, могилы, предметы культа, орудия добывания средств питания, вооружение, одежда, орнаментика костюма и всякого рода вещественные предметы, составляющие обстановку домашней и общественной жизни наших предков" (Самоквасов, 1888. С. 43). Изменения следует связывать с началом раскопок курганов с несколькими разновременными захоронениями, в результате чего они стали восприниматься как могильники. Появились и новые термины для определения археологического источника. Во втором выпуске "Истории русского права" Д.Я. Самоквасов указывал: "В решении вопроса о происхождении наших предков мы пользовались ... и фактами археологиче*скими* (курсив мой. – $A.\Gamma$.), открытыми в скифской и славянской земле" (1884. С. VIII). В этом определении просматривается сужение значения термина "археологический" и применение его только к материалам, полученным в ходе раскопок. Отход от расширительной трактовки археологии еще более наглядно читается в других работах ученого: "Славянорусская археология (курсив мой. – $A.\Gamma$.) дает возможность показать и определить формы, состав и способы изготовления многих предметов древнего домашнего и общественного быта, неизвестных литературным памятникам или известных им только по названиям" (Самоквасов, 1888. С. 144).

Употребление термина "славянорусская археология" можно рассматривать как стремление к выделению особого раздела отечественной археологии. Если А.С. Уваров под "русской археологией" подразумевал науку, изучающую памятники всех народов, входивших в состав Российской империи,

то Д.Я. Самоквасов, вводя термин "славянорусская археология". лелал акцент на этнической принадлежности предмета этого раздела науки. Сам термин следует рассматривать как производное от определения "Русские Славяне" (отсюда "славянорусы", "древнерусские Славяне" и т.п.), использовавшееся Д.Я. Самоквасовым для обозначения великороссов, малороссов и белорусов; он имел достаточно широкое хождение в исторической литературе того времени. Придавая этнический оттенок этому понятию, Д.Я. Самоквасов увязывал его хронологические границы с проблемой происхождения восточных славян. Поскольку их предков он видел уже среди скифских племен, то и скифо-сарматская археология, в современном ее понимании, включалась в славянорусскую археологию.

Тенденция к ограничению источников археологии ископаемыми остатками жизнедеятельности человека окончательно возобладала в работах начала XX в., когда Д.Я. Самоквасов впервые употребил термин "археологический источник". Устанавливая причину расселения восточнославянских племен, он пришел к выводу, что "фактический ответ на этот вопрос нужно искать в источниках *археологических* (курсив мой. – $A.\Gamma$.) – в наслоении могил русской прародины", определив "... раскопками, какой народ жил в области бассейнов Сулы и Роси..." (Самоквасов, 1906. С. 10). Понятнее взгляды ученого становятся при анализе другой работы. Так, в 1908 г. он писал: "Древности, извлеченные из жилищ и могил неизвестных времен и народов, безгласны для историка, хотя их формы могут быть интересны для археолога; наоборот, бытовые изделия, извлеченные из могил и жилищ известных мест, времен и народов, могут и должны служить фактическою основой исторического знания..." (Самоквасов, 1908а. С. 42, 43). Данная цитата, как и ряд других высказываний ученого, говорят о понимании археологии как источниковедческой (ископаемые "древности" и их "формы"), вспомогательной исторической дисциплины, основная задача которой – определение времени и народности изучаемых объектов, что считалось необходимым условием перехода археологического материала в разряд исторических источников (Самоквасов, 1878a. C. 194).

Важнейшим же признаком самостоятельности этой науки Д.Я. Самоквасов называл наличие собственной "классификации", разработке которой посвятил ряд работ.

Впервые свои подходы к этой проблеме он изложил на Антропологической выставке 1879 г. в докладе "Вещественные памятники древности в пределах Малороссии", в котором рассматривались в

"исторической последовательности памятники эпохи каменной культуры, памятники эпохи бронзовой культуры и памятники эпохи культуры железной" (Самоквасов, 1880. С. 1).

Сам ученый указывал, что он следовал "... принятой в археологии классификации древнейших следов человеческой культуры..." (Самоквасов, 1880. С. 1). Однако под терминами "памятники эпохи культуры" он имел в виду исторические эпохи, используя термин "культура" как синоним понятию "период", "цивилизация". Так, эпоху каменной культуры ученый начинал с "отдаленнейшего времени" совместного существования человека и мамонта, а заканчивал первыми сообщениями исторических источников. Данные письменных источников определяли и границы эпохи железа, и деление внутри нее.

На первый взгляд, эта систематизация представляет собой распределение археологического материала по историческим эпохам, но прежде эти памятники были сгруппированы по технологическому критерию, как и "система трех веков" Х.Ю. Томсона – Й.Я. Ворсо. Основанием для сопряжения с каменным, бронзовым или железным веками служили состав, форма и материал вещей в комплексах, стратиграфические наблюдения. Таким образом, прежде чем распределить материал по историческим эпохам, он членился по археологическим векам, а уже потом соотносился с исторической хронологией. Вот здесь и обнаруживалась специфика археологии как науки. Ведь конечная цель и современной археологии – выход на исторические реконструкции, но сегодня этому предшествует более развитая внутренняя и внешняя критика археологического источника.

Классификация, изложенная в "Вещественных памятниках древности в пределах Малороссии", стала одной из первых отечественных попыток уточнения системы трех веков для определенного региона. Примерно в это же время создавали свои хронологические колонки и ведущие западные ученые. Первые попытки членения, например, каменного века были палеонтологическими. Так, Э. Ларте выделял век гиппопотама, пещерного медведя, мамонта, шерстистого носорога и др. В 1865-1866 гг. на основе уже технологических критериев были выделены палеолит, неолит и мезолит, а в 1869 г. Г. Мортелье разделил на четыре эпохи палеолит Франции (Клейн, 2000. С. 487–491). Можно предположить, что Д.Я. Самоквасов, называя один из видов памятников каменной эпохи "расколотые человеком кости мамонта и современные мамонту человеческие орудия", пытался соединить оба подхода.

В зависимости от появления древностей новых хронологических горизонтов подвергалась корректировке и классификация ученого. Более завершенный вид она приобрела к 1890 г. Теперь археологический материал распределялся по "киммерийской" (до VI в. до н.э.), "скифской" (VI-I вв. до н.э.), "сарматской" (I-V вв. н.э.), "славянской" (VI–XI вв. н.э.) и "половецко-татарской" (XII– XVII вв. н.э.) историческим эпохам (Самоквасов, 1890; 1892). По сравнению с предшествующими вариантами расширилась территория охвата, рассматривались языческие могилы "надпонтийской" области Европы (южные и центральные области Российской империи). В этом варианте Д.Я. Самоквасов широко использовал этнографическую терминологию, подчеркивая, что выделяет не собственно могилы скифов или сарматов, а только определенный хронологический отрезок, для удобства называя его именем господствовавшего этноса (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 630. Л. 189), т.е. материал группировался не по этническому, а по хронологическому принципу. Следовательно, значение имели временные рамки периодов, а не их названия. Границы эпох определяли конкретные исторические события. С одной стороны, это давало объяснение изменениям погребального обряда, материала и форм сопровождающего инвентаря, с другой – относительную хронологию (деление на каменный, бронзовый и железный века) превращало в абсолютную. Д.Я. Самоквасов, хотя и призывал не принимать во внимание "теоретические века скандинавской археологии" (Труды..., 1897. С. 63), сам предлагал лишь локальный вариант хронологии железного века, совмещенной, правда, с исторической периодизацией.

Итоговый вариант классификации был предложен в фундаментальном издании "Могилы Русской земли", где выделялись следующие эпохи: "киммерийская" (до третей четверти VII в. до н.э.), "скифо-сарматская" (вторая половина VII в. до н.э. – VII н.э.), "русская" (VII—XI вв. н.э.) и "половецкотатарская" (с X в. н.э. – до прекращения языческого обряда) (Самоквасов, 1908а).

Наиболее крупными подразделениями и здесь остались исторические эпохи. Однако и их хронологические границы, и названия претерпели изменения, а внутри скифо-сарматской эпохи были выделены периоды (сколотский, сарматский и росский). Тем не менее единицей деления другого порядка здесь выступает не период, бывший, как и эпоха, отрезком исторического времени, а группа могил. Например, среди погребений "сколотского периода", помимо собственно "сколотских", вычленялись могилы "народа каменной и бронзовой культуры",

не вошедшего в состав государства "Сколотов", и "древнейшие могилы скитской эпохи". Выделялось несколько могильников, принадлежащих сарматским племенам, и погребения "Роксолан". Могилы русской эпохи подразделялись на две группы -"козарские" и "русские", половецко-татарской – на пять, каждая из которых связывалась с печенегами, половцами или татарами (Самоквасов, 1908а. С. 66, 92, 231-237, 253, 254). Появление в классификации групп могил – важное отличие этого варианта от предшествующих. Теперь могилы распределяются не только по историческим периодам, но и соотносятся с конкретным этносом и даже племенем. Здесь стоит отметить, что древние "племена и народы", различные стороны их материальной культуры ("быт"), были основным объектом исследования представителей так называемой археологической бытописательской парадигмы. При этом ее характерной чертой называют отсутствие детальной разработки проблем периодизации и, как следствием этого, - совмещение во времени исторических событий, отделенных друг от друга столетиями. В качестве классического примера приводят труды И.Е. Забелина. В рамки этой парадигмы вписываются и первые статьи Д.Я. Самоквасова о древностях северян. Однако стремительное накопление конкретного материала, незначительное количество которого и следует считать причиной отсутствия разработанной хронологии у отечественных бытописателей, привело его к необходимости распределения археологических памятников во времени. При этом установка на изучение истории культуры народов и племен продолжала себя проявлять в непременном соотнесении памятника и этноса. Такие подходы были обусловлены ориентацией и представителей бытописательской парадигмы, и Д.Я. Самоквасова на задачи исторической науки. Отсюда и специфика его классификации. Распределение материала по периодам относительной хронологии не могло удовлетворить Д.Я. Самоквасова - историка, которого интересовал быт конкретных племен и народов.

По своему характеру его разработки — это попытка создания региональной хронологии. В принципе, ученый двигался в том же направлении, что и археологи Западной Европы (Клейн, 2000. С. 487). Однако если для европейских исследователей основной задачей было установление с помощью археологических методов периодов относительной хронологии, а уже потом соотнесение ступеней и фаз с абсолютным счетом времени, то у Дмитрия Яковлевича эти две операции совмещались. Он пытался периоды относительной хронологии заменять историческими эпохами, хотя это и относится только ко времени греко-римской цивилизации и последующих периодов. Для "доисторического периода" он довольствовался относительной хронологией. На наш взгляд, в этом проявилось своеобразное сочетание эволюционизма с характерной для романтизма увлеченностью этническими определениями.

В этом заключается отличие выделяемых Д.Я. Самоквасовым групп памятников от современного понятия "археологическая культура": у него - это культуры древних племен. Определяющим критерием для отнесения могилы тому или иному этносу были представления ученого о времени его существования, территории расселения, миграциях и т.п. Под эти исторические построения и подгонялась культурно-хронологическая атрибуция погребения. Так, царские курганы скифов считались погребениями правителей сарматов, поскольку хронологически попадали в сарматский период, границы которого маркировали исторические события, известные по письменным источникам (Самоквасов, 1908а. С. 149). Обращает же на себя внимание совокупность объектов, для определения которой употреблялся термин "тип", - "курганы Аксютинского типа", "катакомбы Суоргомского типа", "курганы северянского типа" и др. Они выступали как составная часть могил "роксолан", хазар, восточных славян. Основанием для их выделения служили археологические признаки - территория распространения, датировка, стратиграфическое распределение, сочетаемость типов вещей в замкнутых комплексах. Именно эти группы памятников можно рассматривать как своего рода эмбрион современного понятия "археологическая культура", по крайней мере, критерии вычленения близки. Эти типы памятников и служили у Д.Я. Самоквасова ячейками относительной хронологии.

Взгляды ученого на теоретические проблемы археологии хорошо иллюстрируют процесс бурного развития науки, который фиксируется в последней трети XIX – начале XX в. Тоже относится и к полевым работам. В условиях, когда огромные регионы оставались необследованными, Д.Я. Самоквасову приходилось прибегать к широко распространенной в предшествующее время практике научных путешествий, сочетавшихся у него с масштабными раскопочными работами.

В 1870–1872 гг. им было обследовано около 70 городищ в нескольких губерниях Европейской части Российской империи (Самоквасов, 1873). Весомым дополнением к этому стал сбор сведений о городищах и курганах, организованный через Центральный статистический комитет (Щавелев, 1992. С. 255–264). Совершал научные путешествия Д.Я. Самоквасов и позднее, осматривая памятники

в Северном Причерноморье, Австро-Венгрии и Италии.

После защиты в 1873 г. диссертации на тему "Древние города России" основным объектом его научных интересов стали погребальные памятники Днепровского лесостепного левобережья (бассейны р. Десна, Сейм, Сула, Псёл). Здесь было исследовано несколько сотен объектов преимущественно славяно-русского времени. Только в могильнике Чернигова в разные годы ученым было раскопано до 150 насыпей, среди которых и такие эталонные погребения, как Черная Могила, Гульбище, Безымянный и др.

В 1876—1877 г. Д.Я. Самоквасов, расширив район полевых работ, копал разновременные курганы у с. Яблоново, Гармани, Россава в Каневском Поднепровье (бассейны р. Рось и Россава). Привлекали внимание ученого и археологические памятники Польши, а в 1881—1882 гг. работы проводились в окрестностях Пятигорска и Кисловодска (Перечень..., 2007).

Такие масштабные исследования стали возможны во многом благодаря тому, что финансировались не только из собственных средств Д.Я. Самоквасова, но и за счет государственных субсидий, получаемых им с 1876 по 1881 гг. Когда же субсидии прекратились, ученый оказался среди первых сверхштатных членов ИАК, на средства которой во второй половине 80 – начале 90-х годов XIX в. были раскопаны объекты в Екатеринославской (курган эпохи бронзы Бесчастная могила и 26 насыпей раннего железного века у ст. Краснокутовка, гуннский грунтовый могильник у с. Новогеоргиевка и погребения кочевников монгольского времени у д. Вороной), Киевской (Рыжановская группа курганов раннего железного века) и Курской (курган эпохи бронзы у д. Воробьевка) губерниях (Самоквасов, 1886).

После назначения Д.Я. Самоквасова на должность директора МАМЮ последовал более чем 10-летний перерыв в его полевых исследованиях. Они возобновились только в ходе подготовки XIV АС в Чернигове, где Д.Я. Самоквасов проявил себя как организатор научных экспедиций. На его средства раскопки проводили В.А. Городцов, Н.Е. Макаренко, И.Я. Стрелецкий и др. Сам же ученый исследовал несколько курганов в Аккерманском уезде и Чернигове во время проведения самого съезда (Раскопки..., 1916). Однако и после съезда ученый не прекратил своих полевых занятий. Он не только раскопал несколько славянских курганов в Подмосковье для слушателей Археологического института, но и совместно с членами Курской архивной комиссии организовал масштабные работы на Гочевском археологическом комплексе, где было вскрыто 287 курганов, заложено несколько шурфов и траншей на городищах (Дневник..., 1915).

Значение полевых исследований Д.Я. Самоквасова определяется не только количественными показателями, но и уровнем применяемой методики. Он был одним из авторов инструкции археологам, утвержденной на III АС (Инструкция..., 1878. С. LXIX-LXXII). Если в ней речь идет только об описании городищ, то на практике они исследовались шурфами и крестообразными траншеями (Самоквасов, 1876. С. 358). Методика исследования поселений широкими площадями у нас стала распространяться только в начале XX в., что объясняет использование приемов, хорошо отработанных на курганах. Однако в 1909 г. на Гочевском археологическом комплексе Д.Я. Самоквасов пробовал копать и широкими траншеями, самая большая из которых – около 380 м² (Дневник..., 1915. С. 4).

Куда больше внимания он уделял методике раскопок погребальных памятников. Вскрытие курганной насыпи "колодцем" или траншеей, применение стального щупа сегодня выглядят достаточно уязвимо. Тем не менее по сравнению с распространенной тогда практикой (Бойко, 2000. С. 75–78) методика Д.Я. Самоквасова обладала и несомненными достижениями. Одно из них – подробное описание раскопок в полевом дневнике. К другим ее сильным сторонам можно отнести обязательное исследование насыпи до материка; послойное снятие земли при обнаружении кострища и при разборе могильной ямы; оставление вещей на местах до их полной фиксации; тщательный просмотр и просеивание земли из погребальной камеры; подробное описание, измерение и зарисовка устройства и содержания могилы. Кроме того, в инструкции предписывалось начинать работы с закладки пробного шурфа для выяснения состава почвы и определения материка (Инструкция..., 1878. C. LXIX-LXXII).

На снос Д.Я. Самоквасов рекомендовал копать две-три насыпи в могильнике и одиноко стоящие курганы, в связи с чем интерес представляет исследование системой траншей всей насыпи одного из больших курганов у с. Рыжановка в Киевской губернии (РА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1890. Д. 60. Л. 26а; Самоквасов, 1908а. С. 84), что можно рассматривать как определенное развитие применяемых им приемов.

Конечно, сам ученый не всегда с одинаковой тщательностью выполнял предлагаемые им же процедуры. Он часто не описывал курганы, в которых не было инвентаря, останавливал раскопки при повторении погребального обряда, для нескольких схожих курганов делался только один типовой чер-

теж. Тем не менее оригиналы чертежей (ОПИ ГИМ. Ф. 281. Оп. 3. Д. 252) и отчеты (РА ИИМК. Ф. 1. 1889. Оп. 55; Ф. 1. 1891. Оп. 54 и др.) показывают, что если Д.Я. Самоквасов зарисовывал курган, то это были качественно выполненные в масштабе, цветные чертежи горизонтальных и вертикальных разрезов насыпей, отражающие стратиграфию, расположение погребений и находок.

Уделяя много внимания полевому этапу исследования, ученый куда меньше занимался так называемой кабинетной археологией. Применительно к его работам можно говорить лишь о зачатках археологического источниковедения. Д.Я. Самоквасов не строил типологических рядов вещей, да и практически не занимался анализом отдельных находок, оперируя комплексами. Некоторые предпосылки к изучению вещи прослеживаются лишь в работах начала XX в. (Могильные древности..., 1917. С. 37). Не интересовала его и репрезентативность выборки, было достаточно одного факта для построения сложной цепочки выводов. Считая археологический источник изначально объективным, Д.Я. Самоквасов не учитывал и субъективности исследователя. В результате этого объективным считалось любое сообщение письменного источника, подтвержденное данными археологии. Методология ученого, если понимать этот термин как совокупность методов, сводилась к умозрительному сопоставлению археологических комплексов (городищ, могил, кладов) друг с другом и с данными письменности, реже – этнографии.

Подобные пробелы в методах археологического исследования при еще достаточно слабой источниковой базе способствовали бывшим у Д.Я. Самоквасова заблуждениям в исторических построениях. Однако именно привлечение археологических источников позволило ему предложить ряд оригинальных исторических теорий развития восточнославянского общества.

Уже в своей магистерской диссертации на тему "Древние города России" Д.Я. Самоквасов (1873) выступил с опровержением теории богослужебного назначения городищ З.Д. Ходаковского. Результаты полевых исследований стали одним из ключевых доказательств их жилого и военно-оборонительного характера, что дало основание утверждать существование в домонгольской Руси не нескольких сотен, а нескольких тысяч укрепленных поселений. Данные археологии и анализ письменных источников по колонизации Юго-Востока России в XVI—XVII вв. позволил Д.Я. Самоквасову предложить теорию исторического развития поселений через последовательное прохождение трех фаз: город — село — хутор. Эти факты утвердили его в мысли,

что при колонизации новых земель восточные славяне были вынуждены объединяться в общины и строить на заселяемых территориях только укрепленные поселки.

Не противоречили этим выводам и первые результаты раскопок курганов, изложенные в развернутой статье "Северянские курганы и их значение в истории" (Самоквасов, 1878б. С. 185–224). Выделение характерных типов погребений летописных северян (курганы с погребальными урнами и кострищами, а позднее и подкурганные захоронения в ямах (Самоквасов, 1880. С. 12)) позволило включить в их число такие богатые захоронения, как Черная могила и Гульбище, что в свою очередь дало основание говорить о славянах языческой эпохи как о народе цивилизованном, с развитой торговлей и социально-имущественной дифференциацией.

Обширный раздел, посвященный памятникам вещественным, имелся и в докторской диссертации Д.Я. Самоквасова (1878а). В нем ученый обобщил результаты исследований городищ и курганов, которые в совокупности с данными письменных источников подтверждали вывод об объединении восточнославянских племен задолго до призвания Рюрика в так называемые племенные княжения или племенные государства.

С начала 1880-х годов Д.Я. Самоквасов обратился к проблеме происхождения восточных славян, основные теоретические положения которой были изложены в работе "Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян" (1884). В восточнославянском этногенезе исследователь выделял два этапа: образование общей славянской народности и ее распад на славян южных, западных и восточных. Общим индоевропейским предком славян, германцев и балтов он считал скифов.

Более подробно Д.Я. Самоквасов останавливался на втором этапе. По его теории во II в. до н.э. сарматские племена, покорившие праславян, скифов, передвинулись в области между Днепром и Дунаем и, смешавшись с местными племенами, образовали государство во главе с гетами. Выселение же последних за Карпаты под натиском римлян отождествлялось с летописным свидетельством о переселении славян из дунайской прародины. Одним из ключевых доказательств выступили клады римских динариев, состав и география которых, по мнению автора, подтверждали их принадлежность славянским переселенцам, продавшим свое имущество.

Взгляды Д.Я. Самоквасова на историю восточных славян языческой эпохи были обобщены в очередном выпуске "Истории русского права" (1888). Он повторил свою теорию этногенеза славян и воз-

зрения на проблемы древнерусского города. Данные археологии привлекались для подтверждения и других положений автора. Орудия труда, зерна пшеницы, ячменя, овса и ржи, открытые в погребениях, служили доказательством земледелия как основы хозяйственной деятельности славян. Импортные вещи и отдельные монеты из тех же могил, а также клады выступали свидетельствами разветвленных торговых отношений. Так, клады византийских монет VI-X вв., обнаруженные в Киеве и области Днепровских порогов, монеты и другие артефакты византийского происхождения из погребений славян позволили говорить не только о подлинности русско-византийских договоров, но и о реальности военных походов на Константинополь в правление Аскольда и Дира.

Целая серия работ историко-археологического характера была издана в преддверии XIV AC 1908 г.: итоговое издание "Курса истории русского права" (1908б), "Северянская земля и Северяне по городищам и могилам" (1908в) и брошюра "Происхождение русского народа" (1908 г.). Наиболее серьезную трансформацию претерпела его теория происхождения славян. В ее последней версии акцент был сделан на роли местных "скито-сарматских" племен. Среди них наиболее значимое место в формировании восточнославянского этноса отводилось племени роксалан, с которым связывались скифские курганы и городища больших размеров в Посулье. Прямыми предками русского народа считались "россы", населявшие государство, образовавшееся в результате смешения роксалан и части переселенцев с Дуная, принесших клады римского серебра и поля погребальных урн. Ученый не только пытался согласовать отстаиваемое им летописное сообщение о выселении славян с Дуная с новейшими археологическими данными (открытие В.В. Хвойкой полей погребальных урн в Поднепровье), но и дать объяснение резкой смене обряда захоронения. Среди причин распада государства россов, приведшего к образованию летописных племен, важное место занял хазарский фактор. Последнее следует связывать с выделением этого круга древностей.

Стоит отметить и попытки Д.Я. Самоквасова с помощью картографирования городищ и курганов определить границы не только всей северянской земли, но и волостей внутри нее. Центрами этих образований стали "старшие города", вычленяемые по более значительным размерам, наличию сложной системы укреплений и большему количеству сопровождающих курганов (Самоквасов, 1908в. С. 29–32). Интересно, что близкие к этим критерии были положены в основу разработанной

в 80-х годах XX в. классификации А.В. Кузы (Древняя Русь..., 1985. С. 39–50).

Подводя итоги, отметим, что с позиций сегодняшнего дня наследие Д.Я. Самоквасова в первую очередь представляет интерес как отражение процесса развития отечественной дореволюционной археологии от общей "русской археологии" как науки о древностях к так называемым частным археологиям, в основе которых - изучение ископаемых остатков жизнедеятельности человека. В случае Д.Я. Самоквасова – это славяно-русская археология. Однако работы ученого имеют не только историографическое значение. Прежде всего, речь идет о результатах его раскопок и разведок, методический уровень которых и в наше время оставляет их в числе важнейших источников по целому ряду проблем. Так, не одно исследование погребального обряда северян не обходится без обращения к материалам Д.Я. Самоквасова. Иначе обстоит дело с его историческими теориями, созданными с привлечением вещественных памятников. Несовершенство методов анализа археологических источников часто приводило к их неверной культурно-хронологической атрибуции и, как следствие, к заблуждениям в исторических построениях. Фундаментальные положения взглядов Д.Я. Самоквасова не подтверждаются современными исследованиями, хотя отдельные подходы и положения все же получили свое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин Д.Н. Д.Я. Самоквасов как археолог // Древности. М., 1914 (Тр. МАО; Т. XXIII. Вып. 2).

Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост., вступит. статья и ком. С.П. Щавелева. Курск, 2007.

Бойко А.Л. Из истории методики полевых исследований в дореволюционной России // ДА. 2000. № 2.

Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.

Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для проведения раскопок курганов // Тр. III AC. Т. I. Киев, 1878.

Клейн Л.С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // Культурная антропология. Археология. Время последних неандертальцев. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000 (STRATUM plus; № 1).

Клейн Л.С. История археологической мысли. Т. 1. СПб., 2011

Куза А.В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985 (Археология СССР).

- *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700—1917. СПб., 1992.
- Могильные древности Северянской Черниговщины Д.Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1917.
- Монгайт А.Л. Археология в СССР. М., 1955.
- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960.
- Перечень археологических исследований Д.Я. Самоквасова, составленный им самим между 1910 и 1911 гг. // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост., вступит. статья и ком. С.П. Щавелева. Курск, 2007.
- Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV АС Д.Я. Самоквасова. Посмертное издание. М., 1916.
- Самоквасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. СПб., 1873.
- Самоквасов Д.Я. Древние земляные насыпи и их значение для науки // Древняя и новая Россия. Т. І. № 3, 4. СПб., 1876.
- Самоквасов Д.Я. История русского права. Т. І. Начало политического быта древнерусских славян. Вып. 1. Литература. Источники. Методы ученой разработки источников. Варшава, 1878а.
- *Самоквасов Д.Я.* Северянские курганы и их значение в истории // Тр. III АС в Киеве 1874. Т. I. Киев, 1878б.
- Самоквасов Д.Я. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии // Из протоколов Антропологической выставки 1879 г. Отдельный оттиск. Т. III. М., 1880.
- Самоквасов Д.Я. История русского права. Вып. 2. Происхождение Славян. Происхождение Русских Славян. Варшава, 1884.
- Самоквасов Д.Я. Могильные древности Александровского уезда Екатеринославской губернии // Тр. VI АС в Одессе. 1884 г. Т. І. Одесса, 1886.
- Самоквасов Д.Я. История русского права. Университетский курс. Кн. І. Языческая эпоха. Источники. Со-

- держание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Варшава, 1888
- Самоквасов Д.Я. Хронологическая классификация могил Южной России // Варшавские университетские изв. 1890. № 5. Отдельный оттиск. Варшава, 1890.
- Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации и каталог древностей. Варшава, 1892.
- Самоквасов Д.Я. План археологических работ по собиранию и систематизации древностей Черниговщины для XIV АС // Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. Вып. 1. М., 1906.
- Самоквасов Д.Я. Могилы Русской земли. М., 1908а.
- Самоквасов Д.Я. История русского права. М., 1908б.
- Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908в.
- Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М., 1908г.
- Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня нарождення Д.Я. Самоквасова (Новгород-Сіверский). Чернігів, 1993.
- Труды Большого [восьмого] АС в Москве. 1890. Т. III. М., 1897.
- Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
- *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.
- *Щавелев С.П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // РА. 1992. № 1.
- *Щавелев С.П.* Историк русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998.
- Уваров А.С. Что должна обнимать программа для преподавания Русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? // Тр. III АС в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Т. I. Киев, 1878.

ЗАМЕТКИ

новые находки из могильника яйджи

© 2012 г. 3.К. Кулиева

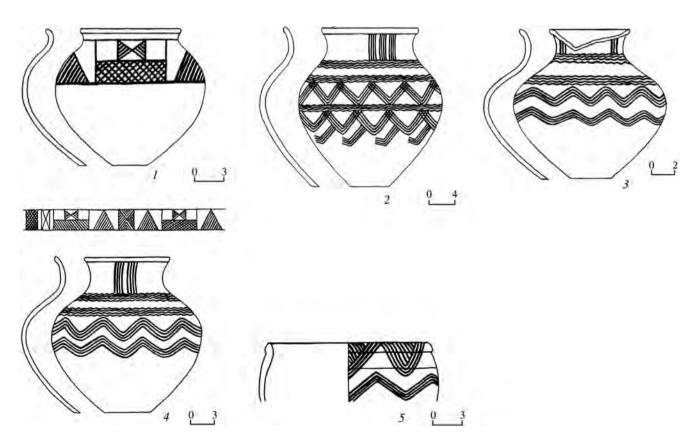
Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана

Некрополь Яйджи имеет большое значение для изучения искусства и культурно-экономических связей Древнего Нахчывана. Памятник расположен на востоке Нахчыванской Автономной Республики, вблизи с. Ашагы Яйджи Шарурского р-на, на склоне Даралаязских гор, нисходящем к р. Арпачай. Некрополь был случайно обнаружен в 1976 г. во время сооружения водохранилища. Проведенные здесь исследования показали, что могилы некрополя Яйджи представлены каменными ящиками (Сеидов, 2003. С. 153). Над каменными ящиками были возведены курганы высотой до 1 м.

В 2011 г. на некрополе Яйджи были продолжены археологические работы, в процессе которых была раскопана одна грунтовая могила, перекрытая каменной насыпью. Могила оказалась разрушенной и останков погребеного в ней не обнаружено. Опре-

делить форму и размеры могилы было невозможно. Но в могиле были найдены монохромно расписанные кувшины, одна миска и один горшок.

Горшок шарообразной формы (рисунок, *I*). Край венчика загнут наружу. Поверхность сосуда окрашена красной краской, а орнаментальная композиция вокруг верхней его части выполнена черной краской. Мотив росписи этого горшка отличается от известных Яйджинских и Нахчыванских монохромно-расписных сосудов, так как орнаментация его более сложная. Горлышко горшка опоясано двумя черными полосами. Пространство между ними заполнено геометрическими фигурами различных форм. Среди мотивов орнамента представлены парные треугольники, соединенные вершинами, а также отдельные треугольники, которые были заполнены косыми линиями. Имеют-

Керамика эпохи средней бронзы некрополя Яйджи.

ся также прямоугольники, заполненные сетчатым орнаментом и косыми линиями. Подобный орнамент, особенно треугольники с соединенными вершинами и сетчатые прямоугольники, также встречается в керамике эпохи средней бронзы Нахчывана (Belli, Bahşaliyev, 2001) и Восточной Анатолии (Özfirat, 2001. Şək. 24; 52). Орнаментация этого сосуда в определенной степени близка сосудам тазакендской (кармирбердской) культуры. Близкие аналогии известны также из могильников Арич, Верин Навер и Кети (Кушнарева, 1993. Рис. 52, 13, 14; 55, 16; 56, 12). Однако мотив росписи Яйджинского горшка отличается определенным своеобразием.

Кувшины сохранились хорошо (рисунок, 2). Первый из них — с отогнутым наружу венчиком, цилиндрическим горлом, выпуклым корпусом и плоским дном. Поверхность окрашена красной краской и орнаментирована черной. Орнамент составлен сложной композицией волнистых, прямых и дуговидных линий.

Остальные кувшины также с отогнутым венчиком, цилиндрическим горлом и плоским дном, но по форме корпуса и орнаментации они отличаются друг от друга (рисунок, *3, 4*). Сосуды с аналогичной орнаментацией выявлены в ряде памятников Нахчывана среднебронзового века (Абибуллаев, 1982. Табл. XXIII, *7, 9*; Алиев, 1977. Табл. 2, 2, 8, 9).

Миска представлена одним экземпляром (рисунок, 5) – с отогнутым наружу венчиком и выпуклым корпусом. Поверхность покрыта красной краской и орнаментирована черной. По краю венчик украшен дуговидными линиями, а корпус сосуда – волнистыми. Миски с подобным рисунком хорошо известны из синхронных памятников Нахчывана.

Выявленные материалы, безусловно, имеют большое значение для изучения межрегиональных культурных связей. При этом особое внимание заслуживает расписной горшок, орнамент которого сходен с находками из могильников Тазакенд (Кармир-берд), Арич и Верин Навер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982.

Алиев В.Г. Культура расписной керамики эпохи бронзы Азербайджана (на азерб. яз.). Баку, 1977.

Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. СПб., 1993.

Сеидов А.Г. Нахчыван в VII–II тыс. до н.э. (на азерб. яз.). Баку, 2003.

Belli O., Bahşaliyev V. Middle and Late Bronze Age Painted Pottery culture of the Nakhchivan Region. Istanbul, 2001.

Özfırat A. Doğu Anadolu Yayla Kültürleri (m.ö. II binyıl). İstanbul, 2001.

ГУРДДАГ – НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ТИПА

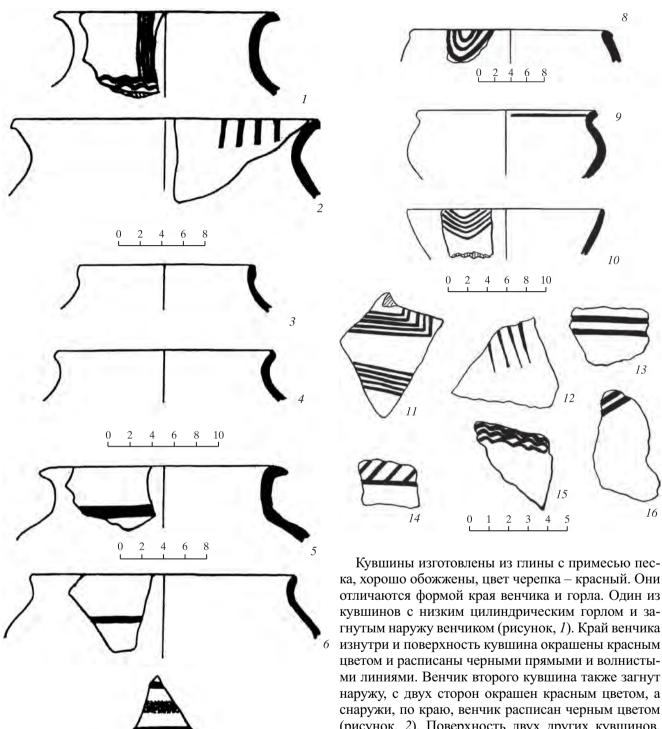
© 2012 г. В.Б. Бахшалиев*, Р.Б. Багиров**

*Нахчыванское отделение Национальной академии наук Азербайджана **Нахчыванский государственный университет, Азербайджан

Научно-исследовательские работы в окрестностях с. Сираб позволили обнаружить большое количество памятников эпохи средней бронзы. Среди них особого внимания заслуживает поселение Гурддаг, расположенное на востоке с. Сираб, на правом берегу р. Гахабчай. Поселение охватывает поверхность высокой горы и ее подножие. Культурный слой накоплен в небольшом количестве. В некоторых местах толщина его достигает 0.5 м. Подъемный материал в основном относится к эпохе средней бронзы.

Центральная часть памятника окружена неприступными скалами. Обнаружение керамических изделий в этой части памятника показывает, что она использовалась как жилая площадь. Вероятно, эта часть поселения служила цитаделью. Подоб-

ные памятники также были обнаружены вблизи с. Гейнюк Джульфинского р-на и около с. Карабаглар Кенгерлинского р-на (Baxsəliyev, 2008. S. 192, 227). У подножия горы в некоторых местах сохранились остатки каменных стен, которые показывают, что это поселение в эпоху средней бронзы использовалось как оборонительное сооружение. Керамические изделия, обнаруженные на поселении, представлены обломками сосудов: горшков, кувшинов и мисок. Они относятся к ранним и развитым периодам средней бронзы. Один из горшков раннего периода особенно интересен. Он изготовлен из глины с примесью песка, равномерного обжига, цвет черепка – желтый. Наружная поверхность хорошо сглажена и расписана черной матовой краской по незалощенной поверхности сосуда.

Керамика эпохи средней бронзы поселения Гурддаг.

ка, хорошо обожжены, цвет черепка – красный. Они отличаются формой края венчика и горла. Один из кувшинов с низким цилиндрическим горлом и загнутым наружу венчиком (рисунок, 1). Край венчика изнутри и поверхность кувшина окрашены красным цветом и расписаны черными прямыми и волнистыми линиями. Венчик второго кувшина также загнут наружу, с двух сторон окрашен красным цветом, а снаружи, по краю, венчик расписан черным цветом (рисунок, 2). Поверхность двух других кувшинов, также с цилиндрическим горлом, покрыта красной краской без рисунка (рисунок, 3, 4). Один из кувшинов, с отогнутым наружу венчиком, украшен полихромной росписью (рисунок, 5). Внешняя поверхность этого венчика расписана черными горизонтальными линиями. Подобный рисунок был прослежен также на другом кувшине (рисунок, 6). Край венчика этого сосуда отогнут наружу, а внешняя поверхность горловины покрыта рисунком в виде тонких горизонтальных линий. Фрагмент стенки

8

другого керамического сосуда также имеет рисунок в виде горизонтальных и вертикальных линий черного и красного цвета (рисунок, 7).

Миски отличаются друг от друга формой. Корпус одной из них по краю венчика загнут внутрь. Поверхность покрыта красной краской, залощена и орнаментирована черными линиями (рисунок, δ). Второй сосуд с загнутым наружу венчиком и биконическим корпусом. Поверхность и край венчика изнутри покрыты красной краской, а внутренняя часть венчика расписана черными линиями (рисунок, θ). Третья миска с биконическим корпусом и закругленным краем венчика с обеих сторон покрыта красной краской и залощена. Поверхность расписана черным цветом в виде угловидных линий, расположенных одна под другой (рисунок, θ).

Большинство керамических изделий, обнаруженных на поселении, представлено в виде фрагментов стенок сосудов. Они изготовлены из глины с примесью песка и хорошо обожжены. Поверхность некоторых фрагментов окрашена в красный цвет, залощена и расписана черной краской. Некоторые фрагменты расписаны по незалощенным поверхностям, а другие — непосредственно по красной керамике (рисунок, 11–16).

Керамика эпохи средней бронзы является самым массовым материалом памятников с. Сираб. Подобная керамика характерна для памятников периода средней бронзы Нахчывана. Особенно интересно то, что определенная часть сосудов относится к раннему периоду культуры расписной керамики. Особенностью этих сосудов является то, что рисунок наносится или по красному матовому фону, или по незалощенной поверхности сосуда.

Во время исследований 90-х годов XX в. было определено, что в эпоху средней бронзы в Нахчыване существовали горные крепости (Belli, Bahşaliyev, 2001. Р. 27). Обнаружение новых горных крепостей, таких как Гейнюк каласы (Baxşəliyev, 2008. S. 192) и Безекли каласы II (Baxşəliyev, 2008. S. 226) подтвердило это предположение.

Аналогии керамическим изделиям эпохи средней бронзы из поселения Гурддаг хорошо извест-

ны из памятников Нахчывана, Приурмийской области, памятников Южного Кавказа и Восточной Анатолии. Кувшины (рисунок, 1) с загнутыми наружу венчиками известны из памятников Догубеязит (Marro, Özfirat, 2005. P. 327. Pl. IX, 6), Яйджи (Belli, Bahşaliyev, 2001. Fig. 18, 2), Шахтахты (Belli, Bahşaliyev, 2001. Fig. 17, 2, 3), Чалханкала (Алиев, 1991. Табл. VII, *I*), Кюльтепе II, Нехеджир (Алиев, 1991. С. 93-95) и др. Сосуды, украшенные дугами, из поселения Гурддаг (рисунок, 10) также характерны для памятников Нахчывана. Миски с похожей орнаментацией встречаются на памятниках Чалханкала (Алиев, 1991. С. 71, 72. Табл. VII, 4; VIII, 9), Карачук и Кыврак (Belli, Bahsaliyev, 2001. Fig. 9, 3-7). Подобная керамика является характерной для раннего периода средней бронзы. В этом отношении обнаружение в комплексах Чалханкалинских курганов серой керамики и бронзовых изделий из медно-мышьякового сплава подтверждает древний возраст этой керамики (Алиев, 1991. С. 71, 72; Бахшалиев, 2005. С. 46-50).

Распространение в эпоху средней бронзы поселений типа горных крепостей, несомненно, было связано с развитием скотоводства и с появлением собственной оборонительной системы. Обнаружение на этих поселениях керамических изделий раннего периода средней бронзы подтверждает, что эти процессы начались уже в середине III тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев В.Г. Культура эпохи средней бронзы Азербайджана. Баку, 1991.

Бахшалиев В.Б. Металлургия и металлообработка на территории древней Нахичевани. Баку, 2005.

Baxşəliyev V.B. Naxçıvanın arxeoloji abidələri. Bakı, 2008.

Belli O., Bahşaliyev V. Middle and Late Bronze Age Painted Pottery culture of the Nakhchivan Region. Istanbul, 2001.

Marro C., Özfirat A. Pre-classical Survey in Eastern Turkey. Third preliminary Report: the Dogubeyazit region // Anatolia Antiqua. 2005. XIII.

ОПОРНЫЕ КАМНИ ПРЕСТОЛОВ И ЗАПРЕСТОЛЬНЫХ КРЕСТОВ В ХРАМАХ МОСКВЫ XVI–XVIII вв.

© 2012 г. Л.А. Беляев, О.А. Тихова

Институт археологии РАН, Москва

При археологических раскопках архитектурных сооружений часто попадаются тесаные белокаменные детали, функцию которых трудно определить. Обычно их включают в таблицы находок, описывая самыми общими словами, например: "арх. деталь каменная тесаная профилированная". Однако некоторые из них можно идентифицировать, если обнаружится сооружение, в котором они занимают изначальное место. Заметка посвящена именно такому случаю.

Среди упомянутых деталей выделяются невысокие усеченные пирамидки, имеющие сверху, по вертикальной оси, углубление (круглое, прямоугольное или квадратное), иногда дополненное обширной вытеской или продольным пазом в основании; реже встречается сквозное отверстие. В некоторых случаях пирамидки могут иметь профилировку граней. Такие изделия встречены во вторичном использовании при раскопках в Высоко-Петровском (1981–1985 гг.) и Зачатьевском (2004-2011 гг.) монастырях Москвы (один и три экземпляра соответственно) (рис. 1-4). В отчетах они определяются как основания опор балюстрад или иных небольших вертикальных форм XVI-XVIII вв. Однако при обращении к материалам еще одного памятника Москвы, собора Казанской Божьей матери на Красной площади (разрушен в 1936 г., ныне восстановлен), обнаруживается

вероятность их принадлежности к оформлению оснований престолов.

При раскопках 1989—1993 гг. на месте Казанского собора (см. Беляев, 1989; 1990; 1991; 1992; 1993. С. 73—80; 2009. С. 464—473; Беляев, Павлович, 1993) в пределах алтарного пространства придела свв. Гурия и Варсонофия были обнаружены основания двух престолов, сменивших друг друга за незначительный промежуток времени. Нижний уровень принадлежал деревянному престолу (они почти неизвестны, так как плохо сохраняются), верхний — каменному подпрестолию. Это случай неординарный — изученные в храмах Центральной России престолы можно пересчитать по пальцам, поэтому находка вызвала особый интерес.

В 1647 г. в тогда совсем недавно (1636 г.) построенном соборе произошли значительные перемены: к восточному торцу южной галереи была добавлена апсида для придела во имя казанских чудотворцев Гурия и Варсонофия. Объем придела был вписан в узкое пространство южной галереи (рис. 5; 6). Технически его кладки незначительно отличались от кладок четверика, к которым примыкали. Апсида придела не имела северной дуги полуокружности, только южную и центральную, а на севере соединялась с центральной апсидой прямой стенкой, что позволяло расширить пространство. Снаружи

Рис. 1. Белокаменная деталь из Высоко-Петровского монастыря, Москва. Работы 1981 г.: I — деталь в разрезе; 2 — опыт соединения детали с тесаной плитой из того же раскопа.

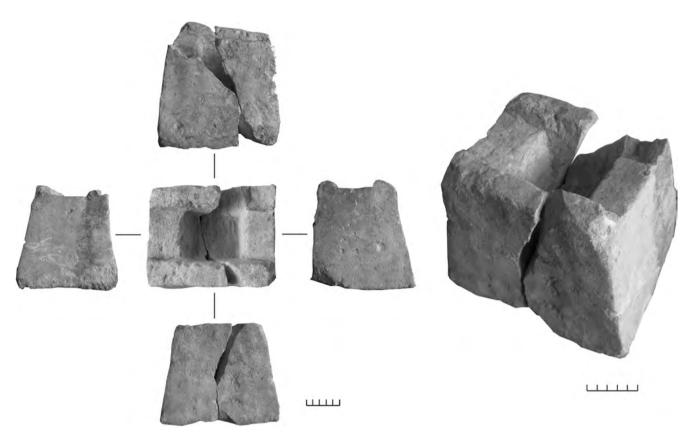

Рис. 2. Белокаменная деталь из Зачатьевского монастыря, Москва. Работы 2004 г.

простенок маскировала полуколонка, основание которой сохранилось (над первым основанием пилястра лежит новая кладка из трех камней). Размер апсиды составлял по оси изнутри не менее $3.2~\mathrm{M}$, в ширину -4.3.

Внутри по центру апсиды, примерно на уровне пола, открылись два уровня подпрестолий - один над другим. Верхнее, кирпично-каменное, расположено точно над нижним, деревянным. Конструкция верхнего основания представлена следующим образом: квадратная выкладка (82-93 см) из белого камня в два слоя, с запада – белокаменная прикладка из двух блоков, расширяющая престол до 112 см, с юга – известковая заливка. По четырем углам основного квадрата установлены довольно крупные камни близкой к усеченной пирамиде формы высотой около 20 см и со стороной 26-32. В них вытесаны квадратные углубления со стороной 11.5-13.5 см, в которых сохранился древесный тлен, – это опоры для ножек деревянного престола размером 75 × 70 см.

Кроме того, подпрестолье имело специальную опору для запрестольного креста в виде белокаменной базы: усеченный конус (высота -10 см, диаметры -19 и 24) на округлом основании (диа-

метр – 35 см, высота – 10–11), в верхней плоскости которого также вытесано углубление (сторона – 7–7.5 см). Опора была установлена на восточной линии престола по его оси и несколько утоплена в засыпку по сравнению с угловыми камнями, а затем залита раствором заподлицо со всем подпрестольем.

Более сложные, но функционально близкие каменные детали, украшенные резьбой XVI–XVII вв., в музейных экспозициях определяют как колонки, подставки для крестов ("Голгофы") и "тощих" свечей. Они известны в Ростове Великом (Соловьев, 1934. Рис. 15), а также находятся в экспозиции Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; аналогичный фрагмент с резьбой XVI в. обнаружен при раскопках Успенского собора XVII в. в Ярославле (Энговатова, 2011. С. 62). В этих ранних элементах широко применяется та же резьба, что господствует в названное время в орнаментике надгробий (Беляев, 1996).

После разборки подпрестолия в центре его площадки зафиксированы доски дна и углов ящика с песчаной засыпкой, перекрытой древесным тленом; в центре засыпки лежали рядом два целых кирпича

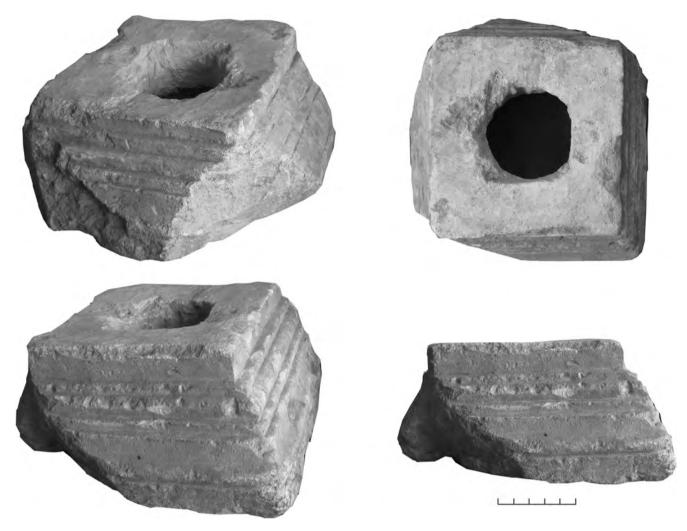

Рис. 3. Белокаменная профилированная деталь из Зачатьевского монастыря, Москва. Работы 2004 г.

(размер $8 \times 13-13.5 \times 29.5$ см) с прямоугольным клеймом (11×22 мм) с изображением двуглавого орла. На них обнаружены медные монеты начала

Рис. 4. Фрагмент белокаменной детали из Зачатьевского монастыря, Москва. Работы 2011 г.

и первой половины XVIII в.: вероятно, они маркируют момент смены одного престола другим и оставлены сознательно (обычай оставлять монеты в реликварии или под престолом по крайней мере для XVIII—XIX вв. известен и по другим памятникам). И обнаруженный кирпич, и стратиграфия указывают на то, что деревянный престол — первоначальный и близок по дате к 1647 г.: кирпич кладок собора 1636 г. клейм не имеет, что типично для строительства Москвы до середины XVII в., но с 1640-х годов первые клейма уже появляются (Киселев, 1986).

Детали подпрестолия придела свв. Гурия и Варсонофия, своего рода каменные "башмаки", позволят в будущем обращать особое внимание на находки камней с вытеской для установки деревянных деталей и выделять их из общей массы даже тогда, когда они попадаются вне контекста.

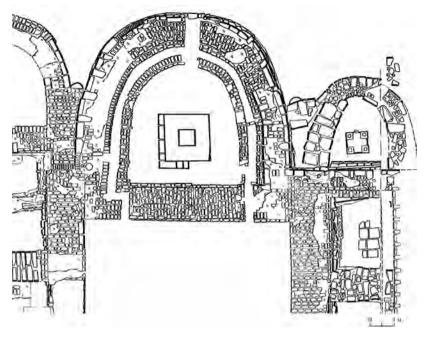

Рис. 5. Юго-восточная часть Казанского собора на Красной площади с приделом свв. Гурия и Варсонофия. Фрагмент сводного обмерного плана по результатам работ.

Рис. 6. Алтарная часть придела свв. Гурия и Варсонофия: 1 – ход раскопок (в центральной части собора идут работы по восстановлению основного объема), вид с востока; 2 – остатки литургических устройств, вид с юга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Отчет об археологических исследованиях на участке памятника архитектуры XVII в. Казанского собора на Красной площади в Москве. 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14029, 14030.
- *Беляев Л.А.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на участке памятника архитектуры XVII в. Казанского собора на Красной площади в Москве. 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15523.
- *Беляев Л.А.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на участке памятника архитектуры XVII в. Казанского собора на Красной площади в Москве. 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16827, 16828, 16802–16806.
- *Беляев Л.А.* Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на участке памятника архитектуры XVII в. Казанского собора на Красной площади в Москве. 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17945.

- *Беляев Л.А.* "Храм оставленный все храм..." (Результаты исследований Казанского собора на Красной площади в Москве) // Наука в России. 1993. № 5/6.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996.
- Беляев Л.А. Образ, Храм и Город: раскопки участка Казанского собора на Красной площади в Москве // Археологические открытия 1991—2004 гг. Европейская Россия / Под ред. член-корр. РАН Н.А. Макарова. М., 2009.
- *Беляев Л.А.*, *Павлович Г.А*. Казанский собор на Красной площади. М., 1993.
- Киселев И.А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике. М., 1986.
- *Соловьев Н.М.* Русская народная резьба по дереву. М.; Л., 1934.
- Энговатова А.В. Археология Древнего Ярославля. Загадки и открытия. М.; Ярославль, 2011.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г.А. Хлопачев. БИВНЕВЫЕ ИНДУСТРИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. СПб.: Наука, 2006. 262 с., 152 табл. рис.

Начиная с верхнего палеолита твердые материалы животного происхождения (кость, рог и бивень) широко используются для изготовления оружия, орудий труда, украшений и предметов искусства. Как сырье для изготовления орудий бивень занимает промежуточное положение между твердыми хрупкими материалами, такими как кремень и мягкими материалами, такими как кремень и мягкими материалами, такими как дерево и т.п. Большие размеры и возможность трехмерной скульптурной обработки при помощи резания, скобления, строгания, пиления и сверления позволяли изготавливать из бивня изделия, не имеющие аналогов в каменной индустрии. Эти орудия и оружие, как и технологии обработки бивня, играли большую роль в жизни первобытного населения Русской равнины, которая сопоставима с ролью орудий из кости и рога в мезолите и неолите указанной территории.

Различные изделия из бивня мамонта в верхнем палеолите Восточной Европы известны с давних пор и многократно успели побывать предметом исследования специалистов. Однако обобщающие работы, посвященные комплексному анализу бивневых индустрий верхнепалеолитических стоянок Восточной Европы, в литературе неизвестны. Так что монография Г.А. Хлопачева — первая работа, посвященная этой очень важной и интересной теме.

Специфику бивневого инвентаря как археологического источника автор удачно охарактеризовал в Главе 1, отметив, что до сих пор ему не уделялось достаточно внимания, несмотря на большой информативный потенциал.

Большой интерес представляет Глава 2, посвященная технологии расщепления бивня. Исходя из особенностей бивня мамонта как сырья и его различного поведения в свежем, сухом и замороженном виде, автор определяет признаки естественного расщепления бивня и реконструирует различные способы его обработки человеком. Эта глава важна в методическом плане, так как только хорошо зная технологию и особенности расщепления бивня можно переходить к анализу различных законченных изделий из бивня, а также заготовок и отходов производства со стоянок каменного века. Очень интересны результаты экспериментов по расщеплению бивня мамонта, проведенных Г.А. Хлопачевым совместно с Е.Ю. Гирей. Они не только помогают понять, что и как можно изготавливать из бивня, но и наглядно иллюстрируют процесс обработки этого специфического сырья. Хорошо показаны сходство и различие приемов ударной обработки камня и бивня, основанные на особенностях данных видов материала. Автором четко охарактеризованы основные способы расщепления бивня: расслоение, скалывание, разламывание, а также приемы подготовки расщепления бивня. Можно согласиться с выводом Г.А. Хлопачева о том, что в основе расщепления бивня лежало хорошее знание его особенностей древними мастерами.

Глава 3, анализирующая продукты расщепления бивня, — это логическое продолжение Главы 2. В ней четко определены

применяемые автором термины, описаны и проиллюстрированы различные заготовки и приемы их получения.

Глава 4 посвящена анализу бивневой индустрии стоянок Русской равнины конца ранней — средней поры верхнего палеолита. Отмечены особенности подбора сырья, технологии и продуктов его расщепления. Особый сюжет посвящен женским статуэткам из бивня. Здесь автору удалось убедительно показать связь двух типов скульптурных изображений с разными технологиями расщепления бивня. Хорошо продемонстрированы разные технологические традиции обработки бивня, характерные для культур этого времени, выделенных на основе прежде всего типологического анализа каменного инвентаря.

В Главе 5 проанализирована бивневая индустрия стоянок поздней поры верхнего палеолита. Отмечено использование, в отличие от предыдущего этапа, сырого бивня и связанное с этим изменение технологии. Для этого времени также выделены разнообразные технологические традиции обработки бивня на памятниках разных археологических культур. Интересно наблюдение об особенностях бивневой индустрии отдельных стоянок и связях между стоянками, проявляющимися в бивневой индустрии.

Важен вывод о культурной связи между разновременными бивневыми индустриями, позволяющий говорить о культурной преемственности между Хотылево 2 и стоянками тимоновско-юдиновской культуры. Как отмечает автор, это входит в противоречие с существующими представлениями о верхнем палеолите Десны. Понимая, что детальное рассмотрение обозначенной проблемы выходит далеко за рамки данной монографии, Г.А. Хлопачев только наметил подходы к ее решению. По его мнению, в позднем палеолите Десны существуют две группы стоянок: к первой относятся памятники тимоновскоюдиновской культуры, сформировавшейся на местной восточно-граветтийской основе; вторую образуют инородные по отношению к ней памятники – Мезин, Елисеевичи 1 и Супонево, оставленные небольшими по численности группами населения, проникшими в чуждую культурную среду и законсервировавшими свои традиции. Гипотеза, несомненно, интересная, но требующая проверки с учетом остальных материалов, прежде всего детального анализа каменной индустрии.

Большое значение имеет вывод автора о функционировании стоянок, на которых производилось раскалывание бивня мамонта, в холодное зимнее время.

В целом монография Г.А. Хлопачева — это первый и, на мой взгляд, удачный опыт комплексного анализа очень интересного, но недостаточно изученного источника — бивневой индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. Можно согласиться с автором в том, что эта индустрия для Восточной Европы не менее важна, чем роговая индустрия для верхнего палеолита Западной и Центральной Европы. Книга, несомненно, будет полезна и интересна всем, кто занимается верхним палеолитом Евразии, а также и более поздними эпохами.

Институт археологии РАН, Москва

М.Г. Жилин

Скворцов К.Н. МОГИЛЬНИК МИТИНО V—XIV вв. (КАЛИНИНГРАД-СКАЯ обл.). ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2008 г. Ч. І, ІІ. М.: Институт археологии РАН, 2010 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 15). Ч. І: 302 с., 175 рис. Ч. ІІ: 806 с., DCCIII табл. ил.

Публикация могильника Митино (Гурьевский р-он Калининградской обл., бывший Stantau, Kr. Samland) представляет собой уже третью монографию по древностям Калининградской обл., выпущенную за последние 5 лет Отделом охранных раскопок Института археологии РАН (ИА РАН) (см.: Пронин и др., 2006; Зальцман, 2010). Исследование памятника проводилось в рамках работ Самбийской экспедиции ИА РАН, осуществляющей наиболее масштабные работы в регионе. К.Н. Скворцов, младший научный сотрудник ИА РАН, известен своими многочисленными статьями по археологии Юго-Восточной Прибалтики в римское время и эпоху Великого переселения народов, наиболее крупная из которых - предварительная публикация могильника Лаут-Большое Исаково (Skvorzov, 2007)¹. В культурно-историческом плане территория бывшей Восточной Пруссии (современная Калининградская обл. с прилегающими территориями Польши и Литвы) для эпохи Великого переселения народов и начала Средневековья представляет собой северную периферию Центральной Европы. Поэтому редактирование монографии было поручено А.В. Мастыковой – на сегодняшний день она – единственный российский археолог, имеющий монографические публикации по зарубежной Центральной Европе эпохи переселения народов и обладающий уникальным для России опытом непосредственной работы с материалами IV-VI вв. в Чехии, Словакии, Австрии, Венгрии и Сербии.

На данный момент имеется ряд современных обзорных и аналитических монографий, посвященных древностям исторического периода (римское время и Средневековье) и написанных российскими и польскими исследователями. Однако без предварительного введения в научный оборот основной массы известного материала любая обобщающая работа носит сугубо гипотетический характер. Развернутая публикация материала, предваряющая синтезные исследования, стала обязательной в европейской археологии. Отрадно видеть, что и российские специалисты, занимающиеся археологией Юго-Западной Прибалтики, стали прибегать к этой практике.

Для Калининградской обл. на современном уровне монографически введены в научный оборот лишь два памятника исторического периода: Доллькайм—Коврово (Кулаков, 2004; 2007) и Поваровка (Пронин и др., 2006). Кроме того, сведения о средневековых памятниках опубликованы в Своде археологических источников, однако в силу характера издания они крайне сжаты: так, описание 502 погребений из могильника Зопфен—Суворово уместилось на восьми страницах (Кулаков, 1990. С. 64—71). Наконец, большие публикационные статьи были посвящены еще двум памятникам — уже упоминавшемуся могильнику римского времени Лаут—Большое Исаково (Skvorzov, 2007) и средневековому могильнику Ирзекапнис (Кулаков, 1999).

При этом названные работы, сами по себе имеющие большую ценность как источники, практически не содержат детального анализа памятников. Так, в 2-томной монографии В.И. Кулакова, посвященной могильнику Доллькайм–Коврово, описание погребений сопровождается лишь небольшим экскурсом

в этническую историию Самбийского п-ова в римское время (Кулаков, 2004. С. 40–44) и перечислением хроноиндикаторов в погребальном инвентаре без обоснования предлагаемых дат (Кулаков, 2007. С. 83–86). Публикация некрополя Поваровка сопровождается краткой характеристикой погребального инвентаря (Пронин и др., 2006. С. 332–346), впрочем, подробно изучено снаряжение коня и всадника (Пронин и др., 2006. С. 347–375). В связи с этим работа К.Н. Скворцова открывает новый жанр в региональной археологии исторического периода – подробное изучение конкретного памятника. При этом она отражает современный уровень исследований, в ней широко используются результаты работ как довоенных немецких, так и современных российских и зарубежных археологов.

Благодаря уже имеющимся публикациям таких памятников, как Доллькайм-Коврово и Лаут-Большое Исаково древности времени римских влияний и начала эпохи переселения народов I – раннего V в. достаточно хорошо известны на территории Калининградской обл. В то же время изданные материалы могильников Поваровка и Ирзекапнис дают хорошее представление о культуре средневековых пруссов X-XIII вв. Однако начало Средневековья до сих пор было представлено лишь введенными в научный оборот материалами могильника Суворово-Зопфен, опубликованными, как отмечалось, в крайне лапидарной форме, и отдельными погребениями некрополей Доллькайм-Коврово и Варникам-Первомайское (на территории соседней с Самбией Натангии). Поэтому все наши представления о западных балтах позднего V – раннего VIII в. базировались в первую очередь на результатах польских исследований сопредельных территорий (так называемая эльблонгская и ольштынская группы). Монография К.Н. Скворцова закрывает эту лакуну.

Она делится на два тома: публикационный (Часть II, хотя логичнее было бы сделать ее первой – 136 стр. и 703 табл.) и аналитический (Часть І - 302 стр., в том числе многочисленные рисунки и солидный список использованной литературы и архивных материалов: с. 237-257). Во Введении к Части I (с. 6-10) приведены презентация памятника, история его исследования, методика работ. Могильник вскрыт широкой площадью. Толщина пахотного слоя составляет не менее 0.4 м, что позволило использовать экскаватор, тем самым ускорив процесс раскопок, - факт, важный для спасения материалов памятника в ходе новостроечных работ. Всего вскрыто 408 объектов, из которых 275 (в том числе 259 погребений) датированы в рамках V-XIV вв. и стали предметом публикации. Из них подавляющая часть захоронений относится к концу V – началу VIII в., пять погребений датируется XI – началом XIV в. Остальные объекты, в первую очередь ямы, относятся к раннему железному веку и не входят в данную монографию.

Во Введении затронут ряд важных вопросов, более подробно развернутых в последующих главах. Один из них касается этнокультурной атрибуции памятника. Вопросы этнической интерпретации в археологии Юго-Восточной Прибалтики всегда стояли очень остро и поэтому на них стоит остановиться особо. К.Н. Скворцов совершенно обоснованно отказывается от принципов Г. Косинны, при которых каждая археологическая культура получала обязательное этническое определение. В Центральной Европе и Прибалтике эта тенденция была

¹ Планируется детальная публикация памятника на русском языке.

"в моде" в 1920–1950-е годы, что объясняется вполне конкретной политической ситуацией. Тогда-то раннесредневековые древности Самбийского п-ова и получили название "прусских", при этом никого не смущало, что народ пруссов известен по письменным источникам только с IX в. (Баварский Географ), а письменные источники с VI по IX вв. (Кассиодор, Иордан, Орозий короля Альфреда) однозначно называют население приморских регионов к востоку от Вислы эстиями.

Однако уже к 1960-м годам стало ясно, что уравнение Г. Косинны "археологическая культура = этнос" – далеко не универсально, поэтому в немецкой и польской археологиях этого времени прошла волна переименований археологических культурных групп. Так, "гото-гепидская" культура стала сначала восточно-поморско-мазовецкой, а потом вельбаркской; "вандальская", она же "венедская" – пшеворской; "мазурогерманская" – ольштынской; "прапольская" – пражской и т.д. Этнические названия культур для периодов, не освященных письменными источниками, сохранились лишь в латвийской, в меньшей степени литовской археологиях, что, видимо, объясняется, с одной стороны, излишне обостренным чувством национального самосознания, а с другой – недостаточной интеграцией прибалтийских исследователей в общеевропейскую археологию.

К.Н. Скворцовым используется предложенная Е. Окуличем терминология "самбийско-натангийская" культура (или культурная группа), более привычная для русских археологов. чем современный польский термин "культура Доллькайм/ Коврово". При этом такие исторические названия территорий, как Самбия, Натангия, Литва применяются автором лишь как географические понятия – любому образованному читателю понятно, что в начале Средневековья этих названий не было. Что же до пруссов, то само их существование в качестве особого народа для времени ранее IX в. требует обоснования. Даже если какие-то черты средневековой прусской культуры и находят истоки в древностях самбийско-натангийской группы, это еще не дает оснований зачислять самбийских балтов V-VIII вв. в пруссов. Во-первых, культурогенез далеко не равнозначен этногенезу (вспомним хотя бы пандемическое распространение чужеродных западных элементов в современной русской культуре при относительной этнической стабильности населения). Во-вторых, преемственность между самбийско-натангийской и средневековой прусской культурами, пока чисто гипотетическая, - в Самбии нет исследованных памятников VIII – раннего IX в., – еще не означает, что балты Янтарного берега уже в V или, скажем, в VI-VII вв. были пруссами или считали себя таковыми. Ведь ни одному здравомыслящему исследователю не придет в голову идея давать антам и склавинам эпохи Юстиниана средневековые названия славянских народов, таких как "русские", "поляки", "чехи" и пр., хотя первые – прямые предки вторых.

Сам К.Н. Скворцов осторожно предпочитает называть носителей самбийско-натангийской культуры западными балтами, хотя было бы уместным и использование этнонима эстии (Aestii), которых письменные источники VI в. надежно локализуют на морском побережье к востоку от Вислы. Даже если это название и распространялось на других балтов, что, кстати, еще требуется доказать, его применение к населению Самбийского п-ова для раннего Средневековья более чем оправданно.

Во Введении показаны также основы датировок западно-балтского материала начала Средневековья. Для соотнесения периодизации западнобалтских древностей с другими регионами Европы автором введено условное понятие "меровингское время", принятое во многих странах Центральной и Северной Европы, заведомо не входивших в меровингское королевство, таких как Норвегия, Финляндия, Чехия. В целом

предлагаемые периодизация и хронология восходят к работам немецких археологов довоенного времени, но базируется, как это ясно показано уже во Введении, в первую очередь на работах польских ученых, посвященных памятникам ольштынской и эльблонгской групп. Поэтому и для самбийского материала традиционно принята западнобалтская шкала относительной хронологии.

Глава I, сама по себе сжатая, но очень информативная (с. 11–15), содержит очерк истории микрорегиона и его природно-естественную характеристику, которую, может быть, следовало бы вынести в начало главы. К.Н. Скворцов, не будучи филологом, в своих выводах о топонимии и истории данной территории, основывается на лингвистических исследованиях специалистов, обильно им цитируемых, а также на работах исследователей письменных источников, естественно для более позднего периода. На основании немецких данных перечислены археологические памятники микрорегиона, серьезно исследовавшегося только в время, — стационарные работы здесь возобновились лишь в 2008 г. Самбийской экспедицией ИА РАН.

Глава II посвящена анализу погребального обряда памятника (с. 16-36). Она сопровождается многочисленными качественными и очень информативными рисунками (2-30, 38-40). Рассматривается географическое положение и топография некрополя, организация его пространства, высказываются предположения о границах погребального комплекса. Погребальные обряды подробно описаны по типам и эпохам, при этом основное внимание справедливо уделяется могилам конца V – начала VIII в. (с. 17-33). Показана семантика обрядов, прослеживаются синхронные им параллели на соседних территориях. Все это, как и полная историография вопроса, выходит далеко за рамки изучения конкретного материала некрополя Митино. Такой развернутый анализ погребальных обрядов – серьезный шаг вперед, поскольку прежде в русскоязычных публикациях имелись лишь их краткие характеристики, вдобавок охватывающие огромный период от V до XIII вв. (Кулаков, 1990. C. 20-22; 1994. C. 32-40).

Если кремации некрополя Митино достаточно стандартны и хорошо известны, как видно из цитируемых автором работ Е. Окулича, Е. Ясканиса, В. Жулкуса, то такие сравнительно редкие типы погребений, как погребения в деревянных ящиках VII–VIII вв., рассмотрены отдельно (с. 22–24 и реконструкции в цвете: рис. 15; 16). Автор находит им синхронные примеры как в других балтских регионах, так и за их пределами. Общеизвестно, что помимо указанных К.Н. Скворцовым на Самбийском п-ове имеются погребения с деревянными конструкциями в Каупе и Изеркапнисе, но они не относятся к древностям V–VIII вв. и автором не рассматриваются. Отдельно проанализированы каменные конструкции в погребениях (с. 33).

Большое внимание уделено конским погребениям (с. 24-31). На могильнике Митино представлены два основных вида погребений с конями: наиболее древние, с захоронением коня справа от кремированных останков покойного, и так называемые двухъярусные погребения, когда остатки кремации помещены в яму над захоронением коня. Оба типа существуют в изученной части могильника Митино начиная с самой ранней фазы и в течение всего периода его функционирования, т.е. до конца VII - начала VIII в. По К.Н. Скворцову, который следует за В. Новаковским, захоронения коней на Самбийском п-ове появляются во II в. как результат контактов с сарматами во время Маркоманнских войн (с. 25). Дату, предложенную В. Новаковским, кажется, разделяет и В.И. Кулаков, относящий опорное погребение в Шлакалькене к периоду В2/С1, т.е. приблизительно к 150-200 гг. (2003. С. 73). Однако он полагает, что некоторые находки с конским снаряжением, Луговское/ Lobitten 21 и Поваровка/Кігреnen III, датируются более ранним временем — периодом В1b, т.е. ориентировочно 60–80 гг. (Кулаков, 2003. С. 74). Впрочем, в этих двух погребениях конское снаряжение было положено в урну вместе с кремированными останками и погребальным инвентарем (Кулаков, 2003. С. 264), таким образом, собственно о конских захоронениях говорить не приходится.

Ингумации, известные на могильнике (с. 31, 32), в основном относятся к позднему периоду его функционирования, т.е. к орденскому времени. Ранним периодом датируется единственное погребение 289, совершенное по обряду ингумации. По деталям погребального обряда оно имеет параллели у восточных балтов, на территории Жемайтии, и, возможно, отражает инкорпорацию "чужака" в общину, которой принадлежало кладбище в Митино.

Особый интерес в данной главе представляет небольшая заключительная часть, посвященная гендерным и социальным признакам в погребениях (с. 34-36). Автором применена известная схема градации могил по уровню богатства инвентаря, разработанная на меровингском материале Р. Кристляйном (Christlein, 1973). Эта схема, вернее, ее адаптации к конкретным древностям, применяется в европейской археологии повсеместно, от Северного Кавказа до Британских островов (см., например, Харке, Савенко, 2000; Мастыкова, 2009. С. 159– 176). Но, похоже, до работы К.Н. Скворцова схема Р. Кристляйна оставалась неизвестной исследователям древностей Самбии, где для социальных интерпретаций подчас используются апелляции, заимствованные из письменных источников, часто прямого отношения к балтам не имеющие и создающие обманчивое впечатление о неких соответствиях в структуре западнобалтского и других варварских социумов.

Глава III, посвященная изучению погребального инвентаря, – самая объемная (с. 37–178) и, пожалуй, самая значимая. Для каждого типа предметов приведен подробный список аналогов, установлены хронологические и территориальные рамки распространения, показаны возможные истоки формирования. Описания сопровождаются таблицами с мерными данными. Картография предметов проведена на основе известной монографии Н. Оберга 1919 г. (оказалось, что элементарные каталогизация и картография артефактов конца V – начала VIII в. с 1919 г. никем не были сделаны), однако с существенными дополнениями автора. Так, для арбалетовидных фибул К.Н. Скворцовым учтено не менее сотни дополнительных экземпляров (с. 43, 53; рис. 6; 15). Количественное соотношение различных типов артефактов внутри категорий показано на цветных диаграммах (рис. 31; 32). Распространение типов вещей на территории могильника отражено на рис. 34-37, 41, 43. Это позволило выделить, согласно методике, хорошо отработанной на меровингских, аламаннских и аварских некрополях, половозрастные и хронологические группы погребений (рис. 43; 44). Можно смело сказать, не умаляя при этом значения работ предшественников, что хроно-типологическое исследование, проведенное К.Н. Скворцовым, станет основополагающим для изучения материальной культуры населения Самбийского п-ова в конце V – начале VIII в.

Особенно интересны разделы, касающиеся фибул, поясной гарнитуры, конского и всаднического снаряжения. Особое место занимают арбалетовидные Т-образные и перекладчатые фибулы (с. 38–58), поскольку на них построена хронология исследованной части могильника. При этом автор отказывается от типологической схемы, предложенной М. Рудницким (единственной, широко цитируемой исследователями западнобалтских древностей). На базе находок в некрополе Митино и на основе широкой подборки аналогов (могильники Доллькайм–Коврово, Зопфен–Суворово, Хюненберг–Доброе, Кир-

пенен-Поваровка, Новинка, Грады Кукланецкие, Варникам-Первомайское, Косево, Каллары-Келларен, Тенген-Ушаково, Плинкайгалис и др.) К.Н. Скворцов предлагает свою типологию, на мой взгляд, более логичную, отражающую эволюцию типа. К сожалению, в книге допущена досадная опечатка – рис. З и 12 отражают один и тот же тип IV. Другие типы фибул для могильника Митино менее значимы, но и им уделено подобающее место (с. 58–65). В частности, хорошо представлены поздние кольцевидные застежки (42 экз.), прототипы которых известны только в Литве (с. 62–64).

Пряжки и детали поясных наборов также изучены очень детально (с. 65-86). К сожалению, к ним не может быть применена известная типология Р. Мадыды-Легутко 1986 г. (работа цитируется автором в историографическом обзоре), поскольку она посвящена поясам более раннего времени, - периода римских влияний и начала переселения народов. Поэтому для начала Средневековья К.Н. Скворцову пришлось делать собственную классификацию, опираясь в первую очередь на работу Н. Оберга 1919 г., существенно дополнив его источниковедческую базу. При этом учтены как современные исследования по балтским поясам (например, работы Е. Бутенаса, В.И. Кулакова, Я. Циглиса), так и общеевропейские параллели, от Кавказа до меровингской Галлии. Автором четко указано, являются ли выявленные типы пряжек частью костюма погребенных (например, варианты II.2, 3), конского снаряжения (например, варианты І.3; ІІ.1; ІІІ) или же имеют универсальный характер (например, варианты I.1, 2, 4). Очень интересны наблюдения автора о наконечниках поясов, в частности, о возможном ольштынском центре распространения ланцетовидных наконечников (с. 83; рис. 42 – карта). Показательно распределение отдельных типов пряжек на территории могильника (рис. 37). Оказалось, что пряжки типов I.1, I.3, I.4, II.2, V распространены в южной, наиболее ранней части исследованного сектора могильника, а пряжки типов IV и VI – в северной, более поздней (рис. 44). К сожалению, в тексте типы пряжек обозначены латинскими цифрами, а на картах – арабскими, что несколько сбивает читателя.

Подробно разобраны и другие категории украшений — браслеты, бусы, пронизки, подвески, булавки и пр. (с. 86–104), а также бытовые предметы — пряслица, ножи, ножницы и т.д. (с. 104–115). Стоит остановиться на находке тордированных браслетов, которые определены автором как браслеты с двумя крючками. В качестве аналогов цитируются украшения из Доллькайм—Коврово и Хюненберг—Доброе (с. 87). Однако насколько можно судить по схематическим рисункам в соответствующих публикациях, речь идет скорее о браслетах с замком в виде крючка и петли.

Керамика некрополя также представлена весьма подробно (с. 115–135) и включает историографический обзор, где рассмотрены работы О. Тишлера, Х. Хейма, В.И. Кулакова, Л.А. Ефремова. В основу типологии автором положено соотношение пропорций сосудов, позволившее выделить 32 типа. Предложенная схема удобна для описания коллекции керамики Митино, поскольку позволяет легко определить тип даже визуально. Как любая археологическая типология она, разумеется, условна и в дальнейшем, несомненно, будет откорректирована на более широком материале.

Оружие (с. 136—145) очень немногочисленно, в основном происходит из поздних могил уже прусского времени — это меч, копья, дротик, фрагмент топора. К находкам самбийсконатангийской культуры относятся лишь копья и скрамасакс из погребения 287. Предметы вооружения рассмотрены в рамках типологий А.Н. Кирпичникова и В. Казакявичюса, но с привлечением работ других исследователей по данной теме — В. Герте, Д.А. Дрбоглава, В.И. Кулакова, В. Новаковского,

А. Норгард-Йоргенсен, Е. Оукшота, С. Пихльман, А. Рутткаи, X. Сальмо, Я. Тейрала, П. Урбанчика, В. Хюбнера и пр. Отраден возврат автора к общепринятой как в России, так и в других странах Европы терминологии: так называемый нож-кинжал², существующий только в археологии Прибалтики, в данной работе определен общеевропейским термином "скрамасакс", как это принято для подобного клинкового оружия со времен работ А.Н. Кирпичникова.

Большой раздел посвящен конскому и всадническому снаряжению (с. 145-179). Данные вещи рассмотрены в двух хронологических блоках: V-VIII и XI-XII вв. В раннем блоке это в основном кольчатые двухчастные удила (с. 145-159), типологизированные по принятой в циркумбалтийском регионе схеме М. Орзнеса, с широким привлечением аналогий из разных регионов Европы, например, из аварских, финно-угорских или скандинавских древностей. К сожалению, автору осталась недоступна монография Ю. Эксле 1992 г. о меровингских удилах. Рассмотрены конские оголовья типа Даумен (с. 160-162), характерные для самбийско-натангийской эльблонгской и ольштынской культурных групп, шпоры типа Ян 42 и 43 (с. 167, 168), также достаточно типичные для западных балтов этого времени. Уникальная находка – металлические обкладки седла со "скандинавским" декором из погребения 335 (с. 162-167). В позднем блоке (XI-XII вв.) также представлены удила, и конские оголовья, некоторое количество стремян, типологизированные по схеме Й. Антонявичюса, с привлечением находок с других территорий (с. 173–177), шпоры (с. 178).

Глава IV, посвященная датировке погребений V-VIII вв., занимает очень важное место (с. 180-188). В ней подробно показано современно состояние хронологии западнобалтских древностей, детально разбираются польские и немецкие работы, а также исследования В.И. Кулакова, вызвавшие в свое время критику польских коллег (с. 182). Опираясь на уже достигнутые результаты и применив хронологическую шкалу, разработанную для соседних ольштынской и эльблонгской групп, К.Н. Скворцов выделяет четыре хронологические группы погребений некрополя Митино: 1) (приблизительно фаза Е1 балтийской хронологии) 450/470-500/520 гг., опорные находки – фибулы типа I, позднего V – начала VI в., янтарные бусы с нарезным линейным декором, V в., пряжки типа I.1; 2) (Е2) 500/520-600/630 гг. – самая многочисленная группа на могильнике, устоявшиеся типы предметов – фибулы типа II и более редкие типа III, пряжки с крестообразной площадкой, ланцетовидные наконечники; 3) (ЕЗ) 600/630-650/700 гг. представлена небольшим числом могил, выделяется по ранним перекладчатым фибулам типа IV; 4) (E3 – начало F), 650/700-700/750 гг. - также относительно небольшая группа погребений, определяется по фибулам типа V, доживающим до начала VIII в.

Предложенная относительная хронология находит отражение и в планиграфии изученной части могильника (рис. 44). Погребения первой группы концентрируются в его южной части, вторая, наиболее многочисленная, охватывает всю восточную половину так же, как и немногочисленные погребения третьей группы, а четвертая концентрируется в северной половине изученного сектора.

Разумеется, абсолютные даты выделенных периодов и их общие рамки обозначены условно и будут в дальнейшем уточняться. С одной стороны, никто не в состоянии выделить внутри фазы E1 хроноиндикаторы, типичные только для позднего V

или раннего VI в. Поэтому пока наиболее надежный показатель V в. в некрополе Митино – крупные янтарные бусы с нарезным линейным декором, характерные для периодов D2–D2/D3 европейского Барбарикума, т.е. для 380/400–470/480 гг. С другой, состояние исследований древностей Самбийского п-ова таково, что сейчас невозможно сказать, где именно в конце VII – первой половине VIII в. пройдет хронологическая граница между периодами Е и F, что в конечном итоге и определяет "верхний" временной рубеж четвертой хронологической группы памятника.

В главе V, посвященной эволюции некрополя (с. 189–192), автор показывает динамику изменения погребального обряда на протяжении конца V — начала VIII в. Подчеркивается его унификация, в свое время отмеченная для западнобалтских памятников Е. Окуличем. Подтверждаются и другие наблюдения Е. Окулича для могильников начала Средневековья — обеднение погребального инвентаря, исчезновение оружия в погребениях и в то же время резкое увеличение, по сравнению с римским временем, конских захоронений.

В Заключении (с. 193–198) рассмотрен общий культурноисторический контекст могильника Митино. Парадоксальным образом данный памятник особенно важен тем, что он "рядовой", т.е. отражает наиболее массовую культуру основной части самбийско-натангийского населения и может служить своеобразным репером в дальнейших исследованиях древностей конца V – начала VIII в. на Самбийском п-ове.

Автор еще раз резюмирует основные характерные черты могильника: доминирование ямных кремаций, многочисленные конские захоронения, бедность инвентаря, малое количество оружия. По этим признакам памятник резко контрастирует с богатыми некрополями римского времени, хорошо известными на Самбийском п-ове. Несмотря на эти различия К.Н. Скворцов в целом придерживается концепции В. Новаковского о преемственности западнобалтского населения римского и раннесредневекового времени в Самбии. Автор полемизирует с В.И. Кулаковым, который видит для римского времени распространение здесь сначала кельто-романского, потом германского населения и наконец предполагает балтскую "реконкисту" территории в начале Средневековья (с. 195).

Причины явного культурно-экономического регресса, по мнению К.Н. Скворцова, кроются, скорее всего, в осложнении общей обстановки в Юго-Восточной Прибалтике. В зоне расселения западнобалтских племен в это время происходит некая военно-политическая перестройка, которая приводит к нарушению устоявшихся экономических связей и изменению географии центров власти в регионе. "Выпадение" кладов V в. в районе устья Вислы фиксирует здесь военный стресс, возможно, связанный с экспансией балтов, приведшей, в конечном итоге, к формированию эльблонгской группы. Последняя соответствует видивариям Иордана (первая половина середина VI в.), возникшим в результате смешения различных "народов". Эльблонгская группа начинает доминировать в военно-политических и экономических отношениях на южном берегу Балтики. Тогда же на южных границах самбийско-натангийской культуры формируется ольштынская культурная группа тоже со смешанным составом населения. Для VI в. предполагается резкое возрастание военной активности ее носителей. Возможно, южные контакты жителей Самбийского п-ова попали под контроль ольштынцев. Возникновение двух крупных военно-политических центров, на западе и на востоке, перехвативших военную, политическую и экономическую инициативы, и вызвало обеднение населения Самбийского п-ова (с. 196, 197).

В Приложении I М.В. Добровольская представляет результаты анализа антропологического материала из

² Этот неудачный термин искусственно объединяет два совершенно разных вида клинкового оружия – двулезвийный кинжал и однолезвийный нож.

159 погребений по обряду кремации, в том числе 88 взрослых индивидов (определены 30 мужчин и 31 женщина) и 32 детей (с. 199–218). Здесь впервые для населения Самбии конца V — начала VIII в. даны надежные антропологические определения, которые можно сопоставить с инвентарем и обрядами погребений. Также указаны палеодемографические характеристики, сведения о патологиях, материалы для социальной реконструкции.

В Приложении II дан краткий очерк древностям раннего железного века, вскрытым на территории, занятой могильником Митино (с. 218–220). Публикация и изучение этих 133 комплексов не входили в задачи автора, поэтому он лишь обозначил их присутствие и дал им сжатую характеристику.

Приложение III освящает историю раскопок могильников V–XIV вв. в северной части бывшей Восточной Пруссии (с. 221–236). Основа данной работы – хрестоматийная монография Э. Холлака 1908 г., а также информация, размещенная в немецких периодических изданиях довоенного времени, и

данные о послевоенных раскопках, к сожалению, изданные далеко не полностью.

В Томе II дан подробный каталог погребений, включающий детальные описания комплексов, планы погребений с четкой унифицированной системой условных обозначений, крупномасштабные рисунки инвентаря, большая часть которого была отреставрирована. Указано антропологическое определение, если оно есть, и возможная дата комплекса по типам вещей, аргументация их хронологии приведена в Томе I. Публикация является исчерпывающей, читатель получает практически всю информацию, содержащуюся в полевой документации и отчете.

В целом можно заключить, что рецензируемая книга, по сути первый для Калининградской обл. опыт изучения конкретного памятника исторической эпохи, — переломный момент в раннесредневековой археологии региона. Она не только вводит в научный оборот большой материал, но и предлагает новый углубленный анализ древностей Самбийского п-ова начала Средневековья, способный стать отправной точкой для последующих работ.

Национальный центр научных исследований, Париж

М.М. Казанский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зальцман Э.Б. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М., 2010 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 14).

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. М., 1990 (САИ; Вып. Г1-9).

Кулаков В.И. Пруссы (V-XIII вв.). М., 1994.

Кулаков В.И. Ирзекапнис // Неславянское в славянском мире. СПб.; Кишинев; Киев; Бухарест, 1999 (STRATUM plus; № 5).

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

Кулаков В.И. Доллькайм–Коврово. Т. 1. Исследования 1879 г. Минск, 2004.

Кулаков В.И. Доллькайм–Коврово. Т. 2. Исследования 1992–2002 г. Минск, 2007.

Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. М., 2009.

Пронин Г.П., Смирнова М.Е., Мишина Т.Н., Новиков В.В. Могильник Поваровка X–XIII вв. (Калининградская обл.). М., 2006 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 8).

Харке Г., Савенко С.Н. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. 2000. № 1.

Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spiegel reicher Grabfunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 20. Mainz, 1973.

Skvorzov K.N. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa. 2007. Bd. 61/62.

Ch. Herrmann. MITTELALTERLICHE ARCHITEKTUR IM PREUSSENLAND. UNTERSUCHUNGEN ZUR FRAGE DER KUNSTLANDSCHAFT UND -GEOGRAPHIE. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2007

Опубликованный в 2007 г. капитальный труд проф. К. Херрманна (формат ин-фолио, 816 стр., около 2000 илл.) посвящен истории средневековой архитектуры Пруссии — теме, по нескольким причинам близкой российскому читателю. Во-первых, многие из памятников, упоминаемых в данной работе, находятся на территории Восточной Пруссии, ныне — Калининградской обл. России. Во-вторых, в последнее время исследователи древнерусского зодчества все чаще обращаются

к изучению средневековой европейской архитектуры, пытаясь обозначить точки соприкосновения между памятниками, расположенными на сопредельных территориях. Особенно актуальна данная книга в свете масштабных работ по изучению и реставрации Владычной (Грановитой) палаты Новгородского кремля, которые с 2006 г. ведутся группой архитекторов-реставраторов и археологов. Наконец, на наш взгляд, это сочинение может стать образцом как для историков архитектуры,

так и для археологов, готовящих к публикации исследования, в которых рассматривается большое количество памятников.

Монография К. Херрманна состоит из двух основных частей, объединенных в одном томе: собственно текста, разделенного на семь глав, и каталога памятников, дополненного указателями и списком использованных источников и литературы. В первой главе ученый определяет объекты исследования, обозначает его цель, задачи и показывает методику изучения вопроса. Объекты изучения – сооружения разных типов (церкви, городские укрепления, ратуши), построенные на территории Пруссии с XIII по первую четверть XVI в., т.е. в эпоху существования Тевтонского ордена. Цель исследования - наиболее полная характеристика архитектуры этого периода. Основные задачи - составление типологии строительных и декоративных форм, определение датировок конкретных памятников и отдельных архитектурных деталей; составление карт распространения основных строительных приемов, декоративных и конструктивных элементов; выявление источников данных форм и путей их дальнейшего развития; оценка качества рассматриваемой архитектуры; выявление возможного влияния исторических событий на процесс строительства. Особый интерес представляет развернутое описание методики исследования темы. В качестве начального этапа автор обозначает процесс каталогизации памятников, затем выстраивает типологические ряды для конструктивных и декоративных форм и строительной техники. При этом сбор и анализ типологических данных проводится с использованием компьютерных программ по созданию баз данных, собранный материал отражается на картах с помощью геоинформационных программ. Подробно рассматривается и методика датирования памятников с выделением трех основных способов: по письменным источникам, строительным особенностям, сравнительным стилистико-типологическим характеристикам. этап – создание сравнительной характеристики архитектурных особенностей памятников различных регионов средневековой Пруссии. На заключительной стадии К. Херрманн предполагает рассмотреть архитектуру этого времени в широком историческом контексте.

Вторая глава посвящена обсуждению комплекса методов, который буквально можно перевести как "география искусства" (Kunstgeographie). Под этим термином обычно подразумевается геополитический подход к интерпретации искусства (в данном случае, архитектуры), выделение характерных архитектурных черт в соответствии с культурной, социополитической и климатической спецификой исторических ландшафтов. Данная методология, оформившаяся в 1930-х годах, скомпрометировала себя тем, что связывала стилистические черты памятников архитектуры данного региона (территории Тевтонского ордена, Пруссии, Польши и всей немецкой Прибалтики в целом) с романтическими представлениями о духе народа или племени, а также с откровенно расистскими теориями. Позднее, правда, "архитектурная география" методологически переосмыслялась в социополитическом ключе, и тогда заново были определены такие категории, как "политическое пространство", "территория" и т.д.

Особое внимание автор уделяет термину "колониальное искусство". По мнению ряда немецких исследователей, это не просто искусство колонизированных славяно-балтийских земель, а искусство народа-культуртрегера. Характер его сформирован ситуацией, при которой традиции, присущие этому народу, реализуются на абсолютно пустом в архитектурном, да и в культурном отношении пространстве.

Развенчивая эту теорию, К. Херрманн указывает на то, что очень сложно доказательно выделить ту или иную архитектурную черту как признак именно восточно-немецкого колониального стиля или как следствие каких-то особых условий жизни

немецких переселенцев на новых землях. Автор выделяет в историографии две основные тенденции в интерпретации архитектурных форм: либо предпринимается попытка свести дело к специфике менталитета мастеров и заказчиков, проявляющегося спонтанно и органически, либо ищется политическая подоплека сознательно осуществленной идеологической программы, т.е. исследователи пытаются расшифровать некое идеологическое послание. Оба подхода зачастую наталкиваются на субъективность исследователя и малую информативность письменных источников (или же полное отсутствие последних).

Несмотря на всю осторожность автора по отношению ко всем проанализированным методологическим подходам, он не считает целесообразным полностью сбросить со счетов существующую традицию *Kunstgeographie*, однако свое исследование рассматривает как эксперимент, заведомо лишенный всякой идеологической нагрузки. К. Херрманн предпринимает попытку построить типологию архитектурных признаков немецкого церковного строительства на колонизованных землях и на этой основе выяснить, насколько полученные результаты могут быть соотнесены с социополитической спецификой данного региона и его субареалов.

В третьей, историографической главе, подробно рассматривается состояние изученности вопроса в немецкой и польской научной литературе. Автор выделяет наиболее значимые исследования, изученные темы, сопоставляет подходы, характерные для немецкой и польской литературы, и обозначает вопросы, которым в публикациях пока не уделялось достаточного внимания (вопросы каталогизации памятников, изучение сельских храмов и пр.).

В четвертой главе анализируются основные характеристики различных типов построек: церквей, городских укреплений, ратуш. В ней также определяются наиболее характерные декоративные формы, строительные материалы и техника строительства, пропорциональный строй построек этого времени.

Пятая глава посвящена вопросам организации строительства в средневековой Пруссии (заказчику, строителям, затратам на строительство и вопросам его финансирования). Благодаря сохранившимся документам автор подробно рассматривает давно интересующие историков русской средневековой архитектуры сюжеты, которые очень сложно изучать на древнерусском материале из-за нехватки источников.

Особый интерес представляет шестая глава, в которой исследуются вопросы появления и развития определенных конструктивных и декоративных форм в архитектуре средневековой Пруссии. В первой части главы автор изучает возможные источники появления в прусской архитектуре определенных конструктивных и декоративных форм. Так, например, ц. Св. Елизаветы в Марбурге рассматривается К. Херрманном в качестве прообраза для храмов в регионе Кульм, а храм Св. Иакова в Торне, по его мнению, построен по образцу известного кафедрального собора в английском Линкольне и т.д. Далее К. Херрманн прослеживает этапы развития и распространения основных конструктивных и декоративных форм, тщательно выстраивая цепочки от памятника к памятнику, наглядно показанные с помощью многочисленных схем. Затем обращается к примерам различной интерпретации близких архитектурных форм, обусловленной функцией постройки или концептуальными моментами (например, связью между литургией и архитектурными формами). В заключительной части главы он анализирует воздействие архитектуры средневековой Пруссии на зодчество соседних земель (Литвы, Мазовии и др.), а также обращается к "готике после готики" - к памятникам с готическими чертами, возникшим на данной территории уже после 1525 г.

Заключительная, седьмая глава посвящена развитию архитектуры и в целом "архитектурному ландшафту" средневековой Пруссии. Проведенный в предыдущих главах типологический и стилистический анализ архитектурных форм, выявление их источников и развития формируют надежную исследовательскую базу и позволяют автору в заключительной части монографии выстроить последовательную линию развития архитектуры в данном регионе. При рассмотрении этой темы К. Херрманн использует типологический принцип начиная с описания замков и городских укреплений, затем обращаясь к истории церковной архитектуры и завершая историей строительства зданий ратуш. Далее подводятся итоги исследования, целостно рассматривается "архитектурный ландшафт" средневековой Пруссии (особенно важно то, что в книге исследуются не только городские памятники, но и сельские храмы земель Тевтонского ордена), подробно анализируются этапы развития стиля в эту эпоху, заостряя внимание на стадиях формирования региональных особенностей зодчества.

В заключение автор возвращается к сформулированному в начале книги вопросу: "Возможна ли новая перспектива для архитектурно-географического метода, если попытаться модернизировать методы анализа?" На этот вопрос К. Херрманн дает утвердительный ответ. Результаты проведенного на примере средневековой Пруссии исследовательского эксперимента показали, что действительно существует особый архитектурный ландшафт, который может быть эмпирически выявлен и очерчен. Можно выявить и реконструировать временные и пространственные стадии развития, а также различные влияния других регионов. При этом архитектурный ландшафт не является твердым монолитом: выделены особые линии развития, небольшие самостоятельные ландшафты внутри более крупных, а некоторые явления не поддаются объяснению.

Вновь обращаясь к методике исследования, автор констатирует важность эмпирико-статистических и описательных методов анализа с использованием баз данных и геоинформационных систем ("искусствоведческая статистика"). Рассуждая о характере зависимости архитектуры от социоисторических факторов, К. Херрманн отмечает, что исследование показало определенную зависимость развития архитектуры Пруссии от многих внешних факторов. Эта историческая обусловленность многих архитектурных явлений отнюдь не означает, впрочем, что за строительными формами стоят прямые политико-идеологические интенции или же некий народный характер, как это предполагалось в старой исследовательской традиции. Предпочтение тех или иных деталей было мотивировано прежде всего эстетически. В средневековой Пруссии, под влиянием западных прибалтийских земель, сформировался собственный стиль в строительстве и декоре, устраивавший все социальные группы переселенцев, а также часть ассимилированного местного населения. На протяжении почти 200 лет он определял общественное светское и церковное строительство.

Завершая свое исследование, автор предполагает, что модели развития и распространения региональных признаков, близкие тем, которые были им выделены на примере архитектуры Пруссии, можно встретить также и в архитектуре других областей средневековой колонизации.

Санкт-Петербургский государственный университет

Исследовательскую часть сопровождает внушительный каталог памятников, в который вошли сведения о 427 средневековых прусских постройках, ныне находящихся на территории Польши и России. Каталог построен по алфавитному принципу (за основу берется историческое, а не современное название). Каждая статья включает восемь основных разделов: 1) тип постройки (например, "сводчатая зальная постройка с прямоугольным хором и контрфорсами"); 2) современное состояние и характер использования средневековой части (здесь же приводятся сведения о более поздних ремонтах и перестройках сооружения); 3) строительные материалы, использованные при сооружении данного здания; 4) описание постройки; 5) датировка; 6) сопоставление с другими памятниками; 7) значение памятника для истории средневековой архитектуры; 8) ссылки на основные публикации, посвященные памятнику. Статьи каталога сопровождаются фотографиями общего вида построек, а также деталей убранства фасадов и интерьеров, некоторые статьи снабжены планами зданий, многие из которых выполнены автором книги. Таким образом, благодаря данному каталогу читатель получает подробную, удобно структурированную информацию о столь разнообразных постройках средневековой Пруссии.

Конечно, жанр каталожной статьи не предполагает подробного анализа публикуемых построек, кроме того, автору, видимо, не удалось найти обмеры всех зданий, вошедших в каталог, поэтому не каждая его статья снабжена чертежами (особенно это касается сооружений на территории Восточной Пруссии). Огромный объем сохранившихся памятников позволяет К. Херрманну практически обходиться без данных, полученных в ходе архитектурно-археологических работ. В этой связи рецензируемая монография предлагает очень много тем для продолжения исследования - это касается как отдельных построек, так и многих важных аспектов и сюжетов, затронутых в книге (например, организация и финансирование строительства, изучение строительных материалов, источники и бытование отдельных архитектурных элементов и пр.). В монографии и каталоге мы находим детальные описания и фотографии конструктивных и декоративных форм, деталей, строительных материалов, которые могут быть рассмотрены в качестве аналогий при изучении средневекового новгородского зодчества, в частности строительства архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского на новгородском Владычном дворе в 1430-1460-х годах, которое осуществлялось при деятельном участии немецких мастеров (Владычная палата 1433 г., ц. Св. Сергия Радонежского 1459 г., Никитский корпус середины XV в. и др.).

Труд профессора К. Херрманна — не только капитальное по замыслу и образцовое по выполнению исследование, посвященное средневековой архитектуре, но и "звонок" для российских ученых, мало занимающихся изучением памятников Восточной Пруссии: фотографии в книге показывают, что большая часть памятников средневековой немецкой архитектуры на территории Калининградской обл., увы, лежит в руинах. Остается надеяться, что публикация книги К. Херрманна поможет спасти эту важную часть мирового культурного наследия, волею судеб оказавшуюся на территории России.

И.В. Антипов

ХРОНИКА

КРУГЛЫЙ СТОЛ "АРХЕОЛОГИЯ И БОЛЬШОЙ НАРРАТИВ РУССКОЙ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ПРОШЛОГО"

Круглый стол прошел 8 июля 2011 г. в Общественной палате Российской Федерации (ОП РФ). С предложением о его проведении выступили Комиссия по науке и инновациям и Рабочая группа по совершенствованию законодательства в области сохранения археологического наследия ОП РФ. Предложение нашло поддержку у Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) и Института археологии РАН (ИА РАН), так как это уже второй круглый стол, посвященный проблеме фальсификации исторических источников с участием археологов. Первый - "Фальсификации источников и национальные истории" (Актуальное прошлое: наука и общество) - был проведен в сентябре 2007 г. ОИФН РАН (см.: Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов / Отв. ред. А.Е. Петров, В.А. Шнирельман. М., 2011 (Актуальное прошлое: наука и общество)). Основной темой для круглого стола 2007 г. послужили поддельные письменные источники ("Влесова книга" и др.). При этом выяснилось, что разбор случаев фальсификации и иной "порчи" источников археологического характера имеет свою специфику и что потребность в нем чрезвычайно остра.

Археология – очень мощный инструмент для верификации фактов истории, и в борьбе с попытками сознательно исказить прошлое, что недавно доказала дискуссия о "новой хронологии", это особенно важное направление. Но есть и другая сторона: в последние десятилетия и сами объекты археологии (движимые и недвижимые), и их интерпретацию активно используют в политической игре самые разные социальные группы - конфессиональные, квазипартийные и пр. Данные археологии, сознательно или невольно, превращают в материал для создания мифологизированных псевдонаучных картин прошлого. Ведь археология словно манит политиканов всех мастей кажущейся доступностью своих материалов для субъективной, произвольной интерпретации, а также своей яркой, броской оболочкой, привлекающей внимание широких масс населения. Националистические, фундаменталистские, популистские и иные политические группировки охотно используют подтасованные факты археологии в своей игре, применяя ложные (паранаучные) теории и гипотезы, ангажированные или просто заказные. Их приемы довольно разнообразны и не сразу распознаются даже добросовестным потребителем научного продукта – ученым-историком, если он по профессии не археолог.

Важное свойство археологии заключается и в том, что именно она отвечает за памятники древности — важнейший национальный ресурс, утрата которого приведет к утрате ранней истории Отечества. Покушения на их сохранность со стороны "нелегальных копателей" становятся все более дерзкими и массированными, что угрожает навсегда превратить многие зоны нашего прошлого, сегодня еще доступные исследованию, в "белые пятна", тем самым сделав их областью недобросовестных, спекулятивных построений, прямо соседствующих с фальсификациями. Ведь характер археологических памятников как особого исторического источника требует для достоверного прочтения специальных знаний, что и создает удобную почву

для манипулирования археологическими фактами амбициозным дилетантам и недобросовестным профессионалам.

Осознав опасность этих явления для академической науки, исторического сознания и для российского общества в целом, организаторы круглого стола сочли необходимым собрать ученых, готовых координировать усилия в борьбе с нарастающей угрозой искажения картины далекого прошлого с целью противодействовать фальсификации истории и развивающемуся национализму. Они признают необходимость актуализировать археологическое знание, более полно использовать археологические материалы для объективного освещения древнейшего прошлого Северо-Восточной Евразии, а также ранних этапов развития русской государственности и культуры и их места в мировой истории.

Участникам круглого стола было предложено осветить в дискуссии целый круг вопросов: роль археологии как инструмента контроля над прошлым в современном мире и борьба за овладение им на современном этапе; археологическая верификация основных событий, отраженных в "большом нарративе" отечественной истории и включаемых в ее стандартные курсы (археология освоения пространства; археология формирования национальной культуры; археология исторических битв и др.); воспитательные возможности археологии; практика раскопок и реальная политика (зарубежные экспедиции как инструмент влияния в сфере международных отношений; принципы взаимодействия с зарубежными учеными в исследованиях на территории России; их современная практика).

Тема ангажированных интерпретаций и прямых фальсификаций памятников раскрывалась на ряде важных направлений: формирование паранаучных националистических концепций происхождения индоариев и славян; "неоевразийские" концепции и археологические древности Сибири в контексте геополитики; "этнопроекты" Северного Кавказа; изучение полей исторических сражений и их роль в объективной оценке значимости событий военной истории. Особого внимания требует гонка за юбилейными датами городов и территорий и связанное с ней конструирование событий путем ложных идентификаций, включающих формирование "ложных погребений" (Юрий Долгорукий, Андрей Рублев, Иван Сусанин и др.).

Наибольшее внимание и самое горячее обсуждение сопровождало, однако, обсуждение темы, посвященной разрушениям археологических памятников нелегальными раскопками, и угрозе, которую представляет этот процесс для национального сознания. Много говорилось о проблеме исчерпаемости археологических ресурсов, о браконьерской "охоте за находками" и торговле ими, о формировании рынка товаров и услуг для браконьеров и, наконец, о подделке артефактов. Особый интерес вызвали попытки оценить размах и особенности легализации браконьерского поиска путем публикационной деятельности "поисковых группировок", о необходимости противостоять им, хотя бы в собственных рядах, путем выработки и принятия этического кодекса научной (легальной) археологии; об издательской стратегии научных изданий по отношению к нелегально полученным материалам.

Состав круглого стола формировался на основе обсуждения проблематики, в нем изъявили желание участвовать более сотни ведущих ученых (археологов, этнологов, историков) и общественных деятелей России, хотя из-за организации стола в разгар полевого сезона многие археологи и этнологи не смогли приехать.

Для обсуждения были предложены специально подготовленные выступления А.Е. Петрова «"Юбилейная лихорадка": блеск и нищета археологии» (ОИФН РАН; Координационный совет по делам молодежи при президентском Совете по науке, технологиям и образованию, Москва); Б.Г. Якеменко «Нелегальная археология на марше: новый этап активности "черных копателей"» (ОП РФ, Москва); В.В. Напольских "Этнические интерпретации в археологии: проблемы мифологии, методологии и подготовки кадров" (Институт социальных коммуникаций при Удмуртском государственном университете, Ижевск); В.А. Кореняко "Проблемы этики и признаки кризиса в археологии: основные аспекты и практические задачи" (Государственный музей Востока, Москва); А.В. Энговатовой "Методы противостояния нелегальной археологии и фальсификации картины прошлого" (ИА РАН, Москва); С.В. Кузьминых "Аркаим: мифы и реальность" (ИА РАН, Москва); Г.Ю. Ивакина "Фальшивый миллениум: лжеюбилей Софии Киевской" (Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев). В прениях выступили все присутствовавшие на круглом столе, в том числе П.Г. Гайдуков (ИА РАН, Москва), А.Г. Векслер, О.В. Зеленцова (ИА РАН, Москва), А.Р. Канторович (Московский государственный университет), Л.В. Кондрашов (Москомнаследие), С.Н. Кореневский (ИА РАН, Москва), Б.Н. Морозов (Институт славяноведения РАН, Москва), С.М. Шамин (Институт российской истории РАН, Москва) и др.

Во вступительном слове Л.А. Беляева "Право на археологию как право на прошлое: основные угрозы" (ИА РАН, Москва) были сформулированы главные направления, угрожающие научной археологии в России и мире. Во-первых, это социально-психологический фактор – самый всеобъемлющий, вырабатывающий угрозы археологии, науке в целом и даже самой когнитивной способности социума. В современном российском сознании постепенно стирается грань между реальным, проверяемым фактом, фантазией и прямым обманом. Это вызвано отсутствием самой потребности отличать действительность от вымысла, а также, конечно, слабой способностью значительной части реципиентов информационного потока к логическому рациональному мышлению. В результате общество теряет механизм отделения достоверной информации от зоны паранауки (fantastic archaeology) в разных формах. Во-вторых, это коммерциализация археологии и готовность ряда археологов не только участвовать в атрибуции артефактов с "непрозрачным" прошлым, но и помогать легализовать находки, а также отстаивать интересы браконьеров и оправдывать их деятельность (в первую очередь это касается сотрудников музеев), угрожающие, прежде всего, профессиональной этике. Сюда же можно отнести проблему, касающуюся публикации незаконно добытых вещей и ссылок на них, если они уже опубликованы. Однако это только часть проблемы "этика и коммерция". Велика опасность и со стороны коммерциализации самого процесса исследований, особенно принимая во внимание готовность части археологов участвовать в "очистке участков" от археологических объектов и формировать некачественные (в лучшем случае) отчеты и даже просто фальсификаты документации. В-третьих, это политизация археологии, в значительной степени опирающаяся на "инициативу снизу", от самих исследователей, стремящихся привлечь к своим работам внимание властей. (Заказная археология в этом отношении менее опасна, так как позволяет вести параллельный исследовательский поиск, как это было, например, при раскопках г. Батурин на Украине, не ставшего для России "второй Катынью" прежде всего потому, что работавшие там археологи в основном объективно освещали добываемые факты. Удается избегать ложных идентификаций и в работах, при проведении которых одной из сторон выступает Церковь.)

Главными средствами ответа на эти вызовы участники круглого стола признали активизацию действий ученых, заинтересованных в сохранении научных принципов археологии; передачу решения задач охраны памятников археологии экспертному сообществу в лице РАН (вплоть до делегирования части прав государственных органов); привлечение к решению проблем внимания общества.

Было отмечено, что право археологов на часть общегосударственных функций, которые они привычно и традиционно исполняли, в настоящее время ограничено; роль Академии наук в контроле за полевыми археологическими исследованиями ослаблена, и государство бессознательно (а иногда и осознано) выводит археологию из области науки, относя ее "по ведомству" хозяйства и землеустройства (в лучшем случае – культуры). В этом сказалась недооценка очевидной идеологической функции археологии, памятники которой – невозобновляемый и незаменимый ресурс России.

Практически все археологи оказались едины в признании необходимости возвращения традиционным экспертным сообществам ученых части государственных функций (так, как это осуществляется в области охраны чистоты русского языка и как это происходило в области археологии начиная с XIX в.). Общей была и поддержка прозвучавшего на круглом столе предложения закрепить права на исследование памятников археологии за специальными государственными институтами, университетами и музеями, изъяв их из списка разрешенных видов частной деятельности, хотя невозможность такого решения в ближайшие годы была очевидна.

Необходимы и новые формы взаимодействия тех, кто не отказался от взгляда на археологию как на науку с фундаментальными задачами, как на область получения объективного знания, как на специальную историческую дисциплину. Научному сообществу необходимо заново заняться "своим домом" — выработать механизм верификации процессов отечественной истории методами археологии (процесса освоения пространства, формирования культуры, восстановления конкретных исторических событий).

В принятой на круглом столе резолюции были высоко оценены возможности археологии в противодействии попыткам фальсифицировать историю, и отмечена необходимость выработать коллективную позицию в этом вопросе. В связи с опасностью этого явления для науки и общества, участники предложили координировать усилия ученых на этом направлении; четче обозначить позицию археологии как науки, противостоящей искажению истории; сделать круглые столы по противодействию лженауке регулярными (ежегодными или с двухлетним интервалом); публиковать материалы их дискуссий как непериодический продолжающийся сборник.

Институт археологии РАН, Москва

Л.А. Беляев

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ "ЛЕТНИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ШКОЛЫ АРХЕОЛОГОВ, РЕСТАВРАТОРОВ СНГ"

В связи с 20-летием образования Содружества Независимых Государств (СНГ) и объявлением 2011 г. Годом историкокультурного наследия в СНГ по инициативе и при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) был реализован масштабный межгосударственный проект "Летние школы археологов, реставраторов, организация молодежных археологических и реставрационных отрядов". Одним из основных мероприятий этого проекта стала Школа молодых археологов СНГ "Содружество во имя сохранения наследия. Открытия на стыке дисциплин и новые методы исследований".

Школа была проведена 3—12 сентября 2011 г. на базе Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (г. Кириллов, Вологодская обл.) Институтом археологии РАН (ИА РАН) при поддержке МФГС.

Работа Школы была организована в форме лекций, практических занятий, семинаров, круглых столов и экскурсий в рамках трех основных направлений: 1) сохранение наследия и противодействие незаконному разрушению памятников археологии; 2) современные методы и информационные технологии в теории и практике археологических исследований; 3) роль археологического материала в реконструкции исторических явлений и процессов. Выбор этих направлений неслучаен.

Угроза разрушения объектов археологического наследия в результате интенсивного строительства, промышленного освоения территорий, незаконных раскопок и других подобных явлений – общая и одна из наиболее острых проблем в области науки и культуры, стоящих сегодня перед государствами Содружества. Насущной необходимостью становится унификация подходов и методик работы в данной сфере, создание правовых основ и механизмов охраны и изучения археологического наследия, единых для всего постсоветского пространства. Эффективность этой деятельности напрямую зависит от консолидации усилий представителей науки, в частности молодого поколения исследователей, и государственных и законодательных структур на международном уровне.

Еще одна проблема, как показывает практика, общая для всех образовавшихся на территории бывшего СССР стран, — дефицит археологического образования. В этой связи полезными могут быть различные образовательные проекты, в том числе международные, направленные на знакомство начинающих исследователей с новыми данными и методами анализа. Они будут способствовать повышению профессиональной квалификации молодых специалистов, росту их исследовательского потенциала и подготовке кадрового резерва археологической науки в целом.

Наконец, выбор последнего направления работы Школы в Кириллове призван подчеркнуть исторические связи народов стран Содружества, обусловленные общностью процессов, происходивших на территории СНГ в прошлом. Памятники археологии – наше общее культурное достояние, и их полноценное изучение возможно только в едином контексте, путем объединения усилий ученых разных стран. Знакомство молодых исследователей с материалами из других стран и регионов позволит не только расширить их научный кругозор, но и перейти на новый уровень осмысления данных, существенно дополнив представления о культурных традициях и исторических судьбах наших народов.

При подготовке учебной программы Школы, вместившей около 70 академических часов, был сделан акцент на серьезные лекционные курсы, освещающие современные наработки и перспективные направления развития тех или иных областей археологии. Таким образом, в Кириллове прошла первая в новейшей истории Международная теоретическая гуманитарная Школа, аудиторию которой составили представители молодого поколения исследователей СНГ.

Слушатели Школы были отобраны по итогам научной экспертизы представленных ими инициативных проектов, направленных на решение проблем в сфере сохранения и изучения археологического наследия. В их число вошли 29 молодых археологов из 9 стран: Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Украины, Узбекистана, Таджикистана.

Лекторами стали ведущие специалисты в различных областях археологии, преимущественно сотрудники ИА РАН; однако для того чтобы представить картину археологических исследований на территории Евразии более широко, прочесть лекции были приглашены видные ученые других стран.

На торжественном открытии Школы с приветственным словом к ее участникам обратились первый заместитель губернатора Вологодской обл. И.А. Поздняков, директор Кирилло-Белозерского музея-заповедника М.Н. Шаромазов, директор ИА РАН, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, председатель Оргкомитета Школы, научный сотрудник ИА РАН, канд. ист. наук В.Е. Родинкова.

Началась работа Школы с серии обзорных лекций, демонстрирующих итоги и перспективы археологического изучения различных эпох и регионов Евразии. Важнейшие открытия последних лет, значительно расширившие представления об историческом прошлом государств Содружества, и основные направления развития археологии своих стран на современном этапе охарактеризовали канд. ист. наук М.К. Хабдулина (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан), канд. ист. наук А.Е. Симонян (Научно-исследовательский центр историко-культурного наследия, Армения), д-р ист. наук, проф. А. Блюене (Институт истории и археологии Балтийского региона, Клайпедский университет, Литва).

Продолжила этот блок лекция *Н.А. Макарова*, освещающая последние достижения в изучении одной из важнейших территорий Древнерусского государства — Северо-Восточной Руси. Использование обширного археологического материала и данных естественно-научных исследований позволило сделать принципиально новые выводы об истории расселения и экономическом развитии древнерусского населения в районе Белого озера и в Суздальском Ополье.

С новейшими результатами археологического изучения Древнего Киева слушателей Школы познакомил чл.-корр. Национальной академии наук Украины Г.Ю. Ивакин (ИА НАНУ, Украина). Раскопки Десятинной церкви, "Града Ярослава", Михайловского Златоверхого монастыря дали новый материал по истории зарождения древнерусской церковной архитектуры и позволили более полно раскрыть материальную и духовную культуру древних киевлян.

В лекции В.Е. Родинковой были представлены результаты полевых исследований, проведенных российскими учеными в последнее время на памятниках эпохи Великого переселения

народов в Курском Посеймье и Верхнем Подонье. Кроме того, было охарактеризовано современное состояние изучения одного из важных элементов раннесредневековой материальной культуры населения Поднепровья – комплекса мужских и женских украшений круга так называемых древностей антов.

Лекция А.В. Суворова (Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Россия) была посвящена результатам изучения мезолитического могильника Минино 2. На нем отмечен специфический погребальный обряд, включающий парциальные захоронения, расчленение тела погребенного перед захоронением, коллективные захоронения. Кроме того, А.В. Суворов познакомил слушателей с материалами из недавних раскопок на Охтинском мысу в Санкт-Петербурге, дающими представление об особенностях поселенческой активности на этой территории в эпоху неолита. Были продемонстрированы уникальные по своей сохранности рыболовные деревянные конструкции и другие находки.

В одной из лекций д-ра ист. наук Л.А. Беляева (ИА РАН, Россия) были подняты вопросы археологического изучения памятников церковной архитектуры Московской Руси. На примерах работ в Казанском соборе в Москве, ц. Вознесения в Коломенском, Ново-Иерусалимском монастыре в Истре (Подмосковье) были освещены проблемы консервации и музеефикации архитектурных объектов и использования архивных материалов в полевых исследованиях. Тему архитектурной археологии продолжил И.В. Папин (НПЦ "Древности Севера", Россия), подведший итоги многолетних раскопок на территории Кирилло-Белозерского монастыря.

Исследования российских ученых на Святой земле стали темой еще одной лекции *Л.А. Беляева*. Он осветил основные вехи деятельности Императорского Палестинского археологического общества (ИППО), положившего начало развитию русской археологии в Палестине в конце XIX в. Также были представлены результаты работ Иерихонской археологической экспедиции 2010 г. – первой российской экспедиции на Святой

земле более чем за 100 лет. Удалось выявить ранневизантийский церковный комплекс с цветными мозаиками и собрать обширную коллекцию артефактов. Она стала основой экспозиции, подготовленной ИА РАН для Музейно-паркового комплекса Российской Федерации (РФ) в г. Иерихон (Палестинская национальная администрация).

В рамках этого направления работы Школы был выполнен и ряд проектов слушателей, представленных и обсужденных на одном из круглых столов (руководитель - научный сотрудник ИА РАН, канд. ист. наук Д.С. Коробов). Выступления А.С. Арабей (Беларусь), Я.В. Володарца-Урбановича (Украина), А.В. Смокотиной (Украина), Т.А. Хорошун (Россия), Р.В. Тихонова (Россия) были объединены общей тематикой – изучением керамических комплексов от неолита до Средневековья как важной составляющей материальной культуры древних эпох. В проектах О.В. Манигды (Украина), Д.А. Костромичева (Украина), А.М. Мамедова (Казахстан), А.С. Жунисханова (Казахстан), Г.В. Сырбу (Молдова), Л.В. Ермураки (Молдова) раскрывались сюжеты, важные для понимания исторического развития конкретных регионов СНГ. Проекты А.А. Трошиной (Россия), И.Ю. Хрусталевой и Е.С. Ткач (Россия), Р.П. Смирнова (Украина) освещали результаты междисциплинарных исследований и применения к археологическому материалу естественно-научных методов анализа.

Центральное место в учебной программе Школы и по значению, и по интересу, проявленному слушателями, занял блок занятий, в ходе которых были рассмотрены современное состояние дел в сфере сохранения археологического наследия и актуальные проблемы охранных исследований.

Проблемам сохранения историко-культурного наследия в современной России посвятил свою лекцию *Н.А. Макаров*. В ней, среди прочего, была затронута и такая важная проблема, как востребованность результатов археологических исследований современным российским обществом.

На первой из цикла лекций, прочитанных канд. ист. наук И.А. Сапрыкиной (ИА РАН, Россия), слушатели ознакомились с историей организации охраны памятников в России и за рубежом. Большое внимание было уделено деятельности различных археологических учреждений в XIX-XX вв. и развитию законодательства в этой области. Особое значение имела лекция, в которой рассматривалась современная законодательная база, регулирующая отношения в сфере охраны археологических памятников. Были проанализированы статьи и положения конвенции Валетте, Конституции РФ, Федерального закона № 73. На примере деятельности французских археологических организаций И.А. Сапрыкина продемонстрировала методику охранных работ в Западной Европе. В отдельной лекции были охарактеризованы проблемы организации и проведения спасательных исследований, представлена схема археологических мероприятий, проводимых на разных стадиях проектирования и строительства. Отмечалась особая важность умения вести переговоры с заказчиком и грамотного подхода к оформлению сопровождающей документации.

Продолжил данную тематику круглый стол (руководитель — И.А. Сапрыкина), на котором обсуждались вопросы, связанные с незаконными раскопками памятников, взаимодействие специалистов-археологов со СМИ, а также роль пропаганды научного знания в контексте противодействия археологическому грабежу. Состоялся серьезный откровенный разговор, во время которого участники Школы, как слушатели, так и лекторы, рассказывали о наболевших проблемах, предлагали способы противоборства различным видам несанкционированных работ и сохранения памятников, делились опытом популяризации археологической науки. Подводя итоги, Л.А. Беляев подчеркнул необходимость соблюдения норм профессиональной этики, исключающей любые формы сотрудничества ученых-археологов с незаконными копателями.

Показательно, что половина всех принявших участие в работе Школы молодых ученых представила проекты, направленные на решение проблем в сфере охранной археологии. Они были обсуждены на двух круглых столах (руководитель -В.Е. Родинкова). Ф.А. Раззоков (Таджикистан), Р.Ф. Валиуллин (Россия), Ю.В. Юрковец (Беларусь), А.Ю. Друпов (Беларусь), А.А. Романчук (Молдова), Д.В. Лужанский (Кыргызстан), А.С. Яненко (Украина), К.Г. Варачёва (Украина), О.А. Заманов (Азербайджан), Я.А. Лукпанова (Казахстан), Т.Н. Лошакова (Казахстан), А.Е. Касеналин (Казахстан), С.К. Сакенов (Казахстан), У.Р. Халмуминов (Узбекистан) рассматривали различные вопросы сохранения, реставрации, музеефикации археологических памятников, возможности их использования как экскурсионных туристических объектов. Обобщая прозвучавшие выступления, следует отметить, что молодые археологи СНГ серьезно озабочены ситуацией, сложившейся в сфере защиты и сохранения культурного наследия, и готовы предпринять активные усилия для ее изменения. Кроме того, налицо стремление молодого поколения исследователей популяризировать достижения археологической науки, делая их достоянием широкой общественности и формируя позитивное общественное мнение.

Задачей третьего блока занятий Школы было представить методы получения, обработки и анализа данных, применяемые сегодня в полевой и кабинетной археологии. Цикл лекций и практических занятий канд. ист. наук Ст. А. Васильева (Институт истории материальной культуры (ИИМК) РАН, Россия) был посвящен современным приемам фиксации в процессе археологических раскопок и разведок с использованием электронных приборов и специализированного программного обеспечения. В лекционном зале и на раскопе, расположенном на территории Кирилло-Белозерского музея-заповедника, слушатели ознакомились с теорией и практикой работы с лазерным тахеометром, получили представление о методике

составления микротопографических планов, съемки ортофотопланов и аэрофотосъемки с помощью радиоуправляемой молели самолета.

Информационные технологии и недеструктивные методы исследования в археологии стали темами серии лекций Д.С. Коробова. Он продемонстрировал возможности применения географо-информационных систем (ГИС), данных глобального спутникового позиционирования и дистанционного зондирования памятников (магнитометрия, электрометрия, георадарные исследования и др.). Подчеркнув особую значимость междисциплинарного подхода к изучению объектов культурного наследия, Д.С. Коробов рассказал о масштабных комплексных исследованиях Каргалинского горно-металлургического центра в Оренбургской обл., Маяцкого археологического комплекса в Воронежской обл., а также памятников Кисловодской котловины, где использование указанных методов позволило получить весьма важные результаты. Во время сопровождавшего этот цикл лекций практического занятия слушателям было предложено попрактиковаться в работе с навигационными приемниками GPS и ознакомиться с основами применения компьютерных программ ГИС и данных дистанционного зондирования (ДДЗ).

Канд. ист. наук С.Д. Захаров (ИА РАН, Россия) представил методику раскопок по оператиграфическим горизонтам и промывки культурного слоя средневековых памятников. Значительное внимание было уделено статистической обработке полученного материала. На выездном практическом занятии, проводившемся на территории комплекса средневековых памятников Крутик, С.Д. Захаров рассказал об истории изучения комплекса, его топографии и стратиграфии. Участники Школы побывали на раскопе, где увидели, как происходит процесс промывки грунта из культурного слоя. Здесь же прошло практическое занятие И.А. Сапрыкиной по определению границ археологического памятника. Был сделан акцент на важности комплексного подхода и необходимости использования различных методических приемов для определения границ памятников: шурфовки, зондажа, бурения, сбора подъемного материала, применения блока естественно-научных методов и пр.

В русле третьего направления работы Школы была прочитана лекция Л.А. Беляева, характеризующая методы археологического изучения исторических некрополей на примере позднесредневековых христианских кладбищ. Были подняты вопросы идентификации погребений исторических лиц: захоронения Никифора Феотокиса в Даниловом монастыре (Москва), Дмитрия Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре (Суздаль), рассмотрена проблема "фантомных захоронений" – Андрея Рублёва в Андрониковом монастыре (Москва) и Ивана Сусанина в Костромской обл. Проблемы археологического вещеведения затрагивались в лекции В.Е. Родинковой. В ходе небольшого практического занятия по этой теме слушателям было предложено создать собственную классификацию коллекции значков.

Дополнила программу Школы серия учебных экскурсий, интерактивных занятий, ознакомительных выездов на памятники археологии и другие объекты культурного наследия. В частности, во время обширной экскурсии об музейному комплексу Кирилло-Белозерского монастыря, включавшей осмотр археологической экспозиции "Древности Белозерья", Н.А. Макаров прочел обзорную лекцию об истории изучения Белозерского края, современном состоянии, итогах и перспективах развития археологического знания в регионе. Посетив Белозерск, участники Школы не только увидели исторический центр города, Успенскую церковь, оборонительные валы, но и получили возможность окунуться в прошлое во время костюмированных интерактивных занятий, проведенных на базе ре-

конструированных средневековых объектов. Поездка к месту расположения летописного города Белоозера – археологическому памятнику "Старый город" – сопровождалась лекцией исследовавшего этот объект С.Д. Захарова, из которой слушатели узнали о методике проводившихся работ и особенностях материальной культуры древних белозерцев. Программа Школы включала посещение Ферапонтова монастыря, в частности, собора Рождества Богородицы, расписанного Дионисием и его сыновьями, и знакомство с уникальной методикой реставрации древних фресок, позволившей сохранить естественный облик живописи. Наконец, была организована экскурсия в Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, включавшая осмотр памятника архитектуры XVI в. — Софийского собора.

Торжественное закрытие Школы молодых археологов СНГ состоялось 12 сентября 2011 г. в конференц-зале Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в присутствии представителя МФГС советника Н.М. Гончаровой. В выступлениях участников проекта, как слушателей, так и лекторов, отмечалось, что Школа оказалась весьма полезной для расширения кругозора молодых специалистов и повышения уровня их квалификации. Итогом ее работы стало установление контактов между представителями молодого поколения археологов СНГ, обмен профессиональным опытом и возникновение интереса к дальнейшему общению и реализации межгосударственных исследовательских проектов. Кроме того, занятия в Школе стимулировали творческую и научно-организационную активность слушателей, продемонстрировав новые возможности и направления развития археологической науки в их странах и регионах.

Участники Школы разработали и приняли итоговый документ, в котором констатирована необходимость консолидации усилий ученых, прежде всего молодых специалистов, разных стран ради защиты, сохранения и изучения общего исторического наследия государств Содружества. Опираясь на итоги работы Школы, ее участники рекомендовали: проводить Международные Школы молодых археологов на постоянной основе, придав им тематический характер и расширив программы практических занятий; организовать постоянно действующую полевую межгосударственную исследовательскую Школу на одном из крупных памятников Евразии; продолжить организацию межгосударственных полевых археологических проектов; поддержать выработку унифицированных методов противодействия расхищению археологического наследия в результате нелегальных раскопок; наладить обмен информацией о новых научных проектах и методах исследований, работе по учету объектов археологического наследия и законодательных инициативах по их защите; установить взаимодействие между национальными научными школами для борьбы с распространением квазинаучных концепций, использующих археологические материалы для создания искаженной картины прошлого; уделить серьезное внимание пропаганде археологии как области исследования и сохранения культурно-исторического наследия стран СНГ.

По итогам работы Школы опубликован научно-методический сборник, включающий тексты части лекций и статьи, написанные по материалам проектов слушателей.

В рамках проекта "Летние школы археологов, реставраторов, организация молодежных археологических и реставрационных отрядов" были проведены также археологические и реставрационные школы и отряды в других странах СНГ.

Первой стала Летняя археологическая школа "Раннеземледельческая культура Саразма — памятника Всемирного наследия ЮНЕСКО". Она была проведена 20–25 июня 2011 г. Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан. Ее подготовкой руководил заведующий Национальным музеем древностей Таджикистана д-р ист. наук С.Г. Бобомуллоев. В работе школы приняли участие 19 молодых археологов из 6 стран СНГ. Ее целью было практическое знакомство слушателей с методикой исследования и сохранения объектов сырцовой архитектуры на примере такого всемирно известного памятника, как Саразм (г. Пенджикент). Участники школы прослушали серию лекций, освещающих историю и современное состояние археологического изучения Таджикистана, побывали с экскурсиями на памятниках Верхнего Зеравшана и в музеях Пенджикента и Душанбе.

Летняя школа "Исследование археологических памятников микрозоны Тринка (Единецкий р-он, Республика Молдова) как пример изучения культурного наследия древних обществ" была организована Центром археологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы под руководством директора Центра, д-ра ист. наук О.Г. Левицкого. Она проходила в два этапа с 8 июля по 19 августа 2011 г., ее участниками стали 26 молодых археологов и 10 лекторов из 9 стран СНГ. Школа имела полевую направленность: ее слушатели работали на раскопках палеолитической стоянки в гроте Тринка 3 и городища культуры Кукутень-Триполье Тринка-Ла Шанц. В рамках реализации проекта были проведены лекции, освещающие различные аспекты современной археологической науки, и круглый стол на тему "Специфика сохранения памятников археологии, расположенных в пещерах, гротах, под скальными навесами и т.д." Участники школы посетили с экскурсиями археологические памятники Среднего Попрутья и Среднего Поднестровья, Национальный музей археологии и истории Молдовы и историко-культурный комплекс Старый Орхей.

Летняя Международная школа "Исследование археологических памятников кочевых цивилизаций на территории микрозоны Иссык-Кульской котловины" работала 31 июля-10 августа 2011 г. Она была организована Учебно-методическим музейным комплексом "Чигу" при поддержке Института истории и сохранения культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики и Кыргызско-Российского славянского университета, руководитель проекта директор комплекса "Чигу" канд. ист. наук Л.Г. Ставская. В работе школы приняли участие 36 слушателей и 10 лекторов из 9 стран СНГ. Молодые ученые на практике ознакомились с методикой подводных археологических исследований и сами совершили погружения на дно оз. Иссык-Куль. Кроме того, они прослушали лекции, посвященные проблемам изучения кочевых цивилизаций, средневековых городов и объектов религиозно-культового назначения на территории Кыргызстана, и приняли участие в круглых столах, на которых обсуждались вопросы сохранения историко-культурного наследия в странах СНГ и методология современной археологической науки. В программу школы входили посещение памятников Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины и серия экскурсий.

Археологический отряд "Древние культуры Южного Кавказа" был проведен 1–31 августа 2011 г. "Обществом молодых ученых, аспирантов и магистров Азербайджана" под руководством заведующего отделом Института археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана канд. ист. наук Ф.Э. Гулиева. В рамках этого проекта молодые археологи из стран СНГ и Грузии приняли участие в раскопках памятника позднего неолита и энеолита (VII–VI тыс. до н.э.) Гёй-тепе в окрестностях г. Товуз. Для участников отряда были организованы экскурсии на археологические памятники разных эпох и осмотр ряда музейных комплексов.

Институт археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан под руководством директора д-ра ист. наук Б.А. Байтанаева провел 26 сентяб-

ря—10 октября 2011 г. Летнюю школу археологов СНГ "Древние и средневековые памятники Туркестана". Ее целью было ознакомление участников с объектами культурного и археологического наследия Южного Казахстана, поэтому основное внимание при подготовке школы было уделено организации экскурсий на памятники археологии, истории и культуры региона, в музеи и пр. Программа мероприятия также включала лекции, освещающие различные аспекты современной археологии Средней Азии. Во время практических занятий участники школы получили представление о методике раскопок и фиксации материалов на городище Туркестан.

22–28 августа 2011 г. на базе Невицкого замка в Закарпатской обл. Украины Научно-исследовательским институтом памятникоохранных исследований Министерства культуры Украины был проведен Реставрационный отряд СНГ, руководитель проекта — научный сотрудник Института Л.Н. Кириленко. В план работ входили осмотр и обмеры памятника и проведение семинара "Оборонительный комплекс Невицкого замка". Участники отряда также ознакомились с историей и основными архитектурными и строительными объектами г. Львов и осмотрели ряд архитектурных памятников Карпатского региона.

Познавательная летняя школа по восстановлению памятников архитектуры была проведена Центром реставрации памятников Министерства культуры Республики Армения под руководством А.С. Пилипосяна. В ее работе приняли участие около 20 человек из 10 стран СНГ. В программу школы входили лекционные и практические занятия, посвященные традиционным методам восстановления памятников архитектуры, проектированию по восстановлению памятников, реализации строительных работ (обработка, кладка камня, использование сложного раствора, укладка перекрытий традиционными методами).

14 сентября 2011 г. в Москве, в ИА РАН состоялась заключительная встреча по проекту "Летние школы археологов, реставраторов, организация молодежных археологических и реставрационных отрядов". На заседании Ученого совета ИА РАН в присутствии представителя МФГС Н.М. Гончаровой выступили с отчетами руководители летних школ и отрядов из Кыргызстана, Таджикистана, Азербайджана, Украины, Молдо-

Институт археологии РАН, Москва

вы, Казахстана, России. В ходе обсуждения результатов реализации проекта участники встречи, признавая, что историкокультурное наследие государств-участников СНГ – духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности, подчеркнули свою заинтересованность в интенсификации культурного и научного обменов, восстановлении и укреплении профессиональных связей археологов и реставраторов государств-участников СНГ.

Основываясь на итогах работы молодежных археологических и реставрационных отрядов СНГ, участники встречи приняли резолюцию, в которой рекомендовали: 1) на постоянной основе проводить теоретические Школы молодых археологов и реставраторов стран Содружества; 2) ежегодно создавать полевые археологические и реставрационные исследовательские отряды; 3) содействовать обмену опытом в предотвращении утраты наследия, провести Международную конференцию, посвященную нормативно-правовому обеспечению сферы охраны и управления культурным наследием; 4) наладить между странами Содружества обмен информацией о новых научных проектах и методических разработках в археологии и реставрации; 5) установить взаимодействие между национальными научными школами для противодействия распространению квазинаучных концепций, использующих археологические материалы для создания искаженной картины прошлого; 6) просить Совет по образованию СНГ, профильные Министерства государств-участников СНГ и МФГС рассмотреть возможность организации стажировок археологов и реставраторов в профильных учреждениях среднего и высшего профессионального образования стран СНГ; 7) организовать научные стажировки специалистов архивного дела; 8) уделять повышенное внимание пропаганде археологии как области исследования и сохранения историко-культурного наследия стран СНГ; 9) поддержать идею совместной разработки видеоэкскурсий по выдающимся объектам историко-культурного наследия СНГ.

Участники встречи выразили признательность Межгосударственному фонду гуманитарного сотрудничества государствучастников СНГ за поддержку проекта, а всем принявшим в нем участие странам — за хорошую организацию работы молодежных археологических и реставрационных отрядов.

В.Е. Родинкова, С.И. Милованов, О.И. Александрова

СТЕКЛО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ: ИЗУЧЕНИЕ И РЕСТАВРАЦИЯ

23–25 марта 2011 г. в Москве прошла конференция "Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация", организованная Институтом археологии РАН (ИА РАН) и факультетом истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РГНФ; проект № 11-06-06021-г). Конференция, посвященная комплексному изучению восточноевропейского стекла, проводилась в нашей стране впервые, поэтому ее главной целью было выявить круг проблем, интересующих исследователей стекла сегодня; оценить уровень применяемых методик; определить сильные и слабые стороны современного состояния изучения стекла.

В конференции приняли участие исследователи из России, Украины, Белоруссии, Польши, Словакии, Чехии – всего 47 специалистов. Россия была представлена участниками из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Твери, Самары, Волгограда, Уфы, Кирова. Широкий профессиональный круг специалистов, принявших участие в конференции – от преподавателей и научных сотрудников вузов и научно-исследовательских институтов до музейных сотрудников и руководителя Интернет-сайта, – и их география показали, заинтересованность в совместном обсуждении проблем, связанных с исследованием стекла.

Изучение стекла как исторического источника имеет в России длительную историю и значительные достижения.

Еще во второй половине 1950-х годов были заложены основы сразу нескольких отечественных научных школ и направлений, окончательно оформившихся в последующие 20 лет: формально-типологического и стилистического анализов; регионально-хронологического и системного подходов в изучении стеклянных изделий; исследование химии и технологии стекла. За годы исследований накоплен колоссальный опыт. В списке ученых, посвятивших труды этой теме, имена выдающихся отечественных археологов, искусствоведов и историков стекла. Участие в прошедшей конференции приняли создатели школ Е.М. Алексеева, В.Б. Ковалевская, З.А. Львова, Ю.Л. Щапова.

По замыслу организаторов в ходе работы конференции планировалось представить и обсудить результаты многолетнего изучения стеклянных изделий, опыт их реставрации и экспонирования, определить важнейшие направления будущих исследований.

Учитывая заинтересованность участников в совместном обсуждении перечисленных вопросов, доклады были распределены по пяти тематическим группам, соответствующим основным направлениям работы современных исследователей. Три из пяти групп были сформированы по хронологическому принципу, обусловленному специфическими особенностями стеклоделия и распространения изделий из стекла в конкретные исторические эпохи: 1) подходы и методы изучения стекла. Вопросы историографии; 2) древнее стекло (стекло I тыс. до н.э., позднеантичное и ранневизантийское); 3) стекло эпохи Средневековья; 4) стекло XVII—XX вв.; 5) реставрация и консервация. Стекло в музейных собраниях.

Однако проблемы, интересовавшие участников, выходили далеко за границы исключительно территориально-хронологического деления, и доклады, имеющие общий методический интерес, были представлены во всех тематических группах.

Доклады *Ю.Л. Щаповой* (Россия, Москва) "Мир древнего стекла" и *Ю.А. Лихтер* (Россия, Москва) "Основные направления изучения стекла в российской археологии второй половины XX в." были посвящены результатам работы первых поколений исследователей древнего стекла. Осмысление итогов этих работ должно стать основой для создания новых общих направлений и конкретных методик. На примере материалов могильника Дюрсо V–IX вв. *В.Б. Ковалевская* (Россия, Москва) в своем докладе "Бусы могильника Дюрсо V–IX вв. как хронологический источник: статистический и планиграфический анализ массовых и редких типов" продемонстрировала возможности созданной ею методики статистического и планиграфического анализов массовых и редких типов стеклянных бус для хронологических построений.

Среди рассматриваемых проблем наиболее спорные в отечественной науке — вопросы возникновения и развития стеклоделательного ремесла на территории Восточной Европы в разные исторические периоды. Определению признаков местного стеклоделия на примере средневековых древнерусских мастерских был посвящен доклад *Е.К. Столяровой* (Россия, Москва) "О признаках местного производства стекла (на примере Древней Руси)".

Горячие дискуссии исследователей вызывают вопросы о существовании и особенностях различных рецептов варки стеклянной массы, неразрывно связанные с проблемами применения известных и поиска новых методов анализа химического состава стекла. В выступлениях А.Н. Егорькова (Россия, Санкт-Петербург) "Взгляд на некоторые проблемы интерпретации состава древнего стекла" и Я.В. Френкеля (Россия, Санкт-Петербург) "Методические проблемы интерпретации результатов археометрических анализов древних стекол" были озвучены существующие в отечественной науке проблемы

интерпретации результатов анализов состава стекла. Очевидно, что к пересмотру старых и предложению новых подходов специалисты-археологи сегодня не готовы. Во многом это объясняется чрезвычайно узким кругом аналитиков, работающих с древними стеклами, отсутствием в научно-исследовательских учреждениях России достаточной для проведения анализов стекла технической базы. Еще одна причиной такого положения – обособленность специалистов из разных центров и отсутствие между ними постоянных профессиональных контактов, предполагающих обсуждения и научные дискуссии. Следствием недостаточного общения иногда становится ошибочный подход к интерпретации результатов анализов химического состава стекла. Примером этому могут служить выводы, прозвучавшие в докладах Р.Х. Храмченковой (Россия, Казань) "Особенности химического состава бус с раскопов Казанского кремля" и А.О. Кайсина (Россия, Киров) "Стекло Нового времени с раскопов Казанского кремля (некоторые итоги изучения)".

С.Д. Захаров (Россия, Москва) в докладе "Стеклянные бусы в археологических коллекциях: новые методы полевых исследований и проблемы интерпретации результатов" рассказал о новых методах полевых исследований и существующих в связи с этим проблемах интерпретации результатов раскопок. Он очертил круг ошибок, наиболее часто встречающихся при исследовании коллекций стеклянных изделий. Обращение к изучению стеклянных бус как археологической категории в контексте планиграфии и стратиграфии конкретного памятника открывает новые возможности получения исторической информации.

Доклады, посвященные методам исследования стекла, с одной стороны, показали стремление к активному поиску новых подходов, что в последние 20 лет позволило специалистам создать свои оригинальные методики и получить значительные результаты. С другой стороны, нельзя не признать того, что новые направления развиваются не достаточно быстро, круг специалистов, работающих над ними, слишком ограничен, новые методики медленно внедряются в практику.

Из-за сложности определения специальных методик наименее изученными по-прежнему остаются вопросы, связанные с торговыми путями, по которым стеклянные изделия попадали в Восточную Европу и затем распространялись по ее территории. Обзор достигнутых к настоящему моменту результатов, примеры успешного опыта и перспективы исследований в этом направлении были приведены в докладе И.Н. Кузиной (Россия, Москва) "Торговые пути и торговля стеклянными бусами в Древней Руси: состояние проблемы". Торговым и культурным связям населения Восточной Европы были посвящены доклады О.М. Олейникова (Россия, Москва) "К вопросу о времени поступления браслетов из свинцового стекла на рынок средневекового Новгорода" и О.С. Румянцевой (Россия, Москва) "Бусы Верхнего Подонья эпохи Великого переселения народов и культурные связи населения лесной и лесостепной зон".

Об итогах работы над стеклом античной Горгиппии рассказала *Е.М. Алексеева* (Россия, Москва) в докладе "Коллекция стекла античной Горгиппии". Совместно с Н.П. Сорокиной ею была обработана и опубликована коллекция стеклянных предметов, не уступающая по значимости лучшим музейным собраниям мира. Введению в научный оборот новых материалов, полученных при раскопках археологических памятников, и изучению старых музейных коллекций были посвящены доклады *Е.Е. Васильевой* и *Я.В. Френкеля* (Россия, Санкт-Петербург) "Стеклянные бусы из могильника Кичмалка II в Кабардино-Балкарии", *А.В. Лядовой* (Россия, Москва) "Стеклянная посуда из раскопок крепости Ильич на Тамани", *А.В. Мастыковой* (Россия, Москва) "Полиэдрические бусы из сине-фиолетового

стекла раннесредневекового времени в Северо-Западной России: технологическая характеристика, происхождение, распространение, датировка", Н.В. Ениосовой, Т.А. Пушкиной и Е.К. Столяровой (Россия, Москва) "Стеклянные шашки из раскопок в Гнёздово", Н.В. Тереховой (Россия, Москва) "Хронология и периодизация стеклянных бус Елизавет-Михайловского могильника", А.А. Тодоровой (Россия, Москва) "Стеклянные бусы из раскопок поселения и курганов у с. Шестовица: к вопросу об интерпретации археологического материала", И.А. Сафаровой (Россия, Тверь) "Актуальные вопросы хронологии стеклянных изделий из раскопок Твери".

Несомненной удачей конференции стали доклады, познакомившие ее участников с материалами, полученными в результате новейших археологических исследований. Коллекции стеклянных изделий из охранных раскопок в Киеве были представлены в докладе Н.В. Хамайко (Украина, Киев) "Стекло из раскопок торгово-ремесленных дворов Киевского Подола на улице Спасской", Е.Ю. Журухиной (Украина, Киев) "Украшения из стекла: тенденции и проблемы исследования находок Киевского Подола"; Нижнего и Среднего Поволжья - в докладах Н.П. Курышовой (Россия, Волгоград) "Изделия из стекла в погребальных памятниках XIII-XIV вв. Нижнего Поволжья", А.Ф. Кочкиной (Россия, Самара) "Стеклянные изделия на болгарских памятниках Самарской Луки", Д.А. Сташенкова (Россия, Самара) "Стеклянные бусы хазарской эпохи Самаро-Симбирского Поволжья"; Предуралья – в докладе Р.Р. Тамимдаровой (Россия, Уфа) "Стеклянные перстни средневекового городища Уфа-ІІ".

Возможности использования находок из стекла для социальных реконструкций в ареале черняховской культуры рассмотрела О.В. Гопкало (Украина, Киев) в своем выступлении "Стеклянные изделия в ареале черняховской культуры (социологический аспект)". Функции отдельных категорий вещей были представлены в докладах Ю.М. Лесмана (Россия, Санкт-Петербург) "Стеклянные гладилки: сырье в стеклоделии и инструменты обработки тканей" и О.П. Добровой (Россия, Москва) "К вопросу о ношении стеклянных браслетов в Древней Руси".

Одна из самых важных задач, стоящих перед археологами, - проблема датирования артефактов из стекла, так как зачастую в вещевых коллекциях, происходящих из раскопок, стеклянные изделия - единственные датирующие категории находок. В связи с этим особенно важны находки стеклянных бус. Для памятников Восточной Европы последней четверти I тыс. н.э. – рубежа I–II тыс. н.э. эталонной стала коллекция бус Старой Ладоги, опубликованная З.А. Львовой в Археологических сборниках ГЭ в 1970-х годах. За прошедшие с тех пор десятилетия многочисленные новые находки, сделанные в Старой Ладоге, на памятниках Русского Севера и др., применение новых методов раскопок неизбежно поставили вопрос о пересмотре "ладожской" хронологии стеклянных бус. Критике существующей хронологии и попыткам создания новой был посвящен доклад Я.В. Френкеля "Хронология бус Земляного городища Старой Ладоги: традиционный подход и методическая корректировка". Он перекликался с выступлением С.Д. Захарова, тем самым подтверждая серьезность стоящей перед исследователями проблемы. Новому обращению к бусам Старой Ладоги, введению их в исторический контекст З.А. Львова (Россия, Санкт-Петербург) посвятила доклад "Торговые пути завоза стеклянных бус в Ладогу по материалам бус салтовской культуры и данным булгарской летописи".

Несколько докладов были объединены находками восточного стекла на восточноевропейских памятниках. В докладе *С.И. Валиулиной* (Россия, Казань) "Исламское стекло в Восточной Европе X–XV вв." выделены три этапа и динамика поступления

ближневосточного стекла в Восточную Европу – на Кавказ, Среднюю и Нижнюю Волгу, в Крым и города Древней Руси. На третьем этапе – в XIII – XV вв. схожие тенденции прослеживаются и в других регионах Европы, что было наглядно продемонстрировано в докладах К.А. Лавыш (Белоруссия, Минск) "Находки восточного и византийского стекла на территории Беларуси" и Х. Седлачковой (Чехия, Брно) "Стеклянные находки ближневосточного происхождения в чешских землях".

Интересно отметить, что среди докладов отсутствовало специальное обращение к теме византийского стекла, наряду с "восточной" – одной из ключевых в истории средневековых стекол Восточной Европы.

Актуально прозвучали доклады, посвященные музейным коллекциям стекла Нового времени. Искусству витража был посвящен доклад Т.В. Княжицкой (Россия, Санкт-Петербург) "Витражи Императорского стеклянного завода в XIX в.", О.В. Лопатиной (Россия, Москва) "Витраж с изображением святой Урсулы из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. К истории класса живописи на стекле Центрального училища технического рисования барона фон Штиглица"; русскому варианту стекла "фасон де Венис" и его европейским прототипам - доклад Е.В. Долгих (Россия, Москва) "Стекло "фасон де Венис" в Европе и России". О.А. Долганова (Россия, Москва) в своем выступлении "Эгломизе в России. Конец XVIII – начало XIX в." рассказала об изделиях в технике эгломизе в собраниях музеев страны. Ее работа - единственное на сегодняшний день исследование в России, посвященное этой теме. Также прозвучал доклад О.М. Поляшовой (Россия, Москва) "Стекольные заводы графов Орловых конца XVIII – первой половины XIX в. Материалы по истории производства" об истории русских стекольных заводов.

В последнее время стекло Нового времени все чаще становится объектом исследования не только искусствоведов, но и археологов, и специалистов-технологов, что связано с расширением хронологических рамок археологических исследований. С этих позиций рассматривали стекло Нового времени Ю.А. Лихтер в докладе "Стеклянные бусы XVIII в. из раскопок в Москве, Вяземском регионе и Липецке" и Е.Ю. Починок и А.А. Чекановский (Украина, Киев) в докладе "Стеклянная посуда из раскопок на территориях киевских монастырей XVII–XVIII столетий".

Памяти Н.З. Куниной – крупнейшего специалиста, изучавшего и хранившего коллекцию античного стекла в собрании ГЭ, были посвящены доклад Н.К. Жижиной и Е.Н. Ходза (Россия, Санкт-Петербург) "Выставка и ее автор – от замысла к воплощению. Н.З. Кунина – исследователь античного стекла и хранитель эрмитажной коллекции" и сопровождавший его документальный фильм.

Большой интерес вызвало сообщение *Е.Н. Шарковой* (Россия, Москва) "Использование новых материалов для склейки и восполнения утрат на предметах из стекла как возможность улучшения их экспозиционного вида" о поисках новых методик и материалов для реставрации стекла.

Во время конференции прозвучали доклады и сообщения о находках стекла на территории Центральной Европы М. Карвовского (Польша, Жешув) "Развитие техники и технологии стекла кельтской латенской культуры: заимствование извне или собственное изобретение?"; Б.Ш. Шмоневского и Е. Сосновской (Польша, Краков) "Новые находки раннесредневековых стеклянных изделий из Пшемысля (Перемышля) (Юго-Восточная Польша)"; Д. Сташиковой-Щуковской (Словакия, Нитра) "Unusual Early Medieval glass technologies and their origin"; Х. Седлачковой (Чехия, Брно) "Средневековое стекло в Моравии между 1200 и 1550 гг.", "Стекло Великой Моравии в IX – начале X в."; Д. Заплеталовой и Л. Седлачковой (Чехия, Брно) "Стеклянные

кольца в Моравии в XI и XII вв." Знакомство с итогами работ зарубежных коллег показало, что отечественные исследования представляют несомненный интерес для мировой научной общественности. Необходимо дальнейшее развитие сотрудничества в области изучения стекла из археологических раскопок, обмен результатами работ и новыми методами исследований.

Участниками конференции много говорилось о необходимости регулярного созыва научных мероприятий, посвященных изучению стекла на территории Восточной Европы, и проведения круглых столов по наиболее острым вопросам.

Казанский (Приволжский) федеральный университет Институт археологии РАН, Москва Межрегиональная общественная организация "Наследие", Москва Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Важным результатом конференции можно считать образование Российского объединения историков стекла (РОИС), созданного с целью координации усилий специалистов разного профиля: историков, археологов, искусствоведов, музейных работников, реставраторов, художников, технологов, химикованалитиков.

К открытию конференции были опубликованы тезисы докладов (Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация: Тез. докл. науч. конф. М., 2011).

С.И. Валиулина И.Н. Кузина

Ю.А. Лихтер

Е.К. Столярова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AO AC	Археологические открытия. М.Археологический съезд	ЛОИА АН СССР	 Ленинградское отделение Ин- ститута археологии Академии наук СССР
АСГЭ	 Археологический сборник Государственного Эрмитажа 	МАВГР	 Материалы по археологии восточных губерний России. М.
BAC	 Всероссийский археологиче- ский съезд 	МАИЭТ	 Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.		Симферополь
ГАИМК	 Государственная Академия истории материальной Культуры 	МАМЮ	 Московский архив министер- ства юстиций
ГАПК	 Государственный архив Перм- ского края 	MAO	 Московское археологическое общество
ГИМ	 Государственный Историче- ский музей. М. 	МИА	 Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ДА	 Донская археология. Ростов н/Д. 	МИАД	 Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д.
ДБ	– Древности Боспора. М.	МИАР	 Материалы и исследования по археологии России. М.
ДВО РАН	 Дальневосточное отделение Российской академии наук 	МАЭ ОмГУ	– Музей археологии и этнографии Омского государственного
ЗООИД	 Записки Одесского общества истории и древностей 		университета
ИАК	- Императорская Археологиче-	HAB	 Нижневолжский археологиче- ский вестник. Волгоград
ИГАИМК	ская комиссия - Известия Государственной Академии истории материаль-	НА ИИМК РАН	 Научный архив Института истории материальной культуры РАН
****	ной культуры	ОПИ ГИМ	- Отдел письменных источников
ИИМК	 Институт истории материаль- ной культуры Академии наук 		Государственного историче- ского музея
ИМАИМ	СССР / РАН – Исследования и материалы Ар-	ӨР ГЭ	 Отдел рукописей Государ- ственного Эрмитажа
	тиллерийского исторического музея	ПСРЛ	 Полное собрание средневековых русских летописей
ЮАИЭ	 Известия общества археоло- гии, истории, этнографии 	ПУАК	 Пермская ученая архивная ко- миссия
ИСОНИИ	 Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института 	РА ИИМК	 Рукописный архив Института истории материальной культу- ры
КСИА	 Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин- 	РАИМК	 Российская Академия истории материальной культуры
	ститута археологии Академии наук СССР. М.	РГАДА	 Российский государственный архив древних актов
КФ ИА НАНУ	 Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины 	РГПУ	 Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

CA	– Советская археология. М.	ТР. КЧНИИ	- Труды Карачаево-Черкесского
САИ	 Свод археологических источников. М. 		научно-исследовательского института. Ставрополь
СГАИМК	 Сообщения Государственной Академии истории материаль- 	ЕПТ	Труды Государственного Эр- митажа
	ной культуры	ТПУАК	 Труды Пермской ученой архивной комиссии
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа	УИВ	Уральский исторический вестник. Екатеринбург
СОНИИ	 Северо-Осетинский научно- исследовательский институт 	УАС	Уральское археологическое совещание
СЭ	– Советская этнография. М.	УОЛЕ	- Уральское общество любите-
TAC	 Тверской археологический 	· oriz	лей естествознания
	сборник	ЦАНО	– Центральный архив Нижего-
ТВУАК	 Труды Вятской ученой архив- 		родской области
	ной комиссии	ЦГА УР	 Центральный Государствен-
ТОДРЛ	 Труды отдела древнерусской литературы М.; Л. 		ный архив Удмуртской Республики
Tp. BAC	 Труды Всероссийского архео- логического съезда 	BAR	 British Archaeological Reports. Oxford
Тр. ГИМ	 Труды Государственного исторического музея 	JAS	Journal of Archaeological Science